

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНЮЮ
БРАНЬ

18+

Евгений ГУСЛЯРОВ

Царевич Алексей

Гибель последнего русского

Евгений Николаевич Гусляров Царевич Алексей. Гибель последнего русского

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66817748

SelfPub; 2021

Аннотация

Самым страшным и таинственным событием времени преобразований Петра Великого стала гибель царского сына Алексея. Он стал знаменем старой, не желающей уходить с белого света Руси, и в истории его гибели можно угадать многие символы и предопределения. Это – книга фактов, необычной формы биографический роман, состоящий исключительно из свидетельств современников и участников той грандиозной драмы, из выводов непредвзятых историков, пытавшихся угадать смысл времени. Это роман особой документалистики, в которую вложены мысль и слово самой эпохи. В документах о человеческих судьбах есть захватывающее обаяние. Одной из задач моего повествования была опора на это обаяние и попытка подействовать документом на воображение читателя. Я добивался этого тут, как и в некоторых других моих книгах. Я бы хотел отнести свои поиски к несуществующему разделу науки, который можно бы назвать археологией духа.

Содержит нецензурную брань.

Евгений Гуслияров

Царевич Алексей. Гибель последнего русского

Из дневника читателя

Истоки нынешнего состояния России, конечно, в прошлом. Особенно в первом великом переломе её истории, который произошёл по воле Петра Великого. Русская Атлантида, жившая порядками царя Алексея Михайловича, погрузилась тогда в небытие. Общая драма Руси немедленно отразилась на человеческих судьбах. Самым страшным и таинственным событием того времени стала гибель царского сына Алексея. Он стал знаменем старой Руси, и в истории его гибели можно угадать многие символы и предопределения. Личную драму его легче всего будет понять, разобравшись по возможности в общей беде того времени. Старая Россия проиграла, и это стало личной интимной трагедией царевича Алексея Петровича. Великое содержание той драмы состояло в том, что намертво сошлись Прошлое и Будущее. Дополнительная беда в этом противостоянии такая, что побеждает в России всегда будущее, но это не всегда означает благо. У нас, в России, так даже наоборот. Каждая победа

светлого будущего приносит новые неизмеримые беды. Если бы иногда побеждало прошлое, может, не столь печальна была бы сегодняшняя наша жизнь. Царевич Алексей умирал в одиночестве. Его возможные сотрудники были растерзаны прежде. Те, кто ему сочувствовали, переоделись, перекрасились, приспособились. И остался он последним русским в истории, плохим или хорошим, того мы теперь не узнаем доподлинно. Но что он был таким русским, каких после него уже не было, это сущее. Я грущу о нём...

В этой книге предпринята новая попытка разобраться в трагедии, поделившей русское время на древнее и новое. Восстановить все возможные детали жизни, ставшей главной загадкой и главным содержанием сложнейшей эпохи русской истории.

То, что было прочитано мной перед тем, как появилась эта книга, вся эта масса бесчисленных документов, слов очевидцев и героев того времени побуждала на посильные размышления. Мне представлялись образы ушедшего времени между строк тех документов, слышались голоса, умолкшие три столетия назад. Воображение рисовало картины давно ушедшей жизни. Так является собственный опыт постижения истории. Каков он ни есть, а он дорог мне, поскольку этот опыт личный, мой собственный. По ходу чтения тех документов, которые собраны мной и обработаны для текста книги, у каждого читателя, коль скоро они явятся, будут собственные мысли и соображения, у каждого тоже свои. К

сожалению, я о них не узнаю. Тогда и придумал я по ходу чтения этих материалов записывать кое-какие свои мысли. Вот и выходит – то, что написано, является, некоторым образом, дневником читателя. Заметками, сделанными по ходу освоения разного рода документов и первоисточников. Заметки мои, повторюсь, субъективно, всякий заинтересованный человек при чтении тех же самых документов волен сделать свои выводы, и тогда история Петра Великого будет выглядеть совсем иначе. Всякий человек имеет право на собственную истину. И чтением последующего повествования, сделанного в форме систематизированного свода документов, воспоминаний современников и мнений известных историков каждому вдумчивому читателю предоставляется возможность обдумать собственную версию развернувшейся исторической драмы. В том предоставляется ему полная свобода. Жанр подобного изложения жизнеописаний придуман не мной. Первым это сделал В.В. Вересаев в ряде своих книг, лучшей из которых является замечательный по оригинальности биографический роман в документах «Пушкин в жизни». Во всех деталях этой своей работы я следовал названному образцу. Как и в некоторых других моих книгах. В документах о человеческих судьбах есть захватывающее обаяние. Одной из задач моего повествования была опора на это обаяние, и попытка подействовать документом на воображение читателя.

Я бы хотел отнести свои поиски и усилия к несуществующей

щему разделу науки, который можно бы назвать археологией духа. Или исторической реконструкцией человеческой души. Обычную археологию интересуют черепки и кости, разного рода ископаемые материальные свидетельства о живших когда-то людях. Это свидетельства внешних проявлений их жизни. Декорации, в которых они действовали. Можно без труда догадаться, что возможна и та археология, которая даёт возможность отыскать осколки человеческой души, окаменелости духа. Заметили ли вы, как разительно напоминают строчки, написанные рукой человека, порывистую строку кардиограммы. Это может подсказать, откуда является слово... Так вот, драгоценные россыпи окаменелостей духа легко обнаружить в старых рукописях, в старых письмах и дневниках. Тут есть слова, когда-то звучавшие на самом деле. Поступки, подлинность которых засвидетельствована в виде преданий. Можно даже восстановить мысли тех далёких людей. В самом общем виде их можно отыскать в летописях и литературных памятниках, в книжных листах подёрнутых волнующим цветом времени. В том числе даже и в фольклоре. Сказка и песня всегда формировала душу и склад русского человека. А сколько их в тех же допросных актах, которые заполняли сумрачные летописцы русского застенка.

С некоторого времени я испытываю огромную симпатию к тем людям, которые были на столетия моложе нас. И завидую им. Жившие в России восемнадцатого и девятнадцатого

веков и раньше испытывали ещё великий интерес к жизни. Они полагали, что следующие за ними поколения будут жизнестойки и любопытны. Они хотели говорить с ними. Писали дневники и письма, делали подённые записи. Они чужали ещё неповторимую цену каждого мгновения жизни... И это их желание говорить с нами, объяснить нам смысл своей жизни трогательно и достойно великого уважения и зависти...

В своих книгах я определённым образом хотел засвидетельствовать это уважение...

По слову, живому осколку души, легко бывает представить целиком живую душу, движение её и даже сами размеры этой души.

А, представив душу, легко судить о времени.

...Глухой страшной ночью с 7-го на 8-е августа 1689 года юный царь Пётр бежал из Преображенского в нынешний Сергиев Посад, в прочные стены Троице-Сергиевой лавры. Козни царевны Софьи показались ему в этот раз до смерти грозными. Пушкин, визнавший детали этого панического бегства, пишет, что весь этот путь Пётр проскакал без штанов на неосёдланной лошади. Расстояние от славного в русской истории села Преображенского до названного, ещё более славного, монастыря – шестьдесят вёрст – больше шестидесяти двух километров. Это был подвиг, совершить который можно было только не сознавая себя от ужаса. Пуш-

кин мог легко представить себе, что было с Петром после этого дикого марша. Он, Пушкин, сам когда-то проскакал, примерно, такое же расстояние верхом тоже на неосёдланной лошади, в штанах, правда. Ему надо было, во что бы то ни стало, повидать в последний раз своего лучшего друга, Кюхельбекера, которого везли по этапу в Сибирь через ближнюю к Михайловскому почтовую станцию. Пушкин потом две недели вынужден был лежать в постели, поскольку на разбитых в кровавый фарш ягодицах сидеть было невыносимо. Правда, можно было жить и действовать стоя. Такова была цена, которую заплатил Пушкин другу.

Петра тоже сняли с лошади и на руках отнесли в постель, потому что он не мог даже идти. И в этой постели он принимал первые осознанные и дельные решения, давшие ему, в конце концов, всю полноту царской власти.

На другой день туда прибыла и юная его жена Евдокия. Она не могла скакать на лошади, поскольку была на третьем месяце беременности. Был, выходит, и третий участник этой эффектной искромётной драмы. Медицина не сомневается, что физическое и духовное формирование не появившегося ещё ребёнка зависит от состояния материнского организма и тех событий, которые влияют на это состояние. Историки же, которые не боялись собственного воображения, задним числом решили, что эти события можно поставить эпиграфом судьбы, незадавшейся ещё во чреве матери.

Пётр специальными указами призвал в монастырь нужных ему людей. Одним из первых прибыл сюда генерал Патрик Гордон из Немецкой слободы. Отточенная всей прошлой авантюрной жизнью животная интуиция вновь не подвела его. Он приехал в монастырь с отрядом иноземных наёмников не потому, что ему интересно и дорого было будущее России. А лишь потому, что стрельцы грозились устроить надоевшим иноземцам грандиозный «немецкий погром», очередной очистительный шухер. В сущности, инстинкт самосохранения и гешефта, гнавший по земле этот таборный интернационал, спас заодно и Петра. Начиналось немецкое иго.

Тут же произошло ещё одно символическое действо. Царевич Алексей родился 18 февраля 1690 года в четвёртом часу ночи. На крестины его был приглашён, в числе многих, и упомянутый генерал Патрик Гордон, которому Пётр чувствовал себя обязанным теперь по гроб жизни. Вышел, однако, конфуз. Патриарх объявил, что присутствие нечистого верой басурманина на православном таинстве «неприлично». Пётр возражал, но не с той ещё свирепой настойчивостью. Гордон вынужден был покинуть это торжество. Царь был поставлен в очень неловкое положение. Так в первый раз царевич Алексей заступил путь будущему. Какие-то тайные колёсики, уже сбившиеся с осей, продолжали цеплять не теми зубьями не те приводы незадавшейся судьбы. Русь уходящая, не больно ещё, столкнулась чуть ли ни впервые с

Россией нарождающейся.

Трагического размаха это противостояние достигнет после первого возвращения Петра из заграницы. В России неудержимым половодьем разливался новый бунт. Русь царя Алексея Михайловича заявляла о своих правах. Стрельцы, опять подстрекаемые царевной Софьей, собирались сжечь Москву, наново возвести её на престол, до той поры пока не подрастёт царевич Алексей Петрович. Мятежников убедили, что монарх умер в чужих землях. Но на всякий пожарный готовились и к убийству неугодного им царя по пути его в столицу.

Так обстоятельства напомнили Петру, что у него есть наследник, и народ, в отличие от отца, имеет на него свои виды.

Тут началось следствие и розыск, которые в правление Петра будто и не кончались. Кнут стал первым символом нашего возрождения. Это было недобрым предзнаменованием для русских реформ. Пряников от них мы так и не дождались.

Политическое зрение Петра было особого свойства. Оно падко было на внешнее. Не подозревая, что может стать когда-нибудь посмешищем для Гегеля, он твёрдо верил, что форма и содержание совсем не противоположны друг другу. Что понятия эти неразличимы. Из первых поездок в Европу молодой русский царь вынес два сильнейших впечатления. Это был город Амстердам, игрушечный, пряничный, умытый и до блеска вычищенный. А ещё – английский парла-

мент. Двумя чудесами этими он был так поражён, что немедленно захотел оба их иметь у себя дома. Так возник Петербург, который далеко не Амстердам, но о нём пока говорить мы не будем. А о парламенте – продолжим.

В английскую думу уже тогда можно было приходиться почти всякому любопытствующему. Таким любопытствующим и случился тут Пётр 12 апреля 1698 года. Там видел он короля и диву давался, как непринуждённо и смело говорят с ним его подданные. Ещё более поражало, что они говорят ему правду, очень неудобную порой. Ему, Петру, переводили их речи. Тогда-то он и сказал крылатые слова, которых немало станет потом: «Весело слышать то, когда сыны Отечества королю говорят явно правду, сему-то у англичан учиться должно». Вот такое первое впечатление вынес он от европейского чиновника. Сыны отечества! И одеты они были под стать свободному слову – легко, чисто и целесообразно.

Отрубая бороды, часто вместе с головами, насильно переодевая коренного русака на английский и голландский манер, Пётр, в частности, хотел мгновенно получить того вылощенного веками парламентского бойца, преданного делу чиновника, наконец, какового можно бы назвать Сыном Отечества. Увы, глядя и теперь на пустынные лица наших парламентариев и прочих сановных людей, ничуть не тронутые мыслями о народной нужде, как, впрочем, и другими мыслями, достойными Сынов Отечества, я понимаю, сколь неисправимым оптимистом и прожектёром был Пётр Великий.

Прости меня, Господи, если я грешу против родины, но кажется мне теперь, что Россия плохая мать, коль веками плодит чиновных татей, а проходимцев наделяет властью, которая, по вере моей – дар Божий.

Вот откуда взялась та первоначальная непримиримость между устоявшейся Россией, и тем, что шло ей на смену. Пётр привёз в Россию Европу в виде пародии, обезьяньей ухватки. Этого не могли не чувствовать истовые русские люди в самом начале перемен. Этой Европе, в обезьяньем обличи, они и сопротивлялись. Чтобы стать Европой, России нужна была бы тысяча лет. Пётр сделал её Европой в два десятилетия. Понятно, что ничего, кроме карикатуры, получиться у него не могло. Эта уродливая личина жива до сих пор.

Что-то в высшей степени несолидное, несмотря на смерть и ужас, чувствовалось русскому человеку уже в самом начале петровских реформ. Вспомним, как он борется самоотверженно и самозабвенно с бородой. Изводит её с великим энтузиазмом, великим насилием и великим бесчестием, страхом.

И вот какое коварство истории. Не проходит и сотни лет после этой беспримерной борьбы, как та же Европа, с которой он берёт пример, оглядкой на которую сверяет каждый шаг, отрастила вдруг на своём лице ту самую бороду, правда постриженную и пахнущую духами. Интересно, доживи Пётр до той поры, применил бы он снова свои крайние ме-

ры, чтобы реставрировать русское лицо, вернуть ему прежнюю ненавистную бороду, как новый знак европейской культуры и европейского превосходства. Она, эта борода, в России вернулась даже на царские лица. Ведь одно это может пошатнуть мысль о величии и непоколебимой уместности всех без исключения его перемен.

А вообще, драма старой России начиналась задолго до того. Начиналась она с того, что слишком разными по политическому и житейскому темпераменту оказались два человека, которые олицетворяли в то переломное время старое и новое – царь Алексей и царь Пётр. Красно, порой, говорили русские историки. Вот, например, С. Соловьёв: «...царевич Алексей, похожий на деда – царя Алексея Михайловича и дядю – царя Фёдора Алексеевича, был образованным, передовым русским человеком XVII века, Пётр был передовой русский человек XVIII века, представитель иного направления: отец опередил сына!». Умри, Денис, лучше не напишешь. Пышно сказано. Но что из того вышло?

Не построив изящной и лёгкой рессорной кареты, Пётр захотел лихо прокатиться в старом рыдване, доставшемся ему от отца. Он впряг в него удалых наёмных рысаков. Езда, однако, пошла шибко тряская, и некоторой части пассажиров показалось лучше пойти пешком. Кто их может судить за это? Разница темпераментов давала двум этим порфириносам свои методы вершить державную политику. Разными,

конечно, были у них и представления о том, как приобщить свой народ к цивилизации и прогрессу. К трудным задачам этих рассуждений отношу я попытку уяснить себе стихийную программу оппозиционера-царевича Алексея Петровича. Он, разумеется, не составлял её. Он придерживался той, которая досталась ему готовой от уходящего времени. Не хотелось бы показаться излишне подробным, но это иногда мне нужно будет, чтобы портрет стал похожим не только внешне.

Однажды царь Алексей Михайлович, который обладал незаурядным писательским дарованием, изложил руководство держателям своего соколиного хозяйства. Читать его и теперь истинное наслаждение. Тем более что в этом частном документе можно найти великую драгоценность – чувства и мысли общего характера, свойственные государственному человеку предреформенного времени. Ну, а поскольку государственные люди того времени не были столь далеки от настроения и забот своего народа, как ныне, то можно угадать и малую толику общего настроения в стране России того времени. Есть в «Уряднике сокольничья пути» такие слова: «... Хотя мала вещь, а будет по чину честна, мерна, стройна, благочинна – никто же зазрит, никто же похулит, всякой похвалит, всякой прославит и удивитца, что и малой вещи честь, и чин, и образец положен по мере... Без чести же малитца и не славитца ум, без чину же всякая вещь не утвердитца и не укрепитца, безстройство же теряет дело и воставляет безделье». Вот какова его личная программа, универсальная про-

грамма русского хозяйственного человека, которую можно распространить и на домашние дела, и на дела державные. Алексей Михайлович считал, что всякое даже малое дело, доведённое до совершенства, украшает большой мир, делает его более устроенным и приспособленным к нуждам человека. Потихоньку, постепенно сделать так, чтобы привести всё в надлежащий лад и порядок, сделать всё «по чину честно, мерно и стройно», вот какова долгосрочная программа тех преобразований, которая мила была старому русскому человеку. А буде можно что приспособить к этому делу из иноземных мудрёностей, то и это сгодится, лишь бы оно не много вносило «безстройства» и не «воставляло безделья». Теперь такой ход дел называли бы эволюционным путём развития. Несомненно, это распространялось и на дела политики. Логически эту программу можно продолжить словами Пушкина, которого стоит причислить к сторонникам «тишайшего» царя Алексея Михайловича: «Лучшие и прочнейшие изменения (реформы, по-нашему – *Е.Г.*) суть те, которые происходят от улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества...» Это из «Капитанской дочки». Вот такой представляется любезная уходящему русскому характеру формула постепенного преобразования жизни. Русская Атлантида погружалась в историческое небытие с мыслью, что образцовым усовершенствованием всякого дела, выбранного с большим раздумьем, можно исполнить Божий закон на земле.

Много говорено о дремучей тупости и патологически упорном нежелании русского народа принять просветительские реформы Петра Великого. Это, конечно, с подачи лощёной шпаны из той же Немецкой слободы и разного рода высокомерных иноземных наблюдателей. Главное, что в этом они смогли убедить самого Петра: «Русский человек, ни за что сам не примется, пока его не заставишь», часто говаривал он. Непредвзятые историки полагают, что в этом была его величайшая ошибка. «Повторять с иностранцами, будто бы русский народ ненавидел образованность и вести его к просвещению можно было только страхом, насилием, или, как выражаются учёные немцы, просвещенным деспотизмом (aufgeklärte Despotismus), было бы клеветой на русский народ». Так считал, например, замечательный историк Николай Костомаров. Высокомерие обязательно соседствует с невежеством, поскольку не даёт взглянуть на вещи с тем благонамеренным любопытством, которое предшествует истине. Русский мыслящий человек никогда не был простым, тупым в своём упорстве ретроградом, страдающим идиосинক্রазией ко всякому новшеству. Дело было совсем в другом. Процесс царевича Алексея некоторым образом коснулся этой непрояснённой стороны старого русского сознания. И этим-то наряженный над ним (царевичем) розыск имеет особенный интерес. Вот что можно, к примеру, узнать об одной из загадочных личностей петровского времени Александре Кикине, который был не последним человеком среди

главных действующих лиц развернувшейся драмы. Он был когда-то близок Петру. Человеком был, несомненно, толковым, передовым. В конце концов, Пётр сделал его адмиралтейц-комиссаром. То есть, доверил его попечению одно из важнейших дел своего преобразования России. Значит, и Пётр не видел в нём ненавистного и тупого ревнителя старины. Между тем, этот Кикин был в постоянной плохо объяснимой оппозиции Петру. И мог бы сказать вслед за царевичем, что Пётр и сам ему «омерзел всеконечно».

Чего ему не хватало? В казённых бумагах Канцелярии розыскных дел именно этот вопрос и зафиксирован. Задал его на допросе сам беспощадный царь, ставший тогда наиболее дотошным и убийственно прилежным следователем. Царь спросил его в том духе, что умный человек, к каковым без сомнения относится Кикин, не мог ведь не думать о том, как всё плохо может закончиться? Вот как ответил ему Кикин: «Что ты толкуешь мне об уме? Ум требует простора, а с тобой было ему тесно». Какая мужественная красота в этом ответе! Это великолепный памятник всей той России, которая противостояла смертно и безнадежно Петру. Одни только эти слова заставляют подозревать всю тупую ограниченность того приговора, будто эта замшелая косноязыкая традиционная Русь мазохистски желала и дальше киснуть в суеверии, невежестве и дикости. Мыслящую Россию, прежде всего, раздражала и оскорбляла, восстанавливая против себя сама манера петровских преобразований, та духовная каба-

ла, при которой несчастьем было иметь собственный ум и собственный взгляд на вещи. В той России, которую создавал Пётр, умным мог быть только он сам. Он один знал, что нужно было России. Ему по штату полагалось всё знать лучше других. При Петре явилось не только абсолютное самодержавие, как принцип власти, но и абсолютное самодержавие духа, при котором становилось ненужным думать. Рабство налагалось не только на тело, но на душу и мысли. Вот почему в глухой оппозиции к нему оказалась не только и не столько тёмная и невежественная масса, но, может быть в ещё большей, мыслящая, элитная часть России... Кикин был предан смерти жесточайшей. Описывать её было бы мучительно... Добиваясь с таким упорством и смерти самого царевича, Пётр, мог руководствоваться, неосознанно даже, тайной убийственной неприязнью к чужой скрытой мысли, иной, чем его собственная...

По-другому мне трудно объяснить ту беспощадную настойчивость, с которой новая Россия добивалась гибели царевича Алексея...

Личную драму его легче всего будет понять, разобравшись по возможности в общей беде того времени. Если применить к той поре нынешние категории, то Петра можно назвать первым новым русским. Царевич же остался старым русским, со всем, что дорого было уходящей России.

Продолжу о некоторых причинах упорного и почти все-

общего противостояния Петру. О причинах, которые не соответствуют примитиву, распространяемому недоброжелателями русского народа. Это необходимо мне, чтобы лучше понять судьбу царевича Алексея Петровича, в которой как в капле росы, отразилась участь уходящей страны-сказки – Руси царя Алексея Михайловича. Которая, каюсь, из моего далёка представляется мне подобной чудному Острову-Буяну, русской Атлантиде... Дело, повторю, не в том, что Россия испугалась света из Европы, как боятся его запечные тараканы... Вот какой важный момент, по какой-то причине обойдённый историками, есть в том же деле царевича. Он, этот момент, как раз и говорит ещё об одном обстоятельстве, пытавшем грозную оппозицию миллионов, так обнадёжившую царевича. И о причинах которой недосуг было думать грозному царю до розыска. Пётр захотел вдруг остановить дело, которое уже успешно приближалось к нужному ему результату. Голландский резидент во время суда над царевичем доносил своему двору удивительное: «Мне, говорили что ген.-лейт. князь Долгорукий был дважды пытан и что признания его так поразили Царя, что Его Величество задался мыслью, не лучше ли положить конец всем допросам и дальнейшим разысканиям всей этой нити замыслов и интриг...».

Чего же испугался неустрашимый Пётр?

Он обнаружил, вдруг, что за ним пустота. Переодевшиеся в немецкое платье вельможи обновились только снаружи. В словаре современного воровского жаргона есть известное

слово «редиска», означающее нехорошего, ненадёжного человека. Придумали его творцы нового языка и юмористы с маузерами из знаменитого ведомства Феликса Дзержинского. Россия стала тогда огромным трагически-страшным огородом, где изобильно произрастала эта редиска. Спасительная мимикрия заключалась в том, чтобы подкраситься кумачёвым цветом снаружи, оставаясь белым внутри. Черезвычайная комиссия и создана была для того, чтобы точно распознавать вредный революции мыслящий овощ. Это не ново было. Ещё при Петре изобильно расплодилась редиска в немецких камзолах. Этот Василий Владимирович Долгорукий был ближайшим доверенным лицом Петра, крупной начальственной персоной в гвардии. Из материалов розыска можно понять, что огонь подобрался уже к избранному войску Петрову. Пётр впал в минутную растерянность, но скоро собой овладел, а Долгорукова казнить не велел. Призрачное восстание гвардии его остановило...

Откуда же эти оппозиционеры в ближайшем, казавшимся таким надёжным окружении царя-реформатора. Не обошлось и тут без тёмной личности светлейшего князя Александра Даниловича. Что бы там ни говорили, а именно Меншиков и его шальное счастье так же стали одной из начальных причин той упорной оппозиции, в которую ушли сливки общества, обладающие умом, соответствующей культурой и влиянием. Эта-то высокая оппозиция и образовалась как раз по поводу царёвой неразборчивости к любимцам и фавори-

там, а потом уже обернулась неприятием всех его преобразований. Царское ли это дело, дать первое место в душе и в державе беспородному, но наглому голодранцу с родословной не лучше, чем у подзаборного пса. И потом, эта немчурка, от которой прохода не стало. Рюриковичей и гедеминичей, вельможных бояр, вписанных в бархатную книгу родов, это могло уязвить в самое их нутро, в сердцевиновую глубину гордости, пышно взошедшей на генетической опаре, заквашенной в незапамятной древности. Тень Меншикова плотно застила взгляд даже государственной элиты на реформы Петра. Что уж говорить о народе.

Великая же беда для народа была, разумеется, и в том, что переделка России потребовала громаднейших денег. Благо от перемен предполагалось в отдалённом будущем, а разочарование пришло в момент. Народ и не догадывался о том, каково будет это благо, а непосильный гнёт выдавил уже все соки из него. Я попробовал себе представить, что стало бы, если в какой-нибудь стране, даже в нынешней парализованной России, ввели вдруг те же налоги, которыми третировал несчастную русскую чернь Пётр Великий. Я думаю, всё-таки взвыли бы народы, даже если бы объяснить все эти поборы самыми благими целями. Тем более что и мы этих реформ накушались досыта и цену их хорошо усвоили.

Вот краткий только перечень сборов, на которых держались петровские преобразования.

Налоги брали с «орлёной» бумаги (это так называемый

«гербовый сбор», им сопровождалось оформление всякого официального документа). Брали деньги, если рождался ребёнок. Если помер кто, к общему горю присоединялась ещё и немалая царская подать на мертвеца. Как же мог относиться народ к преобразованиям Петра, если его корабельная нужда потребовала введения даже этого налога на трупы... Всё, что попадалось царю-реформатору на глаза, немедленно облагалось сбором – свечи, лошади, бани, трубы, конская шкура, хомуты, дуги, бороды, усы, ульи, кровати, дрова, орехи, арбузы, огурцы, родниковая вода, рыба...

Обложив ещё и сортиры, Пётр вплотную приблизился бы в исторической памяти к римскому императору Веспасиану, обессмертившему себя циничной фразой: «Деньги не пахнут»... Да, ещё и гробы! Налог на гробы помимо трупов был верхом изобретательности преобразовательного царского ума. Они-то, гробы, надо думать, и приносили царской казне главный достаток. Люди при Петре мёрли, как мухи. Один Петербург потребовал от России, как утверждают иностранные резиденты и наблюдатели того времени, трёхсот тысяч жизней. Это, конечно, цифра не точная. Иноземцы всегда порочат, унижают и возвышают наши достижения, смотря по тому, какого они свойства. Но, и из наших лучших знатоков вопроса, ни один не знает даже, в какую сторону её, эту цифру, корректировать...

Народная масса, однако, волновала Петра мало. В отличие от чиновной и духовной элиты, она выступала открыто,

и тот же царевич, судя по некоторым данным, руководил жестоким подавлением, например, бунта Кондратия Булавина. Именно от него Пётр узнал о смерти этого яркого выразителя тогдашних народных настроений: «Милостивейший Государь Батюшка, получена здесь ведомость, что вор Булавин застрелился сам и войско его разбито. И которой с сим прислан из Азова, посылаю к тебе Государю, и с сею викториею поздравляю. Сын твой Алексей. Из Преображенского. Июля в 18 д. 1708». Возможно, Пётр, пытаясь приучить его быть государем в своём стиле, и поручил подавление народного бунта царевичу, чтобы поглядеть, как это у него получится.

Интересно было бы узнать, что при этом чувствовал царевич Алексей. Ведь уже в то время он испытывал к отцу все свои чувства в полной мере. Он не мог также не знать, что народ, в большинстве, разделяет по отношению к царю Петру очень похожее настроение, что Кондратий Булавин, в сущности, союзник его.

Не хочу быть несправедливым к нашим великим историкам, может, не все их тома я прочёл с должным вниманием, но заметил я у них мало сочувствия простому русскому человеку, которых у матушки России двяносто девять и девять десятых процента населения. А ведь это-то и есть питательная среда Истории. Я сам живу жизнью этого простого народа, и у меня есть основания думать, что народ должен бы шарaxаться от всякой реформы, даже от слова тако-

го, как чёрт от ладана. И началось всё это опять же от времён Петра. Всякая затея сверху, всегда неясная, всегда понимаемая превратно, обрастающая и направляемая толками и слухами, реально отражалась на простом человеке только новым лихом, политикой государственного грабежа и нищетою. При Петре народная беда достигла крайних пределов. Доказательством тому одна достаточно яркая картинка. На содержание двора своей немецкой невестки, жены царевича Алексея, Пётр выделил деревеньки с несколькими тысячами крестьян. Эти крестьяне в результате царских преобразований настолько обнищали, что принцессе пришлось самой их подкармливать, чтобы они не поумирали с голоду.

Времена менялись, но никак не менялось неуважение к народной нужде. Это стало самым стойким из наследия Петрова. Поразительной моральной слепотой отличалась даже избранная часть нации. В некоторых деталях быта этой элитной части народа был таков, что заставляет думать о большом дефиците нравственного чувства даже у тех, кто имел в душе подлинную искру божью. Когда-то я собирал материалы для книги «Лермонтов в жизни». Нашёлся для неё эпизод, который стоил мне немало душевного томления. Однажды кучка молодых светских шалопаев решила организовать пирушку в одном из знаменитых пятигорских гротов. Только на свечи, драпировку грубого камня и на шампанское был потрачен годовой сбор с нескольких крепостных деревень. А надо сказать при этом, что в деревнях этих лю-

ди никогда не знали достатка. Хотя бы такого, чтобы иметь хоть раз в неделю мясо во щах для детей. Никому, даже гениальному Михаилу Лермонтову, по случаю примкнувшему к этой кучке, не показалось тогда, что люди, так весело и бессмысленно предающие свой народ, обречены. Это глубокое отчуждение народа от собственной элиты, от тех, кто был призван устроить разумное и достойное существование его, окончательно оформилось и тянется у нас опять же со времён Петра. Чуждая власть делала чуждыми и все её затеи. Даже те, которые и на самом деле, могли обернуться благом...

«А все в Петербурхе жалуются, что-де знатных с незнатными в равенстве держат, всех равно в матросы и солдаты пишат, а деревни-де от строения городов и кораблей разорились...». Эти слухи доходили до царевича и тогда, когда был он в бегах.

Положение русской деревни с той поры мало улучшилось. Может ли эта деревня (сейчас это более трёх четвертей народной массы) понимать и боготворить реформаторов? Суть всякой русской реформы Николай Карамзин объяснил двумя фразами: «Говорят россиянам: было так, отныне будет иначе. Для чего? – не сказывают». И ещё: «...Всякая новость в государственном порядке есть зло».

Это не проходило бесследно. Вот самый краткий курс русской истории, начиная от смерти Петра. Народ, которому нечего было копить, кроме ненависти, становился всё реши-

тельнее и страшнее. Он накопил этой ненависти столько, что однажды она в одночасье смела всё, что дала петровская реформа почти за триста лет... Власть, бюрократию, иностранщину... Правда, взамен получили новых реформаторов, потом ещё новых. И так будет бесконечно.

Если вы хотите окончательно погубить Россию, не призывайте казней египетских на её голову, дайте ей реформаторов, так будет проще и надёжнее... Всё становится хуже, и только капитал ненависти растёт. Его не сдать в банк. Но кошмарные проценты с него иногда приходят по счетам. Вот о чём надо знать и помнить всякому правительству в России. Прошедшим, нынешнему и будущим тоже.

Выходит, отношение к себе и своему эксперименту над Россией Пётр знал. И не заблуждался в том, каково оно на самом деле. На смертном одре он скажет: «...я один тащил в гору, а миллионы – под гору».

Петру, по избытку сил, надобно стало затеять вдруг большое дело, а, если при этом в общем хаосе человек не знает равновесия и уюта, это уже его личное дело. Надо ли пояснять, что этот путь революционный, который Россия опробовала не однажды, и который в теперешнем и, видно, конечном итоге, ничего ей не принёс, кроме нищеты, бездарной власти, безысходности, лишил её всяческой исторической перспективы. Конечно, мне удивительны грандиозные усилия Петровы. Пётр один дал такой толчок русской истории, что потребовались недюжинные усилия науки, чтобы

осмыслить явления петровской эпохи.

Заодно, поглядеть, что было до Петра. И только тогда образовалась в отечественном знании наука русской истории. Был у нас один Нестор, а после Петра явились грандиозные Татищев, Болтин, Голиков, Карамзин, вслед за ними Соловьёв, Ключевский, Платонов, Бильбасов, да и ещё целая самородная россыпь. Личность и преобразования Петра стали почвой, на которой выросла великая русская историческая наука. Тем не менее, и тут можно сказать одно и то же: он хотел как лучше, потратил невероятные силы, а получилось...

И вот царевич стал знаменем обиженных и обделённых. Повторю, может и не совсем ещё осмысленно. Уходящая Россия, Русь царя Алексея Михайловича, сказочная и вещая, самобытная, таящая свои виды на будущее, тщательно пропалываемая Петром, в испуге и озлоблении столпилась вокруг царевича, выдвинула его вперёд.

Старая Русь действовала больше инстинктом. Ей было мало дела до того, что у царевича не было задатков вождя, что его слабая подпорченная натура не могла противостоять чудовищной воле царя.

В чём старая Русь видит главную беду. У неё отнимают Бога-отца. Её делают сиротой. Она видит наступление немцев. Её делают пленницей. Пётр шёл воевать другие народы, и не заметил, как покорили тихой сапой его собственный. Бирон стал первым итогом петровских преобразований.

Да, царевич был слаб и духом, и телом, и царь, упорно добивавшийся его смерти, боялся не его, а тех, что стояли за ним. Они-то и отличались немалым мужеством и волей. Вот эпизод, который произошёл сразу после смерти царевича Алексея Петровича. Царь Пётр без всякого перерыва продолжил бесконечную оргию трудов и разгула. У него всякое дело оканчивалось буйным праздником, как всякая патетическая строка в героическом житии заканчивается восклицательным знаком. И вот старая Русь вновь напомнила о себе беспримерным по отваге и бессмысленности подвигом. Некий подьячий Ларивон Докукин пробрался в праздной толпе близко к Петру. Но вовсе не для того, чтобы ткнуть его ножом. Он подал ему присяжный лист, каковыми печатные дворы наводнили тогда Россию. Подписавший такой лист обязывался служить новому наследнику престола двухлетнему Петру Петровичу. Кроме всего прочего, это обеспечивало на полтора десятка лет вперёд безопасность Екатерины, как матери наследника. И регентши, конечно, коль не стало бы Петра Великого. Вместе с этим продолжилось бы и безотчётное счастье Меншикова. Докукин же, от имени старой России, подал царю лично в руки означенный документ, в котором было заявлено: «За неповинное отлучение и изгнание от всероссийского престола царского Богом хранимого государя царевича Алексея Петровича христианскою совестью и судом Божиим и пресвятым евангелием не клянусь и на том Животворящего Креста Христова не целую и

собственную рукою не подписуюсь; ещё к тому и прилагаю малоизбранное от богословской книги Назианзина могущим внять в свидетельство изрядное, хотя за то и царский гнев на мя произлиется, буди в том воля Господа Бога моего Иисуса Христа, по воле Его святой, за истину, аз раб Христов Илларион Докукин страдати готов. Аминь, аминь, аминь». Это был решительное действие, подобное тому, когда бросают себя на амбразуру. Гадать, чего тут больше – безумия или отваги – дело бесполезное. Судить об этом могут только те, кто способен на подобный поступок. Его три раза подвергли жесточайшей пытке. Он никого не выдал, хулил Петра и Екатерину и кричал, что пришёл добровольно пострадать за правду и имя Христово. Его колесовали. Этот подвиг Докукина, ничего не менявший в поступи времени, давал, однако понять, какие люди стояли за царевичем. И какая бы сила появилась, если бы затеял Алексей настоящее единоборство с отцом.

Неподдельными у Петра выходили только корабли и солдаты. Решить будущее России могла только война. И победа любой ценой. Пётр в знаменитых письмах к царевичу так пишет о главном его недостатке: «...паче же всего о воинском деле ниже слышать хвощешь, чем мы от тьмы к свету вышли, и которых не знали в свете, ныне почитают. Я не научаю, чтоб охоч был воевать без законныя причины, но любить сие дело и всею возможностью снабдевать и учить: ибо сия есть едина из двух необходимых дел к правлению, еже распоря-

док и оборона». И продолжил: «Не хочу многих примеров писать, но точию равных нам Греков: не от сего ли пропали, что оружие оставили, и единым миролюбием побеждены, и, желая жить в покое, всегда уступали неприятелю, который их покой в некончаемую работу тираном отдал?» Только войском достигались, по мнению Петра «все великия прогресы». Это была политическая внешняя программа, которая ужасала тогдашнюю Европу. Ссылками на неё полны и многие гораздо более поздние спекулятивные выпады против державных целей России. Даже Гитлер оправдывал свою войну, потрясая перед публикой завещанием Петра Великого, которое, правда, оказалось поддельным...

Опасность такого правителя, как Алексей Петрович виделась Петру в том, что он не хотел воевать, не имел к тому пристрастия. И тем мог растратить и потерять все Петровы приобретения, а Европу забыть «страха рускаго».

А что взамен видел царевич. Он, как сказано уже, не оставил после себя политической программы. Но, можно угадать стиль его правления, коль он до этого бы дожил, по письмам, по некоторым его комментариям к прочитанному, и особенно по листам допросным, которые заполнялись до ужаса прилежными следователями Канцелярии розыскных дел, руководимых Петром лично.

На допросе в застенке этой канцелярии возлюбленная его Ефросинья говорила: «Да он же, царевич, сказывал: когда он будет государем, и тогда будет жить в Москве, а Питербурх

оставит простой город. Также и корабли оставит, и держать их не будет. А и войска де станет держать только для обороны. А войны ни с кем иметь не хотел, а хотел довольствоваться старым владением, и намерен был жить зиму в Москве, а лето в Ярославле...».

Судить тут царевича не за что, если ты, конечно, сам не допрашиваешь его в том же застенке от имени царя. Такая политика тоже имеет право на существование. Жизнь простого народа она, точно, облегчила бы. Мирные государи бывали благом. Царя Фёдора Алексеевича, предшествовавшего Петру, историки всегда поминали добрым словом. А он был самым миролюбивым царём. Известен не победами, а заключением мирных договоров, которые, однако, не принесли России разорения и позора.

В письмах к царевичу Пётр винит его в том только, что не видит в нём несокрушимого воина. Это, конечно, великий недостаток в глазах человека, не умеющего решить внутренние проблемы иными средствами, чем топор и плаха, а внешние другими, чем шпага и мушкет. Не знаю, имел ли в виду царевич более надёжные средства для прочности царства, но они ведь есть. И существовали всегда. Не их ли искал Алексей Петрович, скупая в европейских странствованиях исторические, духовные и дидактические сочинения известных ему европейских авторов. Ни о том ли выпрашивал у немецких профессоров. Не это ли имел в виду, когда отвечал европейским жуирам, советовавшим ему, прежде всего, осво-

ить искусство балльных танцев: «Я бы сначала хотел набрать ума в голову, а потом уже постараюсь обучить и свои ноги».

Между прочим, в процессе царевича Алексея был один небывалый ещё момент. Ко всем его винам добавилась доселе неслыханная. Впервые в России была взята под подозрение способность пытливого читателя размышлять над книжной строкой. Диктатура впервые обнаружила опасность не только в мятежном топоре и пуле, но и страх вольной заёмной мысли. Это очень любопытная история. Царевич читал знаменитого в то время Барония и конспектировал его.

Цезарь Барониус был историк римско-католической церкви. В церковной иерархии занимал выдающееся положение. Был одно время духовным отцом самого папы римского. Кардинал. Библиотекарь Ватиканской библиотеки. Царевич мог читать его «Деяния церковные и гражданские». То, что теперь называлось бы «Избранное». Эти деяния были переведены ещё в XVII столетии, но царевич читал их в рукописи. Изданы на русском языке они были только через год после его, царевича Алексея, смерти. Вот некоторые выписки в альбомах царевича из этого Барония:

«Не царское дело вольный язык унимать, не иерейское дело, что разумеет, не глаголати (глаголет Амвросий)». То есть, царевич, фактически, отмечает для себя, что не царское это дело – затыкать людям рты, не давать воли говорить то, что думается. И, наоборот, если ты уверен, что знание твоё разумно и полезно, то ты обязан делиться этим с дру-

гими. Отчаянный, до нелепого, напрашивается вывод. Царевича можно объявить чуть ли ни провозвестником свободы слова на Руси.

«Феодосиево приготовление к войне и заповедь воинам, чтобы не брать дров и постелей у хозяев на квартирах». То есть, у царевича заметно сочувствие той мысли, что война не должна всей тяжестью ложиться на плечи народа.

«Ирина Цесарева подати отпустила подданным».

«Адриан Второй, Папа Римский странным (странникам) Греческим сам есть носил, и с ними обедал, и руки и ноги им умывал».

Вот ещё замечательные слова, которые могут дать представление о царевиче и его образе мыслей: «Свидетельствуюсь Богом, что я никогда не предпринимал против отца ничего несообразного с долгом сына и подданного и не помышлял о возбуждении народа к восстанию, хотя это легко было сделать, так как русские меня любят, а отца моего ненавидят за его дурную низкаго происхождения царицу, за злых любимцев, за то, что он нарушил старые хорошие обычаи и ввёл дурные, за то, что не щадит ни денег, ни крови своих подданных, за то, что он – тиран и враг своего народа».

Особняком стоит в документах о розыске свидетельство французского резидента Ла Ви. Он утверждает, что царевича не сразу сломили. Что мужество его было отменным и сообразным с мятежной целью: «...Царевич с твердостью, которой в нём никогда не предполагали, сознался, что не толь-

ко он хотел возбудить восстание во всей России, но что если Царь захотел бы уничтожить всех соучастников его, то ему пришлось бы истребить всё население страны. Он объявил себя поборником старинных нравов и обычаев, также, как и русской веры, и этим самым привлёк к себе сочувствие и любовь народа».

Может во всём этом не так уж много содержится государственной мудрости, но человечность и желание учитывать народные чаяния во внутренней политике государства тут налицо. Наверное, таким же было бы и правление его. А мудрость приходит с опытом.

Предупреждаю, ни в каком разе не пытаюсь я разобраться по косточкам то, что сделано Петром, чтобы охаять его. Явление Петра было исключительно. Я думаю, что случайности тут никакой нет, и он, в самом деле, был выдвинут временем, божьим промыслом, чтобы дать России шанс стать полноправной хозяйкой истории. И он достиг, в конце концов, того, чего хотел. Русский государь впервые встал вровень с великими людьми своего времени. Главное, он заставил сопредельные народы бояться России. Не надо забывать, что именно эта цель являлась смыслом всякой прежней державной политики. Впрочем, как и нынешней.

Я сочувствую ему. Казалось бы, это не то слово, которым можно исчерпать всё отношение к делу Петра, но именно сочувствие и печаль приходят первыми, когда вижу, чем, в конце концов, обернулись его беспримерные усилия. Драма

самого Петра началась и завершилась после его смерти. В жизни он больше был триумфатором. Я избрал себе самый лёгкий, и, мне кажется, безошибочный путь, чтобы оценить всякое значительное начинание. Окончательно великим оно становится, если имеет великие последствия. Следовательно, всякую реформу, всякое преобразование можно считать удавшимися, когда их результаты видны и сегодня. Когда они и теперь греют мне душу, делают мою жизнь осмысленней и полнее, влияют на меня лучшим образом.

Известный настоятель Кентерберийского монастыря Хьюлет Джонсон написал цикл проповедей, в которых утверждал, что душевный комфорт даже и всякого отдельного человека зависит от его инстинктивного убеждения, что вектор истории совпадает с его душевными порывами, что путь истории протекает через его сердце. И только тогда это означает, что история всего народа развивается в нужном направлении. Слова эти, кажется, рождены поэтическим порывом. Но, может, тут есть некоторая истина, откуда бы тогда эта неизбывная вечная кручина в русском человеке...

История развивается сама по себе, а русский человек сам по себе. Он одинок во вселенной, и уже устал от этого одиночества...

О царевиче же Алексее Петровиче я хочу думать, как о том русском человеке, который первым ощутил эту вселенскую хандру, который первым учуял этот разлад между движением истории и собственной душой...

Предчувствие не обмануло его, реформы Петра остались достоянием своего времени, феноменом и украшением истории, не более того.

Как же, скажут мне, а не забыл ли ты, что Пётр ввёл нас могучей рукою в семью цивилизованных народов. Что сделал он Россию Европой. Когда мне говорят теперь, что благодаря Петру, мы вошли в эту семью, стали европейцами, то позвольте не поверить тому. В лучшем случае это иллюзия, мираж, оптический обман зрения. О том, что так скоро Европы не строятся, я уже говорил. Продолжу следующим.

Вот с напряжённым вниманием и любопытством вглядываюсь я за окно своего кабинета. Там, за этими окнами, должна быть Европа, какой мы стали по воле Петра. И та Европа, которая окружает меня каждодневно, изумительна.

Настоящую Европу я представлял себе следующим образом. Там люди осознанно выдвигают стоящих людей, чтобы они управляли текущими делами государства, первое из которых – благо народа. Там обдуманная свобода, ограничена, однако, рамками, которые не дают ей превратиться окончательно в орудие трибунных плутов и политических мошенников. В Европе у человека есть права, которые государство способно всё же защитить. Свобода там не входит в противоречие с законом. Там у честных людей есть право не подпускать к себе близко какого-нибудь проворовавшегося наглеца, сукиного сына, запятнавшего себя нечестностью и шулерством. Во всяком случае, есть право не допускать его рас-

поряжаться своей судьбой. Там, вот чудо из чудес, правительство, которое не умеет править, от которого нет пользы, уходит в отставку. Там с террором подонков общества борются, и даже, бывает, с успехом. Там президенты и премьеры в посланиях и телевыходах к народу стыдятся пустой болтовни. Там нагромождение нелепиц трудно выдавать десятилетиями за реформы. Там воспитана культура владения капиталом, деньгами, без чего не бывает цивилизованной и успешной экономики. Там не может быть, наконец, государственного человека без чести, судьи без совести. Там не существует диктатуры бездарности, при которой процветают писатели без таланта, певцы без голоса, юмористы без чувства юмора. Ну, если всё это и есть, то всё же не в таких всеохватных размерах, как в той России, которая со времени Петра прикидывается Европой. Своё достоинство мы потеряли, а чужого не приобрели. Вот откуда у нас неизбывная грязь на улицах, вот откуда невероятная нечистота в политике, вот откуда дикое воровство, вот откуда надменное и злобное чиновничество, убийственное его презрение к человеческим нуждам. Восемьдесят процентов государственной федеральной и муниципальной элиты у нас воры и мздоимцы. Это научно установленный факт. Другим двадцати процентам, наверное, просто ничего не дают, вот они и не берут. Губернаторы по ухваткам своим никак не вышли из времени Иоанна Грозного, и ныне они понимают дело своё так, будто отправлены нашим президентом-батюшкой «на корм-

ление». Громадные чиновничьи состояния возникают в считанные годы именно в тех местах России, где воровал и куролесил при Петре Великом страшный царский наместник Матвей Гагарин.

Повешенный, правда, по справедливости. Под цивилизованной внешностью и респектабельным пиджаком дикость и отсутствие культуры у нас не переводится. Вот мой вам совет, никогда не смотрите на чиновника пристально, иначе вы обязательно увидите его настоящий облик троглодита, и испугаетесь до нервного тика, а то и до смерти.

Только написавши это, я понял, что всё можно было сказать короче. Пётр не угадал большой разницы между цивилизацией и культурой. Человека внешне цивилизованным можно сделать указом или дубиной, но культурным его этим не сделаешь. Культура воспитывается из поколения в поколение. Культурная революция – это полная чушь.

Пётр боролся с чиновным воровством виселицей и плахой, но ничего этим не достиг. Он и не подозревал, что дикость можно искоренить только культурой. Мы и до сей поры этого не поняли. Ужесточаем меры против взятки, например, не думая вовсе о том, что в диком пространстве действуют только волчьи законы.

О каком долгом пути к цивилизации мы можем говорить, о каких успехах на этом пути, когда сказанное тысячу лет назад точно попадает в наш сегодняшний день: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет...».

И не столь уж дико при сегодняшней власти прозвучит это давнее, тоскливое – «да и пойдите княжить и владеть нами». Когда-то давно это сработало. Может, стоит подумать и о таком повороте реформы нынешней, переставшей признавать свои истинные задачи, власти. Может в этом и есть настоящий выход для неё? Может, особенный русский путь в том и заключается, что двигаться к будущему тут сподручнее всего включив задний ход, а сегодняшний день напитать прошлым проверенным опытом.

Такова ли та Европа, о которой мы мечтали. Неужели и там пустота вместо права, пустота вместо экономики, пустота вместо будущего, пустота вместо продолжения истории. Неужели и там в своём тяжком пути люди вдруг утратили уже инстинкт, требующий от них продолжения упорного движения к совершенству, к сохранению себя в потомстве.

От всего этого жизнь, которая даётся нам единственный раз, давно стала для нас бессмысленной, потому что утратилась её цель. Неужели и там у народа не стало повода признавать грандиозное счастье от того, что выпал ему этот неповторимый шанс – жить на прекрасной земле, продолжать свою великую миссию. Как не стало этого повода и у каждого отдельного человека. Не верю, что именно это хотели позаимствовать мы у Европы. И не этого хотел для нас Пётр. Очарован в Европе был он чем-то другим, наверное. Чего так и не довёз до родных пределов...

Вот откуда моё сочувствие Петру, и печаль о том, что не

удалось ему...

Моё сочувствие доходит до того, что готов думать я: не его вина в том, что суровая романтика, руководившая им, не пустила корни в русской почве...

Это отступление в нынешний день мне понадобилось для того, чтобы пояснить одну не прошенную мысль, которая, возникнув, оскорбила однажды моё безусловное почитание великой истории Отечества. Дала повод усомниться в целесообразности её исходов. Уж не чуяла ли та старая уходящая Русь инстинктом своим наш нынешний погибельный день, и сопротивление той старой Руси было не бунтом ретроградов, а предчувствием нынешнего печального времени, с которым тогдашние чуткие вещи люди знали тайную связь. Нельзя ли то сопротивление расценить как завет нам и заботу о нас, хлебнувших, наконец, полною мерою мёртвую воду перемен. В таком случае, нам надо будет по-другому отнестись к тем людям, к их метаниям, исполненным смертельного благородства.

И к царевичу Алексею Петровичу, пытавшемуся встать во главе неосознанного, таинственного, как божье предопределение, отпора грозному погибельному будущему, нам надо будет отнестись по-иному. Тогда нам легче будет понять, что имел в виду Вольтер, догадавшийся сказать, что царевич погиб только потому, что был слишком русским. Ему вдруг не стало места в стране с тем будущим, в котором мы теперь живём.

Переодев в немецкий камзол и царевича Алексея, царь захотел пойти дальше. Он задумал сделать из него немца даже и по сути. Использовал для того сначала наличных приставников, прибитых к его двору европейским сквозняком, а потом и вовсе послал учиться в германскую землю. Женил на немецкой принцессе. Кстати сказать, это был первый в истории русской монархии брак наследника трона с иностранкой. После Петра такие браки станут нормой. Так что, в конце концов, православное самодержавие станет немецким по крови.

Впрочем, Пётр в воспитании наследного принца был не слишком настойчив. И это усугубило предстоящую беду.

Со страниц допросных актов царевич Алексей предстаёт безумцем. Во время составления этих актов, он таким уже и был. Его свели с ума неслыханные пытки и непосильное нервное напряжение, невыносимое предчувствие конца. Об этом сумасшествии говорят дипломаты. Иностранный наблюдатель при петербургском дворе Плейер доносил своему двору об общей молве, что царевич помешался в уме и «пил безмерно». «Все его поступки показывают, – пишет французский посланник де Лави, – что у него мозг не в порядке». Голландский резидент де-Бизэ: «Говорят, что умственные способности его не в порядке...».

Дураком, однако, он никогда не был. «Отец твой умён, только умных людей не знает; а ты умнее его и умных людей знать будешь лучше», говорил про него упоминавший-

ся князь Василий Долгорукий. У меня есть повод сказать даже, что царевича был на редкость проницательным человеком. Вот как судил он о скором будущем России близкому человеку своему Ефросинье: «...Отец мой, не знаю, зашто меня не любит, и хочет наследником учинить брата моего, а он ещё младенец, и надеется отец мой, что жена его, а моя мачиха, умна; и когда, учиня сие, умрёт, то-де будет бабье царство!» Эта его прозорливость дала повод знаменитому историку Иловайскому удивиться точности его предвидений: «Между прочим, он метко предсказал скорое наступление бабьего царства и предчувствовал грядущее господство на Руси немцев. Насильственное устранение его от престола более всего принесло пользу сим последним, а для русского народа отнюдь не было благодеянием...». Выходит, он знал точный просчёт отцовской политики. Неоправданно широкая опора на немецкий гений. Излишнее пристрастие к иностранцам. Слово «немецкий» я употребляю тут в тогдашнем значении этого слова «нерусский», «европейский». По инерции это пристрастие прокатилось через века царской внутренней политики. Лет уже через сто после смерти Петра знаменитый покоритель Кавказа, генерал Ермолов (кстати, полный тёзка царевича Алексея), имевший чувство юмора, подпорченное опасным умением глядеть в корень, нарвался на серьёзную неприятность следующим образом. Император Александр Первый хотел наградить его за подвиги в войне двенадцатого года и, будто бы, спросил: «Что я могу сделать

для тебя, Алексей Петрович?». «Сделайте меня немцем, Ваше Высочество!», будто бы, ответил Ермолов...

Как далеко зашёл этот упорный разлад между народом и верхами русского общества, принявшего всё-таки реформы Петра, можно угадать из народного же словотворчества. Когда русские верхи настолько отделились от своего народа, что перестали говорить с ним на одном наречии, тогда народ и назвал их «шаромыгами», обнаружив своё понимание милых европейских светскостей – *Сher ami*. А заодно, назначив себе вечную дистанцию от государства, от чиновника, от казённой культуры. Определив для себя и смысл, и качество власти этой, и всей культурной элиты. Пушкин вернул отечеству настоящий наш язык. Но даже и он иногда говорил порусски чистым французским языком. «Сделалась метель», ведь это же прямая калька из какого-нибудь Шарля Нодье.

Ну и вот ещё какое дело. Это ведь при Петре окончательно оформилось то рабское, подобострастное отношение к загранице, ко всякому иностранцу, которого нам, наверное, так и не истребить. Любой проходимец, шарлатан и бездарь, каких и у нас у самих хоть пруд пруди, нам милее и диковиннее, если он с иностранным клеймом. Взгляните хоть на сегодняшние афиши, в излишнем и черезвычайном изобилии развешенные по русским городам и даже весям. А ведь вся эта тлетворная назойливая перелётная саранча неплохо кормится, опустошая непрочное духовное пространство и жид-

кие наши карманы. Это ведь тоже, если вдуматься, наследие Петра. Духовный исполин Чехов, вынужден был сознаться, что выдавливает из себя раба по капле. А ведь это он таким макаром протестовал против того худшего, что навязал России Пётр. Значит, оппозиция петровского времени никуда не исчезала. Злословить власть тихомолком Россия научилась при Петре. И непрерывно занимается этим до сей поры. Отдалённые искры политического заговора в России всегда тлели на каждой кухне. Тот, кто сможет соединить и подуть, как следует, на эти тлеющие огни, получит пожар. Это потому, как полагает тот же историк Иловайский, что при Петре русский человек окончательно сформировал в себе рабскую психологию, но не навсегда забыл о воле. Надо думать, что у царевича неплохо было развито и чутьё политическое, поскольку эту тайную оппозицию, этот постоянно сжатый, потный от напряжения кукиш в кармане он думал обратить в реальную силу. Он знал, в чью сторону направлен этот кукиш. И это давало ему надежду. Царевич чувствовал нервный пульс потревоженной России. В определённой степени держал руку на этом пульсе.

Долгое время, лет двадцать, Пётр, не сказать, чтобы основательно, но осознанно, готовил его всё же к наследованию престола. Забота о воспитании наследника, тем не менее, выглядела крайне неосмотрительно. После того, как он, царь, засадил в монастырь его мать, и вплотную занялся ве-

ликолепной рутинной собственною вхождением в историю, он полностью упустил сына из виду. Рядом с царевичем моментально образовался слой придворных неудачников и невостребованных честолюбцев. Имевшие свои резоны и страхи, они восстановили сына против отца. Уже лет в пятнадцать родитель ему «омерзел всеконечно». Меншиков озабочился приставить к нему педагогов, которые научили его пьянству. Первым его учителем был Никифор Вяземский, во всём похожий на Никиту Зотова, первого учителя самого Петра, возглавившего позже Всепьянейший собор в царёвом негласном министерстве потех и шутовства. Главное, великолепный князь Меншиков скоро понял, что рассчитывать на приязнь царевича ему не приходится. Алексей Петрович был убеждён, что место в государстве, которое должен бы занимать он сам, прочно занято уже бывшим базарным лотошником. Тот ворочал государственным делом вместо наследника престола, когда Петра не было у державного руля. И выходило, что Меншиков стоял очень часто к этому кормилу ближе самого царя. Кормило его кормило.

Петровское следствие по делу царевича, наряженное раздольно и с оглушительной помпой, обнаружило обширный и опасный заговор, грозивший России гибелью безвозвратной. Так ли уж серьёзен был этот заговор для Петра?

Лично для меня этот вопрос получил вдруг принципиальное значение. Он мог уменьшить образовавшуюся тяжесть в душе, где-то там, где бережём и лелеем мы тайную гордость

за прошлое, которое может унижить или возвысить каждого из нас, какими бы равнодушными мы не прикидывались к нему.

История остаётся частью нашей сути, сколько бы не учили нас неуважению к ней. У человека можно отнять всё, даже инстинкты. И, если не станет у каждого из нас этого интуитивного чувства принадлежности к осмысленному, влад продолженному до сего дня прошлому, мы окончательно станем толпой, а не народом. Мне хочется знать Петра мудрого, а не озлобленного. И потому с некоторой поры касаюсь я страниц истории нашей со страхом и трепетом. И жаль мне порой, что документа нельзя утаить и поправить.

Так вот, если и был этот заговор, то уж больно странно он выглядел. Старая, уходящая Русь, согласно деталям этого заговора, просто хотела спрятать царевича, как остатки разбитой гвардии прячут знамя до поры, пока не сформируются новые полки. Отсюда этот отчаянный план укрыть Алексея Петровича за границей, куда, как казалось, не достанет рука Петрова.

И, надо сказать, план этот был вполне работоспособным.

По всей России разошлись вдруг предречения ростовского епископа Досифея, сменившего на этом посту знаменитого Дмитрия Ростовского, что Петру осталось жить лет пять-шесть, не более. Сама Богородица будто бы явилась епископу во сне и объявила этот срок. И, как покажет скорое будущее, небесная покровительница старой Руси нисколько не

ошиблась. Пётр умер в отведённые ею сроки. Если бы царевич уцелел до той поры, история России пошла бы по другому пути, и никто не может сказать, не был ли бы этот путь для неё иным, но тоже благом. Впрочем, и заговорщики об этом не думали. Главный из вдохновителей царевичева побега, Александр Кикин, сознался на допросе, что действовал исключительно из корыстных соображений: «...я побег царевичу делал и место сыскал в такую меру – когда бы царевич стал на царстве, чтоб был ко мне милостив». Это же могли бы сказать и все остальные. Даже божий наместник при царевиче, духовник Яков Игнатьев, не упускал из виду будущего патриаршего места для себя... Постоянное царское нездоровье стало причиной брожения. Условный рефлекс мыслящей пешки, пытающейся разом оказаться в дамках, вот что выдвинуло заговорщиков из бездействующей толпы. И они обрелись недалеко от цели.

Прусский император, шурин царевича, на правах ближайшего родственника, был готов защищать его жизнь даже новой войной, хотя не окончил ещё две уже начатых.

Немаловажно было и то, что в России родились внук и внучка монаршей бабки, старшей в цесарском роду герцогини Луизы. Этот внук её, между прочим, станет российским императором Петром Алексеевичем Вторым. Кроме того, беглый наследник престола величайшей державы мог быть решающим козырем в руках любого умелого политического игрока. Европа смутилась. Большой интерес к судьбе ца-

ревича проявили некоторые дальновидные политики сильно униженной Петром Швеции. Они пытались завладеть «непотребным сыном» Петра Великого, чтобы руководить потом неустойчивым настроением значительной части русского народа, который видел в Алексее Петровиче избавление от наступающего царства Антихриста.

Потрясающие и страшные в подробностях усилия потратил великий император, чтобы вернуть сына. В ход пошло всё – ложь, преступление клятвы, освящённой именем Божьим, угроза новой всеевропейской войной. Есть такое вышедшее из употребления слово – раж, синоним болезненного исступления. Несомненно, признаки такого ража можно угадать в длительном беспримерном упорстве, с которым Пётр руководил мировой облавой на сына. Сознаюсь, именно тут впервые поколебалось моё безусловное почитание главного героя родной истории. Я пожалел, что занялся его жизнью столь подробно. Живой и подлинный Пётр становился много грубее и непривлекательнее придуманного, облагороженного сказаниями, даже теми, которые лелеяла неподкупная народная память. Я вспомнил, как разочарован был Гулливер, рассмотревший вблизи, милovidное издали, лицо некой юной великанши на острове Бробдингнег. Как он шокирован был выступившими на первый план грубыми подробностями. Некоторые детали, громадные поры на жирной коже и холёная родинка, с близкого расстояния оказались тошнотворными. В них не осталось никакой прелести.

Романисты средней руки, чтобы изобразить ужас, обязательно вызовут на страницы своего повествования потустороннюю силу. Им непременно понадобятся копыта, рога, хвост. Ужас же обыденного может изобразить только очень большой талант. В жизни царевича Алексея этот посюсторонний рутинный ужас наступил с того момента, когда он, спасая жизнь, убежал в Вену, под крыло шурина своего, прусского императора Карла VI. Когда-то давно, в казахстанской степи, я видел охоту змеи-щитомордника на птенцов розового скворца, которые вывелись среди камней древнего могильника. Щитомордник появлялся у гнезда и птенцы, уже готовые встать на крыло, цепенели в смертной истоме и теряли волю к полёту. Бесконечное пространство неба и степи сужалось для них до размеров этой узкой трагической сцены, где хозяйкой становилась смерть. У них, этих птенцов, не оставалось выхода. Ужас этот можно только чувствовать, описывать его – непосильное и бесполезное дело. Всё это изведаль царевич Алексей Петрович. Из всех чувств, которые испытывает человек, царь оставил ему только чувство смертного страха. Думаю, что только состояние висельника, уже потерявшего опору под ногами и чующего, как плотно к горлу пришлась верёвка, может передать его тогдашнее состояние. Долго это переносить нельзя.

Тут – или с ума сойти, или сдаться. Царевича постигли, похоже, сразу обе эти крайности.

Тогда, на какое-то время, они остались двое на белом свете.

Большая любовь и великая ненависть схожи тем, что владеют людьми безраздельно. Им, двоим, стало тесно в этом мире. Заповедные участки европейской истории сохранили достаточно подробные следы царственной охоты на русского принца.

Я читаю строки давней, до жути деловой переписки, которой обменивались участники того прославленного европейского сафари (Толстой в тайной переписке и называл царевича оперативной кличкой «зверь») и чувствую, что строки эти до сей поры не выветрились от того дремучего кошмара, который сопровождал царевича в его движении к неумолимому концу. Дело в подлинниках выглядит так:

Пётр I царю Карлу VI из Амстердама, 20 декабря 1716 года: «Я принужден вашему цесарскому величеству с сердечною печалию своею о некотором мне нечаянно случившемся случае в дружбно-братской конфиденции объявить, а именно о сыне своём Алексее... Он незнамо куды скрылся, что мы по сё время не могли увидеть, где обретается... Того ради дали комиссию резиденту нашему, при дворе вашего величества пребывающему, Веселовскому, онаго сыскивать и к нам привезть».

Пётр I Аврааму Веселовскому, 20 декабря 1716 года из Амстердама: «Даётся наш указ резиденту Веселовскому, что где он проведает сына нашего пребывание, то разведав

ему о том подлинно, ехать ему и последовать за ним во все места, и тотчас, чрез нарочные стафеты и курьеров, писать к нам; а себя содержать весьма тайно, чтоб он про него не проведал».

Авраам Веселовский Царю, 3 января 1717 года из Вены: «...я отыскал вагенмейстера, который отправляет всех отъезжих почтовых лошадей, и спрашивал его: он мне сказал, что в октябре отъехал на экстрапочте некоторый офицер с женою и двумя ещё персонами до Цибингена по Бреславль-ской дороге, и указал мне отвозившаго почтальона, который на распросы мои сказал, что отвёз до Цибингена, откуда он, офицер, поехал до Кросена прямо к Бреславию и спрашивал у почтмейстера, сколько миль до Бреслави?»

Авраам Веселовский Царю. Из Вены от 21 февраля: «Вчерашняго дня приезжал ко мне известный референдарь (высокопоставленное лицо, держатель имперской печати, один из подкупленных агентов Веселовского. – Е.Г.) и сказал мне в конфиденции, что цесарь имеет подлинную ведомость, что Коханский (под этим именем царевич въехал в Вену. – Е.Г.) обретается здесь инкогнито, токмо у цесаря ещё не являлся».

Пётр I Аврааму Веселовскому, 24 февраля 1717 из Амстердама: «...Надлежит тебе послать двух верных и неглупых людей, одного в Италию до Риму, а другого до Швейцарской земли, и повелеть им накрепко о том же проведывать, и тебе писать. Также надо ещё в Вене проведывать, в Неаполе, Милане, Сардинии».

Пётр I Аврааму Веселовскому, 6 марта 1717 из Амстердама: «...посылаем к тебе 4-х человек наших офицеров, под претекстом. Из них капитану Румянцеву весь тот секрет от нас сообщён, и с ним с одним ты откровенно в том поступи и советуй; а ему велено всё то исправлять, что ты ему велишь. И тако приложи старание, дабы ту особу каким-нибудь способом в Мекленбургию к войску нашему вывезть, и в таком случае можешь и сам с ними для лучшаго охранения ехать».

Авраам Веселовский Царю. Из Вены от 10 марта: «Во всех домах за городом в городе чрез шпионов сам Коханскаго искал; однако найти не мог, и подлинно он отсюда отлучился... Вчера вечером на ассамблее разговаривали при мне два тайные советника о отлучении Коханскаго из государства, и один из них обнадёжил меня, что имел он письмо из Тироля, что он проехал пред шестые неделими чрез Инспрук в Италию, имея при себе 5 служителей».

Авраам Веселовский Царю. Из Вены от 20-го марта: «Вчера прибыл сюда капитан Руманцов с 3 офицерами и вручил мне вашего величества милостивейший указ, по которому известную комиссию исполнить уже поздно было: Коханский за 10 дней до того уехал отсюда, и удостоверил меня известный референдарь, что оный отправился в Тироль, под протекцию цесарскую...»

Авраам Веселовский Царю. Из Вены от 4-го апреля: «...ежечасно ожидаю известий от Румянцева, который уже 11-

й день уехал в Тироль».

Авраам Беселовский Царю. Из Вены от 10 апреля: «...капитан Румянцов, возвратясь сюда, объявил мне, что известную персону он нашёл в Тироле в крепости Эренбергской, под протекциею цесаря, которая уже в январе с двумя цесарскими драбантами туда прибыла».

Александр Румянцев Царю 10 апреля 1717 года из Вены: «...Повторяе доношу, что я из Вены в Тироль ездил и его подлинно там нашёл в Тирольской провинции, в одной крепости, Эренберх, которая имеет расстояние от Вены 78 миль, между Италиянской и Швейцарской дороги, и живёт под протекциею цесарской, и содержится за крепким караулом: не токмо его, ни служителей его из крепости не пушают».

Авраам Веселовский Царю. Из Вены от 15 апреля: «После аудиенции у цесаря, советовал я капитану Румянцову немедленно ехать в Тироль и жить неподалеку от Эренберха инкогнито, дабы стеречь, чтобы известную персону куда не увезли, или не упустили из своих земель; в каком случае велел следовать за ним, и о том ко мне писать».

Нота Министерства иностранных дел Пруссии графу Волкре (Volkra) цесарскому послу в Англии 25, (14) апреля 1717 года: «...Цесарь, по родству, по несчастному положению принца и по великодушию цесарского дома защищать невинно гонимых, дал ему покровительство и защиту... Цесарь приказывает спросить короля Английского, намерен ли и он, как курфюрст и как родственник Брауншвейгского до-

ма, защищать принца? Переговоры должен граф Волькра вести в величайшей тайне...»

Авраам Веселовский Царю. Из Вены от 3 мая: «...Уведомился он (Румянцев), что известную персону вкратце при нём вывезли оттуда в Италию до крепости Мантуа, и он намерен был ехать за ним, объехав Эренберг кругом, в след».

Авраам Веселовский Царю. Из Вены от 2 июня: «...Возвратился сюда капитан Румянцов из Италии с подлинным известием, что известная персона в Неаполе, и он Румянцов едет к вам, я более ничего здешнему двору не предлагал, опасаясь, чтобы не увезли её в иное место».

Из инструкции Петра I Толстому и Румянцеву. 1 июля 1717: «Мы не оставим искать всех способов к наказанию непокорство его; даже вооруженною рукою цесаря к выдаче его принудим; пусть разсудит, что из того последует?..».

Пётр I Алексею Петровичу в июле 1717: «...посылаю ныне сие последнее к тебе, дабы ты по воле моей учинил, о чём тебе господин Толстой и Румянцев будут говорить и предлагать. Буде же сего не учинишь, то, яко отец, данную мне от бога властью проклиная тебя вечно; а яко государь твой, за изменника объявляю и не оставлю всех способов тебе, яко изменнику и ругателю отцову, учинить, в чём бог мне поможет в моей истине».

Пётр I цесарю Карлу VI от 10 июля 1717 года из Сна: «...Посылаем к вашему величеству нашего статских чужестранных дел коллегии тайнаго советника Петра Толстова, кото-

рому повелелено о всём, касающемся того дела, пространно вашему величеству на приватной аудиенции донести, также сына нашего видеть, и письменно и изустно волю нашу и отеческое увещание оному объявить и просить вас, дабы оный сын наш немедленно с ним был к нам отпущен».

Авраам Веселовский Царю. Из Вены от 14 июля: «Прилагаю подробный счёт 300 червонным, данным мне в Амстердаме, в том числе: двум шпионам, которые искали за городом известную персону несколько недель, 12 червонных; одному шпиону, который искал в городе, 6 черв.; курьеру, отправленному в Швейцарию, 83 черв.; за стафет 3 мая 21,5 червон.; 2 июня капитану Румянцеву на проезд до Парижа, с прочими офицерами, 100 червонных».

Из протокола Венской конференции 18 (7) августа 1717 года по письму Петра I от 10 июля того же года: «Это происшествие чрезвычайно важно и опасно, потому, что Царь, не получив удовлетворительного ответа, может с многочисленными войсками, расположенными в Польше по Силезской границе, вступить в герцогство и там остаться до выдачи ему сына; а по своему характеру, он может ворваться и в Богемию, где волнуемая чернь легко к нему пристанет. Необходимо как можно скорее найти средство к отпору, особенно заключением союза с королём Английским. Наконец, не надобно терять ни минуты в бездействии. Резолюция цесаря: *Placet*».

Пётр Толстой и Александр Румянцев Петру I. 1 октяб-

ря 1717 года из Неаполя: «...Между царевичем и вицероём (вицекоролём, наместником цесаря Карла VI в Неаполе) в пересылках один токмо вицероёв секретарь употребляется, с которым мы уже имеем приятство и оному говорили (токмо ещё в генеральных терминах), хотя и без указа вашего величества, обещая ему награждение, дабы он царевичу, будто в конфиденции, сказал, чтоб не имел крепкой надежды на протекцию цесарскую, понеже цесарь оружием его защищать не будет и не может при нынешних случаях: понеже война с Турками не кончилась, а с Гишпанцами начинается; что оный секретарь обещал учинить...».

Пётр Толстой Аврааму Веселовскому. 1 октября 1717 года из Неаполя: «Мои дела в великом находятся затруднении, о чём к вам на предбудущей почте буду писать обстоятельно; а ныне только вам объявляю, ежели не отчаитесь наше дитя протекции, под которою живёт, никогда не помыслит ехать... Сего часу не могу больше писать, понеже еду к нашему зверю, а почта отходит...».

Наместник Неаполитанского королевства Даун Карлу VI из Неаполя от 28 (17) июня 1718 года: «Надеясь более всего действовать страхом, он [Толстой] так и поступая, сказал ему, царевичу, при первом свидании: царь будет считать его изменником, если он не возвратится, и не отстанет, пока получит его живым или мёртвым, во что бы то ни стало; он, Толстой, имеет повеление не удаляться отсюда прежде, чем не возьмёт его, и если бы перевели его в другое место, то и

туда будет за ним следовать. Царевич поражён и смешан сими словами...».

Царь Пётр, в отличие от своего отца, не любил охоты, но тут, в его инструкциях, во всей переписке обнаруживаются все приёмы профессиональной, правильно организованной травли с двуногими гончими.

Царевич сдался, и был почему-то весел при этом. Наверное, как всякий слабый человек, он был рад, что освободился, наконец, от непосильного груза для хлипкой своей души.

Теперь о смерти царевича. Все возможные причины её, даже самые невероятные, исчислены историками подробно и описаны детально. Нам остаётся только присоединиться к той версии, которая представляется наименее фантастической и подкреплена обстоятельствами и логикой последних дней царевича Алексея Петровича.

Хотя нашей логике с теми обстоятельствами может оказаться не по пути.

Говорили, что царевича извели ядом, что его задушили подушками в камере, что, отворив кровь, казематные доктора умышленно перерезали ему вены, есть так же леденящее душу

описание того, как Пётр лично отрубает своему сыну голову топором, выхваченным у палача. Стоит, однако, внимательно исследовать обстоятельства его последних дней, чтобы понять, что все эти страсти могли и не понадобиться.

Приведу описания этих дней, строго следуя допросному делу царевича Алексея Петровича:

«Июня в 24 день [1718] царевич Алексей спрашиван в застенке о всех его делах, что он на кого написал своеручно и по распросам и с розыску сказал, и то ему всё чтено: что то всё написал он правду ль, не поклепал ли кого и не утаил ли кого? На что он, царевич Алексей, выслушав того всего именно, сказал, что то всё он написал и по распросам сказал самую правду, и никого не поклепал и никого не утаил... И в том им, царевичем, розыскивано, чтоб он сказал самую истину: все ль правда, не клевет ли кого, и не таит ли кого, и что ещё больше в нём есть?

А с розыску сказал тож, что и выше сего; а больше ничего не знает и никого не таит и не клевет. Дано ему 15 ударов».

Запомним эти пятнадцать ударов кнутом уже истерзанному прежним ходом следствия царевичу 24 июня 1718 года.

Вот ещё выписка из «Записной книги С-Петербургской гварнизонной канцелярии»:

«26 июня по-полуночи в 8 часу начали собираться в гварнизон его величество, светлейший князь, князь Яков Фёдорович, Гаврило Иванович, Фёдор Матвеевич, Иван Алексеевич, Тихон Никитич, Пётр Андреевич, Пётр Шафиров, генерал Бутурлин; и учинён был застенок, и потом, быв в гварнизоне до 11 часа, разъехались. Того ж числа пополудни в 6 часу, будучи под караулом в Трубецком роскате в гварнизоне, царевич Алексей Петрович преставился».

Запомним и это. Был новый допрос с пристрастием, уже без всякой нужды, поскольку следствию давно всё ясно было. Этот допрос в присутствии самого царя, конечно же, не обошёлся без кнутабоев, поскольку это, «учинён был застенок», надо понимать однозначно. Перед смертью было ещё 25 июня, и в этот день, надо думать, кнутабои тоже не были оставлены без дела. Профессор Дерптского университета Ал. Г. Брикнер утверждает, что кроме этих роковых дней царевича жестоко пытали ещё до его перевода в крепость, что с 18 по 24 июня ему было дано сорок ударов кнутом. Вся же процедура допросов и розысков над царевичем тянулась целых четыре месяца. Специально для этих заметок я сделал маленькое разыскание о том, что такое была эта русская пытка с пристрастием, что такое был петровский розыск.

Русское изобретение кнут иностранцам бросалось в глаза. Многие писали о нём.

«Кнут есть ремень из толстой и твёрдой кожи длиною в 3,1/2 фута (т. е. более метра. – *Е.Г.*), прикрепленный к палке длиною в 2 фута, посредством кольца», пишет Дж. Пери, капитан и строитель доков, приглашённый в Россию самим Петром.

«Кнут есть род плети, состоящей из короткой палки и очень длиннаго ремня», поясняет камер-юнкер Берхгольц.

Русский Григорий Котошихин, которому этот предмет несравненно роднее, даёт более развёрнутое описание: «А учинён тот кнут ремённый, плетённый, толстый, на конце ввя-

зан ремень толстый, шириною на палец, а длиною будет с 5 локтей».

В словаре петровского времени прежний мастер-кнутабой, грозный архангел застенка, поименован теперь званием кнут-мейстера, и это как-то сразу и легко примирило экзотическое туземное мастерство с наступившей на Руси эпохой преобразований. Надо сказать, кнут явился немалым стимулом при движении Отечества к цивилизации и прогрессу. Тут я должен попросить прощения за смысловую тавтологию, поскольку кнут и стимул почти одно и то же. На слог древних латиноязычных свинопасов стимул означал острую палку, с помощью которой древние римские свиньи также направляемы бывали к нужной цели.

То, что движение России к прогрессу было непростым и мучительным, доказывают следующие свидетельские впечатления, оставленные невольными прихожанами главного храма петровского цивилизаторского гения – Тайной канцелярии розыскных дел.

«Есть два рода наказания кнутом. Первой род наказания определяется за преступления не очень важные: с преступника снимают рубашку, один из палачей берёт его за руки и кладёт себе на спину; другой палач, или кнутовой мастер, даёт ему определённое судьёй число ударов. При каждом ударе палач делает шаг назад и потом шаг вперёд; кнутом бьют так сильно, что кровь течёт при каждом ударе, а на коже у осуждённого делается ссадина или рана шириной в палец.

Эти мастера так ловко владеют кнутом, что редко случается, чтобы они ударили два раза по одному месту... Второй и тягчайший род наказания кнутом состоит в том, что подсудимому связывают руки за спиной и верёвкой, прикреплённой к рукам, поднимают его вверх, привязав ему к ногам тяжести. Когда он поднят таким образом, руки выходят из составов плечных, и тогда палач даёт ему кнутом столько ударов, сколько судья прикажет. Удары даются с промежутками, в которые дьяк допрашивает пытаемого...»

«...В час боевой ударов бывает тридцать или сорок; и как ударит по которому месту во спине ж, на спине станет так слово в слово будто большой ремень вырезан ножом, мало не до костей...»

«Ужаснейшим образом изсечённых кнутом подносят к огню для поджаривания; поджаренных снова секут, и после второго бичевания вновь кладут на огонь. С такими переменами производится Московская пытка».

«Сначала поднимают обвинённых на дыбу (Strappado), и если это не подействует, то их секут; а Русские палачи – мастера этого дела и могут, как говорят, с шести или семи ударов убивать человека. Иногда сообщники преступника подкупают палача и заставляют его засекаать обвинённого до смерти, чтобы отвлечь от себя наказание».

Для дальнейшего вывода мне хватит двух этих жутких моментов: убить человека можно было шестью-семью ловкими ударами кнута, кнут-мейстера можно было взяткой или

угрозами вынудить нечаянно перестараться во время розыска.

Вернее всего выходит, что царевича до смерти засекали кнутом.

Пётр хвастал своею жестокостию, замечает Пушкин: «Когда огонь найдёт солому, – говорил он поздравлявшим его в связи с окончанием дела Алексея Петровича, – то он её пожирает, но как дойдёт до камня, то сам собою угасает».

Пётр и к этому результату шёл с той же жестокой настырностью, трудно объяснимым изуверским напором. Может даже закрасться подозрение, что это вдохновенное упорство не совсем здорового свойства. А все эти благонамеренные объяснения, будто интересы Отечества для Петра были дороже родного сына, неостроумная попытка смастерить очередное пустое красное словцо.

Такие мелочи, об этом сказано уже, как благоденствие подданных Петра мало волновали. Порядок он измерял трепетом и жутью. Он не был маньяком-садистом, его неслышанная жестокость не бессмысленна. Политическую гармонию в государстве, по его мнению, мог гарантировать только страх. Надо ли говорить, что реформы, авторитет которых покоится на таком зыбком фундаменте, ни почтения, ни понимания не вызовут. Тут для Петра и таилась главная опасность. Если бы нашёлся подлинный вождь, полководье гнева, конечно, снесло бы и Петра и всех, на кого он опирался. За царевичем пошло бы громадное большинство. Ещё не умер-

шая старая Россия могла лягнуть агонизирующим ударом до смерти. Но, как говорилось уже, по складу характера царевич таким вождём быть не мог. Однако Пётр, заглянувший в бездну, закусил удила и понёс, как напуганная лошадь. Он не умел ориентироваться в обстановке чем-либо иным, кроме топора и кнута.

Ещё один готовый ответ есть у того же Д.И. Иловайского: «Только эта смерть могла упрочить наследие престола за маленьким сыном Екатерины и успокоить опасения за свою будущую судьбу как Екатерины, так и Меншикова. Тогда как первая показывала вид печали, последний даже не скрывал своего удовольствия после кончины царевича».

Второй смертный приговор царевичу вынесли историки. У них не оказалось даже той малой доли благородства, которая не даёт честному кулачному бойцу трогать упавшего. Тем более, бездыханного. Историки продолжали избивать его после смерти. Известно, что историки могут изменить историю. Кому-то из них опять захотелось сказать красно, и сказано было, что смерти царевича потребовали интересы государства, а Пётр, кровью надорвавшегося сердца своего, утвердил этот смертный приговор. И пошла писать губерния, и до сей поры пишет. Однако никакой крови сердца мало-мальски прилежный историк не обнаружит на листах того приговора. Содержание и распорядок жизни Петра не изменились. Он так же активно писал указы, которыми наде-

ялся изменить будущее, так же буйно радовался успеху своих текущих дел.

К казённому дешёвому гробу, купленному и убранному на конфискованные у Кикина и Долгорукова деньги, стояла в очередь народная Россия, а царь, Меншиков и другие новые русские вельможи неумеренно пили в день смерти царского сына за случившиеся уже победы русского оружия. На другой день победительное пьянство продолжилось спуском на воду очередного корабля... Один только лейб-гвардии Преображенского полка сержант Никифор Подуруев, ходил в это время по погребальным лавкам и, опять на конфискованные деньги Тайной канцелярии розыскных дел, покупал траурные дополнительные драпировки и ленты для гроба царевича. Говорили, что на девятый день, когда о душе умершего следует молиться, чтобы дух его был причислен к девяти чинам ангельским, Меншиков предложил Петру некое вовсе уж непотребное увеселение, и Пётр не вспомнил об этом богоугодном деле.

Наша наука история, родившаяся из желания разгадать грандиозную фигуру Петра, подпала под обаяние его. Кльта Петра, как мы видим, при его жизни не было. Он один тогда насаждал его. Алтарный кумир Петра воздвигли историки при Екатерине Великой. Наука история, как неопытная барышня, нечаянно влюбилась в него, старалась не замечать неудобные для восприятия черты.

Все, кто противостоял ему, были взяты нашей историей

под подозрение. Документы, касающиеся царевича Алексея Петровича, например, оказались долгое время вообще никому не интересными и невостребованными. Первым Николай Устрялов ужаснул культурную публику, издав знаменитый шестой том «Истории царствования Петра». Россия увидела, наконец, какие три кита легли в основание её прогресса – застенки, кнут и дыба.

Вольтер догадался сказать ближе всех к истине: «Великое преступление несчастного Алексея состояло только в том, что он был слишком русским...». Его и судили, как последнего русского, который берёт в себе всё, чем должна была отличаться Россия от остального мира. Погубил ли бы он Россию после Петра? Нет. Как ни разу не погиб, например, Китай, правители которого, придерживаясь разных политических взглядов, при всей жестокости, не убивали в народе его самобытности, не лишали национальных особенностей, одежды, косичек, в конце концов. Они, эти косички, отпали сами собой. Несмотря на все преобразования и жажду цивилизации, этот удивительный народ сохранил самобытную культуру, древний дух, связь со своей многовековой историей и традициями. И этот драгоценный груз истории не мешает ему стремительно идти к первенству в нынешнем мире. Китай, оставаясь древним, ухитрился не стареть. Россия же, в последнее время по воле бездарных и случайных правителей уже чуть ли не через каждое десятилетие примеряя пам-

персы и начиная новый отсчёт своего исторического времени, стала похожей на дряхлого выродившегося младенца. Не сохранила своей мудрости, и не приобрела чужого ума. А, если и набралась чего, то не того, что ей на пользу. Известно ведь, что русскому хорошо, то немцу смерть, и, наоборот, разумеется.

Самым трагическим итогом прошедших после Петра лет стало то, что у нас не стало чувства национального достоинства. Это не просто унижает, это уничтожает народ. Пример старой допетровской России убеждает, странным образом, что даже предрассудки могут служить на пользу нации, давать ей веру и достоинство, и все те духовные блага, которые приносит народу чувство осмысленного существования в истории. Защищая старую Россию от новой, Николай Карамзин грустил вот о чём: «Не говорю и не думаю, чтобы древние россияне под великокняжеским или царским правлением были вообще лучше нас. Не только в сведениях, но и в некоторых нравственных отношениях мы превосходнее, т. е. иногда стыдимся, чего они не стыдились, и что, действительно, порочно; однако ж должно согласиться, что мы, с приобретением добродетелей человеческих, утратили гражданские. Имя русского имеет ли для нас теперь ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде? И весьма естественно: деды наши, уже в царствование Михаила и сына его, присваивая себе многие выгоды иноземных обычаев, всё ещё оставались в тех мыслях, что правоверный россиянин есть совер-

шеннейший гражданин в мире, а Святая Русь – первое государство. Пусть назовут то заблуждением; но как оно благоприятствовало любви к Отечеству и нравственной силе оно-го!»). Нравственная сила оставила нас.

К такому ли итогу хотел привести нас Пётр?

Он толкнул Россию, а куда она покатится, он не предполагал. И, судя по тому, что он не оставил после себя даже мало-мальски внятного завещания, это его не особенно и волновало. Удивительное дело, Пётр Великий, единственный из государей, кто никак не озаботился будущим своего дела. В той исторической свистопляске, которая началась после него, Россия выжила только благодаря своей счастливой звезде и, как видно, исключительной к ней Божией приязни. История Петра, это больше всё-таки история его личных амбиций, и в этой части её вполне можно считать и необычайной, и величественной.

Вот ещё несколько попутных мыслей, которые возникали по ходу чтения документов, составивших розыскное дело Алексея Петровича.

О проницательности царевича мы уже говорили. Дар предвидения его уникален. Надо думать, что даже у Петра этот дар не был развит так, как у царевича Алексея Петровича. Предвидение – это дар богов, дело таинственное. Правители, отмеченные им, бывают редкостью. В сущности, главный политический талант в том и заключается, чтобы при-

нимать решения и предвидеть – к чему они приведут. Человек с развитым предвидением не может восставать против хода Истории. И надо думать, что все эти угрозы сжечь корабли и провалить Петербург в тартарары только пьяный и озлобленный бред царственного неудачника. «Я по истине себя очень зазираю, что я пьяный много сердитую и напрасных слов говорю много; а после о сём очень тужу... Пьяный всегда вирал всякия слова и имел рот не затворенный», – каялся царевич

Между прочим, у него был очень хороший литературный стиль. Мне его конспекты из Барония чем-то нуловимо напомнили конспект Пушкина к «Истории Петра Великого». Может быть потому, что читал я их почти одновременно. Вот примеры:

«Петр I, когда призывал купца Мейера в сенат, то всегда приказывал ставить для него стул». «Князь Ромодановский был истинный бич горделивости боярской». «При императрице Анне Иоанновне академик Крафт был должностным её астрологом. Сохранилось в календаре 1730 года его предсказание о вскрытии Невы 9-го апреля (что и сбылось)». «Пётр однажды в Саардаме оттолкнул мальчика, который бросил в него гнилым яблоком, что Пётр перенёс терпеливо». «На возвратном пути претерпел он бурю. Пётр, ободряя с ним бывших, говорил им: «Слыхали ль вы, чтоб царь когда-либо утонул?». «Указано было наказывать за поединки смертной казнию». «Пётр пригласил несколько генералов к

себе обедать, отдал им шпаги и пил за здоровье своих учителей. Шведские офицеры и солдаты также были угощены и проч.». «Пётр запретил делать гроба из выдолбленных деревьев, дубу и сосны (из экономии), а из досок указанной меры. Еловые, березовые и ольховые позволено и долбить». Это Пушкин.

Царевич Алексей: «Поединки проклинает церковь». «Собор в Гишпании уставил, чтоб Королевы, по смерти мужей своих, не брачилися, но шли бы в монастырь». «Иоанн Папа 12-й через блядей (это, ныне изгнанное из литературных текстов слово, означает, прежде всего, еретика, вруна, отступника – *Е.Г.*) своих сделал, чтоб было Цесаря Оттона и Леона убили, а как они ушли, то он престол приял помощи бабиєю и Леона проклял». «Никифор, Цесарь Греческий, с архиереов поборы брал и палаты хорошия ломал, а на месте их конюшню делал». «Оттон Цесарь римского старосту Рогфреда, из гроба выняв, казнил». «Альберикус Морзорский Епископ сыну своему, от бляди рождённому, утупил престол». «Чудная повесть о Оттоне Цесаре и о жене Комитовой, которого он обезглавил напрасно». «Папа Сильвестр Второй был чародей, что сомнительно, однакож астрономию знал, что недалеко друг от друга». «При чхании поздравление уставилося в Риме, во время мору (Плиний пишет, что и у поган было)». «В Люзитании на Соборе в Етмерике положено, чтоб о умерших зла не говорить...». «Медведь от ловцов до церкви ушёл и мощам кланялся святой Гудилии

(Есть сумнительно)». «Чёрт научил Французов побожности, по которой Цесарь Людвиг велел людям пост чинить».

Тут можно, конечно, заметить, что материал и литературные дарования не схожи ни по теме, ни по размерам. Но сам метод конспекта и черновика будущих работ у царевича Алексея и Пушкина, практически, одинаков. Составляются фразы, подобные контрапунктам в будущей симфонии. Эти фразы напомнят потом о мыслях, которые возникли по ходу составления плана, дадут настроение всему произведению, работе целиком. Легко представить себе, что царевич мог готовить себя к написанию крупного исторического документального полотна по истории церкви, например. Как Пушкин готовил себя к написанию монументальной истории петровского времени.

Он, царевич, свободно ориентируется в современной ему литературе: «Феофила Цесаря смерть и разверзение уст и прочая, подобна нашему повествованию о нём».

Он любит историческое чтение. Сам Пётр, между прочим, полагал, что История и География есть два основания Политики.

Он был, однако, неудачник чистой воды. Невезение фатальное, куда ни кинь. История его любви, например, назревала как великая драма. Шекспир бы многое отдал за этот сюжет. Наследник престола великой империи променял царство за поцелуй последней подданной, полонянки, рабыни, крепостной девки. История эта в будущем обеща-

ла стать величайшим примером чувства, на которое только способно человеческое сердце. Кончилась она, однако, скучно. Всё это обернулось пошлой картинкой, иллюстрирующей ловкость мастеров царского тайного сыска. Есть сведения о том, что Евфросинья, запретная любовь его, оказалась корыстной шпионкой, прелестным сексотом Тайной канцелярии розыскных дел. Наёмницей царского оберсыскаря Петра Толстого. Страстные разговоры царевича, откровенность которых была усугубляема обстановкой интимнейшей, и те были озвучены этим живым фонографом на следствии, во время очной ставки, в присутствии самого Петра. Откровения её стали решающими в деле царевича. Тут и возшла его смертная звезда.

Ефросинья, несостоявшаяся жена его, родила в застенке. Следствие было милостиво к ней. Говорят, она даже вышла замуж за какую-то мелкую сошку, проводившую дознание об участии её в заговоре против царствующей персоны. Последний отпрыск Петра Великого, наполовину крестьянин, неизвестен истории. Однако, в нём было больше подлинной русской царской крови, чем во всех взятых вместе поколениях русских царей, начиная с Екатерины Великой. Странно думать, что остатки отшлифованных веками благородных царственных генов ушли и растворились в глухой чухонской чернозёмной толпе. И наверняка они, эти гены, не пропали вконец, и время от времени вылезут вдруг в каких-нибудь

неправдоподобно породистых и одарённых буйными талантами Ломоносове, купце Третьякове или Шаляпине. Пётр не до конца истребил эту последнюю кровь Рюриковичей, она ушла в народ. Жизнь не скупится на неподъёмные для досужего ума символы. Народ, жаждавший царствования Алексея Петровича, как царства Божия, утаил-таки его кровь, сроднился с нею, и, может когда-нибудь, по капле этой крови Петровой, по атому, будет в каждом из нас. Эта последнее участие Петра в будущем Отечества представляется мне самым неистребимым и по-особому трогательным. Может за то и простил народ Петру всё, и полюбил его самой надёжной любовью, любовью после гроба. Пётр стал родным своему народу в самом натуральном смысле. Иной крови, во всяком случае, по мужской линии от Петра Великого не осталось. Где-то она бродит сейчас?

«Обречён с рождения на судьбу злополучную»

7 августа 1689 года царю Петру угрожала страшная опасность. Против жизни его составлен был заговор царевной Софией. К счастью государя, он был вовремя предуведомлён. Двое стрельцов прискакали к нему в Преображенское около полуночи. Царь покоился глубоким сном. Его разбудили. Стрельцы донесли о заговоре и наименовали главных участников, «умышлявших смертное убийство на государя и государыню-царицу». Внезапно пробуждённый, страшно перепуганный, Пётр, прямо с постели, босой, в одной сорочке, бросился в конюшню, вскочил на коня и скрылся в ближайший лес; туда принесли ему платье; он наскоро оделся, и, не теряя ни минуты, с величайшею поспешностью пустился по дороге к Троицко-Сергиевой лавре. В пять часов проскакал он шестьдесят вёрст... Столь же поспешно, в ту же ночь, отправилась из Преображенскаго в Троицкий монастырь царица Наталья Кириловна с дочерью; с ними поехала супруга Петра, Авдотья Фёдоровна: она была уже беременна...

Семевский М. Царица Евдокия Федоровна Лопухина. // РВ. 1859. Т.21. №10. С.222. Далее цитируется как Семевский (1).

Пробуждённый от сна Пётр выскочил в одной сорочке, бо-

сой, бросился в конюшню, сел на коня и ускакал в ближайший лес. Туда принесли ему платье. Он оделся и вместе с Гаврилом Головкиным во весь дух пустился в Троицкую лавру, куда поспел через пять часов.

Костомаров Н.И. Русская История в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Книга II. СПб. 1876. С. 482

Пётр с обеими царицами, с царевной Наталией Алексеевной, с некоторыми боярами, с Гордоном, Лефортом и немногими потешными убежал в Троицкий монастырь (без штанов, – говорит Гордон).

Пушкин А.С. История Петра. Подготовительные тексты. ПСС в 10 т. Изд. «Наука». М. 1965. Т. IX. С. 30

7 [августа 1689], среда. Ночной порою много стрельцов собралось в замке, или Кремле, причём никого не допускали, кроме определённых и известных лиц. Сие вызвало такую тревогу среди партии младшего царя, что все, кто смог получить весть об этом, поспешили в Преображенское. Вскоре после полуночи несколько стрельцов и других [...] явились в Преображенское и уведомили царя Петра Ал., что множество стрельцов или солдат гвардии по приказу собираются в Кремле, должны с оружием прийти в Преображенское и умертвить разных лиц, особливо Нарышкиных. Предупрежденный об этом, царь поднялся с постели весьма спешно, не надев сапог, [вышел] в конюшню, где велел оседлать ко-

ня, и поехал в соседний лес, куда к нему доставили одежду и облачение. Одевшись, он с теми, кто был наготове, во весь опор поскакал в монастырь Святой Троицы.

Гордон Патрик. Дневник, 1684-1689. – М.: Наука, 2009. С. 202

Таким грустным событием встретила Евдокия первый год своего супружества.

Есипов Г.В. Царица Евдокия Фёдоровна. Русские достопамятности. Т. 1, выпуск 5. М. 1863. С. 30. Далее цитируется как Есипов Г.В. (1)

Царевич Алексей Петрович, первенец-сын, как бы до дня своего рождения уже был обречён на судьбу злополучную. Его отцу угрожает смерть от ножей злоумышленников, его мать в страшном испуге, в поспешном бегстве, вслед за мужем, ищет спасения...

Семевский М. (1). С.222

Через год с небольшим после брака, царица Евдокия 18 Февраля 1690 года в четвёртом часу ночи разрешилась от бремени сыном, царевичем Алексеем Петровичем. Царь был очень обрадован рождением своего первенца, принял поздравление стрельцов Бутырского полка, и чрез неделю дал великолепный фейерверк на Пресне.

Устрялов Н. История царствования Петра Великаго. Т.

VI. Царевич Алексей Петрович. С.-Петербург, 1859. С. 11. Далее цитируется как Устрялов Н. (1). С указанием тома и страницы.

Царевич Алексей родился в 1690 г., когда отцу его было ещё 18 лет.

Терновский Ф. Император Пётр I в его отношениях к царевичу Алексею. Киев. 1911. С. 2. Далее цитируется как Терновский Ф. С указанием страницы.

Лишь только Монархиня разрешилась от бремени, и наречено было имя Царевичу, в ту же минуту послал Государь генерал-адъютанта своего в крепость к обер-коменданту с тем, чтобы комендант тотчас же возвестил народу эту радостную весть пушечными выстрелами. Но как пред тем дано было от Его Величества строгое повеление никого не впускать в крепость после пробития вечерней зари, вследствие чего каждому часовому отдан был этот строгий Монарший приказ, то новобранец, стоявшей на часах при входе в крепость, остановив посланного генерал-адъютанта, сказал: «Пооди прочь! Не велено никого впускать». – «Меня Государь послал за важным делом». – «Я этого не знаю, а знаю одно: не велено мне никого впускать; и я застрелю тебя, ежели не отойдёшь!» – Нечего было делать: адъютант возвращается к Государю и доносит ему обо всём. Нетерпеливый Монарх, в сюртуке, без всяких отличий, идёт сам в крепость и говорит тому же ча-

совому: «Господин часовой! Впусти меня!» – «Не впущу!», – отвечает солдат. – «Я прошу тебя!» – «Не впущу!» – повторяет он. – «Я приказываю!» – «А я не слушаю!» – «Да знаешь ли ты меня?». – «Нет!». – «Я Государь твой!». – «Я ничего не знаю, кроме того, что он сам же приказал никого не впускать» – «Да мне есть нужда». – «Я слышать ничего не хочу». – «Бог даровал мне сына, и я спешу обрадовать народ пушечными выстрелами». – «Наследника!», – вскричал часовой с восхищением. – «Полно, правда ли?» – «Правда!» – «А когда так, что за нужда, пусть хоть расстреляют меня завтра! Поди, и сегодня же обрадуй народ этой вестью».

Великий Государь на минуту заходит к обер-коменданту, объявляет о рождении сына, повелевает тотчас возвестить народу радость эту сто одним пушечным выстрелом, поспешает в Собор, приносит усерднейшее благодарение Богу при звоне колокольном, а солдата жалует сержантом и дарит ему 10 рублей.

Достопамятные сказания о жизни и делах Петра Великого, собранные редакциею журнала «Русская старина». С. Петербург, 1876

Новорождённый царевич был наречён именем своего знаменитого деда. В этот день был у государей «стол, ради рождения царевича Алексея». Первый день жизни Алексея Петровича ознаменовался распрей и ссорами. Генерал Гордон, приглашённый к торжественному столу, должен был после

жаркаго спора удалиться из дворца, по настоящему требованию (патриарха) Иоакима, ненавистника Немцев. Он объявил решительно, что иноземцам при таких случаях быть неприлично; вся эта сцена, разумеется, обидела генерала, оскорбила и царя Петра.

Семевский М. (1). С.222

Немцев не любил он с восьми лет

Царевич... состоял под надзором Царицы, матери своей, до 1699 года.

Голиков И.И. Деяния Петра Великаго, мудраго преобразителя России, собранные и достоверных источников и расположенныя по годам. Сочинение И.И. Голикова. Том седьмой. Издание второе. М. 1838. С. 15. Далее цитируется как Голиков И.И. (1). С указанием тома и страницы.

Где жил он, кто окружал его, чем занимали ребёнка, какое направление дано ему в те драгоценные годы, когда первые впечатления ложатся на душе основаниями будущих нравственных проявлений?.. Все это до сих пор не объяснено.

Есипов Г. Кабачок Мартышка. Русский вестник. 1860. Т. 30. Ч. I. С. 115

Царевича окружили люди, недружелюбно относившиеся к затеям государя.

Костомаров Н.И. (1). С. 824

Россия волнуется бурями преобразования, все истомлены и жаждут пристать к тому или другому берегу; для всех одинаково важен и страшен вопрос: сын похож ли на отца?

Соловьев С.М. История России с древнейших времён. М.: «Мысль». 1988. Т. XVII. С. 6.). Далее цитируется как Соловьев С.М. (1). С указанием тома и страницы

К несчастью сего Принца, окружаем был от самых пелен людьми, заражёнными предрасудками суеверия, которые всё вводимое родителем его не только не одобряли, но и оуждали, называя оныя еретическими и богопротивными.

Голиков И.И. (1). Том седьмой. С. 15

...Бабушка особенно полюбила внучка и с рук на руки передала его избранной кормилице. То была Марфа Афанасьевна, жена Вас. Ив. Колычова. Василий Иванович принадлежал к одной из старинных дворянских фамилий; многие из предков его были лицами именитыми в XV, XVI, XVII веках, при дворе великих князей и царей московских; а один из них, Фёдор Степанович, в иноках Филипп, митрополит Российский, приял мученический венец при царе Иване Грозном, и причтён к лику святых...

Семевский М.И. Кормилица царевича Алексея. СПб. 1861. С 4-5. Далее цитируется как Семевский М.И. (2).

Царица Наталья Кирилловна очень любила своего внука и именем Олешеньки звала Петра, например, из Архангельска. Шести лет царевич стал учиться грамоте. Учителем к нему определён Никифор Вяземский...

Вяземский, Никифор Константинович, нигде не называется Князем. Не от Вязём ли, села Князя Бориса Алексеевича Голицына, в 40 верстах от Москвы, происходит его фамилия, Вязёмский? По крайней мере, в 10 верстах от Вязём была у него своя деревенька, для коей поручал он однажды Якова Игнатьевича (духовника Царевичева) просить у Князя семян. Было ещё имение в Вологде. В Москве у него был дом.

Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича вновь найденных Г.В. Есиповым с приложением рассуждения М.П. Погодина. М. 1861. С. XIX. Далее цитируется как Г.В. Есипов и М.П. Погодин. С указанием страницы.

За Божиею благодатью, по твоему царскому желанию, сын твой благополучный великий государь царевич и великий князь Алексей Петрович всея великия и малыя и белыя России в немнож времени совершенное литер и слогов по обычаю аз-буки учит Часослов.

Некто званием от последних Никишко Вяземский многопокорно рабски челом бую.

Н. Вяземский – царю Петру. С Москвы, июля 29 числа 201 (1696) году. Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С.-Петербург, 1859. С. 298

Божиею ревностию ревнуя по благочестии подражателю. Великому Государю Царю и Великому Князю Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии Самодержцу. Тепле поборая по святей кафолической вере, и тщательно защищая соборную и апостолскую церковь и любезно заступая вся християны, от Бога вручённые Своея Царския державы. Странно сотворившегося действия в самый день Пятдесятный, в он-же святым учеником и апостолом от Безначального Отца благодать Пресвятого Духа премудрость и разум дадеса. Что ныне повелехся делом совершати, приступил к светлей Твоей деснице, от Тебе умна солнце – изливающее свет благодати. Благословенному и царских чресл Твоих плоду светлопорфирному Великому Государю Царевичю и Великому Князю Алексею Петровичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии, сотворил о безначальном Алфы начало, что да будет всегда во всём забрало благо. Откуда-же и како мне сие бысть – не вем!.. но токмо «Сердце Царево в руце Божии». Повем: ниже мысль моя земленоревностная (sic) имеше, или когда смеяше дерзати. Желая дабы Господь Бог Тебе даровал Великому Государю здравие Моисеево, лета веку его равняя, силу Самсонову, мир Соломонов, обладание Августово, славу Александрову, победу над врагами яко царю Константину на Максентия, яко Давиду на Галиафа, и вся благая желаний сердца Твоего царского да исполнит. Твоего Царского Пресветлого Монаршеского Величества малейший и последний раб Никишко Вяземской, к стопам Твоим

царским припадая, кланяюся. С Москвы, июня 2-го числа 204 (1696) году.

Письмо Никифора Вяземского – царю Петру. 2 июня 1696. Труворов А.Н. Русская старина, 1991. – Т. 70. № 6. – С. 602

Вяземский был, впрочем, человек бездарный и слабый; он не умел заслужить уважения своего питомца, который в последствии бил его неоднократно. Но главным несчастьем было то, что до девяти лет царевич находился под надзором матери, косневшей в предрассудках старины и ненавидевшей всё, что нравилось Петру. Окружавшие его родственники с матерней стороны, Лопухины, также, без сомнения, оставили самое невыгодное впечатление в уме слабого отрока: по крайней мере, враги Петровы смотрели на царевича, как на будущую надежду свою, и стрельцы, при розыске 1698 года, говорили вслух, что он немцев не любит.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 15

Такой приговор делает г. Устрялов над лицами, окружавшими отрока Алексея; подобные же приговоры делали и предшествовавшие ему историки, и во всех случаях приговор этот голословен. Никто не взял на себя труда остановиться с надлежащим вниманием над личностями, окружавшими царевича, сколь возможно ближе познакомиться с характером матери-царицы, ея свойственников и свойственниц, на-

конец, с первыми приставниками и приставницами наследника престола.

Семевский М. (2). С. 3

Ещё во время стрелецкого бунта, когда царевичу было 8 лет, в народе говорили, что он немцев не любит, и хотели посадить его на царский престол, убив предварительно Петра, как такого государя, который начал веровать в немцев. Пётр знал это и рано стал видеть в сыне своего соперника...

Терновский Ф. С. 6

Когда вскоре после государственного переворота 1689 года начались преобразования, столь не нравившиеся массе, народ надеялся как на избавителя на царя Ивана Алексеевича. После кончины последнего недовольные стали ожидать спасения от царевича Алексея. Ещё в то время, когда царевич был мальчиком, народ обращал на него особенное внимание. Говорили, что Алексей ненавидит иностранцев, не одобряет образа действий отца и намеревается погубить тех бояр и сановников, которые служили покорным орудием в руках Петра при исполнении его планов.

Брикнер А. Г. История Петра Великого: В 2 т. Т. 1. – М.: ТЕРРА, 1996. С.314. Далее цитируется как Брикнер А.Г. (1).

В России уже около того времени начали ходить слухи о разладе царевича с царём... Однажды какой-то мо-

настырский конюх Кузьмин рассказывал стрельцам следующее: «Государь немцев любит, а царевич их не любит, приходил к нему немчин и говорил неведомо какие слова, и царевич на том Немчине платье сжёг и его опалил. Немчин жаловался государю, и тот сказал: для чего ты к нему ходишь, покаместь я жив, потаместь и вы»... Недовольные настоящим утешали себя будущим. Ходили слухи, что наследник престола также недоволен, что он окружил себя всегдашними представителями недовольных – казаками и ведёт борьбу с боярами, потаковниками царя, считавшагося незаконным, антихристом. «Царевич», говорили в народе, «на Москве гуляет с донскими казаками, и как увидит котораго боярина и мигнёт казакам, и казаки, ухватя того боярина за руки и за ноги, бросят в ров. У нас государя нет, это не государь, что ныне владеет, да и царевич говорит, что он мне не батюшка и не царь».

Брикнер А. Царевич Алексей Петрович в произведениях иностранных драматургов и беллетристов // Исторический вестник, 1880. – Т. 3. – № 9. – С. 146-158. – Сетевая версия – И. Ремизова 2006 С . 150. Далее цитируется как Брикнер А.Г. (2).

Года чрез полтора после первого родился у него [Петра] второй сын, Александр, умерший в младенчестве.

Устрялов Н. (1). С. 11

Надежда на реакционное движение против преобразований Петра, на участие наследника в таких действиях могла сделаться опасной не только для царя, но и для его сына. Имя Алексея могло сделаться знаменем заговора против Петра.

Антагонизм такого рода легко мог повести к личной вражде между отцом и сыном. Уже довольно рано стали думать о возможности такой, борьбы, решительного разлада между Петром и Алексеем.

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.314

Сделать из сына немца

В древней летописи Русской находится любопытный рассказ, как великий князь Владимир разлюбил жену свою Рогнеду, как та хотела его за это убить, не успела и приговорена была мужем к смерти; но когда Владимир вошёл в комнату Рогнеды, чтоб убить её, то к нему навстречу вышел маленький сын их Изяслав и, подавая меч Владимиру, сказал: «Разве ты думаешь, что ты здесь один?». Владимир понял смысл слов сына и отказался от намерения убить жену. Но обыкновенно мужья и жёны, когда ссорятся, забывают, что они не одни; и Пётр, постригая жену, забыл, что он не один, что у него остался сын от неё.

Соловьёв С.М. (1). Т. XIV. С. 138

Единственным средством для избежания антагонизма между Петром и Алексеем было бы целесообразное, вполне соответствовавшее духу и направлению царя воспитание царевича, развитие в нём склонности к приёмам западноевропейской цивилизации, любви к труду и познаниям, обучение его тем самым наукам и ремёслам, которыми занимался отец.

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С. 314

Пётр знал людей, но не умел или не всегда хотел понимать их. Эти особенности его характера печально отразились на его семейных отношениях.

Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. М.: «Мысль», 1989. Т. IV. С. 40

Когда царю стала надоедать жена, он тайно посоветовался с духовенством и опытными людьми, желая узнать, нельзя ли найти какую-то зацепку, чтобы получить право на развод. Не получив благоприятного ответа, он заявил, что все они невежды и что, если бы он посоветовался по этому вопросу в Риме, там бы нашлись более ловкие люди.

Вильбуа. Рассказы о российском дворе. // Вопросы истории. №12, 1991. С. 204

Тогда решено было удалить Авдотью Фёдоровну в монастырь: по крайней мере, из Лондона царь прислал повеление боярам Л.К. Нарышкину и Т.Н. Стрешневу, также духовнику царицы, склонить её к добровольному пострижению. «О чём изволил ты писать к духовнику, и ко Льву Кириловичу, и ко мне», отвечал Стрешнев 19 апреля 1688 года, «и мы о том говорили прилежно, чтобы учинить во свободу, и она упрямится. Только надобно ещё отписать к духовнику, и сами станем и ещё говорить почаству. А духовник человек малословный; а что ему письмом подновить, то он больше станет прилежать в том деле». Пётр подтвердил свою волю по

возвращении из Лондона в Амстердам, повелев и князю Ромодановскому 9 мая года, содействовать Стрешневу: «Пожалуй сделай то, о чём тебе станет говорить Тихон Никитич, для Бога...»

Семевский М. Царица Евдокия Федоровна Лопухина. // РВ. 1859. Т.21. №10. С. 224

Женившись по старине, Петр задумал и избавиться от жены по старому русскому обычаю: уговорить нелюбимую постричься, а не согласится – постричь и насильно.

Соловьев С.М. История России с древнейших времён. М.: «Мысль». 1988. Т. XIV. С. 146

18 Июля 1698 года, в Вене был дан в честь русского посольства великолепный обед... Явился задравный кубок, наполненный мозельвейном; все гости встали и пили здоровье императора, провозглашая его по очереди друг другу, пока кубок не обошёл всего стола. Во всё это время гости стояли. Перед обедом условились было, чтобы Лефорт провозгласил таким же образом здоровье императрицы и потом Римскаго короля, барон же Кенигсакер здоровье царицы Московской; но ни то, ни другое сделано не было, потому ли, что обряд был слишком продолжителен, или, вероятнее, потому, что царь уже сомневался, не была ли его жена в заговоре с Софией...

Семевский М. Царица Евдокия Федоровна Лопухина. // РВ.

Через два года он возвратился из чужих краёв; Евдокия с нетерпением ожидала его к себе: он не посетил ея, а был у Анны Монс.

И.С. Первая супруга Петра I Евдокия Феодоровна // Русский архив, 1863. – Вып. 7. – Стб. 543

25 августа в 6 часу пополудни вернулся он из-за границы, и в тот же вечер успел побывать в нескольких домах, в городе и в Немецкой слободе; навестил бояр, повидался с семейством Монс, и на ночь удалился в Преображенские. Не посетил он только одной особы, которая нетерпеливее всех, между страхом и надеждою, ожидала его возвращения, – царицы своей, Авдотьи Фёдоровны.

Семевский М. Царица Евдокия Федоровна Лопухина. // РВ. 1859. Т.21. №10. С. 226

Говорят, будто царь вёл со своею супругой тайный разговор в чужом доме в течение четырёх часов, но слух оказался ложным. Другие вернее говорили, что царь имел свидание с любимую своею сестрою, Наталиею (Гвариент говорит, что свидание происходило в доме Винуса, и что Пётр имел действительно свидание с Евдокией Фёдоровной. Это известие вернее: с сестрой, вероятно, царь виделся прежде).

Корб И.-Г. Дневник путешествия в Московское государ-

ство. Цит. по: Рождение империи. М. Фонд Сергея Дубова. 1997. С. 763

Как бы то ни было, но все эти беседы не повели ни к чему.
Семевский М. Царица Евдокия Федоровна Лопухина. // РВ. 1859. Т.21. №10. С. 226

Никто не может сказать, что жена нынешнего царя неплодная, так как от брака с ней родился царевич, тем не менее, однако же, она отвержена, но причина сего развода, без всякого сомнения, весьма важная, так как царь, находясь около Азова, постановил до тех пор не возвращаться в Москву, пока жена не будет пострижена в монахини и не будет заключена в Суздальский монастырь, находящийся в 30 милях от столицы.

Корб И.-Г. Дневник путешествия в Московское государство. Цит. по: Рождение империи. М. Фонд Сергея Дубова. 1997. С. 194

24-го, 25-го сентября 1698 (4-го, 5-го октября). Все друзья царицы вызываются в Москву, но сомнительно, чтобы они явились, а когда по городу прошли слухи о разводе с царицей, стали видеть в том предзнаменование беды.

Корб И.-Г. Дневник путешествия в Московское государство. Цит. по: Рождение империи. М. Фонд Сергея Дубова. 1997. С. 501

Пётр прибегнул к силе. Недели три спустя после его свидания с женой, царевна Наталья Алексеевна, исполняя волю брата, взяла от царицы ея сына, царевича Алексея, бывшего осьми лет и семи месяцев. Из кремлёвских палат Алексей был отвезён в село Преображенское; а 25 сентября 1698 года, говорит Гордон, волею-неволею, в самой простой карете, без свиты, Авдотья Фёдоровна отправлена в Суздальско-Покровский девичий монастырь. В подлинных актах того времени даже не записан день ея ссылки.

Семевский М. Царица Евдокия Федоровна Лопухина. // РВ. 1859. Т.21. №10. С. 226

По удалении Евдокии в Суздальский Покровский девичий монастырь, Пётр вознамерился отправить сына, для воспитания, в Германию, под надзором Саксонскаго генерала Карловича, приехавшего в Москву в 1699 году. Царевичу предназначено было жить в Дрездене, куда между тем Лефорт приказал сыну своему Генриху ехать из Женевы. «Я ожидаю всемилостивейшего повеления моего короля», писал Карлович Петру из-под Риги в феврале 1700 года, «снова отправиться в Москву и с нетерпением желаю повергнуться к стопам вашего величества, не сомневаясь найти вас в добром здравии и в неизменном намерении послать вашего светлейшего принца со мною в Германию. Для достойного принятия его, всемилостивейший государь мой (Август II)

сделал все распоряжения: самым тщательным попечением и заботливостию о принце он докажет, как приятно ему получить столь драгоценный залог из рук вашего величества». Смерть Карловича, убитого под Ригою на приступе к Динаминду 1-го марта 1700 года, остановила отъезд царевича. Вскоре началась Шведская война; поражение под Нарвою так озаботило Государя, что он отложил до другого времени посылку сына за границу.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 17

Без успеха ищем мы следов, указаний, подробностей, как в это время обходился Пётр с своим сыном, к чему приготовлял его, в каких отношениях Алексей Петрович был к Екатерине и Меншикову?

Есипов Г. (2). С. 115

Озабоченный победами Карла XII, Пётр не решился отправить сына за границу и хотел воспитать его дома. Наставником ему назначен в начале 1703 года человек замечательный умом и образованием. Барон Генрих Гуйссен (Huissen и Huyssen), известный у нас под именем Гизена, из древней благородной фамилии цесарскаго (прусскаго) города Эссена, получивший образование в лучших университетах немецких...

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 19

На одиннадцатом году возраста его Монарх определил к нему воспитателя Барона Фон-Гизена, мужа, достойного такого звания; главное же надзирание над ним вверил любимцу своему Князю Меншикову.

Голиков И.И. (1). С. 15

Гюйссен в то время уже несколько лет состоял на русской службе... Назначение его собственно заключалось в том, чтобы быть литературным агентом России по заграничной печати и располагать по возможности общественное мнение Западной Европы в пользу молодого русского государства. Для этой цели он должен был переводить и печатать различные царские постановления, склонять иностранных учёных к тому, чтобы они писали статьи и книги для прославления России, опровергали клеветы о России, распространённые за границу; наконец, приглашать туда искусных офицеров, ремесленников и других полезных людей.

Герье В. Кронпринцесса Шарлота, невестка Петра Великого 1707-1715. По неизданным письмам. Вестник Европы. Санкт-Петербург, 1872, т. III. С. 22. Далее цитируется как Герье В. (1). С указанием страницы.

В марте 1703 года в Шлюссельбурге Гюйссен написал Наказ о воспитании царевича, в девяти статьях, сохранившийся в переводе Шафировова. Предоставляя учение религиозное единоверному (православному) наставнику, Гюйссен очень

подробно и основательно говорит о нравственном образовании; потом переходит к самому учению: до начала и по окончании его, утром и вечером царевич должен был прочитывать две главы из Библии, явственно и с прилежанием, так, чтобы Ветхий завет пройден был однажды, а Новый дважды; между тем в течение шести месяцев исключительно заниматься французским языком, как легчайшим и наиболее употребительным, по руководству грамматики, изданной для французского дофина; окружавшие царевича лица должны были говорить с ним по-французски; в часы отдохновения объяснять ему иллюминированные географические карты из атласа Янилотова; приучать его понемногу к употреблению циркуля и приготовить к изучению Арифметики и Геометрии; между тем упражнять в штурмовании, танцевании и конской езде; для забавы же занимать умеренно игрою в труктафель (бильярд) и балгауз (игра в мяч). По прошествии 6 месяцев, когда царевич может понимать Французских авторов, начать изучение Истории и Географии, как истинных оснований Политики, по руководству Бунона и Пуффендорфа, с присовокуплением Французских курантов и исторического Меркурия; в то же время преподавать Геометрию и Арифметику; учить слогу и чистописанию; читать Пуффендорфово сочинение о должности человека и гражданина, *le droit civil dans l'ordre naturel*, Фенелонова Телемака, и обучать военным экзерцициям. Все это могло быть пройдено в два года; после того изложить царевичу: о всех политиче-

ских делах в свете; об истинной пользе государств; об интересе всех государей Европы, в особенности неограниченных; о всех военных искусствах: Фортификации, Артиллерии, военной Архитектуре, Навигации и проч. В заключение составить заблаговременно на Французском языке комнатную библиотеку.

План учения был одобрен, и Царь указом из похода назначал Гюйссена обер-гофмейстером царевича, с жалованьем по 1000 рублей. Опасаясь принять на себя столь великую ответственность, Гюйссен предложил эту должность Александру Меншикову, сам же вызвался состоять под его начальством; что также одобрено.

Устрялов (1). Т. VI. С. 14-15

Злой гений царевича

Обременённый борьбою с Карлом XII, Государь приезжал в Москву на самое короткое время. Меншиков находился постоянно в С.Петербурге.

Устрялов (1). Т. VI. С. 17

Этот коварный попечитель, живя в Петербурге, как бы намеренно предоставлял осиротившему царевичу свободу проживать под Москвою в Преображенском, проводить время по своему усмотрению, привыкать к бражничанью и окружать себя по преимуществу лицами чёрного и белого духовенства, с духовником его Яковом Игнатьевичем во главе, вообще с людьми, недружелюбно смотревшими на нововведения Петра и на его пристрастие к иноземцам.

Иловайский Д.И. Пётр Великий и царевич Алексей. Русский архив. 1912. Книга 3, № 9. С. 7. Далее цитируется как Иловайский Д.И. (1). С указанием страницы.

По взятии Ниеншанца, где был первый поход царевича в звании солдата Бомбардирской роты, после торжественного вшествия в Москву, в ноябре 1703 года, Пётр, в присутствии царевича, Меншикова, Головкина и других министров, сказал Гюйссену: «Узнав о ваших добрых качествах и вашем

добром поведении, я вверяю единственного моего сына и наследника моего государства вашему надзору и воспитанию. Не мог я лучше изъявить вам моё уважение, как поручив вам залог благоденствия народного. Не мог я ни себе, ни моему государству сделать ничего лучшего, как воспитав моего преемника. Сам я не могу наблюдать за ним; вверяю его вам, зная, что не столько книги, сколько пример будет служить ему руководством». В марте 1704 года царевич отправился с Гюйссенем из Москвы в С.-Петербург; оттуда под Нарву и находился там во всё время осады ея.

Устрялов (1). Т. VI. С. 15

Более полугода находился царевич в рядах осаждающего войска и был свидетель всех осадных работ, наконец, взятия Нарвы.

Семевский М.И. (2). С. 6

Вначале у него была склонность к учёбе: он знал геометрию, историю, изучал немецкий язык; но он совсем не любил военное дело, не хотел его изучать, и в этом его особенно упрекал его отец.

Вольтер. Анекдоты о Петре Великом. Пер с франц., коммент. И вступ. ст. С.А. Мензина М. 2004. С. 13. Далее цитируется как Вольтер (1). С указанием страницы.

По взятии Нарвы штурмом, выстроены были триумфаль-

ные ворота, и дома освещены с остроумными надписями. Царь ходил с своими генералами, при звуках музыки, с барабанным боем и пением певчих. Осмотрев всё, он пришёл в главную квартиру Фельдмаршала Огильви и сказал царевичу:

«Сын мой! Мы благодарим Бога за одержанную над неприятелем победу. Победы от Господа; но мы не должны быть нерадивы и все силы обязаны употреблять, чтобы их приобрести. Для того взял я тебя в поход, чтобы ты видел, что я не боюсь ни труда, ни опасностей. Понеже я, как смертный человек, сегодня или завтра могу умереть, то ты должен убедиться, что мало радости получишь, если не будешь следовать моему примеру. Ты должен, при твоих летах, любить всё, что содействует благу и чести отечества, верных советников и слуг, будут ли они чужие или свои, и не щадить никаких трудов для блага общаго. Как мне невозможно с тобою всегда быть, то я приставил к тебе человека, который будет вести тебя ко всему доброму и хорошему. Если ты, как я надеюсь, будешь следовать моему отеческому совету и примешь правилом жизни страх Божий, справедливость и добродетель, над тобою будет всегда благословение Божие; но если мои советы разнесёт ветер, и ты не захочешь делать то, чего желаю, я не признаю тебя своим сыном: я буду молить Бога, чтобы он наказал тебя в сей и в будущей жизни».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 16

Как видно, уже в то время вместо мягких, ласковых отношений между отцом и сыном господствовали, с одной стороны, строгость, с другой – страх.

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.315

Царевич, со слезами на глазах, схватил руки Государя, целовал и жал их с горестью и говорил: «Всемиловитейший Государь-батюшка! Я ещё слишком молод и делаю, что могу. Но уверяю ваше величество, что я, как покорный сын, буду всеми силами стараться подражать вашим деяниям и примеру. Боже! сохрани вас на многие годы в постоянном здравии, чтобы я ещё долго мог радоваться столь знаменитым родителями».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 16

Но в этом же году над головой несчастного всходит и роковая звезда: Пётр узнал в доме Меншикова мекленбургскую пленницу, Екатерину, которую взял к себе, и её отношения, если даже не положительные действия, вместе с кознями Меншикова решили впоследствии судьбу царевича; но не станем упреждать события.

Погодин М.П. Суд над царевичем Алексеем Петровичем. Эпизод из жизни Петра Великого. В сб. Непотребный сын. Судна царевичем Алексеем Петровичем. Сост. Р.И. Беккин. – СПб.: Лениздат. 1996. С. 421. Далее цитируется как Погодин М.П. (1). С указанием страницы.

По-видимому, дело воспитания в руках Гизена пошло недурно. Но злой рок или вернее какой-либо недобрый гений царевича, вроде его коварного попечителя Александра Меншикова, поспешил это дело испортить. Уже в следующем 1705 году барон Гизен был отдалён от царевича; его отправили за границу с разными неважными поручениями, каковы: в Берлине присутствовать при погребении Прусской королевы, в Вене поздравить императора Иосифа I с восшествием на престол и предложить Польскую корону принцу Евгению Савойскому (после отречения Августа II) и т. п. Как будто никто другой не мог исполнить сих поручений. За границей Гизен пробыл около четырёх лет. В этом случае Пётр обнаружил явное равнодушие к воспитанию своего наследника, при котором оставался наставником ничтожный Вяземский.

Иловайский Д.И. (1). С. 6-7

Не видать ли уже здесь, в отстранении Гизена, как и прежде в удалении Нейгебауера, тайного намерения Меншикова приучать царевича к праздности и лени, давая ему простор и свободу для препровождения времени с его родными, приверженцами старины, с попами и монахами, к которым он получил известное расположение ещё при матери, и тем приготовить будущий разрыв с отцом? Меншиков мог под каким-нибудь благовидным предлогом подать злоумышлен-

ный совет Петру послать Гизена в чужие края... С этой стороны можно, кажется, поверить царевичу, который объяснил позднее цесарю, что Меншиков с умыслом дал ему дурное воспитание, не заставляя учиться и окружая дурными или глупыми людьми.

Погодин М.П. (1). С. 423

...Некие иностранные писатели, из каковых Бишинг, Левек и Кокс утверждают, что будто Меншиков умышленно отлучил от него Гизена и старался соделать Царевича развратным.

Голиков И.И. (1). Том седьмой. С. 15

К совершенному-же его несчастно, скоро приучили его и к вину, коим отягощая ум его, паче ещё отнимали у онаго силу к основательному разсуждению.

Голиков И.И. (1). Том третий. С. 384

Царевич и сам упрекал Меншикова в том, что он нарочно развил в нем склонность к пьянству и к праздности, не заботясь о его воспитании; упрёк этот был повторяем неоднократно и разными современниками.

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.315

Пётр виделся с сыном раз в два года

В 1705 году Андрей Артамонович Матвеев, находившийся в Париже, доносил о странном слухе, распространившемся при французском дворе; то был перевод народной русской песни об Иване Грозном, приложенной теперь к Петру; великий государь при некоторых забавах разгневался на сына своего и велел Меншикову казнить его; но Меншиков, умилосердясь, приказал вместо царевича повесить рядового солдата. На другой день государь хватился: где мой сын? Меншиков отвечал, что он казнён по указу; царь был вне себя от печали, тогда Меншиков приводит к нему живого царевича, что учинило радость неисповедимую. Когда французы спрашивали у Матвеева, правда ли это, он отвечал, что все эти плевелы рассеиваются шведами и прямой христианин такой лжи не поверит, потому что это выше природы не только для монарха, но самого простолюдина. В 1705 году нельзя было предвидеть, что через тринадцать лет позже осуществится, хотя в несколько ином виде, басня, забавлявшая французский двор, и что катастрофа царевича окажется вовсе не «выше природы монарха».

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.314

Царевич между тем достиг семнадцатилетнего возраста.

По отъезде Гюйссена, он жил постоянно в селе Преображенском, без всякаго занятия, получая на содержание 12 000 рублей, и только посещал токарнаго мастера Людвика де-Шепера, который доносил Царю: «Его высочество государь-царевич неоднократно в доме моём был и зело уже изрядно точить изволит: кажется, он великую охоту к сему имеет».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 17

С 1707 по 1709 год царевич в Москве, по поручению Петра, управляет делами государственными, – любопытно знать, как он управлял? – в духе ли Петровских преобразований и нововведений? Мог ли он радовать Петра, как надёжный наследник престола?

Есипов Г. (2). С. 116

В течение 12 лет (от 8 до 20 г. жизни царевича) царь виделся не более 5 или 6 раз с сыном...

Терновский Ф. С. 6

В конце 1706 года он (царевич) посетил свою мать, постриженную в Суздальско-Покровском монастыре; посетил её тайком, без отцовского позволения. Тётка царевича, Наталья Алексеевна, известила государя. Тот потребовал к себе сына в Жолкву, изъявил свой гнев за своеволие и поручил заняться заготовкой провианта: хлеба, сена, овса, набором

рекрут, осмотром новобранцев и проч.

Семевский М.И. (2). С. 8

Дошедшие до нас от сей эпохи многочисленные письма царевича к царю отличаются краткостью, «толковостью»: но в них постоянно проглядывают боязнь и робость перед грозным отцом.

Иловайский Д.И. (1). С. 21

Это было в начале 1707 года. Царевичу было только семнадцать лет. Однако, вопреки панегиристам Петра, явил во всех делах деятельность замечательную. Лучшие доказательства её сохранились в десятках писем к отцу.

Семевский М.И. (2). С. 8

Милостивый Государь Батюшко. Приехал в Смоленск, Мая в 15 день и всякого провианту здесь по моему осмотру и по ведомости, которую я взял у Петра Самойловича за ево рукою и что вычел я на Смоленской гварнизон послал ведомость в сём покете; а что делал впредь, буду писать к тебе Государю. Сын твой Алексей благословения твоего прошу. Из Смоленска Мая в 17 д. 1707.

Царевич Алексей – Петру. Мурзакевич Н.Н. Письма царевича Алексея Петровича к его родителю государю Петру Великому... Одесса. 1849. С. 7. Далее цитируется как Мурзакевич Н.Н. С указанием страницы.

Милостивый Государь Батюшка. Доношу тебе Государю, написано мне в пунктах, чтоб собрать хлеб с Смоленского уезду и с приписанных к нему трёх пригородов и с обретающимися кругом, по сторонам, вблизи городов. И с Смоленского уезду с пригородами собрать повеленного числа и к наличному хлебу невозможно для того, что в Смоленском уезде и с пригороды 20 499 дворов. И на всякой двор достанется сухарей и муки по четверти с полутором четвериков, овса по 6 четвертей с осминою. Сена по 100 пуд. А обретающиеся вблизи все города приписаны к Брянску (и мне по пунктам данным, мне взять их невозможно), и я приписал оные и дальние города, 16 городов (кроме Смоленских 3 пригородов), и о том писал я к Москве. И на те все, и Смоленские города, разположил я на двор по 1 четверти овса, по полтора четверика сухарей, сена по 16 пуд по 20 фунтов, и о сём послал я указы вчерашнего дня. А в которые города посланы указы, посылаю ведомость к тебе Государю с сим письмом. Да в Смоленске ис собранного наличного хлеба расход есть, и впредь им давать ли? Сын твой Алексей. Из Смоленска Майя в 20 д. 1707.

Царевич Алексей – Петру. Мурзакевич Н.Н. С. 8

Милостивый Государь Батюшко. Получил я вчера письмо от Гаврила Ивановича, писанное по указу твоему, чтоб собрать овёс, и старого треть, а две доли из нового. И по ука-

зу твоему исполнять буду, только имею печаль о сём, что не получил милостивого твоей руки писания себе. Поздравляю тебе Государю в день тезоименитства твоего, и с полученною викториєю над Быховым. Дай Боже и впредь такое щастие. Сын твой Алексей. Из Смоленска. Июня в 23 д. 1707.

P.S. В зборе у нас только: овса 2 805 чет. Сухарей 503 чет, и ныне плотят по немногу.

Царевич Алексей – Петру. Мурзакевич Н.Н. С. 11

Милостивейший Государь Батюшко. Письмо твоё Государь милостивое (а определении рекрут и Петровских солдат и стрелцов Астраханских) я получил Июля в 31 д. в вечеру. И по тому письму Астраханских стрелцов отправил в Оршу Августа в 3 д. А рекрут и Петровских солдат отправляю ныне; а когда отправлю всё, буду писать к тебе Государю подлинно. Поздравляю тебе Государю с новополученною викториєю над неприятелем, за Сестрою рекою; дай Боже и впредь щастие, чего усердно желаю. Сын твой Алексей. Из Смоленска. Августа в 5 д. 1707.

Царевич Алексей – Петру. Мурзакевич Н.Н. С. 14

Сентября 21, 1707, из Смоленска: «Получил сегодня письмо от батюшки. Изволит писать, чтоб мне ехать к нему в Минск... и оттуда пишут ко мне друзья мои, чтоб мне ехать без всякаго опасения, и мню, что к вам скоро буду без опасения». Значит – уже 1707 года друзья Царевича об нём без-

покоились и предвидели ему опасности.

Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. Г.В. Есипов и М.П. Погодин. С. VIII

Милостивейший Государь Батюшко. Приехал я к Москве в 24 д. в ночи, и на утра осмотрел фартецию кругом Китая от Приказу Артиллерии до стены, что в Василиевском саду. Сделано 1 болворок совсем и уже пушки поставлены, а на прочих нижние также, и у иных и верхние в оных местах, и кроме дёрну (глиною с хворостом) отделяются в иных местах, и штормпал положены. На Неглине, где был тележный ряд, болворок поднят, толко ещё брустер незделан и фланка, которая к Неглинским воротам сваи побиты, и зачели делать и по Неглине до Неглинских ворот бьют сваи-ж. У Ахотнаго ряду кругом круглой башни, в Неглине, начали делать полболворка. У Боровицких ворот роют до фундамента, где зачинаю болворок. По Москве-реке между Тайницких и Москворецких ворот оставливают брёвнами и насыпают землёю, и делают бруствер. А от Тайницких ворот до Водовзводной и от Москворецких ворот, до Васильевского саду такожде будет оставлено брёвнами. На Кремлёвских башнях бойницы пробиты, и пушки ставят. Гварнизон с сего числа стану смотреть, и что явится буду писать к тебе Государю; а по ведомости от господина Гагарина всего гварнизону 2 500, а работников 24 792 человека, и указанное число велел я прибавить, чтоб было 30 000. Сын твой Алексей. Из Преображен-

ского. Октября в 27 д. 1707.

Царевич Алексей – Петру. Мурзакевич Н.Н. С. 19

Милостивейший Государь Батюшко. Дело здешнее городовое было до сего времени худо (для того, что были надсмотрители над работными худые), и я того ради предлагил всем министром дабы они всяк себе взял по болворку и делал скоряе. И ныне разделено им всякому по болворку, и кому где определено, тому в сём письме ведомость. А дерновая работа уже гораздо худа, для того, что здесь уже снег пал. Артиллерию, что надлежит к наличному, велел готовить. Гварнизон, по данным Мусину пунктам, чтоб был в 13 000, и о сём говорил я, и господин Стрешнев людей боярских доставил к смотру, и ныне их смотрю, также господин Иванов рекрут, и господин Курбатов посацких. Хотели поставить вскоре, а как их пересмотрю, буду смотреть ланс-армею. Сын твой Алексей. Из Преображенского. Ноября в 8 д. 1707.

Царевич Алексей – Петру. Мурзакевич Н.Н. С. 20

Милостивейший Государь Батюшко. Письмо твоё Государь получил вчера, за что всеусердно благодарствую, и впредь того желаю. И по тому писму исполнять буду всею силою; а чтоб сделать пять полков, я то каким возможно образом набирать буду. А об афицерах указ сказан прежде сего писма за неделю, чтоб афицеры, которые кроются, и недоросли все являлися мне; а кто неявится, и у тех будут отписаны дерев-

ни. И по тому указу недоросли записываются, а афицеры ещё нет. И ныне я по указу твоему пошлю добрых людей с салдаты, и стану их искать, и како не сыщу, велю деревни отписывать вовсе, а отсылать буду к Ершову вовсе. А царедворцев в городах собранных нет: все собраны к Москве (и которые на Елце, и тем велено-ж быть) и из них молодых выбрав велю учить, и зделаю их самих рядовыми, и потом отдам в вышеписанные полки в афицеры; (а которые афицеры есть заподлинные и тех туда-ж отдам), такожде и кодетов и недорослей велю учить... Сын твой Алексей. Из Преображенского. Февраля в 3 д. 1708.

Царевич Алексей – Петру. Мурзакевич Н.Н. С. 23

«Отец поручил мне управление государством, – говорил он в Вене об этом времени, – и все шло хорошо. Царь был доволен».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 162

Так точно, если б Петр был особенно недоволен когда-либо, то, верно, нашлось бы указание о том в его письмах, коих он писал в день по десяткам. Непременно вкралась бы по его характеру какая-нибудь жалоба к Меншикову, Ромодановскому или Головину, Апраксину. Нигде не находим мы ни одного слова, ни одного намека о неудовольствии.

Погодин М.П. (1). С. 450

Никифор Вяземский доносил царю 14 января 1708 года: «Сын твой начал учиться немецкого языка чтением истории, писать и атласа росказанием, в котором владении знаменитые есть города и реки, и больше твердил в склонениях, которого рода и падежа. И учитель говорит: недели две будет твердить одного немецкого языка, чтоб склонениям в твёрдость было, и потом будет учить французского языка и арифметики. В канцелярию в положенные три дни в неделю ездит и по пунктам городовое и прочие дела управляет; а учение бывает по все дни». Таким образом, на царевича наложена была двойная обязанность, не в уровень его нравственным и физическим силам: осьмнадцатилетний молодой человек вместе с правительственной деятельностью должен был твердить склонения, усиленно заниматься математикою, фортификациею, к чему, как видно, он не имел склонности по природе. Когда отец спрашивал у него, какую книгу прислать ему для перевода, то он отвечал: «Учиться фортификации по указу твоему зачал, также и лечиться. А что изволил писать о книжке, какую мне для переводу прислать, и я прошу о истории какой, а иной не чаю себе перевести».

Соловьев С.М. (1). Т. XVII. С. 21

Если б царь был когда-нибудь недоволен, то верно делал бы выговоры, и эти выговоры были бы видны из ответов царевича. Ничего подобного не случилось, и только однажды царевич счёл нужным оправдываться и написать к отцу: «А

что ты, государь, изволишь писать, что присланные 300 рекрутов не все годятся и что я не с прилежанием вручённые мне дела делаю, и о сём некто тебе, государю, на меня солгал, в чём я имею великую печаль. И истинно, государь, сколько силы моей есть и ума, вручённые мне дела с прилежанием делаю. А рекруты в то время лутче не мог вскоре найти, а ты изволил писать, чтоб прислал их вскоре». Царевич так огорчён выговором, что писал к Екатерине о покровительстве, и, получив новое письмо от царя, отвечал ему: «Письмо твоё меня от прежнего письма печали зело обрадовало, что вижу милость твою паки к себе»...

Погодин М.П. (1). С.424

«Лучше бы мне быть сыном последнего земледельца...»

В Полтавской баталии он не участвовал Пётр известил его о великой победе собственноручным письмом.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 19

...В январе 1709 года царевич, отводя новонабранные полки к отцу в Сумы, простудился и выдержал злую лихорадку. Вероятно, слабость царевича после болезни и лечения была причиною, что Алексей оставался в Москве во время Полтавской битвы.

Соловьёв С.М. (1). Т. XVII. С. 20

Примечательно, что царь в этом году построил по обету церковь во имя св. Алексия, человека Божия, в тверском Жёлтикове монастыре.

Погодин М.П. (1). С.425

Милостивый Государь-батюшка! Письмо твоё о преславной и никогда слышанной виктории чрез Мурзина я получил, с которою тебе, Государю, поздравляю, и доношу, что о сём, по благодарении Богу, изрядно у меня веселились и у тётушки и трудившихся при сём поздравляю. И никогда

народ весь так весел небыл как о нынешней виктории. Сын твой Алексей. Из Преображенскаго. Июля в 10 д.

P.S. Получил я от тебя Государя письмо с подлинною реляциею, за что паки всеусердно благодарствую.

Царевич Алексей – Петру. Мурзакевич Н.Н. С. 60-61

...Около Царевича, с самых молодых его лет, находилось несколько лиц, составлявших какое-то особое дружеское общество; они имели свои виды и действовали сообща, в отдалении от прочих, наблюдая разныя предосторожности: говорили между собою, а иногда и переписывались, языком условным, употребляли тайныя азбуки. Вот эти лица: Василий Григорьевич, Андрей Фёдорович, Алексей Иванович, Иван Нарышкины. Из них Алексея Ивановича мы видим по прежним документам при Царевиче ещё в 1702 г. Вероятно, все они поступили к Царевичу по родству их с матерью Петровой, Наталией Кириловной Нарышкиной.

Никифор Кондратьевич Вяземской, учитель и надзиратель Царевичев с детства.

Василий Иванович Колычов, муж кормилицы Царевича.

Фёдор Борисович Еварлаков, принадлежавший к домовому управлению Царевича.

Из духовных лиц: Духовник Царевича Яков Игнатьевич.

Благовещенский ключарь Иван Афанасьевич.

Протопоп Алексей.

Священник Леонтий Григорьевич из Грязной слободы в

Москве.

Упоминаются ещё в числе лиц, кому посылались поклоны: Андрей Михайлович, Иван Иванович (не Нарышкин ли?), Михаил Григорьевич Нарышкин, Фёдор Григорьевич.

Из женских лиц упоминаются часто (в его переписке). Акулина, дочь Вологодского архиепископа Варсонофия.

Подобно тому, как родитель царевича устроил ради потехи всепьянейший собор и раздавал разные клички членам этого собора, царевич Алексей составил около себя такой же кружок друзей и всех их наделил насмешливыми прозвищами (отец Корова, Ад, Жибанда, Засыпка, Захлюста, Молох, Бритый, Грач и пр.). Они хвастались своим пьянством. «Мы вчера повеселились изрядно», писал однажды царевич к своему духовнику: «отец духовный Чиж чуть жив отошёл до дому, поддержим сыном»; а в письме царевича один из собеседников его, Алексей Нарышкин, приписал: «мы здесь зело в молитвенных подвигах пребываем, я уже третий день не наливался, и главный наш не умножает».

Всё общество связано было между собою теснейшею дружбою: по крайней мере, Царевич всех членов искренно любил, принимал участие в их судьбах, помогал в случае нужды, подавал советы, ждал с участием от них известий; во многих местах писем оказывается даже нежность и тонкость его чувства...

Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. Г.В. Есипов и М.П. Погодин. С. II-III

Особенно Яков Игнатъев, который был духовником царевича, имел на него громадное нравственное влияние.

Костомаров Н.И. (1). С. 824

Мы видели, как часто ненависть к царю, неодобрение его преобразований принимали вид религиозного протеста; восстания происходили во имя благочестия; царя считали антихристом; бунтовщики говорили об обязанности «стоять за дом Богородицы». Нельзя отрицать существования некоторой связи между царевичем Алексеем и сторонниками таких начал средневекового византийского застоя. Недаром он интересовался личностью и судьбой Талицкого, доказывавшего, что с царствования Петра началось время антихриста. При таких обстоятельствах близкое знакомство царевича с попами и монахами могло считаться делом опасным и для него самого, и для всего государства. В то самое время, когда Алексей по летам своим мог бы приступить к участию в делах и сделаться помощником отца, он находился под сильным влиянием своего духовника Якова Игнатъева, принадлежавшего к реакционной партии и бывшего средоточием того кружка попов и чернецов, в котором вращался особенно охотно злосчастный наследник престола.

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.319

Яков Игнатъевич с самого начала возымел на Царевича

сильное влияние, почти до самого последнего времени. Приведём отрывок из его письма в 1714 или 1715 г., в котором он описывает первое свидание с Царевичем: «...Во время первопришествия твоего ко мне в духовность, лежащу пред нами, во твоей спальне; в Преображенском; на столце, святому Евангелию, и мне ты пред ним вопросившее сице: будеши ли заповеди Божия исполняти, и предания Апостольская и святых отец хранить, и мене, отца своего духовнаго, почитати, и за Ангела Божия и за Апостола имети, и за судию дел своих, и хочеши ли мене слушати во всём, и веруеши ли, яко и аз, аще и грешен есть, но такову же имею власть священства от Бога, мне недостойному дарованную, и ею могу вязати и решати, какову власть даровал Христос Апостолу Петру и прочим Апостолом, глаголя: его же аще свяжете на земли, будет связан и на небеси, и его же аще на земли, будет разрешён и на небеси, и хочеши ли смирения моему священству и власти во всём повиноватися и покорятися? И на сия вопрошения моя благородие твоё пред святым Евангелием сице ответствовал: Заповеди Божия и предания Апостольския и святых его вся с радостию хочу творити и хранити, и тебе, отца моего духовнаго, буду почитати и за Ангела Божия, и за Апостола Христова и за судию дел своих имети и священства твоего власти слушати и покоритися во всём должен».

Обращаю внимание на этот язык: не слышится ли в словах старого нашего Протопопа Якова Игнатьевича сам Григорий VII, основатель папской власти. Не чувствуется ли сродства

этой речи с притязаниями Патриарха Никона? Не объясняется ли ею характер первых наших раскольников?

Прибавим, что Яков Игнатьевич во всё время жесточайших пыточных истязаний, повторявшихся много раз в продолжение года, битый и жжёный, не показал ни на кого, между тем как из писем Царевича, открытых случайно после его казни, в 1720 году, видно, что у него были многие друзья, посвящённые в его тайны с Царевичем

Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. Г.В. Есипов и М.П. Погодин. С. IV-VIII

Во хмелю царевич проявлял не один весёлый нрав, но также вспыльчивость и, подобно отцу, давал волю своим рукам и своему языку. Так: в трезвом состоянии он очень почитал и слушался своего духовника, а в подпитии случалось жестоко его бранить и даже драть за бороду.

Иловайский Д.И. (1). С. 9

Заметим, истины ради, и некоторые тонкие черты: Царевич просит духовника уведомить, как чует сердце об его браке. В письме к мужу кормилицы, Василью Ивановичу Колычеву, июля 6, 1707 г., Царевич пишет: «Бог тебя простит, что написался Васьюкою, только впредь не делай сего».

Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. Г.В. Есипов и М.П. Погодин. С. XIX

Однажды Алексей покаялся ему [Якову Игнатьеву], что желает отцу своему смерти, и духовник отвечал: «Бог тебя простит; мы и все желаем ему смерти для того, что в народе тягости много». Тот же духовник старался поддерживать в Алексее память о матери как невинной жертве отцовского беззакония; говорил ему, как любят его в народе и пьют про его здоровье, называя надеждою российскою.

Соловьёв С.М. (1). Т. XVII. С. 14

Но главным виновником несчастного настроения его был Александр Кикин: некогда любимый денщик Государя, впоследствии адмиралтейц-комиссар, человек умный и бойкий, он из видов любостыжания втёрся к царевичу и представлял дела отца в ненавистном виде.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 18

Александр Васильевич Кикин, один из ближайших друзей царевича Алексея, был очень богат: в одной Москве у него было 125 больших лавок. В них торговали его собственные крестьяне. Великолепные каменные палаты Кикина, находившиеся близ с.-потербургскаго адмиралтейства, были конфискованы в 1716 году. Сам Кикин, в числе других, за взятки и разныя злоупотребления был высечен, лишён чинов и сослан. Но Пётр находил в нём необходимые для службы способности, и в том же году простил Кикина, при чём большая часть его имений не была ему возвращена. Нужно

заметить, что Кикин с 1691 года употребляем был в качестве шпиона вместе с Ушаковым, Инсаровым, Румянцовым, Волковым и другими. Штелин, Голиков, Полевой и другие рассказывают предание о том, что будто бы А.В. Кикин три раза стрелял в спящего государя, и три раза пистолет осекался, после чего он сам повинился в своём злодейском умысле, при чём Пётр простил его. Рассказ этот едва ли не одна из тех выдумок Штелина и ему подобных баснословцев, которые очень хорошо уничтожились исследованиями г. Устрялова. Любопытен, как характеристическая черта того времени, следующий факт: брат Кикина, Пётр Васильевич, нещадно высеченный кнутом за растление 13-летней девочки, пытаный за фальшивую подпись, тем не менее, ведал в 1704 году рыбными промыслами и мельницами во всей России.

Семевский М. (1). С. 231

Эта партия простирала виды свои очень далеко: позднее духовник требовал, например, чтоб Царевич тотчас уведомил его о начале беременности его жены, что мы видим из следующего ответа: «Мая 6, 1712. Из Познани: О зачатии во чреве сопряжённые мне хочещи ведати, радетель, и возвещаю, что весьма до отъезда моего подлинно познати было не можно ещё, а повелел я жене, аще будет возможно сие познати, чтоб до меня немедленно писала. И как о сём получу известие, есть ли что, или нет, о том писанием не умедля вашей Святыни возвещу». Беременность жены Царевича так

же была важна для его друзей, как и для недругов.

Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. Г.В. Есипов и М.П. Погодин. С. XII-XIII

Но, может быть, скажет при сём кто: для чего же зла сего не предупредил родитель его? Таковой пусть рассмотрит того времени Историю Его Величества, и увидит, что великий родитель сей находился тогда в самых крайнейших беспокійствиях, по причине властолюбивых предприятий правительствовавшей сестры своей и многих на здравие его умыслений и заговоров... Увидит сего Монарха в одно и то же время заняшагося безпрестанным обучением вводимаго им регулярного воинства, строением Флота, обучением себя мореплаванию, исправлением многих злоупотреблений и нравов подданных, и, следовательно, увидит, конечно, что не было ему отнюдь времени самому смотреть, так сказать, за бывшим ещё в пеленах сыном своим; а потом паче ещё заняли Его Величество наступившая с Турками война, двукратные его под Азов походы, строение в Воронеже Флота, обзорния его многих городов и, наконец, предприятое им в Европейския Государства для научения себя самого достойному царствованию и для просвещения подданных своих путешествием. Но при всём сём, однако-ж, отнюдь сего сказать не можно, чтоб толико попечительнейший о пользе отечества Государь забыть мог единого своего сына и наследника, и оставить его без должнаго о нём призрения. Но можно-ли

Государю и человеку, занявшемуся сколь великими, столь и безчисленными делами, проникнуть в сердца окружавших сына его, закрытые непроницаемую завесой притворства?

Голиков И.И. (1). Том третий. С. 384-385

Причиною сопротивления предков преобразованиям Петра мы привыкли считать грубую лень и инерцию, свойственную русскому человеку. На эту инерцию указывал сам Пётр: «Русский человек, ни за что сам не примется, пока его не заставишь». Но неужели инерция такого свойства, что не слушается никаких нравственных возбуждений и ждёт непременно материального толчка? Так думал Пётр, и в этом, быть может, состояла его величайшая ошибка. Не знаем, как простолюдины, но аристократы времён Петровых горько жаловались на деспотизм Петра, на то, что он не обращает никакого внимания на мнение умных людей, которые, быть может, не хуже его понимали и современное состояние России и пользу преобразования. «Что за охота была тебе» – спросил Пётр Кикина, уже умирающего в великих мучениях, «что за охота была тебе, умному человеку, идти против меня?» – «Что я за умный человек», отвечал с досадою Кикин: «ум любит простор, а у тебя ему было тесно».

Терновский Ф. С. 24-25

К недовольным принадлежали не раскольники, которые оставались верны своему старому, основному взгляду, толь-

ко сильнее убеждались в пришествии антихриста; к недовольным принадлежали не одни низшие рабочие классы, которые без ясного сознания цели вдруг увидали на себе тяжкие подати и повинности; к недовольным принадлежали люди образованные, которые сами учились и учили детей своих, которые были охотники побеседовать с знающим человеком, с духовным лицом, а побеседовав, попить и понапоить учёного собеседника, которые были охотники и книжку читать учёную или забавную, хотя бы даже на польском или латинском языке, употребить иждивение на собрание библиотеки, были не прочь поехать и за границу, полечиться на водах и посмотреть заморские диковины, закупить разных хороших вещей для украшения своих домов; одним словом, они были никак не прочь от сближения с Западною Европою, от пользования плодами ее цивилизации, но надобно было сохранять при этом приличное сану достоинство и спокойствие; зачем эта суетня и беготня, незнание покоя, покинутие старой столицы, старых удобных домов и поселение на краю света, в самом непригожем месте? Зачем эти наборы честных людей, отцовских детей в неприличные их роду службы и работы? Зачем эта долголетняя война, от которой все пришли в конечное разорение? И царь Алексей Михайлович вёл долгую и тяжёлую войну, но зато православных черкас защитил от унии и Киев добыл; а теперь столько крови проливается и казны тратится всё из-за этого погибельного бολота.

Прибавим к этому, со своей стороны, что собственно культурная идея не была до такой степени чужда русско-му уму, как некоторые думали. Повторять с иностранцами, будто бы русский народ ненавидел образованность и вести его к просвещению можно было только страхом, насилием, или, как выражаются учёные немцы, просвещённым деспотизмом (*aufgeklärte Despotismus*), было бы клеветой на русский народ. Наглядным опровержением этой клеветы может служить то обстоятельство, что киевское просвещение могло же пробудить умственные потребности. Правда, оно породило раскол, но когда мы вникнем в причины упорства со стороны раскольников, то легко согласимся, что упорство это было порождено и развито деспотическими мерами, а не каким-либо прирождённым или закоренелым отвращением русского человека ко всякому умственному движению вперёд. Киевское просвещение, конечно, было односторонним, но то была только та односторонность, чрез которую, по неизменным законам человеческого развития, проходило всякое умственно развивающееся общество; по крайней мере, киевское просвещение вносило за собой такие взгляды, которые должны были содействовать дальнейшему движению умственной жизни в России: люди, усвоившие себе это просвещение, считали полезным делом заведение школ, распространение грамотности, посылку молодых людей за

границу для воспитания, изучение иностранных языков и введение в общественную и домашнюю жизнь иностранных приёмов. Все это не только не охуждалось безусловно, напротив, многими одобрялось... Чтоб Русь образовать, нужно было сделать независимым мышление, свободным сообщение с Европой, дать простор жизни, позволить каждому устраивать свою судьбу; русским надобно было собственно «дозволять» просвещаться, а не принуждать их к просвещению насилием, Пётр отрезывал русским бороды и старинное платье: такие меры удерживали бороды и старинное платье и сделали их принадлежностями мученичества; без этих мер, если бы царь только появился в европейском платье и за ним последовало несколько сановников, этого было бы достаточно; пример их подействовал бы на многих, и в короткое время, наверное, треть, если не половина Руси, обрила бы себе бороды и оделась по-европейски; точно так же, если бы русские узнали, что их более не станут пытаться огнём, бить кнутом, сажать в тюрьмы и ссылать по подозрениям в неверии, что сам царь посылает молодёжь за границу и возвращающихся оттуда ласкает, даёт почётные и выгодные места, то все мыслившее бросилось бы учиться, ездить за границу, усваивать понятия и взгляды, выработанные тогдашней наукой, а вслед за тем и в России закипела бы умственная жизнь; культурные признаки сами собою входили бы в общественный и домашний быт; верховной власти оставалось не принуждать, не насиловать, а только дозволять, поощрять

и показывать всем пример и дорогу... Пётр этого не уразумел: его горячая натура не хотела ждать и не терпела никакого противоречия. Для того чтобы ввести в России признаки европейской образованности, нужно было, с одной стороны, более или менее продолжительное время, а с другой – надобно было безбоязненно допустить внутри русского общества борьбу понятий, верований и взглядов, надобно было терпеливо и милостиво сносить противодействия образовательным мерам; зато достигнутое таким путём прочно привилось бы к России, вошло бы в её плоть и кровь, выработало бы в ней нечто зрелое, своеобразное, самостоятельное, твёрдое, здоровое. Но для такого образа действий не подготовило Петра ни воспитание, ни Европа, куда он ездил для самообучения; притом Пётр и не поставил главной целью своей деятельности духовное просвещение народа. У него была цель – создать государство, которое бы не только не боялось нападений и в состоянии было бы от них отстоять себя, но само стало бы грозным для соседей, заставило бы их если не уважать себя, то опасаться своего материального могущества. Для этой цели нужно было войско и военные припасы, нужен был флот, нужно было море, а для того, чтобы приобрести последнее, нужна была война; война же, по своему существу, не может допускать выжидания, а требует немедленной доставки многого такого, что в спокойное время достаётся продолжительным трудом. Всякая война влечёт за собой чрезвычайные издержки, падающие всегда бре-

менем на народную массу. Шведская война оказалась одной из упорнейших и тяжёлых войн; издержки требовались за издержками, их должен был доставлять русский народ, выбиваясь из сил, разоряясь, страдать. Петру хотелось, чтоб у него немедленно делалось то, чего он захочет. Это качество особенно является как бы прирождённым в тех государствах, которые в детстве вступили на престол, почти не помнили себя ничем, как только государями, не были даже наследниками, не видели в своей стране никого выше себя по праву. Их стремления усиливались, если во времена детства этих государей бывали (а это действительно часто в таких обстоятельствах и случалось) смуты или бунты, незаконные поползновения, тем или другим путём клонившиеся к уничтожению или оскорблению верховного сана. Тогда с их наклонностями делать всё непременно по-своему соединяется раздражительность, подозрительность, недоверие и заботливость предупредить всё, похожее на сопротивление их воле, всё, что напоминает им неприятные впечатления детства или отрочества. Такими и были при совершенно различных дарованиях Иван Васильевич Грозный, Людовик XIV, Пётр Великий.

Костомаров Н.И. Исследования, документы. Царевич Алексей Петрович (по поводу картины Н.Н. Ге). М. Книга. 1989. С. 9-10. Далее цитируется как Костомаров Н.И. (2). С указанием страницы.

Россия в своём повороте, в своём движении к Западу шла очень быстро; в короткое время она изживала уже другое направление; царевич Алексей, похожий на деда – царя Алексея Михайловича и дядю – царя Фёдора Алексеевича, был образованным, передовым русским человеком XVII века, был представителем старого направления; Пётр был передовой русский человек XVIII века, представитель иного направления: отец опередил сына!

Соловьев С.М. (1). С. 8

Не говорю и не думаю, чтобы древние россияне под великокняжеским или царским правлением были вообще лучше нас. Не только в сведениях, но и в некоторых нравственных отношениях мы превосходнее, т. е. иногда стыдимся, чего они не стыдились, и что, действительно, порочно; однако ж должно согласиться, что мы, с приобретением добродетелей человеческих, утратили гражданские. Имя русского имеет ли для нас теперь ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде? И весьма естественно: деды наши, уже в царствование Михаила и сына его, присваивая себе многие выгоды иноземных обычаев, всё ещё оставались в тех мыслях, что правоверный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а Святая Русь – первое государство. Пусть назовут то заблуждением; но как оно благоприятствовало любви к Отечеству и нравственной силе оного!

Карамзин Н.М. Записки о древней и новой России в её по-

*литическом и гражданском отношениях. В сб. Быть Рос-
сии в благоденствии и славе. Послания великим князьям,
царям, императорам, политическим деятелям о том, как
улучшить «государственное устройство». М. Изд «Пашков
Дом, 2002. С. 150*

Царевич же был обожаем народом, который видел в нём
будущего восстановителя старины. Оппозиция вся (даже сам
князь Яков Долгорукий) была на его стороне. Духовенство,
гонимое протестантом царём, обращало на него все свои на-
дежды. Пётр ненавидел сына как препятствие настоящее и
будущего разрушителя его создания.

Пушкин А.С. С. 364

В Европу за умом

По достижении царевичем двадцатилетнего возраста, Пётр снова вознамерился исполнить давнишнее желание своё отправить сына в Германию для науки и повелел ему быть в корпусе князя Меншикова, двинутом в Польшу для изгнания Станислава Лещинского. «Требую определения о сыне вашем», писал Меншиков из Быхова, «что мне с ним чинить? Ежели изволите послать его в известное вам место, то надлежит определение учинить о деньгах, без чего пробыть невозможно; к тому же надобно отправить с ним человек трёх или четырёх офицеров, знающих тамошния обхождения и искусных потребным языкам».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 20

Зоон! Объявляем вам, что по прибытии к вам господина князя Меншикова ехать в Дрезден, который вас туда отправит, и кому с вами ехать, прикажет. Между тем приказываем вам, чтобы вы, будучи там, честно жили и прилежали больше учению, а именно языкам (которые уже учишь, Немецкий и Французский), Геометрии и Фортификации, также отчасти и политических дел. А когда Геометрию и Фортификацию окончишь, отпиши к нам. За сим управи Бог путь ваш...

Пётр – царевичу Алексею Петровичу, от 23 октября 1709

года из Мариенвердера.

Письма и бумаги императора Петра Великого. Том 9, выпуск первый (январь-декабрь 1709 года). Издательство Академии наук СССР. М.-Л.1950. С. 442

Спутниками и собеседниками царевича назначены князь Юрий Юрьевич Трубецкой и граф Иван Гаврилович Головкин, сыновья знатнейших вельмож. Меншиков дал им следующую промеморию: «Понеже хотя уповаем, что их милости, яко честные и обученные господа, будучи при его высочестве государе-царевиче, всё то, еже что так к славе государственной, яко и ко особенному интересу его высочества подлежит, хранить и исполнять не оставят; однакож по нашей должности последующими краткими пунктами подтверждаемы: 1) дабы приехав в указное место, инкогнито бытность свою там отправляли честно и обходились с тамошними людьми учтиво и себя содержали так, как от его царского величества наказано; 2) чтоб его высочество государь-царевич в наказанных ему науках всегда обретался, и между тем сверх того, что ему обучаться велено, на флоретах забавляться и танцовать по-французски учиться изволил; 3) дабы как между собою, так и с господином Гизеном имели доброе согласие и любовь и друг ко другу надлежащее почтение, дабы чрез то вящшая честь и слава его царскому величеству происходить могла; 4) которые ефимки даны на расход, и те, також и прочую казну, держать с запискою именно, понеже в том и

впредь имеют дать отповедь».

Царевич однакож не скоро поехал в Дрезден. Князь Меншиков 29 ноября 1709 года из Полоннаго писал Петру: «Получил я подлинную ведомость, что королевское величество кончае отъезжает в Саксоннию; того ради я сына вашего отпустить туда опасуюсь, и писал к нему, чтобы он был в Кракове до дальнейшаго вашего указа, пока подлинную получим ведомость о причине онаго в Саксонию отъезда». Царевич отправился в Краков и 19 декабря 1709 года писал к отцу по-немецки, что он будет ждать там дальнейших распоряжений.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 20-22

В Дрездене он снова занялся науками и, судя по иностранным свидетельствам, занимался прилежно. В этих занятиях провёл около года и очевидно много читал, приобретая книги на иностранных языках; этими книгами особенно мог запастись во время своей поездки на знаменитую Лейпцигскую ярмарку осенью 1710 года.

Иловайский Д.И. (1). С. 10

Вообще Царевич любил жить за границею; так, по случаю своей второй поездки, он пишет к духовнику: «О сём не извольте печалиться, понеже во благое сие дело идёт с помощью Божиею».

Собрание документов по делу царевича Алексея Петрови-

Из Дрездена царевич ездил в Карлсбад, где лечился водами. По-видимому, лечить потребовалось и следствия преждевременной привычки к неумеренному употреблению крепких напитков. Известно, что сам Пётр распространял и укоренял эту некультурную привычку в окружающей его среде. Царевича не только никто не оберегал от сего зла; но есть основание полагать, что коварный его попечитель Меншиков с затаёнными задними целями поощрял осиротелого, при живых родителях, юношу предаваться необузданному пьянству. По крайней мере, сам царевич потом указывал на него, как на главного виновника своей пагубной привычки.

Иловайский Д.И. (1). С. 9

Когда надо было следовать за отцом в поездках по 500–600 лье, которые царь предпринимал часто, царевич притворялся больным, ему сурово прочищали желудок из-за болезни, которой не было; такое лечение вкуче с большим количеством водки подорвали его здоровье и его дух.

Вольтер. (1). С. 24

Приведём целое письмо из Вольфенбителя, 1711 Сентября 20: «Сие писание без числа, соборное. Всечестнейший отец с патером и с детками здравствуй. Возвещаем вашей Святыни: мы здесь в сей день великомученика Евстафия по

духовном праздновании (сиречь, вечерни, всенощной, утрени, литургии и казани) веселимся духовне и телесне, и про ваше здоровье пьём. Желая вам многолетно жити, и в радости нам бы вас скоровременно видети. И на сие писание излитие вина было, дабы оное вас при приятии сего ж прияти принудило, дабы вам благополучно жити и сильно пити, и нас бы припоминати. Дай, Боже, наше и ваше желание в совершение б пришло, чтоб нам быть вскоре. Все же христиане правыя веры с нами сущия приписали ниже сего. Алексей грешный, иерей Иоанн Слонский сие вышеписанное укрепляем, чарками и стаканами подтверждаем, себе и вам обоим здравия желаем.

Здесь праздником сим про здравие ваше не по Немецки повеселихомся, но по Русски, и все всегда прошения вашего к Богу, еже бы к вам спешится, ей о вас печалем, а о домашних и нужду приемлем, ей желаем вси к вам, а паче Никифор Вяземский.

Истино подпиваем и вас сердечных наших любителей наминаем, к будущему сему празднику желаем к вам прибыти, и с вами радостно торжествовати.

Фёдор Оверлаков вам поздравляю, и желательно вас видети желаю.

При сём наливал, празднику поздравлял, а за ваше здравие всё выпивал Иван Афонасьев».

Приписано ещё рукою Царевича: «Сих всех присущих нам представих вашей святыни. Просим прощения, что опи-

систо писано, истинно в пьянстве сие случается, а мы по-Московски пьём в поминанье прежде бывших с вами благ, вси же просим отцу Иоанну Афанасьевичу поклон сочинити, и сие ему и всем показати нашей компании».

Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. Г.В. Есипов и М.П. Погодин. С. XVI-XVII

«После лечения своего государь-царевич отправился оттуда, – говорил Гизен,– ехав через все горные города, сам сходил в ямы рудовые, осмотрел всякие приёмы и работы, и как руду и металлы очищают, изволил потом возвратиться в Дрезден; а в Дрездене был государь-царевич во весь год для обучения в экзерцициях своих; в том же году ездил в Лейпциг для видения ярмарки архистратига Михаила».

Погодин М.П. (1). С.426

13 июня 1712 г. О Царевиче имеется забавное, хотя уже давнее, известие. Говорят, что, будучи в Дрездене, он опростался у себя в комнате и подтёрся оконною занавесью.

Эрнст-Август, герцог. Цит. по: Царевич Алексей Петрович в Германии. Русский архив. 1903. № 3. С. 432

Царевич был любознателен: из путевой расходной его собственноручной книжки мы видим, что во всех городах, где он останавливался, покупал почти прежде всего книги, и на значительные суммы: во Франкфурте, Нюрнберге, Праге,

Ерфурте, Галле и проч. Книги эти были не одного духовнаго содержания, но и историческия, литературныя, карты, портреты; осматривал везде достопримечательности. Так точно и из за границы он просит духовника больше всего беречь книги в Преображенском, поручает какого-то Петра Иевлю отдать учиться Латинскому, Немецкому и, буде можно, Французскому языкам, чтоб дней своих не терял праздно.

Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. Г.В. Есипов и М.П. Погодин. С. XIX

Царевич Алексей Петрович был не только неглуп, но даже очень умён, с примечательным рассудком. Самое убедительное тому доказательство представляют собственноручные его донесения отцу во время управления Москвою и при исполнении разных поручений, объяснения с цесарем, речи, обращенные к Шенборну, письма, писанные в Россию в Сенат и к архиереям, даже показания, сделанные в суде под пыткою, ответы на допросные пункты, писанные без приготовления. То же доказывают многие разговоры его о политических делах, суждения о России и других государствах, известные по несомненным документам. Ум виден и в его глазах, судя по портрету. Он был достаточно образован: объяснялся и писал по-русски и немецки хорошо, и если не любил заниматься, то и не прочь был от занятий: читал книги, заботился о книгах, делал выписки даже во время болезни в Карлсбаде, просил о доставлении книг и выписывал, любо-

пытствовал осматривать разные достопримечательности.

Погодин М.П. (1). С. 448

Говорят, что ему посоветовали выучиться танцевать. На это он отвечал, что наперёд надо набрать ума в голову, а потом он постарается обучить и свои ноги

Эрнст-Август, герцог. С. 431

Из приходно-расходной книги царевича Алексея Петровича, ведённой во время поездки за границу в 1714: Гансдорф Июля в 3-е (число). ...За книжку Библейку 2 гроша, за Гибнерову Генеалогию и с вопросами три талера и 15 грошей.

Июля в 6-е. ...За книгу Начертание Римской веры талер и 4 гроша, за книгу описание десяти гонений 6 грошей, за ланкарту 4 гроша, за книгу Патера Георгия сто казаный талер и 4 гроша.

Июля в 7-е. ...За Лютеров образ грош.

В Шпремберхе в 15 июля. ...За книжку: Оправдание Антона Ульрика 3 гроша.

Прага в 24-е Июля. За пашпорты 3 (ц.) гроша, в первой астерии гульден за пищу... За книги: малые животы Святых 2 гульдена и 18 крейцеров, малыя Нмецкия, Богемской Мартирологиум гульден и 12, Акемпиз Богемский 36... ..животы Святых Богемских 2 гульдена и 30 ...казания Кардинала гульден и 15, Библия 3 гульдена, животы Святых Рибо Дени-

ера 2 тома 15 гульденов, 1-й том 7 гульденов, другой 8 гульденов:

В 26-е. Куплена книга о чудесах Божиих три тома, дана четыре червонных, Томас Акемпиз 12 грошей, Марко Девиано 8 (ц.) грошей, Бернарда о истинной правде 8 (ц.) грошей, малые святцы 10 (ц.) грошей, Дрекселия о вечности, и размышления на всяк день 12 грошей, за воду минеральную полталера.

Июля в 28-е. ...За книгу другой свет талер.

В 30-е. Куплены: Жития Святых в десть, творения Рибодениера 2 части дано 15 гульденов, книга Манны Небесной полтреть гульдена...

Августа в 1-е. За переплёт всех книг 9 гульденов одному переплётчику, другому талер.

В 15-е. Заплачено в Карлсбаде за книгу Стодур 3, за книгу Есопа гульден, трубачам талер...

Августа в 30-е. Дано... за смешныя книги 8 грошей, а имя им Ларим, Лаврум, Ларисимум.

Сентября в 6-е. За книгу Филологии 10 грошей...

Сентября в 11-е. За книгу Вурмланд гульден за пять томов, за Евангелия праздничныя десять крейцеров, за календарь 2 крейцера.

Сентября в 15. За ящик на книги 8 гут грошей...

В Нюренберхе в 1-е Октября. ...За табак гульден, за книгу коркондация гульден и 12 грошей.

В 2-е Октября. ...За книги: против Лютаров 3 за Гроно-

граф 1, Бемская История пол, за Цесарев 1...

В 8 Октября. Куплено книг мелких на гульден 1, О познании самага себя, 2. Как скоро учёным себя сделать, 3. Как без болезни жить. Того же числа куплена книга Поучения Патера Иеронима Форденбаха, дана 3 талера и 8 грошей ... .. Инженерная пол гульдена, церковныя История полтара талера, Зерцало 8 грошей, регула Святаго Венедикта 16 грошей, чудное древо 6 грошей, всего 6 талеров и 8 грошей.

В 11-е Октября. За переплёт книг 2 талера, за книгу Теологию 7 гульденов, за очки гульден, за колясочную починку 4 гроша.

В Erfurte того ж числа за книги Размышление Госпожи Лавальеры 2 гут гроша, Аптека на злых жён 2 гуть гроша, Европейская дорога 12 гут грошей, Въезд Короля Шведскаго 2 гут гроша, за цедро 20 гут грошей...

В 27-е в Галле. ... За Евангелие маленькое 8 грошей.

В 1-е Ноября. ... Принято от Ивана Афонасьева Меншаго (из данных ему в Карлсбаде 50-ти червонных на дорогу) 26 червонных, из того за инструменты математическия и инженерныя 18 червонных.

В 20 Ноября. За книги толкование на Евангелие и Апостол полтора червонных, за Изъявление чинов церковных 2 гульдена, за два списочка 10 детков (трояков)...

В 23-е. В Браунсберхе за книгу Цваги 3 гульдена Польских...

Собрание документов по делу царевича Алексея Петрови-

Для того чтобы сделаться способным продолжать начатое Петром, для поддержания значения России в системе европейских держав, для обеспечения участия России в результатах западноевропейской культуры, для решения сложных вопросов законодательства и администрации, царевич нуждался в совершенно ином приготвлении, в совсем иных средствах эрудиции. Между тем как Пётр, живя за границей, работал на верфях, занимался в кабинетах и лабораториях натуралистов, Алексей, например, в 1712 году, находясь в Германии, обратился к учёному богослову Гейнекциусу с просьбой написать для него катехизис по учению православной церкви; в то же самое время, когда Пётр доставал и читал сочинения по артиллерии, баллистике и пиротехнике, сын его углубился в книги о небесной манне, в жития святых, в правила Бенедиктинского ордена или в знаменитый труд Фомы Кемпийского; Пётр осматривал арсеналы и доки, фабрики и мастерские, между тем как Алексей делал выписки из церковно-исторического труда Барония «*Annales ecclesiastici*»; Пётр старался составить себе точное понятие о государственном и общественном строе Англии, Франции и Голландии и проч.; Алексей же был занят вопросом средневековой истории, изучая воззрения прежних веков на понятие о грехе или убеждения прежних поколений в отношении к соблюдению поста и проч. Предприимчивость, физическая

сила и энергия Петра были противоположны некоторой мягкости, вялости, телесной слабости царевича. Сын, так сказать, принадлежал к прежнему, отжившему свой век поколению, тогда как отец был как-то моложе, свежее его и находился в самой тесной связи с современными идеями просвещения и прогресса. Мир, в котором жил Алексей, сделался анахронизмом, вследствие чего царевич оказался неспособным составить себе ясное понятие о том, в чём нуждалась Россия; его взоры были обращены не вперёд, а назад, и поэтому он не годился в кормчие государственного судна; живя преданиями византийской старины, он скорее мог сделаться монахом или священником, нежели полезным государственным деятелем. Столкновение между напитанным духом реакции сыном и быстро стремившимся вперёд отцом становилось неизбежным

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.317

Ко времени сего заграничного пребывания вероятно относится очень любопытное, но без числа и года написанное послание его к своему Московскому духовнику Якову Игнатьеву. Благочестивый, строго преданный православию, царевич скорбит о том, что при нём нет Русского священника на случай смертного часа. Но, запуганный отцом, он не смеет явно писать о своей нужде...

Иловайский Д.И. (1). С. 12

«Я чувствовал к отцу страх», писал он впоследствии, «но не сыновний».

Терновский Ф. С. 22

До какой степени отец и сын были друг другу чужды, доказывает всего яснее эта просьба Царевича к духовнику прислать к нему священника, о которой просить отца он видно не осмеливался, – в письме без подписания имени, года, числа и места: «Священника мы при себе не имеем и взять негде, а без доклада писать явно в Москву не без опасения; прошу вашей Святыни, пришли Священника (кому мочно тайну сию поверить) не старого, и чтоб незнаемый был всеми. И изволь ему сие объявить, чтоб он поехал ко мне тайно, сложа священнические признаки, то есть, обрив бороду и усы, такоже и гуменцо зарастить, или всю голову обрить, и надеть волосы накладные; и Немецкое платье надев, отправь его ко мне курьером (такого сыщи, чтоб мог верховую нужду понести), и вели ему сказываться моим денщиком, а Священником бы отнюдь не назывался, а хорошо б безжённой, а у меня он будет за служителя, и, кроме меня и Никифора, сея тайны ведать никто не будет. А на Москве как возможно сие тайно держи, чтоб и дома у вас не многие, или хотя б кроме патера, никто не ведал; такожде б он у себя в доме сего отнюдь не объявлял, и не брал бы ничего с собою надлежащаго иерею, ни требника, только б несколько частиц причастных, а книги я все имею, а платье ему Немецкое купи из моих де-

нег, и что ему надобно устроить, а изготова пошли его на Варшаву, и вели явиться Князю Григорию Долгорукову, и чтоб сказался моим слугою или денщиком; и он ко мне отправит, я ему о сём прикажу. Пожалуй, пожалуй, яви милосердие к души моей, не даждь умерети без покаяния: мне он не для чего инаго, только для смертнаго случая, такожде и здорово-му для исповеди тайной; я его не буду являть никому, что он поп; будет у меня за служителя, а во время вечерень и утрень и часов, поповскаго делать ему не велю, чтоб и домашния не ведали мои о сём, прошу сие тайно и неоплошно учинить. А хорошо б бездомной и безжённой был человек и молодой, и чтоб он под видом таким с Москвы от знаёмых утаился, будто без вести пропал, как и многим случается; ибо нужда, и закону пременение бывает; о бритии бороды не сумневался бы он, лучше малое преступить, нежели души наша погубити без покаяния; а чтоб молодой был или младообразный, чтоб не признали; а мнили бы за служителя моего быти; пожалуй, хотя не скоровременно, только добре сие сочини безленостно, и не дожидайся о сём другаго письма; а будет не благоволиши сего сочинити, души нашей Бог взыщет на вас, аще без покаяния от жития сего отлучится».

Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. Г.В. Есипов и М.П. Погодин. С. XII-XIV

Но сей рискованный план, по-видимому, остался неисполненным.

«Жену мне на шею чертовку навязали...»

А дабы никаких не оставить средств к его исправлению, то Великий Государь вознамерился его женить на добродетельной и знатной какой Принцессе, и с отеческим увещеванием открывает ему сие своё желание; и сын сей притворяется, что будто охотно на то соглашается, уверяя пекущегося о нём родителя, что если он сочетается с добродетельною и умною женою, то всеконечно исправит свои поступки.

Голиков И.И. (1). Том третий. С. 389

Ещё в марте 1710 года он (Царевич) приехал в Варшаву, где стал на дворе царскаго посла князя Г.Ф. Долгорукаго, был у короля в Виланове; и получил от него визит. Из Варшавы отправился в Дрезден; оттуда чрез несколько дней в Карлсбад, для пользования водами. Верстах в 10 от Карлсбада, в местечке Шлакенверте, он виделся с королевою Польскою и с принцессою Бланкенбургскою, Шарлотою, будущею супругою.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 22

Не раньше как в 1710 году он писал к Якову Игнатьеву о своей невесте: «На той княжне давно уже меня сватали,

однако же мне от батюшки не весьма было открыто... я писал батюшке, что я его воли согласую, чтобы меня женил на вышеописанной княжне, которую я уже видел, и мне показалось, что она человек добр и лучше мне здесь не сыскать». Быть может, различие веры беспокоило царевича. По крайней мере, он прибавил: «Прошу вас, пожалуйста, помолись: буде есть воля Божия, – чтоб сие совершил, а будет нет – чтоб разрушил».

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.323

При всём своём стремлении к брачным союзам с иностранными владетельными домами, Пётр лично не воспользовался возможностью вступить в брак с иностранной принцессой после того, как запер в монастырь свою первую супругу. Зато он усердно старался родниться с Немцами посредством членов своей фамилии. Так, двух своих племянниц выдал за немецких герцогов, Анну Иоанновну за Курляндского (1710 г.) и Екатерину Иоанновну за Мекленбургского (1716), а потом родную дочь Анну Петровну успел помолвить с герцогом Голштинским. Естественно, он решил также поступить в отношении к своему единственному сыну и наследнику, и, когда Алексей Петрович стал приходить в возраст, царь озаботился найти ему невесту в Германии. Эту деликатную миссию он, по-видимому, возложил на того же барона Гизена, когда тот ездил по немецким дворам с разными вышеуказанными поручениями.

Иловайский Д.И. (1). С. 12-13

Он (император Пётр) женил его в 1711 г. на принцессе Шарлотте-Христине Брауншвейг-Вольфенбюттельской, младшей сестре правящей императрицы, принцессе добродетельной, красивой и рассудительной.

Хакобо Фитц Джеймс Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика. Донесение о Московии в 1731 году // Вопросы истории. №5, 1997. С. 86. Далее цитируется как герцог де Лириа-и-Херика. С указанием страницы.

Алексею шёл тогда 22-й год, а Шарлотте – 18-й.

Иловайский Д.И. (1). С. 14

Из описания всех сих происшествий видно, что Петр в 1707 году, когда заключён был свадебный контракт, а равно и в 1711 году, когда произошло бракосочетание, не имел к сыну никаких неприязненных отношений и видел в нём своего наследника; иначе не стал бы вводить его в родство со знаменитою европейскою принцессою, сестрою императрицы немецкой и племянницей короля английского. С другой стороны, царевич не подавал никакого повода к неудовольствию и держал себя в границах приличия и послушания. Ему был 21 год.

Погодин М.П. (1). С.426

Я воображаю себе кронпринцессу, высокую, сухощавую немку, степенную, набожную, аккуратную вроде мадонн Голбейновых, которой противны были полудикие выходки молодого скифа, и она старалась навести его на путь истинный, чем ему и досаждала.

Погодин М.П. (1). С.427

Известно, что она была достойная принцесса из дому Вольфенбиттельского и родная сестра ныне царствующей императрицы Римской. Уже давно царь намеревался, посредством женитьбы сына своего, породниться с каким-нибудь могущественным домом в Германии и вместе с тем пробудить царевича из его обычной лени влиянием благовоспитанной супруги; ибо царевич этот, вследствие постоянного вредного обращения с невежественными людьми, усвоил себе такие наклонности, которые делали его неприятным в образованном обществе и были причиною, что он, не желая оставить своего образа жизни, не понимал и того, что таким образом он подвергал опасности и свои наследственные права. При таком его поведении царь всё более и более гневался на него и, наконец, дал стороною заметить, что если он не переменится в скором времени, то непременно будет пострижен в монахи, ибо лучше отрезать один член от тела, чем допускать гибель целого тела.

Записки Вебера // Русский архив. № 6. 1872. Стлб. 1337. Далее цитируется как Записки Вебера. С указанием стра-

нищы.

От природы он человек хороший, и порицают лишь его неотёсанность.

Эрнст-Август, герцог. С. 431

Слухи об этом дошли до царевича, и приверженцы его стали ревностно советовать ему, ради собственного его благополучия, затаить свою ненависть к иноземцам и высмотреть себе супругу в каком-нибудь могущественном доме в Германии, чтобы с помощью её высоких родственников обеспечить себе наследование престола, и в то же время и у самого царя, из уважения к такой супруге, приобрести лучшее положение, чем то, в котором он теперь находился. Все эти представления произвели на царевича такое сильное влияние, что он бросился к стопам государя-отца, заверяя его, что отныне твёрдо решил изменить свою жизнь и думает достигнуть этого лучше всего сообществом с разумною супругою, почему настоятельно просит его величество дозволить ему, чем скорее, тем лучше, поехать в Германию и там высмотреть себе такую супругу. Просьба эта положила основание браку его с помянутой принцессой...

Записки Вебера. Стлб. 1338

Царевич виделся с нею в Шлакенверте неоднократно: она ему не полюбилась... Ей было тогда 17 лет. Красотою она не

отличалась: при высоком росте, была очень худа и изуродована оспою. Мысль о соединении с царевичем подал барон Гюйссен: по крайней мере, в последствии сам он свидетельствовал, что ещё в 1707 году, следовательно, когда принцессе было не более 13 лет, дело о браке было устроено.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 23-24

Устрялов в своей истории говорит по поводу карлсбадской встречи, что, «Шарлотта не полюбилась царевичу», но в доказательство приводит письмо Антона Ульриха, в котором нет ни слова о Шарлотте, а говорится только о нежелании русских, чтобы царевич женился на иностранке, и о том, что царевич склоняется к мнению своих приближённых. Известие, что Шарлотта не понравилась царевичу, Устрялов объясняет её наружностью: «красотою она не отличалась: при высоком росте, была очень худа и изуродована оспою». Мы не встретили ни одного современного свидетельства, которое бы могло нам дать верное понятие о наружности принцессы. Если судить по портрету Шарлотты, который находится в Вольфенбюттеле, её наружность была довольно красива. На портрете, который приложен к 119-му тому европейской Фамы (Фама, греческая богиня молвы, по её имени был назван сборник энциклопедического характера о представителях тогдашнего высшего света Европы. – *Е.Г.*), черты лица её тонки и правильны, хотя общее выражение не особенно привлекательно. На обоих портретах она изображена

с чрезвычайно тонкой талией, но нужно вспомнить, что эти портреты сделаны, когда Шарлотте ещё не было 17-ти лет и она не вполне сложилась. Что же касается приведённого у Устрялова известия, будто лицо её было «изуродовано оспой», то оно не подтверждается никакими свидетельствами и, кроме того, не правдоподобно... Шарлотта была первая иностранка, выходящая замуж за наследника русского престола, и едва ли бы решились просватать её за царевича, если бы у неё был такой бросающийся в глаза недостаток. Притом Алексей был совершенно свободен в своём выборе за границей. Приведённое известие об оспе заимствовано Устряловым из Фезе (автор известной в своё время «Истории брауншвейгского двора» – *Е.Г.*), собирателя анекдотов и сплетен о разных европейских дворах, чрезвычайно неразборчивого относительно своих источников. Как плохо Фезе пользовался самыми известными и доступными источниками относительно брака царевича Алексея, видно, например, из его сообщения, что, Шарлотта перед свадьбою приняла православную веру.

Герье В. (1). С. 35-36

Невеста-Принцесса понравилась Царевичу с первого взгляда: «Человек добр и лучше ея здесь мне не сыскать».

Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. Г.В. Есипов и М.П. Погодин. С. XIX

По возвращении царевича из Карлсбада в Дрезден, где провёл он около года в занятиях науками, на пути к Пруту против Турок, в Польском местечке Яворове, 19 апреля 1711 года подписан трактат о бракосочетании его с принцессою Шарлотою-Христиною-Софиею, внукою герцога Антона-Ульриха от второго сына его, принца Лудовика-Рудольфа и принцессы Христины-Луизы. Договор заключён к «пользе, утверждению и наследству Российской монархии, также к вящей славе и приращению Брауншвейгского дома». Герцог обещал снабдить принцессу таким же приданным, как и старшую внуку свою, королеву Испанскую. Принцессе предоставлялось, по примеру королей Английских и Датских, остаться в Евангелическо-Лютеранской вере, в которой она родилась и воспитана; для сего иметь ей в месте своего пребывания, для себя и окружающих её, одну каплицу (небольшая, в данном случае – неправославная, часовня – выделенное помещение с алтарем. – Е.Г.). Дети должны быть Греческого закона.

На содержание двора ея Царь обещал ежегодно производить по 50 000 ефимков или Русских рублей и сверх того выдать ей, при совершении брака, в ея собственность, 25 000 ефимков. По заключении брачного договора, царевич отправился к невесте в Брауншвейг, и во время Прутского похода жил в семействе будущей супруги, в Зальцдалене, увеселительном замке близ Брауншвейга. Отсюда он писал неоднократно к царице Екатерине Алексеевне, называя ее просто

Madame, до объявления царскаго брака, когда стал именовать её «Милостивая государыня матушка». «Madame», пишет царевич от 7 мая 1711 года, «слышал я, что Государь-батюшка изволил вашу милость объявить себе супругою, и с сим вашей милости поздравляю и прошу, дабы я в милости вашей ко мне прежней содержан был, в чём имею надежду. Государю-батюшку с сим поздравить не смею ныне для того, что ни от кого письменнаго ведения не имею». «Герцоги отец, дед и мать герцогини, моей невесты, обходятся со мною zelo ласково». «Невеста моя за милость вашу благодарствует, что вы изволили её напаятовать в своём письме».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 25-26

Обе свадьбы – царя и царевича были отпразднованы в один год (1716).

Терновский Ф. С. 8

Милостивейший Государь батюшка! По указу, Государь, твоему приехал я сюда в Брауншвейг к герцогу волфенбителскому (понеже он обретається здесь ныне одна миля от Волфенбителя), и вышепомянутой герцог, дет(д) принцесин, такожде и отец и мать принцесины невесты моей принели меня благоприятно. Сего числа получил я письмо от тебя Государя, повелевающее мне объявить герцогу, что пункты супружественныя присланы будут вскоре, а мне бы жить здесь до указу твоего; и я герцогу о присылке пунктов объявил, и

он зело порадовался, и я буду жить до указу твоего здесь.

Всепокорнейший сын и слуга твой Алексей. Из Брауншвейга, мая в 4 день 1711.

Письма Русских государей и других особ царскаго семейства, III. Переписка царевича Алексея Петровича и царицы Евдокии Фёдоровны. Москва. 1862. С. 32. Далее цитируется как Письма русских государей. С указанием страницы.

Проект договора был очень обстоятелен и состоял из 17-ти статей. Он начинался с того, что старый герцог Вольфенбюттельский и родители принцессы ручались за неё, что она будет относиться к своему супругу с подобающим уважением, с верностью и любовью, а также оказывать самому царю должное почтение и т. д. Затем было постановлено, что Антон-Ульрих даст своей внучке такое же приданное, какое получила её старшая сестра, королева испанская, т.е. 20 000 тал. Эту сумму царь зачеркнул в подписанном им договоре. С другой стороны, царь обещал за себя, за сына и за своих преемников на русском престоле, что принцесса будет пользоваться в России положением достойным её сана, наподобие других европейских императриц и королев. В этой статье в том месте, где было сказано, что царевич будет жить с принцессой в мирном, благословенном супружестве и царствовании (*eine gesegnete Ehe und Regierung fiuhren*), Пётр пропустил в своём экземпляре слово царствование.

В исполнение и обезпечение этой общей статьи в проекте

договора были постановлены следующие условия: царь должен был перевезти на свой счёт принцессу и её двор из Вольфенбюттеля в Россию. В виду этого он обязывался за 6-ть недель перед выездом выплатить принцессе 10 000 тал., а каждому из её придворных полугодовое жалованье вперёд. Это последнее условие было отвергнуто царём.

Царь предоставлял принцессе, а также её придворным право пребывать в евангелическом законе до конца её жизни. В этой статье царь вставил слова: «если она того пожелает».

Герье В. (1). С. 49-50

Относительно воспитания детей, в проекте договора было выговорено, чтоб они оставались под надзором и руководством матери до 12-летнего возраста с условием, чтобы принцесса приставила к ним несколько русских наставников, которые воспитывали бы их в православном законе и русских обычаях. Царь заменил эту статью другою, в которой он требовал, чтобы дети воспитывались по его усмотрению, с согласия царевича и принцессы... На содержание двора, на стол и конюшни, царь должен был по проекту, не считая издержек на первое обзаведение, давать принцессе ежегодно 100 000 тал[еров]. Сверх этого должно было быть назначено известное количество припасов натурою: скота, птицы, дичи, рыбы, вина, пряностей, дров и т. п. для кухни, овса и сена для конюшни. Деньги должны были выдаваться

вперёд за три месяца из определённого царём казначейства, без особенного на то царского разрешения, жизненные же припасы по востребованию. По окончании войны, как сказано было в проекте, царь должен был увеличить содержание своей невестки сообразно с своим отеческим расположением. Эта статья подверглась особенно существенным изменениям. Царь уменьшил ежегодную дачу на 50 000 т. и обещал сверх того давать фураж и дрова; жизненные же припасы принцесса должна была получать с поместий, которые царь ей хотел назначить для этой цели. Статья, заключавшая в себе обещание по окончании войны увеличить содержание принцессы, была совершенно уничтожена. Далее в проекте было выговорено, чтобы царевич, сообразно с обычаем и по примеру испанского короля, подарил принцессе по заключении брачного договора 25 000 тал. в полную собственность для приобретения драгоценных украшений. Царь заменил выражение: «по заключении договора» – словами: «по заключении брака».

Иловайский Д.И. (1). С. 50-51

Милостивейший Государь батюшка! Письмо твоё, Государь, присланное с господином Вейдом, я получил и с проектом о супружестве моём; и по указу, Государь, твоему о деньгах повсягодной дачи невесте моей зело я дамагаюсь, чтоб быть сорок тысяч, и они сего не изволили и просили болше; толко я, как мог, в том старался, и не мог их на то привести,

чтоб взяли менши петидесяти тысяч. И я по указу твоему в том же писме: будет они не похотят сорока тысяч – позволить да(о) петидесяти. И на сие их склонил с великою трудностью, чтоб взяли пятьдесят тысяч; и о сём даволны, и сие число вписал я в порожния места в трактат. А что по смерти моей, будет она не похочет жить в государстве нашем, дать менши дачю, на сие они весьма не похотели и просили, чтоб быть ровной даче по смерти моей как на Москве, так и (в) выезде из нашего государства: о чём я много старался, чтоб столько не просили; ан аднако-ж не мог зделать, и по указу твоему (будет они за сие заупрямятся – написать ровную дачю) и в трактатах написал ровную дачю. И сие учиня, подписав я, тожде и они – своими руками, разменялись. И тако сие с помощью божиею окончили. Перстня здесь не мог сыскать, и для того послал в Дрезден и в ыныя места, и как могу – сыскав оной, купя, подарю.

Всепокорнейший сын твой и слуга Алексей из Салцытала, майя в 23 день 1711.

P.S. Каторыя два экземплярны дали они за своими руками печат(ь)ми, адин послал я к тебе, Государь, а другой у себя оставил.

Письма Русских государей. С. 33-34

В договорном проекте царевич прямо и ясно именован наследником Русского престола.

Иловайский Д.И. (1). С. 15

В Брауншвейге дённо и ночью работали над каретою удивительного устройства, которая назначалась в приданое для Шарлотты. Эта карета разбиралась по частям для более удобной укладки, и многия сотни червонцев пошли на её позолоту; даже гвозди в колёсах были вызолочены.

Герье В. (1). С. 62

Шлейниц, бывший министр в Вольтенбютеле, ныне на службе у царя и гофмаршал будущей царевны (говорят он ест за обе щеки, т. е. получает пенсию и из Вольтенбютеля). По словам его, царь неоднократно говорил ему, что в конце Октября или в начале Ноября приедет на свадьбу своего сына. Шлейниц убеждал его поскорее сыграть свадьбу; но царь отвечал, что ему весьма хочется сделать приятное своему сыну, но что и своего удовольствия он не лишится (Пётр в это время был в печально известном Прутском походе); что сын у него единственный, и ему желательно быть на его свадьбе.

Эрнст-Август, герцог. С. 431

Во время очередного визита этого слуги двух монарших дворов царица Екатерина стала спрашивать Шлейница о том, когда царевич приехал в Вольфенбюттель, чем он занимается и нравится ли ему там. Она спросила также, действительно ли царевич так влюблён в принцессу, как здесь говорят. Шлейниц ответил, что между ними большое согла-

сие и сердечное влечение; что это главное условие счастья в супружестве, что, впрочем, это редко встречается у членов царствующих домов, которые большею частью вступают в брак не по собственному выбору, а по политическим соображениям. Он уверял, что царевич с нетерпением ожидает его возвращения, чтобы завершить своё счастье окончательным утверждением брачного договора.

Пока Шлейниц говорил с Екатериной, царь рассматривал какие-то математические инструменты, которые держал в руках и разные планы осады городов, лежавшие на столе. Когда он услышал, что Екатерина говорит о царевиче, он подошёл к ним, не вступая, впрочем, в разговор. «Меня предупредили, – пишет Шлейниц, – что, так как царь меня недостаточно знает, то мне следовало всегда первому заговаривать с ним. Потому я решился сказать ему, что её величество царица меня спрашивала, очень ли влюблён царевич в принцессу. Затем я заявил царю, что, как я уверен, царевич с нетерпением ожидает согласия отца, чтобы вполне быть счастливым. Царь ответил через переводчика (то был капитан его гвардии, русский по рождению, говоривший хорошо по-немецки, один из его любимцев) буквально следующее: «Я бы не желал отсрочивать удовольствие моего сына, но также и не хотел бы совершенно отказаться от моего собственного. Это мой единственный сын, и я охотно доставил бы себе радость по окончании похода лично присутствовать на его свадьбе: свадьба же его будет в Брауншвейге». Шлей-

ниц заметил, что герцог Антон-Ульрих был бы в высшей степени счастлив видеть е. в. на свадьбе, и умолял царя не изменять своего решения. Пётр возразил, что он в этом случае не полный господин, что он имеет дело с неприятелем сильным и быстрым в своих движениях; впрочем, он постарается всё устроить, и так как ему позднею осенью нужно посетить Карлсбадския воды, то он оттуда отправится в Вольфенбюттель. Поблагодаривши царя, Шлейниц стал говорить ему о «великих и прекрасных качествах царевича». Пётр заметил послу, что эти слова ему очень приятны, но что он думает, что всё это преувеличено. Шлейниц стал уверять царя в противном, но Пётр переменял разговор и сказал, что он с большим нетерпением ожидает свидания с принцессой. В это время вошли Головкин и Шафиров. Пётр, увидавши их, пошёл с ними в свой кабинет, Шлейниц же остался с Екатериной и продолжал с ней беседу.

Герье В. (1). С. 55-56

Ещё не знают, где будет свадьба, в Дрездене или в Брауншвейге; но королю Августу и герцогу обоим хочется, чтобы у них.

Эрнст-Август, герцог. С. 431

В отношении к принцессе Шарлотте в это время Алексей, очевидно, был настолько внимателен и любезен, что в придворных кругах поговаривали, будто он искренно влюблён в

свою невесту и с нетерпением ждёт дня своей свадьбы. Действительно, имеется его письмо к вице-канцлеру Шафирову с просьбою ускорить этот день. Но причина тому могла быть иная: из его писем к духовнику мы знаем, что оба они и все московские знакомцы мечтали о скорейшем возвращении царевича в Москву.

Иловайский Д.И. (1). С. 16

Брак совершён 14 октября 1711 года в Саксонском городе Торгау. В королевском замке, в большой зале, на помосте о трёх ступенях под красным бархатным балдахином, поставлен стол, покрытый также бархатом, с крестом и двумя венцами; по сторонам стояли четыре кресла для жениха и невесты, для Царя и королевы Польской, и три стула для деда, отца и матери принцессы. На полу постлано зелёное сукно; стены убраны шпалерами и свечами; окна закрыты. Торжественное шествие в залу происходило при звуках музыки, в четвёртом часу пополудни: впереди шёл Царь с царевичем; за ним герцог с невестою; после них королева Польская с отцом принцессы; в заключение многия дамы и кавалеры. По занятии мест, музыка замолкла и начато священное действие. Священник говорил невесте по-Латыне; всё прочее по-Русски. Венец над головою принцессы держал канцлер граф Головкин. По венчании молодые поцеловались; целовался с ними и Царь. В 8 часов был свадебный стол в большой зале; назначено было сидеть: на первом месте молодым;

по правую сторону Царю, по левую королеве; подле Царя герцогу и матери; подле королевы отцу. Пётр хотел, чтобы в пиршестве участвовали и вельможи его: вследствие того сели подле принцессы-матери граф Головкин и генерал Брюс; подле принца-отца, князь Василий Долгорукий, князь Борис Куракин и князь Юрий Трубецкой. После стола танцевали в той зале, где было венчание, и в заключение Пётр проводил новобрачных в их апартаменты. На другой день рано Царь пришёл в покои царевича, где была спальня, и кушал там инкогнито с молодыми и своими министрами. «На письмо ваше» писал Пётр князю Меншикову 14 октября, «буду впредь ответственать, а ныне не успел за свадьбою сына моего, которая сегодня совершилась, слава Богу, добрым порядком, и людей было зело знатных много. Свадьба была в доме королевы Польской, где и от вас присланный арбуз поставлен был, который овощ здесь зело за диво».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 26-27

Брак русского наследника с немецкою принцессою и особенно сохранение за нею лютеранского исповедания возбудили тогда в Германии надежды на распространение евангелического учения в России... Один из академиков заметил, что царевич Алексей даже более предан наукам, чем сам Пётр...

Иловайский Д.И. (1). С. 21

Исполняя волю отца, царевич недели через три после свадьбы отправился в Торунь, куда чрез пять недель приехала и супруга его из Брауншвейга. Здесь жил он с полгода, заботясь о собрании провианта для Русской армии, назначенной к Штетину, когда князь Меншиков привёз ему повеление ехать в Померанию для военных действий. Кронпринцесса решила ждать его в Элбинге.

«Не мог оставить не донести о сыне вашем» писал князь Меншиков Царю, «что как он, так и кронпринцесса в деньгах зело великую имеют нужду: понеже здесь живут все на своём коште, а порций и раций им не определено; а что с места здешняго и было, и то самое нужное, только на управление стола их высочеств; также ни у него, ни у кронпринцессы к походу ни лошадей и никакого экипажу нет и построить не на что. И того ради, кронпринцесса, по желанию ея, при отъезде нашем, отсюда изволит ехать в Элбинк, и будет там по возвращении государя царевича из Померании, или до инаго удобного ко случению с ним времени. О определённых ей деньгах зело просит: понеже великую имеет нужду на содержание двора своего. Я, видя совершенную у них нужду, понеже ея высочество кронпринцесса едва не со слезами о деньгах просила, выдал ея высочеству Ингерманландскаго полку из вычетных мундирных денег в заём 5 000 рублей. А ежелиб не так, то всеконечно отсюда подняться б ей нечем»... После свидания с Петром в феврале 1713 года в Зальцдалене, кронпринцесса отправилась в С. Петербург. На

пути, в Дерпте, она узнала, что муж её с Государем пошёл в Финляндию к Або; на Красном Кабачке встретили её сенаторы князь Я.Ф. Долгорукий, граф И.А.. Мусин-Пушкин и другие; по переезде чрез Неву в красивой шлюбке, приняла её в свои объятия государыня, окружённая всем двором. Царевич пришёл из похода чрез месяц и в след за тем отправился, по приказанию отца, в Старую Русу и Ладогу, для распоряжения о сборе леса на скампавеи (военное быстроходное судно русского галерного флота в XVIII веке, название произошло от итальянских слов scampare – спасаться, исчезать и via – путь, прочь – scappare via. – Е.Г.).

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 28-29

Это было последнее известное нам поручение, возложенное отцом на Алексея.

Соловьев С.М. (1). Т. XVII. С. 32

В начале августа он возвратился в С.-Петербург к своей супруге. Жили они в особом дворце, построенном в 1712 году на левом берегу Невы, близ церкви Божия Матери Всех Скорбящих. Справа, рядом с церковью, был дом царевны Натальи Алексеевны, слева дом царицы Марфы Матвеевны.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 32

Какой контраст представляет судьба первых двух, иностранных принцесс, вышедших за русских царевичей – Шар-

лотты Вольфенбюттельской и Екатерины Ангальт-Цербстской! Вторая из них сделалась одной из самых великих государынь в мире и в своей долгой блестящей жизни совершенно слилась с судьбою русского народа. Судьба первой была печальна не только при её жизни, но и после смерти. Одинокой сиротой жила она в Петербурге, пока болезнь и горе не положили конца несчастному браку; память её прошла бесследно, и как она была чужда при жизни русскому народу, так она осталась ему чуждой и после смерти.

Герье В. (1). С. 20

Продолжительное, трехлетнее пребывание за границею мало изменило царевича; сам он пишет в откровенном показании дней за пять до кончины: «Когда я приехал из чужих краёв к отцу моему в Санктпитебурх, принял он меня милостиво, и спрашивал, не забыл ли я, чему учился? На что я сказал, будто не забыл, и он мне приказал к себе принести моего труда чертежи. Но я, опасаяся, чтобы меня не заставил чертить при себе, понеже бы не умел, умыслил испортить себе правую руку, чтоб невозможно было оною ничего делать, и, набив пистоль, взяв его в левую руку, стрелил по правой ладони, чтоб пробить пулькою, и хотя пулька миновала руки, однакож порохом больно опалило; а пулька пробила стену в моей коморе, где и ныне видимо. И отец мой видел тогда руку мою опалённую и спрашивал о причине, как учинилось? Но я ему тогда сказал иное, а не истину. От

чего мочно видеть, что хотя имел страх, но не сыновский»... «Кронпринц» доносит Плейер цесарю, «мало привёз из Германии Немецкаго чувства и нрава: большую часть времени проводит с Московскими попами и дурными людьми; сверх того предан пьянству».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 34

По приезде её в Россию, царевич не очень изменил себя для неё, и я всегда замечал в обществе, что он никогда не говорил с нею ни слова и нарочно избегал её.

Записки Вебера. Стлб. 1338

Супруги своей он не любил. «Царевич был в гостях» – пишет камердинер его Иван Большой-Афанасьев, – «приехал домой хмлён, ходил к кронпринцессе, а оттуда к себе пришёл, взял меня в спальню, стал с сердцем говорить: «Вот-де Гаврила Иванович [Головкин] с детьми своими жену мне на шею чертовку навязали: как-де к ней ни приду, всё-де сердитует и не хочет-де со мною говорить; разве-де я умру, то я ему не заплачу. А сыну его, Александру, голове его быть на коле, и Трубецкаго: они-де к батюшку писали, чтоб на ней жениться». Я ему молвил: «Царевич-государь, изволишь сердито говорить и кричать. Кто услышит и пронесут им: будет им печально, и к тебе ездить не станут и другие, не токмо они». Он мне молвил: «Я плюну на них; здорова бы мне была чернь. Когда будет время без батюшки, тогда я шепну ар-

хиереем, архиереи приходским священникам, а священники прихожанам, тогда они и не хотя меня правителем учинят». Я стою и молчу. Он мне говорит: «Что ты молчишь и задумался?» Я молвил, что мне, государь, говорить? Посмотрел на меня долго, и пошёл молиться в Крестову. Я пошёл к себе. Поутру призвал меня и стал мне говорить ласково, и спрашивает: «Не досадил ли я вчера кому?» Я сказал: нет. «И не говорил ли я пьяный чего?» Я ему сказал: говорил, что писано выше. И он мне молвил: «Кто пьян не живёт? У пьянаго всегда много слишком слов. Я по истине себя очень зазираю, что я пьяный много сердитую и напрасных слов говорю много; а после о сём очень тужу. Я тебе говорю, чтоб этих слов напрасных не сказывать. А буде ты скажешь, ведь тебе не поверят. Я запрюся, а тебя станут пытаться». Сам говорил, а сам смеялся. Я сказать: что мне до этого дело и кому мне сказывать?..».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 35

Из показаний царевича Алексея 16 мая 1718 г.: «А что Иван Афонасьев про меня пьянаго писал, что я говаривал с ним, в том я не запираюсь, хотя и не помню всего слова от слова; однакож пьяный всегда вирал всякия слова и имел рот не затворенный, и такая слова с надёжи на людей брезживал».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 255

Это была немка до костей, до глубины души: она окружи-

ла себя исключительно чужеземцами, не терпела русских и всей России.

Костомаров Н.И. (1). С. 825

Сказание о несчастной принцессе

Цесаревна жила в своём доме в левом Флигеле, а царевич в правом; в продолжение восьми дней они видались обыкновенно один только раз, и если б царевич в прижитии себе наследника не видел опоры своей безопасности, то оба супруга пребыли бы навсегда незримыми друг для друга. Дом свой царевич запустил до того, что супруга его в своём спальном покое не была защищена от сырости и когда царь, бывало, строго выговаривал ему за это, то цесаревна должна была выслушивать всевозможные угрозы от своего супруга: он попрекал ей тем, что она клеветает или ябедничает на него царю, а между тем эта разумная принцесса переносила своё несчастное положение с великою твёрдостью и никому не поверяла своих жалоб и слёз, кроме стен и своей подруги, принцессы Ост-Фрисландской. Потребовалось бы несколько дестей бумаги, если б я захотел войти в подробности злополучия цесаревны; по этому я удовольствуюсь тем, что упомяну об одной Финской девице, которую царевич взял к себе в дом в наложницы и постоянно проводил с нею дни и ночи. Такое семейное и домашнее положение продолжалось до самой кончины кронпринцессы, последовавшей частью от постоянных неприятностей, частью от небрежности повивальной бабки.

К этому времени относится связь его с известною Евфросиньей, полоненной крепостной девкой его учителя, Вяземского, которую он полюбил страстно. Впрочем, принцесса тотчас по возвращении царевича забеременела опять.

Погодин М.П. (1). С.428

Судя по тому, что брат её Иван Фёдоров, крепостной Вяземского, отпущенный на волю, называется в одном документе «полонным» человеком, Евфросинья могла быть, подобно Екатерине, полонянкою из Лифляндии.

Иловайский Д.И. (1). С. 24

Царевич добродетельную супругу свою променял на одну Чухонскую девку.

Голиков И.И. (1). Том седьмой. С. 17

...[Некий] господин Брюс в записках своих описывает Царевича в указанное время так: «1714 года зимою Царевич приехал в Москву, где я видел его в первый раз. Он держит наложницею крестьянскую девку Чухонку. Я ходил часто с Генералом моим отдавать ему честь, и он часто приходил в дом к Генералу в провожании весьма дурных людей. Он весьма неопрятен, росту великаго, статен, смугл, взгляд имеет суровый, голос твёрдый. Он часто делал мне честь раз-

говором со мною на немецком языке, который знает весьма хорошо. Народ его обожает, но люди высшего достоинства оказывают к нему мало почтения, и он не смотрит на них. Он окружён всегда множеством невежей и распутных, и других подлых и дурного свойства людей, в обществе которых он непрестанно ругает поступки отца своего, и сказывают, что он как скоро взойдёт на престол после его, то приведёт Россию в прежнее ея состояние; также грозит, что он тотчас переказнит всех без исключения любимцов своего отца. Он имел такие разговоры столь часто и с такою малою осторожностью, что они не могли не дойти до Императора, и вообще думают, что он, таким образом, положил основание своей гибели.

Голиков И.И. (1). Том седьмой. С. 17-18

Этот брак был несчастным. Алексей часто покидал принцессу ради попок и Евфросиньи – девушки-финки, крупной, хорошо сложенной, очень ласковой.

Вольтер. (1). С. 27

...Начались размолвки. Поводом к ним послужило случившееся иногда участие Алексея в ночных попойках, после которых он возвращался домой только в 3-4 часа утра, чем немало слёз причинял своей жене. Во время стоянки перед Штетином, в Русском лагере тоже нередки были попойки, в которых участвовал Алексей Петрович, поощряемый к тому

своим злым гением, т.-е. Меньшиковым. Шарлотта, со слов князя Голицына, описывает родным одно крупное столкновение, при котором Алексей горячо защищал свою жену от нападок Меньшикова. Последний устроил у себя пир для Алексея и высших офицеров своего отряда. Тут светлейший позволил себе неблагоприятные отзывы о некоторых лицах, состоявших при супруге царевича и нехорошо на неё влиявших. Последний возразил, что не боится никакого дурного влияния, ибо жена его владеет твёрдым характером. А Меньшиков на это заметил, что она тщеславна. Царевич вспыхнул и потребовал не забывать расстояния, их разделявшего. Светлейший советовал оставить резкий тон и напомнил, что он его воспитатель. Алексей громко рассмеялся и заметил, что теперь он уже не воспитанник и заботится сам о себе. В дальнейшем споре Меньшиков назвал принцессу надменной немкой, напыщенной своим родством с императором, и стал уверять царевича, что жена его совсем не любит. Тот с жаром начал доказывать, что напротив она его очень любит и что он никому не позволит порицать его жену. Затем он пригласил присутствующих офицеров выпить за здоровье престолонаследницы, что они охотно исполнили. А князь Меньшиков замолчал и встал из-за стола с сердитым лицом. Но приятели князя говорили потом, будто бы он затеял этот спор с добрым намерением: чтобы обнаружилась любовь царевича к своей супруге. Довольная сим случаем, принцесса и эту версию передаёт родным с удовольствием и готова ей верить.

Эта ссора и огорчение, которое имел мой дорогой царевич, меня очень смутили, но я чрезвычайно довольна, что весь лагерь, так сказать, видел и слышал, как он меня любит. Друзья князя распустили потом слух, будто он говорил все это нарочно для того, чтобы выставить на вид расположение ко мне царевича. Если это правда, то я буду ему бесконечно обязана. Вейсбах меня уверяет, что весь народ (русский) меня очень полюбил, и потому он сомневается, чтобы царь мог сказать, что если бы он не был женат, а я ещё не замужем, то он взял бы меня за себя. Царица везде говорила, что она меня нежно любит; но ради Бога сохраните все это в самой глубокой тайне, ибо здесь запрещено говорить об этом под страхом смерти... Нужно любить царевича, моего супруга, такую полную любовью, какую я к нему питаю, иначе я имела бы много причин содрогаться при мысли о продолжении моего существования. Но, находя в царевиче столько и даже больше хороших качеств, чем дурных у народа, я считаю большим счастьем, что буду жить среди людей, которые обладают тем отличным свойством, что глубоко преданы своему государю. Поэтому и я люблю русских, ибо нет такого ужасного места в целом свете, куда бы я не отправилась с удовольствием, сопровождая царевича.

Из письма принцессы Шарлотты – матери. Цит по: Герье В. (1). С. 479, 481

Привычка к неумеренному винопитию крайне вредно отзывалась на его здоровье. Алексей стал очень хворать, и у него заподозрили чахотку. Врачи посоветовали ему ехать на воды в Карлсбад. Царь дал своё согласие. Отчуждение супругов было уже так велико, что царевич (если верить иностранному известию) до последнего дня таил от жены свой близкий отъезд и будто бы объявил о нём только тогда, когда был уже подан дорожный экипаж. А затем во время своего полугодового отсутствия ни разу не писал своей супруге и не отвечал на её письма.

Иловайский Д.И. (1). С. 26

По совету докторов, ему пускали кровь банками.

Устрялов Н. История царствования Петра Великаго. Т. VI. Царевич Алексей Петрович. С.-Петербург, 1859. С. 36

Пётр был так неделикатен по отношению к кронпринцессе, что во время отсутствия Алексея приставил к ней особых женщин для наблюдения над её поведением.

Терновский Ф. С. 10

Во время пребывания царевича за границу, царь показал к своей беременной невестке такие образчики обращения, которые несколько подтверждают жалобы Алексея на счёт дурных отношений его отца к его жене. Когда Шарлот-

те приближалось время родить, Пётр приставил к ней посторонних лиц женского пола; кронпринцесса этим очень оскорбилась... Нельзя предположить, чтобы Пётр поступал так потому, что возникали какие-нибудь подозрения насчёт неверности кронпринцессы своему супругу; в таком случае принятые меры не имели смысла; скорее, можно подозревать, что Пётр боялся, чтоб не подменили ребёнка и вместо дочери не подставили сына. Шарлотта родила дочь; Пётр стал с нею очень ласков.

Костомаров Н.И. (2). С. 14

...Царь приставил к невестке двух доверенных женщин, госпожу Брюс и князь-игуменью Ржевскую. «Я не хотел бы вас трудить, – пишет он невестке с корабля из-под Ревеля, – но отлучение ради супруга вашего, моего сына, принуждает меня к тому, дабы предварить лаятельство необузданных языков, которые обыкли истину превращать в ложь, дабы о том некоторой анштальт учинить, о чём вам донесёт г. канцлер, граф Головкин, по которому извольте неотменно учинить, дабы тем всем, ложь любящим, уста заграждены были».

Кронпринцесса была очень огорчена, но исполнила желание свёкра... Что это значит? Какой анштальт учинить предполагал Пётр? Какие подозрения и в ком возбуждала богобоязненная кронпринцесса? Не боялся ли он подлога в случае неблагополучного разрешения? Кажется, так поняла и кронпринцесса, в ответе своём именно сказавшая: «...и на

уме мне не приходило намерение обмануть ваше величество и кронпринца!» Если же Пётр боялся подлога, то, значит, рождение детей у сына занимало его сильно.

Погодин М.П. (1). С.428

12 июля 1714 г., утром в 7 часу, кронпринцесса разрешилась от бремени дочерью, названною, по воле ея, Наталиею. Недели через две, благодаря Петра за ласковое письмо, она изъявила в шутовском тоне надежду со временем исполнить его желание – родить сына...

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 39

Судя по ласковому письму, которым Пётр поздравил свою невестку с благополучным разрешением, можно догадываться, что он и Екатерина были довольны именно рождением внучки, а не внука. А потому, ободрённая сим письмом кронпринцесса едва ли доставила им удовольствие тем, что в своём ответе шутя, выразила надежду подарить царю также и внука, т. е. будущего престолонаследника.

Иловайский Д.И. (1). С. 27

Три дамы присутствовали при рождении царевны, и одна из них, Ржевская, так описывала Петру своё житье у кронпринцессы: «По указу вашему у её высочества кронпринцессы я и Брюсова жена живём и ни на час не отступаем, и она к нам милостива. И я обещаюсь самим богом, ни на великие

миллионы не прельщусь и рада вам служить от сердца моего, как умею. Только от великих куплиментов, и от приседания хвоста, и от немецких яств глаза смутились».

Соловьев С.М. (1). Т. XVII. С. 46

Царь приказал предписать царевичу, чтобы он, окончив лечение в Карлсбаде, явился в Петербург. Когда пришло к нему это повеление, а также и в своём ответе на оное, царевич обнаружил мало охоты исполнить его; ходили слухи, будто он был недоволен тем, что до сих пор числился только сержантом.

Вебер Ф.Х. Преображенная Россия Текст воспроизведён по изданию: записки вебера // русский архив. № 6. 1872. Стлб. 1106. Далее цитируется как Вебер Ф.Х. С указанием страницы.

Будучи в отечестве, он тосковал и, выпивши, говорил ближним: «Быть мне пострижену, коли не при отце, так после него постригут меня, как Василия Шуйского, и куда-нибудь в полон отдадут. Моё житьё плохое!...».

Костомаров Н.И. (2). С. 14

Царевич возвратился из Карлсбада в С.-Петербург, после шестимесячного отсутствия, в конце декабря 1714 года; супруга его вскоре опять стала беременна; но очень огорчилась, узнав, что у мужа есть любовница: то была известная

уже Евфросинья Фёдорова, крепостная девка учителя его Никифора Вяземского.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 40

Монарх определил царевича в Гвардию, поручал ему разные военные и гражданские должности, а напоследок возложил на него управление водяными сообщениями Волги с Невою. Это последнее поручение впоследствии могло стать, для того, что Царь разлукою хотел примирить между собою супругов.

Бергман В. История Петра Великого. В 6 т. Т. 4. Соч. Вениамина Бергмана; Пер. с нем. Егор Аладьин. – СПб.: Тип. К. Вингебера, 1833. С. 22. Далее цитируется как Бергман В. С указанием тома и страницы.

Месяц спустя после этого, мы находим Шарлотту в положении совершенного отчаяния, очевидно вызванного семейными отношениями: «Нет сомнения, писала она отцу, что свет наш исполнен горечи и что судьба готовит мне большое горе в будущем, ибо, начиная с самого детства, т.-е. с шестилетнего возраста, я не знаю что такое настоящее удовольствие. Если и попадёт на мою долю какое-нибудь счастье, то оно обыкновенно бывает нарушено. Моё горе идёт от человека слишком дорогого, чтобы на него жаловаться. При том все примеры, которые я имею пред глазами, из какого слоя жизни бы ни были взяты, убеждают меня, что не следует

роптать против судьбы, ибо каждый страдает, пока находится на этом жалком свете, самое название котораго должно бы было приводить в содрогание всех, кто носит имя христианина. Да ниспошлёт мне небо хотя одно удовольствие и да услышит молитвы, которыя я возсылаю безпрестанно о вашем щастии; я не желаю другого удовлетворения, ибо ваше благополучие мне дороже моего собственного».

Герье В. (1). С. 462-463

В обществе молодые супруги не пользовались большим почётом. Екатерина и Меншиков старались, кажется, причинять им много неудовольствий, огорчений и даже оскорблений. Оказалась, видно, уже вообще перемена в расположении к царевичу. По крайней мере, царевич так описывал своё положение при дворе: «Отец мой и царица так обходились с моею женою, заставляя ее служить, как девку, к чему она по своему воспитанию не привыкла; следовательно, очень огорчалась, к тому же я и жена моя терпим всякой недостаток». Сама кронпринцесса в письме к Петру о завистниках и преследователях говорит: «Бог – моя надежда на чужбине! И так всеми покинута! Он услышит мои сердечные вздохи и сократит мои страдания».

Погодин М.П. (1). С.427

Шарлотта жаловалась на претерпеваемые ею огорчения (по-видимому, в особенности от Натальи Алексеевны, Ека-

терины и Меншикова) и требовала, чтобы муж шёл к своей тётке Наталье для объяснений. Тот отказывался. А когда она упрекала его тем, что в Германии ни один сапожник и портной никому не позволяет дурно обращаться с его женою, и напоминала ему данные обещания и клятвы, царевич отрицался от них; говорил, что она находится теперь в России, и если не довольна тем, что имеет, то пусть убирается назад в свою Германию. Принцесса в сие время писала матери, что более не может скрывать истинный характер своего мужа, и что она очень несчастна.

Иловайский Д.И. (1). С. 25

Верно то, что царевна весьма несчастна. Некоторые даже говорят, что если у нея не будет сына, он в праве заключить её в монастырь, если не поступит с нею ещё хуже.

Эрнст-Август, герцог. С. 432

По обыкновению, строго соблюдая великий пост в отношении пищи, он (царевич Алексей Петрович) в тоже время, ежедневно и неумеренно пил водку... При подобных условиях он дошёл до такого состояния, что однажды (в апреле 1716 года) в церкви лишился чувств и так сильно заболел, что его не решились везти домой через Неву, а на ночь положили в дом одного иностранца. На следующий день он всё ещё был очень слаб; кронпринцесса явилась к больному мужу и два дня ухаживала за ним, пока его можно было пере-

править домой. В это время она была уже вторично беременна. Судя по письмам к родным, одно только утешало Шарлотту в её горестях, что муж очень любил и ласкал малютку Наташу. Он уносил её к себе в комнату, укачивал на своих руках и всех спрашивал, видали ль где ребёнка красивее его дочери.

Иловайский Д.И. (1). С. 27

Недель за десять до разрешения от бремени, кронпринцесса, всходя на лестницу, несчастливо упала и левою стороною ударилась о ступень. С тех пор она чувствовала постоянную боль в левом боку и в животе и неоднократно говорила: «меня как будто колят булавками по всему телу». Боль продолжалась до самого разрешения, с легкою лихорадкою. Медики признали нужным пустить кровь: она была очень густа и тяжела. Боль как будто уменьшилась. За девять дней до рождения, младенец сильно ворочался. Кронпринцесса потеряла аппетит, мучилась жаждою и последнюю неделю была более в постели.

Устрялов Н. История царствования Петра Великаго. Т. VI. Царевич Алексей Петрович. С.-Петербург, 1859. С. 40

12 октября утром, после пятичасоваго страдания, она разрешилась благополучно принцем, Петром. Первые три дня ей было так хорошо, что в четвёртый она встала с постели и приказала вынести себя в креслах в другую комнату, где, не

слушая докторов, принимала поздравления и собственной грудью стала кормить новорождённого.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 40

Царевич Алексей Петрович кормилице своей М. Колычевой: «Марфа Афанасьевна здравствуй! Сего месяца (октября) в 12 день перед светом, родился у меня сын, которому дано имя Пётр. Алексей. Из Петербурга в 14 день октября 1715 года».

Семевский М.И. (2). С. 29

22-го числа царю привезли донесение о том, что супруга царевича разрешилась от бремени великим князем.

Записки Вебера. Стлб. 1337

Двое детей, оставшихся плодами их брака в трехлетнее, с промежутками, житье вместе, остались живыми доказательствами их супружеской связи.

Погодин М.П. (1). С. 450

...И по разрешении её от бремени всё пошло хуже происками Меншикова, который боялся, что престол достанется роду царевича.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 52

«Не хочу жить долее!»

В этот год особенно жизнь царевича и жены его в Петербурге преисполнилась многими неприятностями, как то свидетельствуют донесения Плейера: «Замечали при царском дворе зависть за то, что она родила принца, и знали, что царица тайно старалась её преследовать, вследствие чего она была постоянно огорчена... Деньги, назначенные на её содержание, выдавались очень скупно и с затруднениями... Смерти принцессы много способствовали разнородные огорчения, которые она испытывала». Царевич после то же показывал. «Отец ко мне был добр, – говорил царевич в Вене, – но с тех пор, как пошли у жены моей дети, всё сделалось хуже, особенно когда явилась царица и сама родила сына. Она и Меншиков постоянно вооружали против меня отца; оба они исполнены злости, не знают ни Бога, ни совести».

Погодин М.П. (1). С.429

Теперь я должен упомянуть о кончине цесаревны и о некоторых обстоятельствах её жизни, на сколько они принадлежат к истории России.

Записки Вебера // Русский архив. № 6. 1872. Стлб. 1337

Напрасно Шарлотта в первые дни после родов утешалась тем, что она дала русскому государству будущего наследника престола и таким образом упрочила династию. Пётр, а тем естественнее Екатерина, не обнаружили никакой особой радости по поводу сего престолонаследника. У них в то время были иные, свои собственные расчёты, для осуществления которых кончина кронпринцессы только развязывала им руки. Да и сама эта кончина, может быть, находилась в связи с тем горьким разочарованием, которое постигло кронпринцессу, когда она увидела, что новорождённый царевич встретил сухой, неласковый приём при царском дворе и не принёс с собой никакого улучшения в отношениях Петра с Алексеем... Наоборот, в её отношениях к Алексею и его супруге теперь явно сквозить какая-то холодность или натянутость. Екатерина уже подарила Петру пятерых или шестерых детей, из которых к данному времени оставались в живых только Анна и Елисавета. Но царица, естественно, не теряла надежды иметь ещё и сына. В качестве уже законной и притом страстно любимой супруги, она могла мечтать о том, чтобы на него перенести право престолонаследия, лишив этого права нелюбимого Петром Алексея. Такою затаённою мечтою объясняется многое в дальнейшей судьбе её пасынка.

Иловайский Д.И. (1). С. 28

Если бы я в моем горе не имела счастья получать от вас

удостоверение в вашей ко мне милости и в вашем расположении я, без сомнения, давно бы погибла; но эта уверенность спасает меня от неминуемого отчаяния, в которое я уже на половину погружена, не зная, каким способом от него избавиться. Моё положение гораздо печальнее и ужаснее, чем может представить себе чьё-либо воображение. Я замужем за человеком, который меня никогда не любил, а теперь любит ещё менее чем когда-либо: несмотря на это, я к нему привязана, потому что это мой долг, и, слава Богу, я ему не дала никакого повода сомневаться в этом, или думать противное. Царь ко мне милостив, его жена была также, но под рукой она мне вредит всевозможным образом, ибо она ненавидит меня теперь столько же, сколько мне приходится её опасаться, т.-е, более чем можно себе вообразить.

Из письма принцессы Шарлотты – матери. Цит по: Герье В. (1). С. 482

Честолюбивая женщина, руководимая Меншиковым, зная привязанность к себе государя, могла надеяться вступить с ним в законный брак и видеть себя или своих детей на престоле российском. Царевич стоял преградою на пути к этой цели. Посему в интересах Екатерины и Меншикова было доводить разлад между отцом и сыном до крайней степени. Гибель царевича была бы для них высшим торжеством.

Терновский Ф. С. 6

Первые три дня ей (принцессе) было так хорошо, что в четвёртый она встала с постели и приказала вынести себя в креслах в другую комнату, где, не слушая докторов, принимала поздравление и собственной грудью стала кормить новорождённого.

Вслед за тем ей стало хуже. Врачи дали ей микстуру для успокоения страданий; но она чувствовала себя так дурно, что в девятый день, вечером 20 октября, созван был консилиум из протомедика Арескина, Деодата Блументроста, Георгия Поликалы и Лаврентия Блументроста. Они явились во дворец кронпринцессы с князем Меншиковым. Царь был в то время очень нездоров и несколько дней никуда не выходил из комнаты. Консилиум нашёл больную в состоянии безнадёжном: сильнейшая лихорадка, неутолимая жажда, пульс весьма частый и слабый, охладевшие конечности при внутреннем жаре, холодной пот во всём теле, жесточайшая конвульсии – вот, что увидели врачи при первом взгляде; показание бабки, что необходимое очищение давно уже прекратилось, лишило их всякой надежды на спасение.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 40

Разрешившись 21 Октября от бремени и теперь ещё живущим (вместе с княжною сестрою своею) и одарённым необыкновенными телесными и душевными качествами великим князем Петром Алексеевичем, супруга царевича, через 6 дней после родов, впала в такое опасное состояние,

что тогда же стали сомневаться в её выздоровлении, и так как она почувствовала близость кончины своей, то приказала попросить к себе царя (царица не выходила, будучи в последних днях беременности). По прибытии царя (которого, по случаю нездоровья ввезли к цесаревне на кресле с колёсами) она трогательно простилась с ним, поручив ему своих наследников и прислугу; за тем приласкала и оросила горькими слезами детей своих и передала их царевичу, который взял их на обе руки, понёс в свою комнату и более уже не приходил к супруге. После того она позвала к себе в комнату всю прислугу свою, которая находилась в передней и молилась за неё (прислуги этой было более 200 человек), утешала, наставляла и благословила её и потом осталась одна с священником.

Записки Вебера. Стлб. 1340

На другой день, в 7 часу утра, кронпринцесса велела камердинеру Петри позвать к себе барона Левенвольда, и как скоро увидала его, сказала: «Кончина жизни моей приходит; по милости Всевышняго, я к смерти готова; все мысли светския оставила, обратилась всею душою к Богу и уповаю вскоре здешнюю суету обменить вечною славою. Желая только ещё говорить с вами». «Я отвечал» пишет барон Левенвольд, «что Божия рука сильна и болезнь вашего высочества не в таком состоянии, чтоб ни совету, ни помощи не было». Кронпринцесса пресекла его слова: «Нет более надежды на жизнь;

во всех суставах чувствую смерть; но умираю охотно, особенно дожив до такого удовольствия, что царский дом умножится ещё одним принцем: живот его я отплачу своим. Если бы Всевышний благоизволил, мне было бы очень приятно самой воспитать своих детей; но Богом определено иначе, и я повинуюсь святой Его воле...».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 41

Когда же доктора предложили ей ещё некоторые лекарства, она бросила пузырьки за постель и громко сказала: «Не мучьте меня, дайте спокойно умереть, ибо я и не хочу жить долее!».

Записки Вебера. Стлб. 1340

Несчастливая принцесса умерла... как настоящая мученица, от мужа-варвара, который недостойно обращался с ней и никогда не оказал ей ни малейшего внимания.

Герцог де Лириа-и-Херика. С. 86

Царевич, по свидетельству резидента Плейера, посетив принцессу перед кончиною её, был вне себя от горести и несколько раз падал в обморок.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 44

Царица Екатерина 29 Октября 1715 года разрешилась от бремени сыном. Радость Царя высказывается в его письмах,

писанных в тот же день к Шереметеву и другим особам: «Объявляю вам, что сей ночи дал Бог Мне рекрута отцевым именем. Прошу Господ Генералов и прочих от вышших до нижних от меня поздравить и сие объявить...» «Объявляю вам (к Морскому Капитану фон Генту), что сей ночи Бог дал мне маленькова матроса, которому имя дано отцово, и сим вам поздравляю...»

Бергман В. (1). Т. 4. С. 30

1-го Ноября вечером, проведши в тёплой молитве время до 11-ти часов, она (принцесса Шарлотта) получила, наконец, от Бога разрешение всех скорбей, после пятидневных великих страданий, на 21 году жизни, пробыв 4 года и 6 дней в брачном состоянии

Записки Вебера. Стлб. 1340

...Сам же Царевич относительно наветов, которыми враги стараются очернить его пред императором (имеется в виду прусский император Карл VI, ставший в результате брака царевича Алексея с принцессой Шарлоттой его шурином. – Е.Г.), просит не верить им; в особенности умоляет не иметь об нём дурного мнения, будто он худо жил с покойною женою: свидетельствуется Богом, что никогда не имел с нею ни малейшей ссоры или несогласия; а всему свету известно, что отец его обходился как с нею, так и с ним, царевичем, всегда презрительно, в публичных обществах никогда с ними не го-

ворил, и предпочитал ей министерских жён. Она так огорчалась, что с досады нередко бывала больна, и по ея собственному пред концом жизни признанию, подобные огорчения были виною преждевременной смерти ея.

Из донесения секретаря Кейля прусскому императору Карлу VI 11 мая 1717 года из Неаполя. Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 90

7 Ноября, без всякого бальзамирования (которого она не пожелала), с достодолжным великолепием, погребли её в главной крепостной церкви; а 8 Ноября ныне царствующая царица, к великой радости царя, разрешилась от бремени царевичем Петром Петровичем, и по этому случаю устроенные празднества и ликования продолжались целые 8 дней.

Записки Вебера. Стлб. 1340

Утверждают, что принцесса умерла от тоски (если тоска может причинить смерть) и что царевич затем тайно обвенчался с Евфросиньей в 1713 году, как только императрица Екатерина принесла ему братца, без которого он бы хорошо обошёлся.

Вольтер (1). С.34

В кружках дипломатов рассказывали, что Екатерина была крайне недовольна рождением сына у Алексея и что именно раздражение, проявленное мачехой по этому поводу, сдела-

лось одной из причин преждевременной кончины кронпринцессы

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.329

Самые похороны возбудили разные затруднения, так как Пётр желал при этом следовать обычаям, принятыи при иностранных дворах, и нужно было достоверно осведомиться об этих обычаях. Характеристичен в этом отношении случай, сообщённый Плейером. Возник вопрос, следует ли стрелять из пушек при погребении. Царь послал спросить у шведскаго графа Пипера, находившагося в плену в Петербурге, стреляют ли в Швеции из пушек при похоронах кронпринцессы, и если стреляют, то как велико число выстрелов. Пипер ответил, в Швеции в подобном случае не стреляют из пушек. Но Лёвенвольд, часто бывший по делам в Швеции, уверял, что при погребении королевы бывает 100 выстрелов, а при погребении кронпринцессы 90. Пётр поверил барону и, полагая, что граф Пипер намеренно и по злобе дал ложное показание, послал к нему Лёвенвольда и другого генерала, чтобы обличить его, спросить, ради чего он хотел скрыть от царя истину, и сделать ему за это строгий выговор. Но перед самым началом погребальнаго шествия Пётр подозвал в себе австртйскаго резидента Плейера, а потом ганноверскаго секретаря Вебера и спросил их, стреляют ли при их дворах во время погребения кронпринцессы. Оба ответили, что при их дворах этого не делалось. После этого царь обратил-

ся с таким же вопросом и к другим дипломатам. Никто из них не знал подобного случая, только саксонский посланник указывал на пример дрезденского двора. Тогда Пётр приказал, чтобы не стреляли.

Герье В. (1). С. 528-529

17 Ноября совершён обряд крещения новорождённого (сына Петра, царевича Петра Петровича), и высокими восприемниками были короли Датский и Прусский. Обряд праздновался с особенным великолепием. Самое замечательное на этом празднике составлял пирог, из которого вышла довольно красивая карлица, совершенно нагая и украшенная красными лентами и фонтанжем. Явившись из пирога, она произнесла речь, угощала присутствующих бывшим у неё вином из своего же стакана, сама выпила за здоровье различных особ и за тем убрана была со стола. На столе дамском таким же образом являлся карлик. Когда стемнело, всё общество отправилось на остров Иеннессари, где сожжён был превосходный Фейерверк в честь новорождённого царевича. По отдалённости подмосток иллюминации, я не мог прочесть всего девиза и разобрал вверху только следующие слова, изображённые громадными буквами: «Надежда и терпение».

Записки Вебера. Стлб. 1341

Призрак принцессы Шарлотты бродит по Европе

Сказания о страданиях несчастной кронпринцессы произвели такое впечатление, что даже подали повод к легенде, распространившейся 50 лет после её смерти. В 1777 году вышла французская книга, в которой было рассказано, что Шарлотта не умерла в России, но бежала в Луизиану, которую тогда только что начали населять европейцы. Там она вышла замуж за одного французского офицера, с которым потом отправилась в Париж, где её узнал Мориц Саксонский. Тогда она снова скрылась на острове Бурбоне, и только уже после смерти мужа и дочери вернулась в Европу. Она тайно жила в Париже или Брюсселе, получала щедрую пенсию от Брауншвейгского двора и раздавала бедным большую часть своих денег.

Герье В. (1). С. 528-529

...Надобно сказать вам о странной полемике, поднятой против общественного мнения императрицею Екатериною и ея канцеляриею внешних дел. Спорная переписка велась долгое время. Сама я ничьей стороны не придерживалась, и ограничусь здесь только передачею трёх документов по этому делу.

В 1771 году, в ведомостях была опубликована следующая статья (никого, впрочем, не удивившая): «Г-жа д,Обан скончалась в своём хорошеньком домике, что в Витри, близ Парижа. Повидимому, ей было более 80-ти лет от роду. Она с давних пор проживала на этой даче и никуда не выходила из дома, со времени смерти г. д,Аржансона, котораго прежде посещала в Версале, где все с любопытством на неё смотрели. У ней не осталось кровных наследников, а в завещании ея единственною наследницею назначена герцогиня Голштинская. Между тем, оказалось, что эта принцесса уже не существует, чем крайне затруднён душеприкащик покойницы, аббат обители св. Женевьевы, недоумевающий, каким образом исполнить последнюю волю завещательницы, потому что наследники герцогини Голштинской ему неизвестны, и что со стороны казны заявлена претензия на обращение этого наследства в пользу короны, по праву ея на выморочныя имущества после чужестранцев, умерших во Франции. Аббат имел честь получить аудиенцию у его величества, вследствие которой отдано повеление – прекратить, в настоящем случае, всякия от казны исковыя притязания. Ныне производится продажа движимаго имущества и разных вещей г-жи д,Обан, которая, как всем известно, ни с кем не виделась и никого не принимала, кроме своего духовника и посланника империи (Германской). Множество любопытствующих теперь собираются ежедневно в Витри, чтоб быть при описи имущества той особы, которая столь долго и сильно занима-

ла собою внимание публики. Вот известие о ней, сообщённое нам одним иностранным господином, которого сведения почерпнуты из достоверного источника и не наводят никаких сомнений

Известно, что царь Московии, Петр I-й, имел сына, который был один из злейших людей, женатаго на принцессе Брауншвейгской, Шарлотте, сестре Елисаветы, супруги императора Карла VI.

Характер царевича не был смягчён любезностью, добродетелями и умом жены его. Часто он обходился с нею дурно, и даже (невероятное дело) покушался отравить её, что повторял до девяти раз; но, к счастью, она спасалась пособиями своего врача, доктора Сандика, – пособиями, которые были подаваемы всегда так кстати, своевременно и успешно, с таким усердием и уменьем, что сохранили ей и жизнь, и здоровье. Царевич был страстно влюблён в одну русскую барышню, из фамилии Нарышкиных, и хотел жениться на этой особе, – женщине честолюбивой, безнравственной и столь же безчеловечной, как и он сам. Этот варвар, желая, во что бы ни стало, совершить своё преступление, озлобился однажды до того на принцессу Шарлотту, что нанёс ей ногою сильный удар в живот, от чего она упала без чувств, утопая в крови: ея высочество была в это время на девятом месяце беременности.

Когда придворные и прислуга сбежались к ней, царевич тотчас удалился в свой загородный дом, будучи уверен, что

на другой же день получит известие о ея смерти. На беду принцессы, царь Пётр находился тогда в одной из своих заграничных поездок. В далеке от него и своего семейства, беззащитная против ненависти и жестокости принца, самовластного над рабским двором, находясь ежеминутно под страхом гибели от железа или яда, наконец, вне возможности ни бежать, потому что её содержали во дворце, как в тюрьме, ни писать к родным, ибо переписка ея была бы захвачена, – принцесса нашла единственным средством своего спасения от угнетений царевича – выдать себя за умершую. Говорят, что мысль эту внушила ей графиня Варбек, рожденная Кенигсмарк, не пожалевшая денег на подкуп служительниц принцессы и на соглашение ея врача и камер-юнкера к принятию необходимых мер для скрытия истинны относительно трупа, которым нужно было подменить мнимо-умершую.

Г-жа Варбек, – ганноверская дама, состоявшая при ея высочестве, – объявила царевичу о смерти его супруги, причем явно заметила в нём злобную радость. Он приказал похоронить её поскорее, со всевозможным сокращением погребальной церемонии. О кончине принцессы разослали извещения к европейским дворам, и вся Германия надела траур по умершей – простой служанки из петербургской дворцовой прислуги.

Принцесса спаслась, благодаря стараниям графини Варбек, которая направила её в Швецию, дав ей проводником

старого, верного слугителя. Потом принцесса отправилась оттуда в Париж, где, не без опасения, рассчитывала найти более надёжное для себя убежище; но там была встревожена встречей с одним из секретарей князя Куракина, царского посланника, который всматривался в неё пристально и с видом подозрительного изумления. Тогда она поспешно уехала в Луизиану, в сопровождении того же самого спутника, которого всюду выдавала за своего отца, да латышской служанки, говорившей только на своём, непонятном никому, языке, неграмотной, и притом, как по всему видно, считавшей принцессу, в самом деле, дочерью этого слугителя-немца, по имени Вольфа.

По приезде в Луизиану, она обратила на себя общее внимание жителей этой французской колонии. Имущественное положение новоприбывшей обнаруживало скромные, но достаточные средства; а поведение её было не только правильное, но и примерное, о чём свидетельствует епископ Квебекский в одном из своих сообщений к г. Морепа.

Тут один французский офицер, кавалер д.Обан, уверился в том, что признал её. За два года перед тем, он был в Петербурге, где искал для себя службы, и однажды, посетив из любопытства тамошнюю придворную церковь, был до того поражён грустным и убитым видом принцессы, что навсегда удержал в памяти образ её. Теперь же, сколько ни казалась ему невероятною встреча с нею здесь, он не мог в том усомниться, но имел благоразумие – не дать ничем заметить

этого принцессе. И вот он старается выискать случай быть полезным старику Вольфу, заявлявшему намерение устроить себе колониальное поселение, принимает на себя все предварительные для того распоряжения, достает сотню тысяч франков на счёт своего родового поместья в Шампани, где его фамилия слыла из числа значительнейших, покупает на эти деньги землю с невольниками, и, наконец, вполне устраивает земледельческое заведение на правах товарищества с Вольфом.

Сблизившись, по этому случаю, с девицею Вольф, он решился тогда открыть ей, что узнал, кто она. Молодая женщина сперва приведена была этим в отчаяние; но, в виду изведанной ею на опыте осторожности и скромности г. д,Обана, ободрилась и взяла с него клятву в ненарушимом сохранении тайны, после чего успокоилась совершенно. Через несколько месяцев спустя, европейския газеты огласили весть о катастрофе, происшедшей в России и закончившейся смертию царевича. Принцесса, вдова его, была – в гражданском смысле слова – существом умершим: при таких обстоятельствах в ней возникли смущения и боязнь перед тем, что предстояло бы сделать и что приходилось бы выдержать, для возвращения себе владетельных прав. Вдобавок, она не могла не заметить страстного чувства, которое внушила кавалеру д,Обану, – чувства, им уже нескрываемаго и, может быть, взаимнаго с ея стороны. К довершению всей затруднительности ея положения, старый служитель умер, завещав в

пользу кавалера, с согласия принцессы, свою долю устроенного ими вообще заведения. Таким образом, д,Обан остался у ней единственным доверенным лицом и утешителем; наконец, она вышла за него замуж и стала женою пехотного капитана местных войск в Луизиане.

Имея всего состояния одну лишь плантацию при 30 или 40 неграх, будучи окружена людьми всякаго цвета и дурных свойств, – людьми, которые, в большинстве, могли считаться подонками рода человеческого (как обыкновенно водится в новых колониях), она совершенно забыла, что была некогда супругою наследника державы, сопредельной и Швеции, и Китаю, что родная сестра ея – жена императора, и что сама она – дочь государя. Она вполне посвятила себя мужу, с которым делила все заботы по общему их хозяйству. Картина эта, быть может, представляется одною из самых романтических и своеобразных, какия только видел мир.

Г-жа д,Обан забеременела и родила дочь, которую сама кормила и учила говорить по-немецки и по-французски, чтобы та могла помнить о двойной национальности своего происхождения. Десять лет бывшая принцесса жила при такой обстановке, сознавая себя, конечно, счастливее, чем в царском дворце, и. может статься, довольнее, нежели сестра ея на троне германских цесарей.

В исходе этих десяти лет у г. д,Обана сделалась фистула. Жена его, опасаясь за успех операции, необычной в практике местных врачей, решила вернуться в Париж, с це-

люлю лечить там больного, о котором заботилась, как истинно любящая жена. Поэтому им пришлось продать свою колониальную усадьбу. По выздоровлении же кавалера, оба они стали думать об имущественном обеспечении своей дочери; но как денежные средства, привезённые ими из Америки, не оказывались достаточными на столько, чтобы могли успокаивать их за будущность дитяти, то д,Обан принялся искать у директоров Индийской компании какой-либо должности, при которой у него могли бы оставаться и сбережения из доходов с капитала.

Пока он хлопотал об этом, г-жа д,Обан ходила иногда с дочерью прогуливаться в Тюльери, не боясь более быть кем-нибудь узанною; но однажды случилось, что когда она там разговаривала с дочерью по-немецки, граф, впоследствии маршал, Саксонский, сидевши сзади их, услышав родной язык, подошёл к ним: г-жа д,Обан взглянула на него – и тот отшатнулся назад, от удивления и ужаса. Принцесса Шарлотта была не в силах скрыть своего смущения; но граф обратился к ней с таким рыцарским чистосердечием, полным приветливости и прямоты, что она не могла, умолчать перед ним об участии в ея приключении тётки его, при чём потребовала соблюдения глубочайшей тайны.

Граф обещал хранить тайну, но просил разрешения открыть её лишь одному королю, чьё великодушие и скромность общеизвестны, на что г-жа д,Обан согласилась, поставив графу условием: рассказать всё королю не прежде, как

три месяца спустя. Она позволила графу посещать её иногда, только без провожатых и по ночам, во избежание всяких наблюдений со стороны хозяев квартиры и соседей.

Накануне срочного дня, когда граф Саксонский имел право передать эту историю королю, он отправился к принцессе Шарлотте, чтобы спросить: не пожелала-ли бы она чего-либо в особенности со стороны их величеств, как вдруг узнал от домохозяйки, что г-жа д,Обан, за несколько дней до того, отправилась на остров Бурбон, где муж ея получил место, с чином майора. Граф Саксонский тотчас же отправился доложить королю обо всей этой необыкновенной истории, и его величество, призвав к себе г-на Машо, в присутствии графа (через посредство котораго и сделались известными эти подробности), приказал министру, без пояснения ему побудительных причин своего распоряжения, предписать губернатору острова Бурбона, чтобы он оказывал г-же д,Обан всевозможную предупредительность и уважение. Его величество, несмотря на тогдашнюю войну с императрицей – королевой Венгерской, послал ей собственноручное письмо, с уведомлением о судьбе тетки ея и о распоряжениях, сделанных относительно этой принцессы. Мария-Терезия, в своём ответе королю, благодарила его, а к г-же д,Обан велела написать, через князя Кауница, письмо (виденное маршалом Саксонским), приглашавшее её поселиться в австрийских владениях, но под условием – оставить мужа, котораго король французский предоставлял своему покровитель-

ству. Принцесса Шарлотта не захотела принять этого условия и осталась спокойно жить на острове Бурбоне до самой смерти своего мужа, т. е. до сентября 1735 г. За несколько лет перед тем, она имела несчастье лишиться дочери, и после этих утрат, не дорожа уже ничем в здешнем мире, она опять приехала в Париж, в 1736 г. Г. маршал Ришельё может засвидетельствовать, что, по поручению короля, он не раз бывал у ней, в отеле Перу, в улице Таранн. Она ему говорила, что проживает там до тех пор, пока не изберёт себе какую-либо религиозную общину, где намерена жить в уединении, заняться единственной мыслью о своих последних несчастиях, которые одне только оставили в ней скорбное воспоминание. Она досадовала, что ей не удалось найти себе желаемого приюта в Бельшасском монастыре и, чувствуя потребность пользоваться чистым воздухом, решила основать своё местопребывание в Мёльер-де-Витри, купленном за 112 000 франков у президента Федо, в 1737 году. Императрица-королева, по самую смерть ея, выдавала ей пенсию в 45 т. ливров; но эта превосходная женщина употребляла три четверти получаемой суммы на пособия бедным, как о том свидетельствует священник прихода Шуази. На ея похоронах присутствовал и был распорядителем печальной церемонии австрийский посланник; а придворный священник короля, аббат Сувестр, по повелению его величества, совершал погребальную службу в приходской шуазийской церкви.

Вот что у нас, в Париже, объявлялось во всеобщее све-

дение, невозбудив никаких протестов или обличений, ни со стороны местных властей, ни от кого-либо извне. Естественно было думать, что если весь этот рассказ ничто иное, как басня, то неминуемо вызвал бы опровержение начальника полиции, или, по крайней мере, маршала Ришелье; но последний, на все вопросы, отделялся тем, что отвечал, с рассеянным видом: «А! мадам д,Обан!.. Не знаю наверно... Не умею вам сказать...»

Маркиза Креки де. [Мемуары. Фрагмент] / Пер., излож. Д.Д. Рябинина / Русская старина, 1874. – Т. 11. – № 10. – С. 360-366

Историю мнимой принцессы Шарлотты были заинтересованы в Европе даже и люди передовые, как например, Вольтер и его приятели. Это видно из следующих мест его переписки: 1) Из письма к И. И. Шувалову (по поводу составляемой Вольтером «Истории Петра Великого») от 21-го сентября (н. с.) 1760 г.. из Фернея: «Не могу удержаться, чтобы не сообщить вам о дошедших до меня анекдотах, весьма странных и замысловато-романических. Говорят что принцесса, супруга цесаревича, не умерла в России; что она успела выдать себя за умершую, тогда как вместо нея похоронили чурбан (une bûche), положенный в гроб; что всё это невероятное дело вела и устроила графиня Кёнигсмарк; что принцесса спаслась с одним из слуг графини, принявшим на себя роль отца Шарлотты; что таким образом они доехали

до Парижа, а потом отплыли в Америку, где один французский офицер, по имени д,Обан, бывший прежде в Петербурге, узнал принцессу и женился на ней; что, возвратившись из Америки, она была узнана также и маршалом Саксонским, который счёл себя обязанным открыть эту странную тайну королю французскому; что король, несмотря на войну свою с королевой Венгерской, писал ей собственноручно о необыкновенной судьбе племянницы ея; что Венгерская королева, после того, писала к принцессе, прося её разлучиться с мужем, который ей неровня, и прибыть в Вену; но что принцесса, тогда уехала уже опять в Америку, где и оставалась до 1757 года, – до времени смерти своего мужа, – и что, наконец, теперь она находится в Брюсселе, где живёт уединённо, довольствуясь пенсиею в 20 000 немец. флоринов, выдаваемых ей от королевы Венгерской. С чего, однакож, могла бы взяться решимость на выдумку стольких событий и подробностей? Не могло ли быть, что какая-нибудь авантюристка назвалась именем принцессы, жены цесаревича? Я намерен писать в Версаль, чтобы узнать, какое основание, имеет эта история, неправдоподобная во всех частях».

2) Из письма к мадам де-Фонтен (m-me de-Fontaine), от 29-го сентября 1760 года: «...История русской принцессы позанимательнее (plus amusante) истории ея свёкра; я просто буду в отчаянии, если из всего этого выйдет только роман, потому что я нежно заинтересован г-жею д,Обан. Как вы, – в качестве юрисконсульта, – полагаете: имеет ли право эта

принцесса, умершая в Петербурге и живущая в Брюсселе, вновь принять своё прежнее имя? Объявляю вам, что я стою за утвердительное разрешение вопроса...».

3) Из письма к Шувалову, от 7-го ноября 1760 года: «.....Мне очень нужно бы иметь кое-какия разъяснения о катастрофе, постигшей цесаревича. Скажу вам, мимоходом: достоверно, что есть женщина, которую принимают, во многих краях Европы, за супругу самого царевича. Это та самая, о которой маленькую историю я имел честь вам сообщить; но она не достойна быть поставлена наряду с Дмитрием-Самозванцем...».

4) Из записки к графине Бассевич, от 22-го января 1761 года: «.....В 1722 году, одна полька, приехавшая в Париж, поселилась в нескольких шагах от дома, где я тогда жил. Она имела некоторыя черты сходства с супругою царевича. Некто д,Обан, французский офицер, служивший в России, был увлечён таким сходством. Эта случайность, которая заставила его обознаться, внушила упомянутой даме желание – быть принцессой; тогда она, с видом чистосердечной искренности, поведала офицеру, что она вдова наследника российского престола и положила, вместо себя, в гроб чурбан, чтобы спастись от мужа. Д,Обан влюбился в неё и в ея достоинство принцессы; они женились, а потом д'Обан, назначенный губернатором над некоторыми владениями в Луизиане, увёз туда свою принцессу. Добрый человек так и умер в твёрдой уверенности, что он муж свояченицы императора

германского и невестки императора русского. Дети его также этому верят, и правнуки не будут в том сомневаться...».

Из примечаний публикатора мемуаров маркизы Креки де Д.Д. Рябинына. Русская старина, 1874. – Т. 11. – № 10. – С. 369-370

Легенда эта послужила сюжетом для повести Цшокке «Die Prinzessin von Wolfenbüttel» и для оперы «Santa Chiara», музыка которой составлена герцогом Эрнстом Саксен-Кобургским.

Е. Лухач. http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/

Это сказка: несомнительные акты удостоверяют, что кронпринцесса скончалась 22 октября 1715 года в С.-Петербурге и погребена в Петропавловском соборе.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 44

...Но нам казалось, что для русских читателей не вовсе лишены интереса те подробности, которыми был обставлен этот исторический пучок, впервые пущенный в ход во Франции при Людовике XV. Несмотря на всю свою несообразность, он имеет некоторое право на внимание, как вымысел, созданный не одною лишь фантазией досужаго воображения, но, быть может, и расчётом, на какую-то тёмную, неудавшуюся затею против России, в форме самозванства, для котораго была подобрана личность, повидимому, дей-

ствительно существовавшая. Насколько можно судить, эта наглая и довольно незамысловатая выдумка нашла сочувствие и в европейском общественном мнении, почти всегда невежественном и легковерном или неприязненным по отношению к России, и в некоторых правительственных сферах.

Из примечаний публикатора мемуаров маркизы Креки де Д.Д. Рябина. С. 369-370

«Желаю монашеского чину...»

Оставленный, таким образом, окончательно без надзора, царевич окружил себя монахами; сам он свидетельствует, что попы и чернецы были его собеседниками; в кругу их он возненавидел всё, что ни любил отец; новая столица была ему ненавистна: иногда он воображал, что Петербург провалится; иногда говаривал, что оставит его немедленно, как скоро будет царём. Царевна Мария Алексеевна, суеверная и неприязненная брату, распаляла ум племянника тайными видениями. Царица-мать также действовала на сына чрез своих родственников и друзей, в особенности чрез брата своего Авраама Лопухина.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 17-18

...Царевич великое имеет горячество к попам и попы к нему, и почитает их как Бога; а они его все святым называют, и в народе ж ими всегда блажим был.

Из показаний камердинера царевича Алексея Ивана Большого-Афанасьева. Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 35

Младой Царевич, приученный из детства к подобным внушениям и праздности, вкушал яд сей с удовольствием, и по несчастию имея в приставниках своих потворствующих

себе, не опускал никогда случаев, съезжаяся с ними и подобными развратниками тайно, предаваться Бахусовым весёlostям, в каковых собраниях и не преставали ему повторять зловердных тех наставлений, утверждая притом его надеждою скорого получения короны; поелику уже Царя, отца его, несомнительна скорая кончина, судя по частым его болезненным припадкам, о чём будто бы и весь народ Господа Бога усердно молит, и его, Царевича, предварительно своим избавителем от великаго Царёва удручения называет.

Голиков И.И. (1). Том третий. С. 388

Ему сказали, что у царя эпилепсия и что «у кого оная болезнь в летах случится, те недолго живут»; поэтому он «думал, что и велико года на два продолжится живот его». Это убеждение о предстоящей в ближайшем будущем кончине Петра давало царевичу повод отказываться от каких-либо действий. Составление политической программы или какого-либо заговора вообще не соответствовало пассивной натуре Алексея О систематической оппозиции, об открытом протесте против воли отца не могло быть и речи – для этого у него не доставало ни мужества, ни ума.

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.328

Но царевич постоянно говорил русским, что, когда они возведут его на трон, всё возвратится в своё прошлое состояние, и что он прогонит всех этих иностранных плутов, ко-

которые насоветовали его отцу все перемены, и что он посыпет солью город С.-Петербург.

Герцог де Лириа-и-Херика. Донесение о Московии в 1731 году. С. 86

Однажды слушая московитов, которые жаловались на несносные тяготы, перенесённые при строительстве Петербурга, он сказал: «Утешьтесь, этот город долго не просушествует».

Вольтер. (1). С. 34

Один иностранец современник пишет так о жизни Царевича Алексея: «И удивительно, что никогда не видно Принца в тех собраниях, где Его Величество принимает поздравления от всех знатных и чиновных особ, как-то: в дни рождения, в торжественные по случаю побед, в праздники, бываемые во время спуска кораблей, и проч. Генерал Брюс, живший подле Принца, имел повеление просить его всегда с вечера к таковым праздникам, и сие дело положено было от него на меня; но сей Принц, чтобы не быть в больших собраниях, или принимал лекарства и открывал кровь, извиняясь всегда каковым-нибудь нездоровьем, между тем как все знали, что он в то время предавался весёlostям с своим прегнусным товариществом, и не престававал охудать все действия своего отца...»

Голиков И.И. (1). Том седьмой. С. 18

Екатерина и Меншиков, втайне работавшие над обострением сих отношений, всякими наговорами и воздействиями спешили воспользоваться благоприятным для них моментом в смысле устранения Алексея от престола. Подстрекаемый ими, великий человек снизошёл до явного искажения действительности и подписал своим именем длинное, многословное и казуистичное письмо, в котором ему принадлежала разве только редакция, т.-е. внешняя отделка.

Иловайский Д.И. (1). С. 28

В день погребения кронпринцессы, возвратясь из Петропавловскаго собора в дом царевича, для поминовения усопшей, Пётр отдал сыну следующее письмо, подписанное за 16 дней до того в Шлюссельбурге, накануне рождения внука:

«Объявление сыну моему. Понеже всем известно есть, что пред начинанием сея войны, как наш народ утеснён был от Шведов, которые не толико ограбили толь нужными отеческими пристаньми, но и разумным очам к нашему нелюбовзрению добрый задёрнули завес и со всем светом коммуникацию пресекли. Но потом, когда сия война началась (которому делу един Бог руководцем был и есть), о, коль великое гонение от сих всегдашних неприятелей, ради нашего неискусства в войне, претерпели, и с какою горестию и терпением сию школу прошли, дондеже достойной степени вышереченнаго руководца помощи дошли! И тако сподобилися

видеть, что оный неприятель, от котораго трепетали, едва не вящшее он нас ныне трепещет. Что всё, помогающе Вышнему, моими бедными(?) и прочих истинных сынов Российских равноревностных трудами достигнуто.

Егда же сию Богом данную нашему отечеству радость разсмотря, обозрюсь на линию наследства, едва не равная радости горесть меня снедает, видя тебя наследства весьма на правление дел государственных непотребнаго (ибо Бог не есть виновен, ибо разума тебя не лишил, ниже крепость телесную весьма отнял: ибо хотя не весьма крепкой природы, обаче и не весьма слабой); паче же всего о воинском деле ниже слышать хочешь, чем мы от тьмы к свету вышли, и которых не знали в свете, ныне почитают. Я не научаю, чтоб охоч был воевать без законная причины, но любить сие дело и всею возможностью снабдевать и учить: ибо сия есть едина из двух необходимых дел к правлению, еже распорядок и оборона. Не хочу многих примеров писать, но точию равноверных нам Греков: не от сего ли пропали, что оружие оставили, и единым миролюбием побеждены, и, желая жить в покое, всегда уступали неприятелю, который их покой в некончаемую работу тираном отдал? Аще кладёшь в уме своём, что могут то генералы по повелению управлять; но сие воистину не есть резон: ибо всяк смотрит начальника, дабы его охоте последовать, что очевидно есть: ибо во дни владения брата моего, не все ли паче прочаго любили платье и лошадей, и ныне оружие? Хотя кому до обоих де-

ла нет, и до чего охотник начальствуяй, до того и все; а от чего отвращается, от того все. И аще сии легкия забавы, которыя только веселят человека, так скоро покидают, кольми же паче сию зело тяжкую забаву (сиречь оружие) оставят! К тому же, не имея охоты, ни в чём обучаешься и так не знаешь дел воинских. Аще же не знаешь, то како повелевать оными можеш и как доброму доброе воздать и нерадиваго наказать, не зная силы в их деле? Но принужден будешь, как птица молодая, в рот смотреть. Слабостию ли здоровья отговариваешься, что воинских трудов понести не можешь? Но и сие не резон! Ибо не трудов, но охоты желаю, которую никакая болезнь отлучить не может. Спроси всех, которые помнят вышепомянутаго брата моего, который тебя несравненно болезненнее был и не мог сам ездить на досужих лошадях; но, имея великую к ним охоту, непрестанно смотрел и перед очми имел; чего для никогда бывала, ниже ныне есть такая здесь конюшня. Видишь, не всё трудами великими, но охотою. Думаешь ли, что многие не ходят сами на войну, а дела правятся? Правда, хотя не ходят, но охоту имеют, как и умерший король Французский, который немного на войне сам был, но какую охоту великую имел к тому и какия славныя дела показал в войне, что его войну театром и школою света называли, и не точию к одной войне, но и к прочим делам и манифактурам, чем своё государство паче всех прославил!

Сие всё представя, обращуся паки на первое, о тебе раз-

суждая: ибо я есмь человек и смерти подлежу, то кому вышесказанное с помощью Вышняго насаждение и уже некоторое и возвращённое оставляю? Тому, иже уподобился ленивому рабу Евангельскому, вкопавшему талант свой в землю (сиречь всё, что Бог дал, бросил)! Ещё же и сие вспомяну, какова злаго нрава и упрямаго ты исполнен! Ибо сколь много за сие тебя бранивал, и не точию бранил, но и бивал, к тому же сколько лет почитай не говорю с тобою; но ничто сие успело, ничто пользует, но всё даром, всё на сторону, и ничего делать не хочешь, только б дома жить и им веселиться, хотя от другой половины и всё противно идёт. Однакож всего лучше, всего дороже безумный радуется своею бедою, не ведая, что может от того следовать (истину Павел святой пишет: како той может церковь Божию управить, иже о доме своём не радит?) не точию тебе, но и всему государству.

Что всё я с горестию размышляя и видя, что ничем тебя склонить не могу к добру, за благо изобрёл сей последний тестамент тебе написать и ещё мало пождать, аще нелицемерно обратишься. Ежели же ни, то известен будь, то я весьма тебя наследства лишу, яко уд гангранный, и не мни себе, что один ты у меня сын, и что я сие только в устрастку пишу: воистину (Богу извольшу) исполню, ибо я за моё отечество и люди живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя непотребнаго пожалеть? Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный».

Как видно, с давних уже пор между отцом и сыном раскрылась бездна. Царь прежде бранивал и бивал Алексея; затем не говорил с ним ни слова в продолжение нескольких лет. При тогдашних приёмах педагогики царь мог позаботиться о напечатании этого письма, не подозревая, что указанием на суровое и холодное обращение с сыном он винил во всём деле и, прежде всего, себя самого.

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.329

«К тому же сколько лет, почитай, не говоря с тобою», – пишет Пётр. Что ж это за метод наставления, где тут видно желание успеха, желание поправить дело?

Погодин М.П. (1). С.433

Итак, его отец, видя, что из-за своей неспособности тот становится недостойным наследовать ему, и что, кроме того, слабость его темперамента действительно не позволяет ему принимать необходимое участие в делах правления, и что, следовательно, он повернёт всё назад, когда случай предоставит ему возможность взойти на престол, – решил либо принудить его поступать согласно своим правилам, либо отказаться от наследования...

Герцог де Лириа-и-Херика. Донесение о Московии в 1731 году. С. 87

На следующий же день после вручения письма Екатерина родила сына, которому дано было, так же как и сыну Алексея, имя Петра. Этот следующий день тоже возбуждает вопрос, был ли объявлен действительный момент рождения? Или Пётр и Екатерина почему-либо надеялись, что на сей раз родится не дочь, а сын.

Иловайский Д.И. (1). С. 28

Письмо отдано, и на другой день рождается у самого царя сын. Какую тревожную ночь провели Пётр и Екатерина в ожидании этого дорогого гостя! Как билось у них сердце при всяком ощущении! Какова радость должна была быть у них при первом крике этого младенца, который приводил их торжественно к цели и увенчивал всё тяжёлое тёмное дело! Пётр мог подумать, что сам Бог благословил его намерение и его действие (но этот младенец пережил недолго своего брата).

Погодин М.П. (1). С.432

На письме царя к Алексею показано число 11 октября, когда ещё у Алексея не было сына. Оно было отдано 27 октября, накануне рождения Петра Петровича. В новейшее время это обстоятельство вызвало следующее объяснение: Пётр подписал своё письмо задним числом, до рождения внука; иначе бы можно было думать, что царь осердился на сына, в сущности, за то, что у этого сына родился наследник, именно

в то время, когда Екатерина могла родить сына и проч. Мы не берёмся проникнуть в тайну мыслей царя. Быть может, Соловьев прав, объясняя позднюю отдачу письма болезнью царя .

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.330

Что значило то обстоятельство, что Пётр дал сыну 27 октября письмо, написанное, повидимому, за шестнадцать дней до отдачи этого письма в те руки, в которые было назначено отдать его? Историки наши долго не задавали этого вопроса. Первый, сколько нам известно, г-н Погодин задал его для исторической науки и попытался разрешить довольно удачно (в статье «Суд над царевичем» – Рус. Беседа. 1860 г. Кн. 12). Письмо подписано задним числом. Пётр давно уже подумывал отрешить сына от престола. Ему желательно было бы вместо нелюбимого сына Евдокии передать престол детям Екатерины. Пока не было детей мужского пола ни у Екатерины, ни у Алексея, Пётр медлил. Но у Алексея родился сын. Из свидетельства современника Плейера видно, что Екатерине настолько причиняло досаду это событие, что её досаду могли заметить. Неприятно было это и Петру, слишком привязанному к Екатерине. Пока кронпринцесса была жива, и притом больна, Пётр не решался бросить свои громы на царевича – это было бы чересчур жестоко и бесчеловечно по отношению к матери, так как смысл данного царевичу письма явно показал бы ей, что её новорождённый

сын лишается своего права. Но кронпринцесса умерла, тогда Пётр составил или велел составить это письмо и вручил царевичу. Нужно было соблюсти «анштальт», как говорилось в то время. Для того-то Пётр подписал своё письмо задним числом, до рождения внука, иначе бы сразу показалось, что царь осердился на сына, в сущности, за то, что у этого сына родился наследник. С другой стороны, не надобно было медлить: Екатерина не сегодня завтра готовилась родить; она могла родить сына: тогда опять дело бы имело такой вид, что Пётр поражает своего сына от нелюбимой жены только потому, что у него родился сын от любимой, и тогда бы он не мог выразиться в своём письме: «...не думай, что ты один у меня сын»; неуместно было бы сказать и в конце письма: «Лучше будь чужой добрый, чем свой непотребный». Теперь анштальт был соблюден, хотя и сшит белыми нитками. Письмо подано было царевичу тогда, когда у царевича был уже сын. Если бы Пётр не имел намерения лишить внука престола, зачем же было давать сыну такое письмо, которое будто бы написано до рождения внука? Тогда можно было бы прежнее письмо переписать и изменить сообразно текущим событиям.

Костомаров Н.И. (2). С. 14-15

...Писано было письмо за 15 дней, накануне рождения сына у царевича, отдано накануне рождения сына у царя. В недоумение приходит всякий здравомыслящий и беспристрастный исследователь. Что за странности? Царь пишет

письмо к сыну с угрозой лишить его наследства, но не отдает письма, и на другой день по написании рождается у царевича сын, новый наследник; царь держит у себя письмо и отдает только через 16 дней, в день погребения кронпринцессы, а на другой день после отдачи рождается у него самого сын! Вопросы, один за другим, теснятся у исследователя.

Если Пётр написал письмо в показанное число в Шлис-сельбурге, то зачем не послал его тотчас к сыну? Зачем держал 16 дней, воротясь в Петербург?

Рождение внука должно б было изменить решение: если сын провинился, то новорождённый внук получал неотъемлемое право на престол!

Зачем бы определять именно число? Пролежало оно 16 дней в кармане, для чего же напоминать о том, для чего напираться, что письмо писано за 16 дней? Ясно, что была какая-то задняя мысль. Она видна и в подстрочном примечании к печатному розыскному делу: «Понеже писано то письмо до рождения царевича Петра Петровича за 18 дней, и тако в то время был он, царевич Алексей Петрович, один».

Что за странное намерение отдать письмо в руки царевичу в публике, перед множеством свидетелей, в день погребения жены?

Письмо носит явные признаки сочинения, с риторикою: его, верно, писал грамотей на досуге, не Петр, выразившийся и не в таких случаях отрывисто. Да и на что письмо? Разве нельзя было передать всё ещё сильнее на словах?

Во всем этом действии нельзя не видеть чёрного плана, смётанного в тревоге белыми нитками.

Как же объяснить это загадочное событие?

Верно, у Петра давно уже возникла мысль отрешить от наследства Алексея, рождённого от противной матери, не разделявшего его образ мыслей, не одобрявшего его нововведений, приверженного к ненавистной старине, склонного к его противникам. Верно, он возымел желание предоставить престол детям от любезной своей Екатерины. Екатерина, равно как и Меншиков, коих судьба подверглась бы ежеминутной опасности в случае смерти царя, старались, разумеется, всеми силами питать эту мысль, пользуясь неосторожными выходками царевича. Они переносили Петру все его слова, толковали всякое движение в кривую сторону, раздражали Петра более и более. И вот лукавая совесть человеческая, вместе с сильным умом, начала подбирать достаточные причины, убеждать в необходимости действия, оправдывать всякие меры, она пугала прошедшим, искажала настоящее, украшала будущее – и Пётр решился! Он решился, и уж, разумеется, ничто не могло мешать ему при его железной воле, пред которою пало столько препятствий. Погибель несчастного царевича была определена. В средствах нечего было ожидать строгой разборчивости: Пётр в таких случаях ничего не видал, кроме своей цели, лишь бы скорее и вернее кончено было дело.

Погодин М.П. (1). С.430-431

Так объяснял г. Погодин, и это-то обстоятельство, по нашему мнению, всего более лишает нас возможности объяснить подачу письма иным способом, как её объяснил г-н Погодин.

Костомаров Н.И. (2). С. 15

Письмо было написано до рождения внука, а теперь, на другой день после отдачи письма, царица родила и сына – царевича Петра. Алексей должен был помнить слова Куракина: «Покамест у мачехи сына нет, то к тебе добра; и, как у ней сын будет, не такова будет». Близкие люди рассказывали, что когда царевич Пётр родился, то Алексей много дней был печален...

Соловьев С.М. (1). Том XVII. С. 54

Сначала, разумеется, и в голове у Петра все было смутно, одним планом сменялся другой, ничего определённого, всякое новое обстоятельство могло изменять предположения, выжидались удобные случаи. Кронпринцесса начала рожать детей. Это увеличивало затруднения Петрова плана на пути к предположенной цели. Пора приступать к действию. Но вот она родила сына. Это уже совершенно расстраивает виды. Ждать нечего. Начерчивается план атаки, говоря языком того времени, устраиваются траншеи, подводятся апроши, и только последний день штурма предоставлялся случаю. Вне-

запная кончина кронпринцессы, с которой, по слухам, жил муж нехорошо, подает сигнал. Сочиняется задним числом первое письмо и отдаётся царевичу в день её погребения. Так начинается комедия, которая должна была разыграться страшной трагедией, беспримерной в летописях государств и народов, от которой содрогается сердце и приходит в недоумение рассудок.

Письмо – это обвинительный акт, на который предполагалось сослаться впоследствии.

Погодин М.П. (1). С.431-432

...Он оставил ему в октябре 1715 г. перед отъездом в Голландию записку, в которой требовал от него изменить своё поведение и постараться изучить всё, что надлежит знать великому монарху, в особенности же военное дело. Всё содержание этой записки было выдержано в выражениях, способных проникнуть в самое грубое сердце, а заканчивалась она словами: «Не воображайте себе, что, поскольку у меня нет другого сына, я хочу лишь навести на вас страх. Я определённо лишу вас права наследования, если Богу будет угодно, поскольку всю свою жизнь я рассматриваю только как служение моей Родине и благу моего народа. Как же я могу смотреть на вас, становящегося недостойным править ими. Я предпочту передать свою корону иностранцу, который будет достоин носить её, нежели своему сыну, вовсе её недостойному»

Закключаем: обвинение натянутое, подъяческое, коварное. Но против рожна прати мудрено, особенно такому слабому человеку, как царевич. Последуем за событиями.

Погодин М.П. (1). С.433

Прочитав грозное послание отца, царевич обратился к тайному другу своему и наставнику, Александру Кикину с вопросом, что делать? Кикин советовал отречься от наследства престола по слабости здоровья. То же говорил и князь Василий Владимирович Долгорукий, тогда доверенное лицо у Государя, прибавив: «Давай писем хоть тысячу; ещё когда что будет; старая пословица: улита едет, коли-то будет. Это не запись с неустойкою, как мы прежь сего меж себя давывали». Ободрённый князем Долгоруким, царевич подал отцу чрез три дни следующее письмо: «Милостивый Государь-батюшка! Сего октября в 27 день 1715 года, по погребении жены моей, отданное мне от тебя, Государя, вычел; на что инаго донести не имею, только буде изволишь, за мою непотребность, меня наследия лишить короны Российской, буди по воле вашей. О чём и я вас, Государя, всенижайше прошу: понеже вижу себя к сему делу неудобна и непотребна, понеже памяти весьма лишён (без чего ничего возможно делать), и всеми силами умными и телесными (от различных болез-

ней) ослабел и непотребен стал к толикаго народа правлению, где требует человека не такого гнилаго, как я. Того ради, наследия (дай Боже вам многолетное здравие!) Российскаго по вас (хотя бы и брата у меня не было, а ныне, слава Богу! брат у меня есть, которому дай Боже здравие) не претендую и впредь претендовать не буду; в чём Бога свидетеля полагаю на душу мою, и, ради истиннаго свидетельства, сие пишу своею рукою. Детей моих вручаю в волю вашу, себе же прошу до смерти пропитания. Сие всё предав в ваше суждение и волю милостивую, всенижайший раб и сын Алексей».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 49-50

Письмо было написано в угоду Петра; видна подделка под его образ мыслей, его взгляды и способы выражения. Царевич мог, по-видимому, быть покоен: всё им сделано!

Костомаров Н.И. (2). С. 16

После, у цесаря [прусскаго короля, своего шурина, когда он ударился в бег], он говорил об этом отречении, что никогда не соглашался ни за себя, ни за своих детей, и только силою и страхом принудили его подписать отречение: он опасался невольнаго пострижения, смертных побоев, опоения, отравы.

Погодин М.П. (1). С.434

...Я всегда боялся, чтобы царевич, хотя он и отрёкся от своих прав на престол, не пренебрёг бы своею клятвою в случае, если он переживёт царя, и не стал бы искать средств к вступлению на престол.

Из отчёта голландского резидента де-Бие своему правительству о допросе, устроенном ему в канцелярии канцлера Головкина. Цит по: Дело царевича Алексея Петровича по известиям де-Биз. Русский архив. 1907. II (7). С. 332-333

После того некоторое время царь как бы оставлял Алексея в покое. В ноябре, после слишком усердного служения Бахусу на именинах адмирала Апраксина, Пётр так опасно заболел, что 2 декабря причастился святых тайн. Министры и сенаторы не отлучались и ночевали во дворце. Но Кикин дошёл до такой подозрительности, что не верил в серьёзную болезнь и внушал царевичу, будто отец притворяется... Разумеется, такое притворство приписывалось намерению узнать, как будут вести себя сын и его приверженцы в виду близкой кончины отца. Как бы то ни было, царь оправился и на Рождественский праздник вышел в церковь.

Иловайский Д.И. (1). С. 29-30

Во время тяжкой болезни батюшковой, говорил мне Александр Кикин: «Отец-де твой не болен тяжело, и он-де исповедывается и причащается нарочно, являя людям, что он гораздо болен, а всё притвор; а что причащается, у него-

де закон на свою статью».

*Из ответов царевича Алексея на розыске в Москве.
Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 163*

Проверить справедливость догадки Кикина мы не в состоянии, но замечательно, во всяком случае, какой взгляд составил о Петре между людьми, знавшими его.

Костомаров Н.И. (2). С. 16

Во время болезни отца Царевич посетил его только один раз.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 50

Оправившись от недуга, Пётр 19 января 1716 года снова написал сыну: «Последнее напоминание ещё. Понеже за своею болезнию доселе не мог резолюцию дать, ныне же на оное ответствую: письмо твоё на первое письмо моё я вычел, в котором только о наследстве воспоминаешь и кладёшь на волю мою то, что всегда и без того у меня. А для чего того не изъяснил ответу, как в моём письме? ибо там о вольной негодности и неохоте к делу написано много более, нежели о слабости телесной, которую ты только одну воспоминаешь. Также, что я за то сколько лет недоволен тобою, то всё тут пренебрежено и не упомянуто, хотя и жестоко написано. Того ради рассуждаю, что не зело смотришь на отцово прещение. Что подвигло меня сие остатнее писать: ибо, когда ныне не

боишься, то как по мне станешь завет хранить! Что же приносишь клятву, тому верить невозможно, для вышеписанного жестокосердия. К тому ж и Давидово слово: всяк человек ложь. Також хотяб и истинно хотел хранить, то возмогут тебя склонить и принудить большия бороды, которыя, ради тунейдства своего, ныне не во авантаже обретаются, к которым ты и ныне склонен зело. К тому ж, чем воздаёшь рождение отцу своему? Помогает ли в таких моих несносных печалях и трудах, достигши такого совершеннаго возраста? Ей, николи! Что всем известно есть, но паче ненавидишь дел моих, которыя я для людей народа своего, не жалея здоровья своего, делаю, и конечно по мне разорителем оных будешь. Того ради, так остаться, как желаешь быть, ни рыбою, ни мясом, невозможно; но, или отмени свой нрав и нелицемерно удостой себя наследником, или будь монах: ибо без сего дух мой спокоен быть не может, а особливо, что ныне мало здоров стал. На что, по получении сего, дай немедленно ответ или на письме, или самому мне на словах резолюцию. А буде того не учинишь, то я с тобою как с злодеем поступлю».

Бергман В. (1). Т. 4. С. 27-28

Чем же заключает Пётр свои словоизлития? «Отмени свой нрав и нелицемерно удостой себя наследником или будь монах, ибо без сего дух мой спокоен быть не может, а особливо что ныне мало здоров стал. На что по получении сего дай немедленно ответ или на письме, или самому мне на сло-

вах резолюцию. А буде того не учинишь, то я с тобою как с злодеем поступлю».

Как с злодеем поступлю! Слушатели! Предчувствуете ли роковую развязку? Слово вырвалось нечаянно – и сделалось новою ступенью в собственном сознании царя!

Погодин М.П. (1). С.435

Письмо сына почему-то не понравилось царю. Он о нём говорил с князем Василием Васильевичем Долгоруким, который, после этой беседы придя к Алексею, говорил ему: «Я тебя у отца с плахи снял»... Как видно, Пётр, раз решившись устранить Алексея от престолонаследия, должен был идти всё дальше и дальше. Отречение от права на престолонаследие не могло казаться достаточным обеспечением будущности России; Алексей в глазах весьма многих мог всё-таки оставаться законным претендентом; зато заключение в монастырь могло служить средством для достижения желанной цели, иначе «дух Петра не мог быть спокоен». Намёк в конце письма: «Я с тобой, как со злодеем, поступлю», служит комментарием к вышеупомянутому замечанию князя Долгорукого: «Я тебя у отца с плахи снял». Если оказывались недостаточно целесообразными формальное отречение от права престолонаследия или даже заключение царевича в монастырь, то оставалось для того, чтобы «дух царя мог быть спокоен», только одно – казнить царевича.

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.330

Всё те же неуловимые казуистические требования; но теперь, по крайней мере, ясно высказывалось намерение царя запереть сына в монастырь и тем отрезать ему путь к наследованию престола.

Иловайский Д.И. (1). С. 30

Царевич помнил неоднократныя слова Кикина: «вить клобук не гвоздём к голове прибит», и по совещании с ним, отвечал отцу на другой день следующим письмом: «Милостивейший Государь-батюшко! Письмо ваше, писанное в 19 день сего месяца, я получил тогож дня поутру, на которое больше писать за болезнью своею не могу. Желая монашескаго чина и прошу о сём милостиваго позволения. Раб ваш и непотребный сын Алексей».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 51

Друзья и приверженцы, между тем, внушали ему, что монастырь даже представляет безопасное убежище, в котором можно укрыться до поры до времени.

Иловайский Д.И. (1). С. 30

Чрез неделю Пётр отправился за границу, в Копенгаген, оттуда в Амстердам и Париж; за два дня до отъезда, был он у сына и нашёл его в постели, притворно больным. На вопрос отца: какую резолюцию взял? царевич клялся пред Богом,

что ничего не желает, как только постричься. Пётр сказал: «Это молодому человеку не легко; одумайся, не спеша; потом пиши ко мне, что хочешь делать; а лучше бы взяться за прямую дорогу, нежели в чернцы. Подожду ещё полгода». Выражение «одумайся, не спеша» ободрило царевича. «Я и отложил вдаль», говорил он впоследствии.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 52

В тот же день Царевич был на весёлой пирушке у Секретаря Михайлы Волкова.

Бергман В. Т. 4. С. 52

Тягостно предполагать в нём [Петре] лицемерие; не говорил ли он искренно? Так к чему ж было говорить! На что были Петру отвлечённые обещания: буду стараться, буду исправляться? Возьми его с собою просто и заставляй делать что угодно.

Видно, что в голове у Петра происходило смущение: он не знал, как ему кончить задуманное дело. Мысли сменялись и перепутывались.

Могу сообщить здесь, кстати, одно замечание Пушкина среди бесконечных наших споров с ним о Борисе Годунове, которого я всегда оправдывал, а он обвинял. «Неужели вы думаете, – сказал он мне однажды, – что человек сколько-нибудь нравственный, не злодей, может спокойно обдумывать преступный умысел? Нет, он всегда торопится от него прочь,

удерживая только первую мысль, как она попалась; ему тяжело возвращаться к своему намерению, и он старается как бы скорее отделаться; он не может ничего додумывать. Вот почему Годунову не могли прийти в голову те соображения, коих вы теперь от него требуете. Вот почему не мог он приготовиться, чтоб отвечать вам по пунктам на ваши логические запросы».

Точно так и Пётр был в нерешительности касательно мер, каким образом избавиться от сына. Лишь только основная мысль не давала ему покоя, и он сам писал: «Дух мой спокоен быть не может».

Погодин М.П. (1). С.436

Находя неуместным его согласие идти в монастырь и допуская надежду, что сын может исправиться, Петру всего сподручнее было бы взять сына с собою, чтобы испытать на деле, может ли сын изменить свой нрав и сделаться достойным престола. Мы не допускаем такого чёрного подозрения, чтобы Пётр заранее хотел довести сына до трагического конца, какой постиг несчастного Алексея; но, кажется, решивши уж в своём уме, что сыну не царствовать, Пётр тогда сам для себя не решил ещё, как ему с сыном поступить. Иначе нельзя объяснить его тогдашних поступков.

Костомаров Н.И. (2). С. 17

Любопытно, что во всех этих переговорах отца с сыном

не было и помину о новорождённом внуке, как будущем возможном наследнике русского престола. Ясно было, что и сын и внук устранились, чтобы перенести наследие на другого сына, только что рождённого от второго брака, т.-е. на Петра Петровича. Конечно, в непосредственной связи с сим намерением, 15-го Ноября 1715 года издан был царский указ, который всякому отцу предоставлял право назначать себе наследником любого из сыновей, не взирая на старшинство.

Иловайский Д.И. (1). С. 30-31

В ноябре 1715 года Пётр издаёт указ о наследстве. Голиков приводит по этому случаю слова цесарского посланника из его письма к первому министру о разговоре с царём: «Теперь я понимаю побудительную причину, для которой царь издал последний закон, определяющий всё недвижимое родовое имение одному из сыновей, но в то же время предоставляющий отцу полную власть назначить себе наследника без всякого уважения права старшинства, и я уверен теперь, что царь принял намерение исключить от наследства старшего сына, так что мы некогда увидим Алексея постриженным, заключённым в монастырь и принуждённым проводить остаток дней своих в молитвах и псалмопении. 15 ноября 1715 года».

Погодин М.П. (1). С.434

Царевич, принужденный страхом и силою, согласился

оставить престол; но за детей своих никогда не отказывался и в сердце своём всё предоставил Богу. В самом деле Бог не дал его новорождённому брату Петру Петровичу, ни здоровья, ни талантов, и тем доказал, что владыки Мира в Его деснице.

Из отчёта прусского имперского вице-канцлера графа Шёнборна Венскому двору о показаниях царевича Алексея. Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 72

«Сам Пётр дал ему предлог к побегу»

12 июля 1716 года, скончалась в Петербурге любимая сестра царя, Наталья Алексеевна. При этом случае голландский резидент де Би доносил своему правительству: «Особы знатные и достойные веры говорили мне, что покойная великая княжна Наталья, умирая, сказала царевичу: пока я была жива, я удерживала брата от враждебных намерений против тебя; но теперь умираю, и время тебе самому о себе промыслить; лучше всего, при первом случае, отдайся под покровительство императора (опять имеется в виду австрийский император Карл VI, ставший шурином царевича Алексея после его брака с принцессою Шарлоттою Вольфенбюттельской. — *Е.Г.*)».

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.333

После того в кружке лиц, преданных царевичу, эта мысль продолжала работать. В отсутствие царя другая сестра его Марья Алексеевна, сочувствовавшая своему племяннику, отправилась лечиться в Карлсбад. В её свите находился Александр Кикин; он обещал царевичу поискать для него верное убежище в чужих краях, и эти искания сосредоточил около того же Венского двора.

Иловайский Д.И. (1). С. 42

Кикин, отправляясь в Карлсбад, шепнул царевичу: «я тебе место какое-нибудь сыщу». Мысль о побеге за границу занимала его (царевича) и прежде: он думал ещё о том при жизни кронпринцессы и неоднократно советовался с Кикиным. За два года пред отъездом в Карлсбад, Кикин говорил ему: «Как ты вылечишься, напиши к отцу, что тебе ещё надобно весну провести за границею; между тем поезжай в Голландию; потом, после весенняго кура, можешь в Италии побывать, и так пройдёт года два или три». В Голландию ехать, однакож, царевич раздумал и возвратился в Петербург. «Был ли кто у тебя от двора Французскаго?» спрашивал его Кикин, и, узнав, что никто не был, молвил: «Напрасно ты ни с кем не виделся от Французскаго двора и туды не уехал: король человек великодушный; он и королей под своею протекциею держит; а тебя бы ему было не великое дело».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 52

Ещё есть известие, что царевич обращался к шведскому министру Герцу с просьбой о шведской помощи и что Герц уговорил Карла XII войти в сношение с Алексеем при посредстве Понятовского, пригласить его в Швецию и обещать помощи, и когда Алексей после того бежал в Австрию и Италию и затем отдался Толстому и Румянцеву, то Герц жаловался, что из неуместного мягкосердечия упущен отличный случай получить выгодные условия мира. Мы не име-

ем возможности проверить эти данные другими источниками. Впрочем, некоторым подтверждением этого факта можно считать следующий намёк в письме Петра к Екатерине из Ревеля от 1 августа 1718 года, где, очевидно, идёт речь о царевиче: «Я здесь услышал такую диковинку про него, что чуть не пуще всего, что явно явилось» .

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.333

О душевном состоянии царевича после отъезда Петра в эту вторую заграничную поездку можно догадываться по нескольким монотонным вымученным письмам, которые он послал отцу за семь прошедших месяцев. Вся тяжесть сердечного груза и душевной тоски видна в этих словах, оцепенело переходящих из одного письма в другое.

Бергман В. Том 4. С. 78

Поздравляю тебе Государю всенижайшее в сей день рождения вашего и при том доношу, государь мой братец и государыни сестрицы во здравии обретаются.

Всенижайший раб и сын ваш Алексей. Из Санкт-Петербурга в 30 д. мая 1716. Адрес на конверте: Господину Господину (так в тексте) Виц-Адмиралу.

Царевич Алексей – Петру. Мурзакевич Н.Н. С. 73

Поздравляю тебе Государю, сим днём тезоименитства твоего и при том доношу, государь мой братец и сестрицы в

добром здравии.

Всенижайший раб и сын ваш Алексей. Из Санкт-Петербурга в 29 д. июня 1716.

Царевич Алексей – Петру. Мурзакевич Н.Н. С. 74

Доношу тебе Государю, государь мой братец и государыни сестрицы в добром здравии обретаются и всё благополучно есть.

Всенижайший раб и сын ваш Алексей. Из Санкт-Петербурга в 30 д. июля 1716.

Царевич Алексей – Петру. Мурзакевич Н.Н. С. 74

Доношу тебе Государю, государь мой братец и государыни сестрицы в добром здравии обретаются.

Царевич Алексей – Петру. Мурзакевич Н.Н. С. 74

Милостивейший Государь Батюшка, доношу тебе Государю, государь мой братец и государыни сестрицы в добром здравии, и всё здесь благополучно. На сих днях пришли корабли с товарами, ис которых несколько сюда прибыло, а прочие ещё в Кроншлоте обретаются.

Всенижайший раб и сын ваш Алексей. Из Санкт-Петербурга в 27 д. августа 1716.

Царевич Алексей – Петру. Мурзакевич Н.Н. С. 75

Во все это время царевича не покидала надежда на ско-

рую кончину царя. Разные лица говорили ему о пророчествах и сновидениях, не оставлявших будто никакого сомнения в предстоявшей перемене. Поэтому для Алексея важнейшим делом было избегать открытой борьбы с отцом, выиграть время. Вскоре, однако, его испугало новое письмо отца, который 26 августа 1716 года писал из Копенгагена, что теперь нужно решиться: или постричься, или безостановочно отправиться к отцу.

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.333

...26 августа 1716 года, Пётр послал к сыну из Копенгагена курьера Сафонова с следующим собственноручным письмом: «Мой сын! Письма твои два в 29 день июня, другое в 30 день июля писанные, получил, в которых только о здоровье пишешь; чего для сим письмом вам напоминаю. Понеже когда прощался я с тобою и спрашивал тебя о резолюции твоей на известное дело, на что ты всегда одно говорил, что к наследству быть не можешь за слабостию своею и что в монастырь удобнее желаешь; но я тогда тебе говорил, чтобы ещё ты подумал о том гораздо и писал ко мне, какую возмёшь резолюцию, чего ждал 7 месяцев; но по ся поры ничего о том не пишешь. Того для ныне (понеже время довольное на размышление имел), по получении сего письма, немедленно резолюцию возьми, или первое, или другое. И буде первое возмёшь, то боле недели не мешкай, поезжай сюда, ибо ещё можешь к действиям поспеть. Буде же другое возмёшь, то от-

пиши, куды, и в которое время и день (дабы я покой имел в своей совести, чего от тебя ожидать могу). А сего доносителя пришли со окончанием; буде по первому, то когда выедешь из Питербурха; буде же другое, то когда совершишь. О чём паки подтверждаем, чтобы сие конечно учинено было, ибо я вижу, что только время проводишь в обыкновенном своём неплодии». Это письмо привёз Сафонов в конце сентября.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 52-53

В письме повелевалось приехать в Копенгаген для действий воинских от получения сего в восемь дней

Голиков И.И. (1). Том шестой. С. 142

Посланный Петром I из Копенгагена к царевичу, Сафонов нашёл Алексея Петровича в его деревне Рядках, близ Ижоры: распутствуя в этом уединении с своими друзьями... юноша вёл здесь жалкую жизнь.

Бергман В. Том 4. С.167

Царевичу не доставало только предлога для задуманного выезда за границу. И вот сам Пётр даёт ему этот предлог. Прошло около семи месяцев со времени второго грозного послания к сыну; казалось, что, отвлечённый своим вторым путешествием и важными политическими заботами, отец забыл о своих требованиях. Но очевидно какая-то близкая к нему особа не допускала подобного забвения... Он поспе-

шил воспользоваться отцовским вызовом и быстро собрался в дорогу, о чём известил князя Меншикова.

Иловайский Д.И. (1). С. 40

Побуждаемый письмом родителя своего к отъезду, Алексей Петрович 24 августа 1716 прибыл в С.-Петербург, убедил Меншикова в необходимости поездки своей в Копенгаген, получил от князя 1000 червонных и 2000 рублей от некоторых сенаторов: никто из них не подозревал истинных намерений царевича.

Бергман В. Том 4. С.167

...Он немедленно отправился в Петербург к князю Меншикову и объявил намерение ехать к отцу. «Где же оставишь Евфросинью?» спросил князь. «Я возьму её до Риги и потом отпущу.в Петербург». «Возьми её лучше с собою» заметил Меншиков.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 52-53

«Где же ты оставишь Евфросинью?» – спросил царевича Меншиков. «Я возьму её до Риги, потом отпущу». – «Возьми её лучше с собою», – заметил Меншиков. Подвох это или нет? Какого исправления желал, к каким трудам призывал Меншиков царевича, советуя брать с собою любовницу? Должен ли он был побояться Петра за такой совет? Пётр шутить не любил. Значит, он советовал, надеясь на Петра, был

уверен, что не подвергнется его гневу за свой предательский совет.

Погодин М.П. (1). С.437

Конечно, царевич лгал и в том, что берёт возлюбленную только до Риги. Но и Меньшиков, советующий или, точнее, позволявший с нею не расставаться, тем самым намекает на существование какого-то плана, каких-то коварно, расставленных сетей, в которых Алексей должен был неминуемо запутаться, всё равно, поедет ли он к отцу или убежит. Не так были просты Екатерина и Меньшиков, чтобы им не приходил в голову соблазн для Алексея воспользоваться удобным случаем для бегства. А раз он им воспользуется, то судьба его, как государственного преступника, определялась заранее и наследование им престола навсегда устранялось. Возможно, что назревшая заранее мысль о бегстве не осталась неизвестною близко наблюдавшему за ним светлейшему князю Меньшикову.

Иловайский Д.И. (1). С. 40-42

Возвратившись от князя домой, царевич позвал камердинера своего Ивана Большаго-Афанасьева и спросил: «Не скажешь ли кому, что я буду говорить?» Тот обещался. «Я не к батюшке поеду; пойду к цесарю, или в Рим». «Воля твоя, государь, только я тебе не советчик». «Для чего?» «Того ради: когда тебе удастся, то хорошо; а если не удастся, ты же на

меня будешь гневаться». «Однакож ты молчи и про сие никому не сказывай. Только у меня про это ты знаешь, да Кикин, и для меня он в Вену проведывать поехал, где мне лучше быть. Жаль мне, что с ним не увижусь; авось на дороге».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 54

Только ревностнейшим приверженцам Алексея Петровича была известна истинная цель этой поездки. Отправившаяся с царевичем любовница его, Афросинья, вовсе не знала об оной...

Бергман В. Том 4. С.167

А когда я намерялся бежать, взял её обманом, сказав, чтоб проводила до Риги, и оттуды взял с собою и сказал ей и людям, которые со мною были, что мне велено ехать тайно в Вену, для делания альянцу против Турка, и чтоб тайно жить, чтоб не ведал Турок.

Из ответов царевича Алексея на розыске в Москве. Устрялов Н. (1).. Т. VI. С. 156

Люди, преданные царевичу, говорили, что отец зовёт его в Копенгаген со злым умыслом. «Отец знает», говорили они, «что, постригшись в монахи, ты будешь жить покойно и проживёшь долго. Он зовёт тебя к себе, чтобы скорее уморить несносною волокитою и ругательством». В этих словах была своя доля правды.

Ещё Кикин говорил: «...Если отец к тебе пришлёт кого-нибудь уговаривать тебя, то не езд; он тебе голову отсечёт публично. Отец тебя не пострижёт ныне, а хочет тебя при себе держать неотступно и с собой возить повсюду, чтобы ты от волокиты умер, понеже ты труда не понесёшь, и ныне тебя зовут для того, и тебе, кроме побега, спастись ничем иным нельзя».

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.335

Царевич, по крайней мере, был уверен, что зовут его не учиться, а хотят как-нибудь извести. Он прямо сказал после графу Шёнборну: «За год пред сим отец принуждал меня отказаться от престола и жить частным человеком или постричься в монахи; а в последнее время курьер привёз повеление – либо ехать к отцу, либо заключиться в монастырь: исполнить первое значило погубить себя озлоблением и пьянством; исполнить второе – потерять тело и душу».

Погодин М.П. (1). С.437

С такими мыслями и надеждами царевич выехал из С.-Петербурга 26 сентября 1716 года, взяв с собою Евфросинью, брата ея Ивана Фёдорова, служителей Якова Носова, Петра Судакова и Петра Меера... в Риге занял он ещё у обер-коммиссара Исаева 5000 червонных и 2000 мелкими день-

гами. На пути из Риги, в 4 милях от Либавы, встретился он с тёткою, царевною Мариею Алексеевною, которая возвращалась из Карлсбада, пересел в её карету и долго беседовал с нею. «Куда едешь?» спросила царевна. «Еду к батюшке» отвечал царевич. «Хорошо» сказала она; «надобно отцу угождать; то и Богу приятно. Чтоб прибыли было, если ты в монастырь пошёл?» «Я уже не знаю» возразил царевич, буду ль угоден, или нет; уже я себя чуть знаю от горести; я бы рад куды скрыться». Тут он заплакал. «Куда тебе от отца уйтить» говорила царевна; «езде тебя найдут». Потом зашла речь о матери его. «Забыл ты её» говорила царевна; «не пишешь и не посылаешь ей ничего. Послал ли ты после того, как чрез меня была посылка?» Царевич отвечал, что отдал для нея деньги Дубровскому. На требование же письма сказал: «я писать опасаюсь». «А что» возразила царевна, «хотя бы тебе и пострадать? Так ничего: видь за мать, не за кого иного». «Что в том прибыли» говорил царевич, «что мне беда будет, а ей пользы никакой! Жива ль она?» «Жива» отвечала царевна. «Было откровение ей самой и другим, что отец твой возмёт её к себе и дети будут, таким образом: отец твой будет болен и произойдёт некоторое смятение; он приедет в Троицкий монастырь на Сергиеву память; мать твоя будет тут же; он исцелет от болезни и возмёт её к себе, и смятение утишится. А Питербурх не устоит за нами: быть ему пусту. Многие говорят о том». Была речь о царице Екатерине Алексеевне. «Что хвалишь её?» говорила царевна. «Ведь она

не родная мать. Где ей так тебе добра хотеть! Митрополит Рязанский и князь Фёдор Юрьевич объявление ея царицею не благо приняли. К тебе они склонны. Я тебя люблю и всегда рада всякаго добра; не много нас у вас; только бы ты ласков был».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 56-57

«Поезжай в Вену, там не выдадут»

В Либаве царевич виделся с Кикиным, и спросил его, нашёл ли ему место какое? «Нашёл» отвечал Кикин. «Поезжай в Вену к цесарю: там не выдадут. Сказывал мне Веселовский, что его спрашивают при дворе, за что тебя лишают наследства? Я ему отвечал: знаешь сам, что его не любят: я чаю, для того больше, а не для чего иного. Веселовский говорил о тебе с вице-канцлером Шёнборном, и по докладу его, цесарь сказал, что примет тебя, как сына; вероятно, даст денег тысячи по три гульденов на месяц».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 157

Условясь обо всём с Кикиным, царевич, по совету его, требовал к себе Афанасьева. Кикин пред отъездом из Либавы просил Алексея Петровича в случае удачного исполнения их замысла уведомить его об этом следующими, не для всех понятными словами: что он проехал Гданьск благополучно от конфедератов и поехал в путь свой.

Бергман В. Том 4. С. 168

Царевич решился: проехав Данциг, он исчез.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 157

Тревога по случаю отъезда царевича была возбуждена, по словам Плейера, царевною Марьею Алексеевною, которая, приехав к детям Алексея, расплакалась и сказала: «Бедные сироты! Нет у вас ни отца, ни матери! Жаль мне вас!».

Соловьев С.М. (1). Т. XVII. С. 71

Я уже не распространяюсь о том, что сей сын, дабы удобнее скрыть побег свой, отправил с пути своего из Либау к родителю своему письмо, яко бы из Кенигсберга, уведомляя его предварительно о скором будто уже прибытии своём к нему; и предоставляю также читателю самому заметить и то, сколь чистосердечны были его о желании монашества клятвы.

Голиков И.И. (1). Том третий. С. 402

Курьер Сафонов, посланный из Петербурга за границу вперёд, встретил Государя в Шлезвиге на дороге из Копенгагена в Любек 21 октября и донёс, что в след за ним едет царевич; но прошло около двух месяцев, а о нём не было слуха.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 158

Беспокоились в Москве; сильно беспокоились и за границей... 4 декабря царица Екатерина писала Меншикову из Шверина: «О государе царевиче Алексее Петровиче никакой ведомости по сё время не имеем, где его высочество ныне обретается, и о сём мы немало сожалеем». От 10 декабря другое письмо: «С немалым удивлением принуждена вашей

светлости объявить, что о его высочестве государе царевиче Алексее Петровиче ни малой ведомости по сё время не имеем, где его высочество ныне обретается, и о сём мы немало сожалеем».

Соловьев С.М. (1). Т. XVII. С. 66

Встревоженный Пётр 9 декабря послал повеление генералу Вейде, стоявшему с корпусом в Мекленбургии, разведать, где сын его; между тем вызвал из Вены в Амстердам резидента своего Авраама Веселовскаго и 20 декабря вручил ему следующее собственноручное повеление: «Даётся наш указ резиденту Веселовскому, что где он проведает сына нашего пребывание, то, разведав, ему о том подлинно, ехать ему и последовать за ним во все места, и тотчас о том, чрез нарочные стафеты и курьеров, писать к нам; а себя содержать весьма тайно, чтобы про него не проведать».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 158

...А потом отправил Капитана Гвардии Румянцова к Императору (Карлу VI в Вену) с тем, чтобы убедить Царевича или возвратиться или, если нужно будет, принудить его к тому силою. В данном Капитану Румянцову 2 Марта Указе было сказано: «1. Ежели Богу помогающе достанет известную персону, то немедленно везть в Мекленбургию, и там о том объявить Г. Вейду одному, чтоб такое место сыскать, где бы не проведали до времени, и там держать за караулом креп-

ким, а к Нам, кой час выедете с ним из города, писать. 2. Також объяви ему, чтоб он сказал, кто причиною его побегу; кто дал совет, и кто про то ведаёт: ибо знатно давно то умышлено, понеже невозможно в два дни так изготовиться совсем к такому делу, и чтоб для себя не утая сказал зарань, и буде кто прилучится, о том писать к Нам же. А когда прибудет в Мекленбургию, тогда определя о той персоне по вышеписанному, и вруча Вейду, самому ехать и арестовать тех людей, ежели оные в Мекленбургском или Польском корпусе обретаются. 3. Всякими мерами трудиться исполнить, для чего посылаётся, и поступать, не смотря на оную персону, но как бы не возможно было».

Бергман В. Том 4. С. 120-121

Показание служителя царевича иноземца Петра Меера: «...Как были мы в Вене, я сказал ему: за чем изволишь ехать? Он отвечал: “Приехал за делом к цесарю от батюшки”. И как был уже за караулом, я говорил: для чего так изволил учинить? Отвечал то ж: “Как дело батюшково кончится, тогда поеду”... В Вене за царевичем во всех пересылках был служитель его Яков Носов».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 236

Его Величество же, по отправлении помянутого Румянцова, точно также упражнён был делами и также не опускал ни малейшаго, что только служило в пользу его подданных,

как и прежде, и как-бы ни мало не чувствовавший никаких огорчений... И первое писал он по приезде своём в Амстердам, и по отправлении онаго г. Румянцева на другой день, то-есть от 3 Марта, к Графу Апраксину следующее письмо:

«Определили мы здесь в помощь с Хрущовым для науки экипажскому делу из навигаторов двух молодых ребят, Вешнякова да Талызина, о которых извольте определить, чем им здесь питаться и за учение мастерам платить; и ежели они не бедны, то-б прислали им на здешнее иждивение деньги отцы их от себя к вам, а вы извольте переводить к Хрущеву. Тако-ж прислал к нам ныне из Олонца Гутфель счёт свой, что он издержал денег по вашим письмам на Адмиралтейские припасы, и тот счёт при сём к вам посылаем, по которому разсмотря, прикажите деньги заплатить на Москве, или в Петербурге, его корресподенту».

И от того-ж числа г. Ушакову, повелевая ему набрать в Москве из людей Боярских и из подмосковных крестьян в матросы до 1500 человек, не свыше от 18 до 20 лет, и по наборе отправить к Генерал-Адмиралу.

От 5 числа сего-же Марта к Князю Петру Михайловичу Голицыну помещается подлинником-же: «Писали мы к Герцогу (Мекленбургскому) с сим посланным курьером, дабы он дал вам позволение около Ростoka, или где в других местах не далеко от Ростoka, накопать буковых молодых деревьев с кореньями для посылки в Петербург, о чём проси и ты, дабы отвели вам места немедленно; и как вам отведут

места, где копать, то велите накопать деревьев молодых буковых, которыя-б были вышиною футов по семи и по осьми, отрубя верхушки, а толщиною против приложеннаго при сёмь рисунка, тысяч пять; да сверх того велите накопать буковых-же кустов до тысячи, и для того сыщи на то время какова нибудь садовника, которой-бы мог указать как лучше те деревья из земли выкопать и обрубить верхушки. Между-же-тем старайся, чтоб для посылки тех деревьев до Петербурга нанять тебе в Любеке или в Ростоке галиот, или другое какое морское судно побольше, на которое-бы могли те деревья уложиться, а за провоз уговаривайся Шипору заплатить в Петербурге товарами, какими он хочет, кроме только двух, юфти и смолы».

Что за хозяйство!

На другой сего день писал Монарх к Графу Шереметеву, чтоб исполнял по первым указам в разсуждении его походу, и что по прошению его человек его, записавшийся у г. Ушакова в службу, будет уволен, заключая сие письмо сими словами: «Понеже писал к нам из Гданска Павел Готовцов, что хотел он вскоре отпускать оттоль с некоторыми покупными нашими деревьями корабль; и для того, когда будете вы у Гданска, тогда велите нарубить в Жулавах в пристойных местах близь моря ветловых кольев тысячи три или больше, и отдайте оные ему Готовцову, которые он может отправить в Петербург на том корабле с другими деревьями». Сии ветловые деревья сей Великий Хозяин повелел посадить на при-

морских местах в окрестностях Петергофа.

Голиков И.И. (1). Том седьмой. С. 206-208

Показание служителя царевичева Якова Носова: «До побегу царевича, о намерении его не ведал; а как приехали в Вену, он пошёл в город, а меня послал к Шонборну (вице-канцлер австрийский) сказать о себе, чтоб его ожидал; потом ходил к Шонборну, и говорили между собою тайно...».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 236

В Вене 21 ноября (*по стар, стил.*), после десяти часов вечера, офицер, выходя с письмами, следуемыми для отправки на почту, из квартиры вице-канцлера Шенборна, находившейся при дворце, наткнулся на неизвестного человека, шедшего по лестнице в больших сапогах. Незнакомец на ломаном немецко-французском языке требовал немедленного допущения к вице-канцлеру. Ему сказали, что если дело, то он может явиться утром в 7 часов, в канцелярию, потому что вице-канцлер теперь хочет спать. Незнакомец ломился в дверь и требовал немедленного свидания, говорил, что должен сообщить нечто такое, о чем нужно будет известить тотчас же его величество! Вице-канцлер велел допустить его, принял в ночном халате; незнакомец объявил, что прибыл русский царевич, оставил свой багаж и прислугу в Леопольдштадте, а сам находится на площади в трактире bey Klapperer и хочет представиться вице-канцлеру, так как наслышался

о нём много доброго. Вице-канцлер сказал, что оденется и пойдёт к нему сам, а незнакомец объявил, что царевич недалеко и немедля явится к вице-канцлеру, как только пошлют к нему офицера. Не успел вице-канцлер одеться, как царевич был уже перед ним.

Костомаров Н.И. (2). С. 18

Из донесения имперского вице-канцлера графа Шёнборна императору Карлу VI о первой встрече с Царевичем Алексеем: «...Первым словом его было учтивое изъявление особенной доверенности к вице-канцлеру и желание переговорить с ним наедине. Как скоро посторонния лица удалились, он сказал в сильном волнении следующее: “Я пришёл сюда просить императора, моего шурина, о покровительстве, о спасении самой жизни моей. Меня хотят погубить, меня и бедных детей моих хотят лишить престола”. Произнося сии слова, царевич с ужасом озирался и бегал по комнате. Вице-канцлер, при внимательном наблюдении удостоверясь по описаниям, что это точно царевич, и принимая в соображение, что другой человек не дерзнул бы так положительно выдавать себя за принца, старался успокоить и утешить его, уверяя, что здесь он в совершенной безопасности; причём спрашивал, чего желает? Царевич отвечал: “Император должен спасти мою жизнь, обезпечить мои и детей моих права на престол. Отец хочет лишить меня и жизни и короны. Я ни в чём пред ним не виноват; я ничего не сделал моему

отцу. Согласен, что я слабый человек; но так воспитал меня Меншиков. Здоровье моё с намерением разстроили пьянством. Теперь говорит мой отец, что я не гожусь ни для войны, ни для правления; у меня, однакож, довольно ума, чтоб царствовать. Бог даёт царства и назначает наследников престола; но меня хотят постричь и заключить в монастырь, чтобы лишить прав и жизни. Я не хочу в монастырь. Император должен спасти меня”. Говоря это, царевич был вне себя от волнения, упал на стул и кричал: “Ведите меня к императору!” Потом потребовал пива; а как пива не было, то стакан мозельвейну.

Вице-канцлер успокоивал его и говорил, что здесь он в совершенной безопасности; но доступ к императору во всякое время труден, теперь же за поздним временем решительно не возможен, и царевич должен сперва открыть всю истину, ничего не умалчивая и не скрывая, чтобы можно было представить его величеству самым основательным образом столь важное и столь трогательное царевича дело, ибо здесь ничего подобного до сих пор не слышали, да и трудно ожидать таких поступков от отца, тем менее от столь разумного Государя, как его царское величество.

Царевич сказал: “Я не виноват пред отцом; я всегда был ему послушен, ни во что не вмешивался; я ослабел духом от гонения и смертельного пьянства. Впрочем, отец был ко мне добр; но с тех пор, как пошли у жены моей дети, всё сделалось хуже, особенно когда явилась новая царица и сама ро-

дила сына. Она и Меншиков постоянно вооружали против меня отца; оба они исполнены злости, не знают ни Бога, ни совести”. Потом снова повторял, что он отцу ничего не сделал, ни в чём против него не погрешил, любит и чтит его по предписанию 10 заповедей; но не может согласиться на пострижение и лишит права своих бедных детей; царица же и Меншиков ищут или постричь его или погубить.

Когда царевич несколько успокоился, вице-канцлер, для основательнейшаго узнания дела, расспрашивал его о разных подробностях. Царевич рассказал всю жизнь свою, сознаваясь, что к войне он никогда охоты не имел. За несколько лет пред тем, отец поручил ему управление государством, и всё шло хорошо: Царь был им доволен. Но с тех пор, как пошли у него дети и жена его умерла, а царица также родила сына, то вздумали запоить его вином до смерти; он не выходил из своих комнат. За год пред сим отец принудил его отказаться от престола и жить частным человеком, или постричься в монахи; а в последнее время курьер привёз повеление либо ехать к отцу, либо заключиться в монастырь: исполнить первое значило погубить себя озлоблениями и пьянством; исполнить второе, потерять тело и душу. Между тем ему дали знать, чтобы он берёгся отцовскаго гнева, тем более царицы и Меншикова, которые хотят отравить его. Он притворился, будто едет к отцу, и по совету добрых друзей отправился к императору, своему шурину, государю сильному, великодушному, к которому отец его имеет великое уваже-

ние и доверенность: только он один может спасти его. Покровительства же Франции или Швеции он не искал, потому что та и другая во вражде с его отцом, котораго раздражать он не хочет. Причём, заливаясь слезами, сетовал об оставленных детях и снова требовал видеть императора, чтобы просить его за свою жизнь.

“Я знаю” говорил царевич, “что императору донесено, будто я дурно поступал с сестрою императрицы: Богу известно, что не я, а отец мой и царица так обходились с моею женою, заставляя её служить, как девку, к чему она, по своему воспитанию, не привыкла, следовательно, очень огорчалась; к тому же я и жена моя терпели всякий недостаток. Особенно дурно с нами обращались, когда кронпринцесса стала рождать детей”. Новое повторение просьбы видеть императора. “Он бедных детей моих не оставит и отцу меня не выдаст. Отец мой окружён злыми людьми, до крайности жестокосерд и кровожаден; думает, что он, как Бог, имеет право на жизнь человека, много пролил невинной крови, даже часто сам налагал руку на несчастных страдальцев; к тому же невероятно гневен и мстителен, не щадит никакого человека, и если император выдаст меня отцу, то всё равно что лишит меня жизни. Если бы отец и пощадил, то мачиха и Меншиков до тех пор не успокоятся, пока не запят или не отравят меня”.

Царевич был в таком безпокойстве и страхе, что хотел насильно итти к императору и императрице. Вице-канцлер снова удержал его, представив позднее время, и старался

внушить ему, что в настоящем положении дела, при высоком сане отца и сына, при строгом incognito царевича, лучше всего не говорить ему с самим императором, а оставаться в непроницаемой тайне и предоставить Венскому двору явно или скрытно подать ему помощь; даже может быть найдётся средство примирить его с отцом. Царевич, отвергая всякую надежду на примирение, с горькими слезами просил принять его при цесарском дворе открыто и оказать покровительство, повторяя, что император великий государь и ему шурин. Напоследок убедился, что лучше всего держать себя тайно и ждать ответа императора. После того с надлежащею предосторожностью возвратился в свою квартиру».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 64-69

Алексей намеревался на время укрыться за границей во владениях императора. По смерти отца он предполагал возвратиться в Россию, где рассчитывал на расположение к нему некоторых сенаторов, архиереев и военачальников; впоследствии он объявил, что предполагал довольствоваться лишь регентством во время малолетства брата, Петра Петровича, в сущности, не претендуя на корону... Нельзя не заметить, что, если бы надежда царевича на скорую кончину царя исполнилась, его прочие предположения едва ли бы обманули его. Меншиков был ненавидим многими; Екатерина между вельможами имела лишь весьма немногих приверженцев; первое место возле юного императора Петра Петровича лег-

ко могло бы принадлежать Алексею.

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.334-335

Из донесения имперского вице-канцлера графа Шёнборна императору Карлу VI о первой встрече с Царевичем Алексеем: «...Царевич призывал Бога в свидетели, что никогда ничего не сделал отцу или его правлению противного долгу сына и верноподданного, никогда не думал о возмущении народа, хотя это не трудно было бы сделать, потому что народ его, царевича, любит, а отца ненавидит, за его недостойную царицу, за злых любимцев, за уничтожение старых добрых обычаев и за введение всего дурного, также за то, что отец, не щадя ни крови, ни денег, есть тиран и враг своего народа; посему не без опасения, что подданные его погубят и Бог его накажет. Причём рассказал многие подробности о царской армии, о министрах и боярах, присовокупляя, что многие из них, в особенности Меншиков и лейб-медик, самые низкие льстецы и злые люди, наводящие Царя на сотни дурных дел, чему доказательством служит фантазия его о титуле императорском. Искательство этого титула причинило одне досады и ничего существенного не принесло... Он продолжал рассказывать о своём деле, говоря, что всё представляет Богу, который один царствует во вселенной и своею святою волею назначает кому принадлежат престолы Мира сего. Сердце отца добро и справедливо, если оставить его самому себе; но он легко воспаляется гневом и делается

жестокосердым. Впрочем, никакого зла отцу своему не желает, любит и чтит его; только возвратиться к нему не хочет и умоляет императора не выдавать его и спасти бедную жизнь, также пощадить невинную кровь бедных детей. – При этом он горько плакал и сокрушался».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 73

...При всей внезапности описанной выше сцены свидания царевича с вице-канцлером, в виду быстрого затем и благосклонного решения императора, можем догадываться, что появление Алексея в Вене и просьба об убежище не были там полною неожиданностью и что сообщение Александра Кикина о предшествующих переговорах с Шёнборном при посредстве Веселовского не было его выдумкою. Нельзя также не отдать справедливости природному уму и наблюдательности царевича, который в минуту вынужденной откровенности высказал столь верный взгляд на своё собственное положение и ярко очертил несимпатичные стороны, присущие и ему самому, и главным действующим лицам трагедии.

Иловайский Д.И. (1). С. 42

Много говорил о царском жестокосердии и кровопийстве. Гнев же и немилость к себе отца приписывал жестокой, в низких чувствованиях воспитанной, ненасытно честолюбивой и властолюбивой мачихе, также Меншикову, которого

в особенности винил в дурном своём воспитании, в своей неспособности к делам и во всех несчастных последствиях, от того происшедших: Меншиков не заставлял его ничему учиться, всегда удалял от отца, обходился с ним как с пленником или собакою, даже бранил его при людях поносными словами. Так продолжалось до 1709 года или до женитьбы царевича.

Из отчёта имперского вице-канцлера графа Шёнборна о показаниях царевича Алексея Венскому двору. Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 71

Приезд Алексея поставил императора Карла VI в щекотливое положение. Вмешаться в конфликт между отцом и сыном было бы рискованно. Случись в России бунт или междоусобная война, неизвестно, кто победит, а если Австрия окажет помощь обречённому проиграть, то, как знать, какую форму примет месть победителя. В конце концов, решили не принимать Алексея официально и не делать достоянием гласности его пребывание на имперской территории. С другой стороны, императору не следовало оставаться совершенно глухим к призывам родственника. Решили, что царевич инкогнито будет скрываться на территории империи, пока не удастся примирить его с отцом или обстоятельства не переменятся.

Масси Р.К. Петр Великий. В 3 томах. Пер. с англ./ Смоленск.: Русич. 1996. Т. 3. С. 153

12-23 ноября 1716, по высочайшему повелению, для лучшего сохранения тайны, царевич с величайшею тайною перевезён был из Вены в близлежащее местечко Вейербург, где пробыл до 7 декабря, когда приготовили в Тирольской крепости Эренберг для него помещение... 4-15 декабря 1716 он благополучно приехал с своими людьми в Эренберг. Крепость немедленно заперли до дальнейшего повеления. Дорогою люди его предавались пьянству, обжорству и вели себя весьма непорядочно.

Из отчёта имперского вице-канцлера графа Шёнборна о показаниях царевича Алексея Венскому двору. Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 73

Вслед за тем через несколько дней послан был к нему секретарь с вопросами или пунктами, касавшимися повода и цели его прибытия. На эти пункты царевич отвечал в таком же духе, в каком излагал свою судьбу и обстоятельства вице-канцлеру в разговоре, но, между прочим, присовокупил следующие замечательные слова: «Свидетельствуюсь Богом, что я никогда не предпринимал против отца ничего несообразного с долгом сына и подданного и не помышлял о возбуждении народа к восстанию, хотя это легко было сделать, так как русские меня любят, а отца моего ненавидят за его дурную низкаго происхождения царицу, за злых любимцев, за то, что он нарушил старые хорошие обычаи и ввёл дурные,

за то, что не щадит ни денег, ни крови своих подданных, за то, что он – тиран и враг своего народа».

Костомаров Н.И. (2). С. 19

Эренбергскому коменданту, генералу Росту, император дал следующую, выдержанную в таинственных и конспиративных тонах, инструкцию: «Мы признали за благо взять под стражу некоторую особу и приняли такие меры, что нет сомнения, чрез несколько дней она будет в наших руках. Теперь в высшей степени необходимо приискать для содержания ея такое место, чтобы она не могла уйти, или с кем бы то ни было иметь малейшее сообщение, и самое место ея заключения должно остаться для всех непроницаемою тайною. Для этой цели мы избрали наш укрепленный замок Эренберг, как по тому, отчасти, что, охраняемый не слишком многочисленным гарнизоном, он лежит в горах вне всяких сообщений, так и по тому, наиболее, что имеем к тебе особенную доверенность и не сомневаемся в точном исполнении тобою нашей воли относительно помещения, содержания и охранения означенной особы и людей ея. В следствие сего предписываем к самому точному наблюдению, под опасением потери, в противном случае, имени, чести, жизни, следующее:

1. Немедленно, по получении сего, прикажи с величайшею тайною и тишиною изготовить для главной особы две комнаты, с крепкими дверями и с железными в окнах; сверх

того, так же две комнаты подле или вблизи для служителей; снабдить их постелями, столами, стульями, скамейками и всем необходимым; все это приготовить тайно, под рукою, заблаговременно. Притом наблюдать: если крепость Эренберг так устроена, что не предвидится возможности к побегу, то не надобно слишком много заботиться о крепких дверях и железных решётках.

2. Устроить кухню со всем необходимым и приискать знающего своё дело повара с помощниками (для чего, кажется, удобнее всего можно употребить живущих в крепости солдаток); причём наблюдать, чтобы люди, назначенные для приготовления пищи, во всё время ареста ни под каким видом не были выпускаемы и всё необходимое для кухни доставлять чрез других особо назначенных людей.

3. Наблюдать, чтобы главный арестант, также и люди его были довольны пищею, и какое кушание им наиболее понравится, готовить по их вкусу; также смотреть, чтобы бельё столовое и постельное было всегда чисто. Для чего, на содержание главнаго арестанта и его служителей, мы назначаем от 250 до 300 гульденов в месяц.

4. Самое бдительное охранение главнаго арестанта и пресечение всяких с ним сообщений есть главнейшее условие, которое должен ты наблюдать самым тщательным образом, под строжайшею твоею ответственностию. Для сего надобно тебе удостовериться в гарнизоне и во всех людях, которые будут при том употреблены, можешь ли положиться на их

верность и скромность? Во всяком случае, нынешний гарнизон, во всё время ареста, не должен быть сменяем, и как солдатам, так и жёнам их не дозволять выходить из крепости, под опасением жестокаго наказания, даже смерти. Карательным у ворот запретить, с кем бы то ни было, говорить об арестантах, внушив им, чтобы, в случае расспросов посторонних лиц, они отзывались совершенным неведением. В случае болезни главнаго арестанта или его людей, призывать, смотря по надобности, медика или хирурга, но также с тою предосторожностію, чтобы врач виделся с больным в присутствии доверенной особы и с обязанностію не говорить о том никому ни слова.

5. Для наблюдения за точным исполнением всего вышеизложеннаго, ты должен ежедневно всё в замке внимательно осматривать и малейшее упущение исправлять.

6. Если главный арестант захочет говорить с тобою, ты можешь исполнить его желание, как в сём случае, так и в других: если, например, он потребует книг, или чего-либо к своему развлечению, даже если пригласит тебя к обеду или к какой-нибудь игре. Можешь сверх того дозволить ему и прогуливаться в комнатах или во дворе крепости для чистаго воздуха, но всегда с предосторожностію, чтоб не ушёл.

7. Можешь дозволить ему и письма писать; но с тем непременною условием, что для отправления они будут вручаемы тебе; ты же посылай, не распечатанными, немедленно к принцу Евгению, которому доноси время от времени о всём

случающемся в крепости.

В заключение повторяем строжайше, чтобы содержание вышеупомянутого арестанта оставалось для всех непроницаемою тайною; посему ты не должен доносить о том ни курфирсту Пфальцскому, ни военному управлению».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 75-77

Крепость Эренберг находилась в Верхнем Тироле на правой стороне реки Леха, близ местечка Рейте, на пути от Фюссена к Инспруку, на высокой горе. Я разсмаривал развалины ея в 1856 году проездом из Баварии в Италию; сохранились только остатки стен. Крепость была значительная.

Устрялов Н. Из примечаний к «История царствования Петра Великаго». Т. VI. С. 75

Бегство царевича наделало довольно много шума. Однако сравнительно поздно в России начали рассуждать об этом важном предмете. Не раньше как в июне 1717 года ганноверский резидент Вебер доносил из С.-Петербурга своему двору: «С тех пор как были получены более подробные известия о царевиче, его пребывании в Инсбруке (*sic*) и о том, что он навлѣк на себя гнев его царского величества, вельможи здешнего двора рассуждают свободнее об этом секрете, не считая царевича способным преследовать престол. Есть и такие люди, которые в народе и особливо между солдатчиной распускают слух о том, будто царевич родился плодом

прелюбодеяния. И русское духовенство, которое пока высоко ценило царевича, ныне отчасти склоняется против него; опасаются, что царевич, отправившийся в Германию искать помощи у императора и у других католических держав, возьмёт на себя обязательство ввести со временем в России католическую веру... По случаю празднества дня рождения царя вовсе не пьют за здоровье царевича, а только пьют за здоровье Петра Петровича. Приверженцы Швеции рады всему этому, ожидая скорого расстройтва в России и вследствие того возвращения всех утраченных Швецией земель». Подтверждая такие слухи, французский дипломатический агент де Лави замечает в своем донесении от 10 июня 1717 года: «Полагаю, что все эти обвинения придуманы партией царя и молодого Петра Петровича, во главе коей находится князь Меншиков».

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С. 339

Сообщаю господину графу, как новую ведомость, что ныне в свете начинают говорить: царевич пропал. По словам одних, он ушёл от свирепости отца своего; по мнению других, лишён жизни его волею; иные думают, что он умерщвлён на дороге убийцами. Никто не знает подлинно, где он теперь. Прилагаю для любопытства, что пишут о том из Петербурга. Милому царевичу, к пользе, советуется: держать себя весьма скрытно, потому что, по возвращении Государя, его отца, из Амстердама, будет великий розыск. Если я что более

узнаю, уведомя. Доброму приятелю, для котораго господин граф ищет священника, советуется иметь терпение. Теперь это невозможно; при первом случае я берусь охотно исполнить его желание...

Вице-канцлер Венского двора Шёнборн – царевичу Алексею в крепость Эренберг 27 февраля 1717 года. Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 75

...Многие знатные господа тайно присылали ко мне и к другим чужестранцам спрашивать, не получали ли мы в своих письмах известий об нём? Ко мне приходили два служителя его, также с расспросами; они горько плакали и говорили, что царевич взял здесь у Мюнстера на дорогу 1000 червонных, да в Данциге 2000, и прислал им приказ: продав тайно свою движимость, уплатить по векселям; после того они не получали об нём никакого известия. Между тем сказывают под рукою, что близь Данцига он схвачен царскими людьми и отвезён в отдалённый монастырь, только неизвестно, жив или умер; по словам других, он ушёл в Венгрию или в иныя земли императора и нынешним летом приедет к матери своей. Гвардейские полки, составленные большею частию из дворян, замыслили с прочими войсками в Мекленбургии Царя убить, а царицу привезти сюда и заключить с детьми в тот самый монастырь, где сидит прежняя царица; её освободить и правление вручить кронпринцу. Все это открыто Царю одним гренадёрским капитаном. Царь прислал Мен-

шикову повеление обо всём разведать и сообщить ему список всех званий, которые часто виделись с царевичем, также которых без позволения уехали в Москву, или без призыва сюда прибыли, или по призыву не приехали. Здесь всё готово к бунту: знатные и незнатные ни о чём более не говорят, как о презрении к ним и к их детям, которых все должны быть матросами, о разорении их имений налогами и выводом людей на крепостное строение.

Из донесения венского резидента О. Плейера прусскому императору Карлу VI. 11 января 1717 года из С.Петербурга. Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 73

Облава

Пётр I *цесарю Карлу VI из Амстердама, 20 декабря 1716 года.* Пресветлейший, державнейший цесарь! Я принуждён вашему цесарскому величеству с сердечною печалию своею о некотором мне нечаянно случившемся случае в дружеско-братской конфиденции объявить, а именно о сыне своём Алексее, како оный, яко же чаю вашему величеству, по имеющему ближайшему свойству, не безизвестно есть, к высшему нашему неудовольству, всегда в противном нашему отеческому наставлению являлся, також и в супружестве с вашею сродницею непорядочно жил. Пред несколькими временем получа от нас повеление, дабы ехал к нам, дабы тем отвлечь его от непотребнаго жития и обхождения с непотребными людьми, не взяв с собою никого из служителей своих, от нас ему определённых, но, прибрав несколько молодых людей, с пути того съехав, незнамо куды скрылся, что мы по се время не могли увидеть, где обретается. И понеже мы чаем, что он, к тому превратному намерению от некоторых непотребных людей совет приняв, к тому заведён, и отечески о нём сожалеем, чтоб тем своим безчинным поступком не нанёс себе невозвратной пагубы, а наипаче не впал бы каким случаем в руки неприятелей наших, того ради дали комиссию резиденту нашему, при дворе вашего величества пребы-

вающему, Веселовскому, онаго сыскивать и к нам привезть. Того ради просим вашего величества, что ежели он в ваших областях обретається тайно или явно, повелеть его с сим нашим резидентом, придав для безопаснаго проезду несколько человек ваших офицеров, к нам прислать, дабы мы его отечески исправить для его благосостояния могли, чем обяжете нас вечно к своим услугам и приязни. Мы пребываем при сём вашего цесарскаго величества верный брат Пётр. Из Амстердама. В 20 д. декабря 1716.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 358

Пётр I Аврааму Веселовскому, 20 декабря 1716 года и Амстердаме. Даётся наш указ резиденту Веселовскому, что где он проведает сына нашего пребывания, то, разведав ему о том подлинно, ехать ему и последовать за ним во все места, и тотчас, чрез нарочные стафеты и курьеров, писать к нам; а себя содержать весьма тайно, чтоб он про него не проведал. Пётр. В Амстердаме. Декабря 20, 1716.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 359

Адам Вейде Царю, 25 декабря 1716 года из Гистрова. Для искуснаго и тайнаго осведомления за тем, который путь свой справляет под именем поручика Балка и имеет с собою девку и двух послуживцев, в Немецкую землю я отправил двух офицеров, а одного в Польшу.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 354

Авраам Веселовский Царю, с 3 января по 14 июля 1717 года. Письмо 1. Из Франкфурта на Одере, 3 января 1717 года. По указу вашего величества, отправясь из Амстердама, я поспешал в пути во всякой возможности. Перваго дня сего месяца прибыл я в Пириц, на пятую почту от Франкфурта по Гданской дороге, оставя Берлин в правой стороне, и осведомлялся тут, также и на прочих местах до Франкфурта, о проезде Русскаго офицера с женою и 4 служителями: на некоторых почтах сказали, что памятуют проезд такого офицера; а на последней того почтальона, который его отвозил во Франкфурт, в службе почтмейстерской более не было. Я продолжал, путь до Франкфурта, и, ведая, что в городах бывають воротные писари, которые записывают имена проезжих и где становятся, ходил тогож вечера сам к писарю и просил его показать книги октябрския, обещая за труды плату. Он показал книги. Я нашёл в них: «Проезд 29 октября Московскаго подполковника Кохановскаго, при нём жена его и поручик Кременецкий, да один служитель; а стал он на квартире Чёрнаго Орла, за городом». Я по сей записке ходил к господарю Чёрнаго Орла и спрашивал его. Он сказал, что имени того офицера не знает; а описал его статуру и образ подлинный, токмо с тою прибавкою, что опущены вновь чёрные уски Французские: «имея-де жену при себе малаго роста, одного поручика и одного служителя: только-де по дву часех, как он обедал, приехали ещё два служителя на почтовой те-

леге, и явясь ему, пошли от него и стали в другом вирцгаузе; а как скоро он отобедал, то тогож часу на экстрапочте поехал в Бреславль». По такому известию, на другой день я отыскал вагенмейстера, который отправляет всех отъезжих почтовых лошадей, и спрашивал его: он мне сказал, что в октябре отъехал на экстрапочте офицер с женою и двумя ещё персонами до Цибингена по Бреславльской дороге, и указал мне отвозившаго почтальона, который на распросы мои сказал, что отвёз до Цибингена, откуда он, офицер, поехал до Кросена прямо к Бреславию и спрашивал у почтмейстера, сколько миль до Бреславля? А двое служителей его едут на почтовой телеге за ним, а не вместе; а с ним-де сидит токмо один поручик в коляске против его; а служитель позади коляски. — Я еду далее и буду от почты до почты осведомляться фундаментально, как и здесь, а ехать с теми же почтальонами, которые его отвозили.

Письмо 2. Из Бреславля от 17 января. Осведомляясь дорогою, я узнал, что известный Русский офицер, не доехав за 4 почты от Бреславля, поехал на местечко Лигниц, где, побыв два дни, знатно для отдыха, взял там приезжаго фурмана, который живёт 4 мили от Бреславля, в городе Яворе. Я отыскал этого фурмана, велел отвезти себя в Бреславль, в вирцгауз, недалеко от того, куда он отвёз Русскаго офицера, который стоял в Золотом Гусе. Прибыв в Бреславль, я немедленно пошёл к писарю воротному и нашёл у него в книгах: «От 13 ноября н. ст. проехал Московский подпол-

ковник Коханский с женою и двумя служителями и стал в Золотом Гусе». Дождавшись вечера, я ходил в тот вирцгауз и спрашивал об нём; он стоял только два дни и взял экстрапochту по такой дороге, что можно ехать прямо в Вену и к Праге; а спрашивал-де он в вирцгаузе, как далеко до города Неуса, Глаца, дешеволь там жить и как далеко до Вены? По сим ведомостям, я разсудил взять с собою надёжного человека, племянника одного здешняго купца, прозванием Генриха Финка, для того, что если я найду в тех местечках офицера, то мог бы послать его к вашему величеству с донесением; а курьеров там не лъзя найти. Я обещал ему кормовых по 2 червонца в неделю, и если пошлётся в Голландию, 50 червонцев за труды, кроме прогонов.

Письмо 3. Из Неуса от 17 января. До сего места Русский офицер ехал прямою почтовою дорогою до Вены; а отсюда поворотил к Праге чрез Чешскую землю, взяв экстрапochту. Здесь он только спрашивал, как далеко до Праги.

Письмо 4. Из Праги от 17 января. Русский офицер прибыл сюда 19 ноября и, постояв пять дней в вирцгаузе Золотая Гора, поехал на экстрапochте до Вены. Мне за две почты приключилась почечуйная болезнь, которой я никогда ещё не имел, с жестокою лихорадкою. Доктора думают, что она произошла от долговременнаго пути и советуют здесь недели две пожить; но я, следуя указу вашего величества, еду далее за известною персоною завтра.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 355-356

Адам Вейде Царю, 22 января 1717 года из Гистрова. Из Бреславля пишет один из посланных, что там в городе был в одном доме и сказывался купцом из Русской армии тому назад с девять недель, и имеет при себе двух сыновей и единую дочь, и поехал, не мешкав по Венской дороге. Должен быть он.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 370

Авраам Веселовский Царю, с 3 января по 14 июля 1717 года.

Письмо 5. Из Вены 24 января. След известного подполковника идёт до сего места: он прибыл сюда 23 ноября нов. ст. стоял в вирцгаузе Чёрнаго Орла, за городом. Имя же своё на почтовом дворе, как здесь есть обычай, чрез привёзшаго почтальона объявил: «Польскаго кавалера Кременецкаго». Только постояв одни сутки в том месте, вещи свои вечером перевёз на наёмном фурмане в иное место; а сам на другой день, заплатя иждивение, пешком отшёл от них, так что они неизвестны, куды он перешёл и не отъехал ли куды? А, будучи в том вирцгаузе, купил он готовое мужское платье кофейнаго цвету своей жене и оделась она в мужской убор. После сего, во всех здешних вирцгаузах спрашивал я об Русском и Польском офицере; но нигде ещё допроситься не мог, также и на почтовом дворе почтовых лошадей от Польскаго кавалера не взято. А в пути, за несколько почт от Вены, ска-

зывал мне один почтмейстер, что спрашивал он у него, как далеко до Риму в сколь дорог станет почтовой и ландкучерский провоз; по которым вопросам мню, не поехал ли он до Риму? Это может быть сходнее, нежели ему здесь жить инкогнито. А явно, ни тайно у цесаря он не являлся. Будучи в сём мнении, я писал к одному аббату чрез стафет об уведомлении (он мне друг и имеет свободный доступ у статс-секретаря кардинала Паолучия). Прибыл сюда майор Девиц, отправленный, но вашему указу, от генерала Вейда искать того же офицера. И послал его в вирцгауз Чёрного Орла. Ему сказали то же, что и мне.

Письмо 6. Из Вены от 3 февраля. Не нашед на почтовом дворе отъезда известного офицера, я осведомлялся у ландкучеров. Никто не помнит, чтоб отвозил его с женою, понеже обретающаяся при нём дама переделалась в мужское платье. Для лучшаго изъяснения, я ездил по двум почтовым дорогам, ведущим отсюда к Италии, по Тирольской до Пуркерсдорфа и Сигарцкирха, по Карпитийской до Ахау и Нейшта-та, спрашивая почтмейстеров. Никто не мог дать мне известий. Здесь же не чаю, чтобы где был инкогнито. Жду ответа от аббата, буду осведомляться в партикулярных домах: в публичных во всех спрашивал.

Письмо 7. Из Вены от 7 февраля. Искал тщетно во всех партикулярных домах Польскаго офицера. Поищу ещё в предместьях. Вчера я посылал присланаго от Вейде адъютанта Девсена в вирцгауз Чёрного Орла, осведомляться

ещё у кельнера или ключника о Польском кавалере. Кельнер сказал, что он признал его за некотораго знатнаго человека, «понеже платил деньги с великою женоерозите, и показался-де подобен Царю Московскому, якобы его сын, котораго-де (Царя) я видел здесь в Вене». Вечером я ходил пешком за город; кельнер мне то ж сказал. Третьяго дня возвратился сюда из Ганновера посланный к королю Английскому генерал-майор Сан-Сафорен, который, будучи при дворе, говорил мне явно, в присутствии Мекленбургскаго посланника, сожалея о болезни, приключившейся вашему величеству от печалей, из коих знатнейшая та, что-де ваш кронпринц невидимым учинился, а по Французски в сих терминах: Il est eclipse. Я спросил, от кого такую фальшивую ведомость имеет? Отвечал, что ведомость правдивая и подлинная; а слышал её от Ганноверских министров. Я возражал, что это клевета по злобе Ганноверскаго двора. Завтра поеду нарочно к тайному референдарю (хранитель печати) осведомляться от него, не доносил ли он цесарю?

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 361-362

Граф Шёнборн царевичу Алексею, 27 (16) февраля 1717 г.
...Ныне токмо в свете начинают говорить, что царевич пропал; некоторые говорят, что он от свирепости отца своего ушёл; иные говорят, что он от убийц в пути убит; но никто не ведаёт подлинно, где он есть. Но милому царевичу к пользе советуется, чтобы он весьма в скрытности себя держал, по-

неже, когда Государь отец его из Амстердама паки возвратится, то тогда уже великий розыск или взыскание о том будет.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 373

Авраам Веселовский Царю, с 3 января по 14 июля 1717 года.

Письмо 8. Из Вены от 21 февраля. Вчерашняго дня приехал ко мне известный референдарь и сказал мне в конфиденции, что цесарь имеет подлинную ведомость, что Коханский обретается здесь инкогнито, токмо у цесаря ещё не являлся. Я его прилежно просил уведомать квартиру: он мне обещал, также дал слово уведомить немедленно, как скоро, хотя б тайно, он явится у цесаря.

Письмо 9. Сего моменту был у меня референдарь, который паки подтверждает, что Коханский конечно здесь; только не ведают, в котором доме, и говорил мне в дишкурсе: если он у цесаря не явится, то мочно его тайно, имея 4 или 5 Русских офицеров, увезти отсюда в Мекленбурггию, или куда потребно; если же явится, то нельзя.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 362

Пётр I Аврааму Веселовскому, 24 февраля 1717 из Амстердама. ... Надлежит тебе послать двух верных и неглупых людей, одного в Италию до Риму, а другого до Швейцарской земли, и повелеть им накрепко о том же проведывать, и те-

бе писать. Также надо ещё в Вене проводывать, в Неаполе, Милане, Сардинии.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 373

Авраам Веселовский Царю, с 3 января по 14 июля 1717 года.

Письмо 10. Из Вены от 10 марта. Во всех домах за городом и в городе чрез шпионов сам Коханскаго искал; однако найти не мог, и подлинно он отсюды отлучился. А бытность его таким образом открылась здесь: когда он в ноябре месяце сюды прибыл, то по обычаю должен каждый почтальон все вещи приезжаго отвезть в пошлинный дом; когда таможенные осматривали, и нашедши между прочим соболь и шубы соболи, спрашивали человека Коханскаго, котораго описуют черноволосым и говорит довольно по-Немецки, не Русский ли кавалер приезжий? На что он отвечивал, что господин его не кавалер, а кронпринц Московский; и заплатя пошлину, отвёз вещи чрез наёмнаго кучера в телеге, а куда, никто не знает. Вчера вечером на ассамблее разговаривали при мне два тайные советника о отлучении Коханскаго из государства, и однн из иих обнадёжил меня, что имел он письмо из Тироля, что он проехал пред шестые неделиа чрез Инспрук в Италию, нмея при себе 5 служителей. За подлинно могу обнадёжить ваше величество, что его здесь нет; а что он у цесаря не являлся, клятвою утверждает известный тайный референдарь. Из Риму имею ответ от абба-

та, что Русский кавалер там не являлся.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 363

Пётр I Аврааму Веселовскому, 6 марта 1717 из Амстердама. Письмо твоё из Вены от 21 Февраля мы получили, из которого уразумели то, что ты пишешь об известной особе, и по совету именованнаго в том письме приятеля твоего посылаем к тебе 4 человек наших офицеров, под претекстом. Из них капитану Румянцеву весь тот секрет от нас сообщён, и с ним с одним ты откровенно в том поступай и советуй; а ему велено всё то исправлять, что ты ему велишь. И тако приложи старание, дабы ту особу каким нибудь способом в Мекленбургю к войску нашему вывезть, и в таком случае можешь и сам с ними для лучшаго охранения ехать. А буде же та особа у цесаря явилась и под его протекциею живёт, то в таком случае подай грамоту цесарю, и чини в прочем по данной тебе комиссии.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 373

Авраам Веселовский Царю, с 3 января по 14 июля 1717 года.

Письмо 12. Из Вены от 20-го марта. Вчера прибыл сюда капитан Руманцов с 3 офицерами и вручил мне вашего величества милостивейший указ, по которому известную комиссию исполнить уже поздно было: Коханский за 10 дней до того уехал отсюда, и удостоверил меня известный рефе-

рендарь, что оный отправился в Тироль, под протекциею цесарскою. Я уже 4-й день домогаюсь быть допущенным к принцу Евгению; но не могу получить себе часа. А как скоро от него уведомяся, положили мы с Румянцовым: ехать ему одному в Тироль и осведомляться подлинно подробно в крепости Эренберг о Коханском. И если он выходит из крепости не многолюдно, то б ехать и мне самому с 3 офицерами, и исполнить ваш указ: буде же в многолюдстве, чему я быть не чаю, потому что ни одного полка в Тироле нет, тогда я подам грамоту вашу цесарю и о добром решении домогаться буду.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 364

Чтобы дать понятие о характере слуг Петровых, довольно указать только на следующие слова в инструкции венского министерства неаполитанскому вице-королю: «Свидание должно быть так устроено, чтоб никто из москвитян (отчаянные люди и на всё способные) не напал на царевича и не возложил на него руки, хотя я того и не ожидаю».

Погодин М.П. (1). С. 442

Авраам Веселовский Царю, с 3 января по 14 июля 1717 года.

Письмо 13. Из Вены от 24 марта. Вчера допустил меня к себе принц Евгений. Я объявил ему, что будто я за подлинно уведомлён, что Коханский обретается в Тироле под протекциею цесарскою, и вашему величеству никакого известия

не подано; из чего ваше величество можете признать знак неприязни к себе. Принц сначала отвечивал, что о том он не ведаёт; а хотя б-де цесарь и подлинно ему позволил иметь убежище в своих землях, токмо для безопасности собственной его персоны, и тогда не протекция, но безопасность: цесарское величество гораздо совестен, чтоб сына возбуждать против отца и привести в вящую ссору; но может быть, что имевшую злобу утолить потщится, в чём его царское величество может твёрдо обнадёжен быть. И приказал мне по двух днях быть у себя; а меж тем хотел о том спрашивать цесаря. Из сих слов ясно, что Коханский в их руках. – Возвратясь домой, я тотчас отправил Румянцева в Тироль с таким решением, как доносил я под № 12. И обождать от него известия, где он (царевич) обретается и мочноль наше тайное намерение исполнить, также и ответу от принца Евгения, по тому буду поступать. – Сказывал мне известный референдарь, что Коханский стоял в предместьи на загородном дворе, у графа Зинцендорфа, и оттуда отвезён несколько миль его лошадьми. Следовательно знатно, чрез него домагательство чинит, а с цесарем не видался.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 364-365

Александр Румянцев Царю, 31 марта 1717 года из Вены. ...Сего марта 19 дня приехал в Вену и оной персоны в Вене не застал, и как уведомился от г. Веселовскаго, что он выехал из Вены прежде прибытия нашего дней за 10; а которо-

го числа и куды он поехал, о том он подлинно не ведает. Веселовский слышал, будто оная персона есть в Тироле, в крепости, называемой Эренберх, которая от Вены расстоянием миль 60, и будто под протекциею цесарской. Во всём городе явно, что он здесь был. Завтрашнего числа поеду в Тироль с одним другом Веселовскаго, и подлинно об всём уведомясь.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 374

Граф Шёнборн царевичу Алексею, 14 (3) апреля 1717 г. Надобно очень остерегаться; по вестям необходимо с немногими людьми, для вящшей безопасности уехать далее и жить тайно под защиту добраго приятеля. Для куриозиты прилагаю, что из Москвы пишут. Веселовский силою утверждает, что царевич в цесарских землях обретается и что Царь требует своего сына. Ему сказано, что здесь его нет. Впрочем, всё благополучно; обнадеживаю в вечной дружбе. Верный слуга.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 375

Авраам Веселовский Царю, с 3 января по 14 июля 1717 года.

Письмо 14. Из Вены от 4-го апргля. Был я у принца Евгения за ответом: объявил мне, что цесарю о моём требовании он докладывал; но цесарь ему на то ответствовал, что он о том неизвестен, и толь меньше ещё, чтоб Коханский был в

его протекции; разве-де тайно в областях его обретается, о чём ему неведомо. – Из сего ответа можно понять, что хотя его пребывание содержать тайно. Между тем ежечасно ожидаю известий от Румянцева, который уже 11-й день уехал в Тироль.

Письмо 15. Из Вены от 7-го апреля. Вашего величества указ от 24 марта из Роттердама я с наивящшею болезнию принял: изволите гнев свой явить в том, что референдарь советовал, ежели б были наши офицеры, увезти отсюда известную персону, и ваше величество изволили ко мне отправить 4 офицера, но потом получили от меня доношение, что она персона отсюда отлучалась, и что мои письма одно с другим не сходны. Все, что я доносил, сообщено от референдаря; дело содержалось у цесаря тайно, и глубже проводывать было невозможно. Из четырёх кабинетных советников он не чаёт, чтобы более одного или двух были известны. Что же упоминаете, для чего я не арестовал, или не потребовал удержания, то здешние министры мне говорили, что здесь его нет. Посему не мог я и собственноручную грамоту вашего величества цесарю представить. Как скоро получу известие от Румянцева, буду действовать.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 365

Александр Румянцев Царю 10 апреля 1717 года из Вены. ...Повторяе доношу, что я из Вены в Тироль ездил и его подлинно там нашёл в Тирольской провинции, в одной крепо-

сти, Эренберх, которая имеет расстояние от Вены 78 миль, между Италианской и Швейцарской дороги, и живёт под протекциею цесарской, и содержится за крепким караулом: не токмо его, ни слугителей его из крепости не пушают. А бытность его, Государь, там так тайно содержится, что имени его из тамошних жителей никто не знает, кроме приставленнаго к нему одного генерала, который определён вместо губернатора в той провинции, и рассуждают там об нём, что он Польский или Венгерский князь.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 375

Авраам Веселовский Царю, с 3 января по 14 июля 1717 года.

Письмо 16. Из Вены от 10 апреля. Как скоро капитан Румянцов, возвратясь сюда, объявил мне, что известную персону, по сказке референдаря, он нашёл в Тироле в крепости Эренбергской, под протекциею цесаря, которая уже в январе с двумя цесарскими драбантами туда прибыла, на другой день был у цесаря на приватной аудиенции и, подав собственноручную грамоту вашего величества, объявил ему сверх того, что вашему величеству зело чувственно будет слышать, что от его министров именем цесаря мне ответствовано, что будто известной персоны в землх его нет и ему, цесарю, о том неизвестно, а ныне уведомлён я подлинно чрез нарочнаго, отправившагося курьера, который его и людей его сам видел, что она обретается в Эренберхе на цесар-

ском кошту, и дабы его величество, по известному праводу-
шию, требование вашего величества исполнил. Цесарь мне
отнечал. что ему всегда радостно приятныя службы вашему
величеству показать при всех случаях; что же о пребывании
в его землях известной персоны, о том ему доньне ещё не
донесено; чего ради хочет, осведомясь наперёд подлинно о
его пребывании, ответ вашему величеству на поданную гра-
моту учинить. Я ему паки повторил, что о сём я подлинно
уведомлён и никакого сумнения нет. Он на сие сказал, что
ему надлежит известиться из доношений наперёд, и с тем ме-
ня отправил. Завтра буду требовать часа от принца Евгения,
которому в чувственных терминах о таком поступке их к ва-
шему величеству предложу и буду прилежно просить, чтоб
склонил цесаря к отдаче известной персоны.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 366

*Нота графу Волкре (Volkra), посланнику прусского короля
при Английском дворе, 25 (14) апреля 1717 года.*

...Цесарь, по родству, по несчастному положению принца
и по великодушию цесарского дома защищать невинно го-
нимых, дал ему покровительство и защиту. Резидент Веселовский в особенной аудиенции подал письмо своего Царя и
объявил, что царевич должен здесь находиться; цесарь отве-
чал, что он разыщет и уведомит Царя. Письмо сообщено ца-
ревичу, чтобы узнать, на что он хочет решиться, возвратить-
ся ли к отцу, или остаться под защитою цесаря? В последнем

случае он должен быть перевезён в Неаполь и содержим в величайшей тайне. Как ответ царевича почти несомнителен – он изберёт последнее, – а между тем Воселовский неотступно требует у цесарских министров, то у того, то у другого, ответа и даёт знать, что Царь будет искать и требовать своего сына вооруженною рукою (*armata manu*), то ожидая всего от его решительности (*genio*), цесарь приказывает спросить короля Английского, иамерен ли и он, как курфюрст и как родственник Брауншвейгского дома, защищать принца? Переговоры должен граф Волькра вести в величайшей тайне.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 376

Авраам Веселовский Царю, с 3 января по 14 июля 1717 года.

Письмо 17. Из Вены от 15 апреля. После аудиенции у цесаря, советовал я капитану Румянцову немедленно ехать в Тироль и жить неподалеку от Эрренберха инкогнито, дабы стеречь, чтобы известную персону куда не увезли, или не упустили из своих земель; в каком случае велел следовать за ним, и о том ко мне писать. Между тем был я у принца Евгения и представил ему, какое чувство ваше величество можете иметь из того, как щиро(?) цесарское величество в сём деле поступает, предлагая ему, ежели бы эрцгерцог цесарский, отлучась от отца своего, искал бы у вашего величества своей ретирады и она бы потаённым образом была дана в ваших землях, коль болезненно могло быть цесарю,

и просил его склонить цесаря к отдаче сына вашему величеству, каковую услугу ваше величество за незабвенную вечно примете. Принц обещал по возможности в том трудиться и велел завтра быть в Лаксенбург для ответа. Потом ездил я к вице-канцлеру имперскому графу Шёнборну и выговаривал ему о том, что он, яко доброжелательный вашему величеству, меня обнадёжил, что известной персоны нет в землях цесарских, а ныне она от меня нашлась. Шёнборн отвечал, утверждая душевною присягою, что он сие учинил по указу цесарскому, и инако о том не ведал, и ныне ещё в сумнении: понеже вчера цесарь сам о саморучной грамоте вашего величества ему сказывал, токмо ничего не упомянул о пребывании той персоны в его землях, объявляя ему, что хочет вашему величеству ответствовать на оную, а в какой материи, о том равным образом не упомянул. – После завтра поеду в Лаксенбург и буду домогаться склонной резолюции чрез принца.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 367

Граф Шёнборн графу Волькра, 28 (17) апреля 1717 года.
Не надобно давать знать двору Английскому, что мы очень боимся Царя; также нужно смотреть, чтобы Англичане не воспользовались нашею конфиденциею к собственной выгоде пред Царём. Надобно также выставить бедственное положение добраго царевича, ясное и постоянное тиранство отца, не без подозрения яда и подобных Русских galanterien.

Авраам Веселовский Царю, с 3 января по 14 июля 1717 года.

Письмо 18. Из Вены от 19 апреля. Вчера был я у принца Евгения, который объявил, что цесарю он докладывал. Цесарь ему сказал, смеючись, что сам вашему величеству будет отвечать. Я представил, какое неудовольствие ваше величество из того приемлите; и ходил к оберштер-каммергеру, требуя партикулярной у цесаря аудиенции. Цесарь, однако, меня допустить к себе не хотел. Я возвратился ни с чем. Буду опять домогаться аудиенции. Сегодня референдарь, приехав из Лаксенбурга, сказывал мне, что на другой день после моей аудиенции, отправлен один каммер-курьер в Тироль, куда и с чем, неизвестно: понеже отправлен от камеры от самого цесаря, тайно. Он разсуждает, что либо хотят склонять известную персону к возвращению, либо желают ведать его намерения. – От капитана Румянцева писем ещё нет.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 367

Цесарь, увидев, что скрываться более нельзя, послал к царевичу секретаря Кейля сообщить отцовскую грамоту и спросить его решения; в случае намерения остаться – переехать в Неаполь. «Царевич всё сказанное ему с величайшим вниманием выслушал, потом прочитал отцовское пись-

мо; оно сильно поразило его. Не говоря секретарю ни слова, он бегал по комнате, махал руками, плакал, рыдал, говорил сам с собой на своём языке; наконец, упал на колени и, обливаясь слезами, подняв руки к нему, вскричал: “О, умоляю императора, именем Бога и всех святых, спасти мою жизнь и не покинуть меня, несчастного! Иначе я погибну. Я готов ехать, куда он прикажет, и жить, как велит, только бы не выдавали меня несправедливо раздраженному отцу!”» Жалобам и молениям не было конца.

Погодин М.П. (1). С.441-442

*Пётр I капитану Румянцову, 19 апреля 1717 из Кале во Францию. ...*Надобно тебе конечно ехать в Тироль или в иное место и проведывать, где известная особа обретается; и когда о том уведаешь, то тебе жить в том месте инкогнито, и о всём, как он живёт, писать; и буде же куда отуды поедет, то секретно за ним следовать и не выпускать его из ведения и нас уведомлять.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 377

Авраам Веселовский Царю, с 3 января по 14 июля 1717 года.

Письмо 19. Из Вены от 21 апреля. Вчера ездил я в Лаксенбург и требовал приватной аудиенции; сперва была учинена трудность от обер-каммергера; но потом вышел вице-канцлер из его ретирады и объявил, что цесарь хочет меня допустить.

Я просил отдачи известной персоны. Цесарь сказал: «Мы рады во всём его царскому величеству служить, в чём возможно, и на присланную грамоту на сих днях ответствовать будем и к вам ответ пришлём». Я представил, что уже довольно времени как подана грамота, но до сих пор одно только решение, что ответ получу. Цесарь, поворотясь, мне сказал, что ответ прислан будет вскоре, и чтоб я не трудился. Потом видел я вицеканцлера, который меня обнадёжил, что завтра или после завтра получу ответную грамоту. – По трёх или четырёх днях цесарь, ради цесаревы, которой чают родить на сих днях, поворотится из Лаксенбурга сюда.

Письмо 20. Из Вены от 27 апреля. Видя, что ршение вдаль отложено, ездил я в Лаксенбург и домогался чрез графа Зинцендорфа об ответе. Цесарь велел сказать, что за важными воинскими делами отвечать не мог и хочет на каждый пункт отвечать пространнее. Но того ж вечера известный референдарь обнадёжил меня клятвенно, что причина неответа цесаря следующая: слышал он разговор графа Зинцендорфа с обершт-гофмаршалом князем Шварценберским, который говорил: «На что цесарское величество хочет вступить в такую великую ссору с Царём? может-де при нынешних конъюнктурах повредить нам не мало; лучше-де положить добрыя средства меж отцом и сыном, чрез что мочно обоих обязать». Зинцендорф на сие ответствовал: «Я вижу, что вы о состоянии сего дела подлинно неизвестны. Цесарь имеет не малый резон кронпринца секундовать, понеже оный прав пе-

ред отцом своим и имел резон спастись из земель отцовых: в начале, будто, ваше величество, вскоре после рождения цареви́ча Петра Петровича, принудили его силою дать себе реверс, по силе котораго он отрёкся от короны и обещал ретироваться во всю свою жизнь в пустыню. И как ваше величество в Померанию отлучились, и видя, что он по своему реверсу в пустыню не пошёл, тогда, будто, вы вымыслили иной способ, а именно призвать его к себе в Дацкую землю и под претекстом обучения, посадя на однн воинский свой корабль, дать приказ капитану вступить в бой с Шведским кораблём, который будет в близости, чтоб его убить, о чём, будто, он из Копенгагена уведомлён был. Чего ради принужден был от такой беды уйти. Правда-де, что цесарь, получа ныне саморучное письмо от Царя, посылал к нему курьера с письмом для склонения, чтоб с отцом примирился; но оный против отцова письма, чрез того курьера, пространное написал оправдание и просил цесаря, чтоб, для Божией любви и христианскаго закона, избавил его от мучения и смерти; а о мире и слышать не хотел. Цесарь-де, имея подлинныя письменные документы в своих руках, имеет об нём сожаление; однакож на то его письмо отправил ещё к нему курьера с другим предложением и ожидает от него последней резолюции. И так, всемилостивейшей государь, прошу об указе, что мне чинить? Предлагать ли с угрозами здешнему двору, и не изволите ли написать письмо к цесарю в терминах крепчайших?

Царевич немедленно выехал из Эренберга с секретарем Кейлем и Афросиньей, переодетой пажом. Но Румянцев снова был в Тироле и следил за царевичем до самого Неаполя...

Соловьев С.М. (1). Т. XVII. С. 6

Александр Румянцов Веселовскому, 6 мая 1717 года. ...
При самом моём отъезде, некоторый офицер знатный мне тайно сказал, что от вас приезжал полковник и взял пожитки его из той крепости, и с ним ещё две персоны повёз чрез Инзбрук в Италию в одну крепость, Мантую, а достальные его служители оставлены тут; а сие учинилось третьего дня. Я сегодня поеду, хотя кругом, до Инзбрука и там буду проведывать, и ежели подлинно проведуя, то поеду за ним.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 378

Кейль цесарскому министру, 7 мая (27 апреля) 1717 года изъ Мантуи.

Мы прибыли сюда благополучно с нашею компаниею. До Триента встречались разные подозрительные лица; но всё благополучно. Я употребляю всевозможные усилия, чтобы удержать наше общество от сильного и весьма частаго пьянства; но тщетно.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 378

Царевич прибыл в Неаполь 6-17 мая в полночь и остановился в гостинице Трех-Королей. На другой день в 8 часов утра секретарь Кейль отправился к вице-королю, подал ему императорское повеление и донёс о прибытии царевича, с просьбою как можно скорее перевезти его из гостиницы. В следующий день вечером в 6 часов он вывезен в наёмной карете из города к морю и потом тайными переходами введён в королевский дворец. Тут он жил два дня, до изготовления комнат в кастеле Сент-Эльмо, укреплённом замке, стоящем на высокой горе и господствующем над Неаполем.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 89

Пять месяцев с лишком Алексей прожил здесь со своей возлюбленной Евфросинией.

Иловайский Д.И. (1). С. 48

Царевич Алексей сенаторам, 8 мая 1717 года. Превосходительнейшие господа сенаторы. Как вашей милости, так, чаю, и всему народу не без сумнения моё от Российских краёв отлучение и пребывание по сё время безизвестное, на что меня принудило от любезнейшаго отечества отлучиться ни что иное, только (как вам уже известно) всегдашнее мне безвинное озлобление и непорядок, а паче же, что было в начале прошлаго года едва было и в чёрную одежду не облекли меня нуждою без всякой (как вам всем известно) моей вины.

Но всемилостивый Господь, молитвами всех оскорбляемых утешительницы пресвятыя Богородицы и всех святых, избавил мя от сего и дал мне случай сохранить себя отлучением от любезнаго отечества (котораго, аще бы не сей случай, никогда бы нехотел оставить), и ныне обретаюся благополучно и здорово под хранением некоторыя высокия особы до времени, когда сохранивый мя Господь повелит возвратиться в отечество паки, при котором случае прошу не оставите меня забвенна; а я всегда есмь доброжелательный как вашей милости, так и всему отечеству до гроба моего. Алексей. Мая в 8 д. 1717.

P.S. Будет есть ведомости об мне (хотя память об мне у людей загладить), что меня в живых нет, или ино что зло, не извольте верить: Богу хранящу и благодетелем моим, жив есмь и во благополучии обретаюся; того ради и сие писание посылаю, дабы отразить противное мнение об мне.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 380

Царевич Алексей служителям своим, 8 мая 1717 года. Яков и Судаков и Меер. Когда по вас пришлют, чтоб вам к нам быть, то баул с женским платьем, что замкнут, запечатай, Судаков, моею печатью звездою... А паче всего не забудь, Яков, зубнаго порошку: с собою возьми весь.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 381

В 1856 году быв в Неаполе, с разрешения Неаполитанска-

го военного министра... я осматривал кафель Сент-Эльмо в подробности; комендант и другия лица, сопровождавшия меня, не могли указать того места, где содержался царевич, потому что в Неаполе совсем об нём не знают.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. Т. VI. С. 89

Авраам Веселовский Царю, с 3 января по 14 июля 1717 года.

Письмо 21. Из Вены от 3 мая. Сего дня на почте получил я от капитана Румянцова два письма: пишет, что несколько дней он был задержан в местечке Рейтене, полмили от Эренберга, для того, что тамошний коммендант барон Рост его узнал, имея на него подозрение, что приехал туда в другой раз, под иным именем. А потом уведомился он (Румянцов), что известную персону вкратце при нём вывезли оттуда в Италию до крепости Мантуа, и он намерен был ехать за ним, объехав Эренберг кругом, в след. Мне здесь доньше, не смотря на ежедневную доуку, никакого решения не дано, так что от презрительнаго приёмства вашего прошения и малой к вам консидерации имею себе не малую печаль; а предлагать с угрозами без указа не смею...

Письмо 24. Из Вены от 14 мая. Ждёт известий от Румянцова и просит указа, куда девать оставшихся в Вене офицеров Фёдора Шушерина, Степана Сафонова и князя Мещерскаго. А делать им в Вене нечего. Приехала сюда мать цесаревнина, герцогиня Луиза. Я, быв у нея, повторил чрез неё

цесарю свою просьбу. После она сказала мне в ответ, что она цесарю о том упоминала; но цесарь, будто, ей ответствовал в сих терминах: «Кронпринца в наших землях нет, и не ведаёт, где он обретается; а всякое старание о сбережении его особы иметь всегда будет, когда о том уведает».

Письмо 25. Из Вены от 2 июня. Не получая указа вашего величества, а между тем возвратился сюда капитан Румянцов из Италии с подлинным известием, что известная персона в Неаполе, и он Румянцов едет к вам, я более ничего здешнему двору не предлагал, опасаясь, чтобы не увезли её в иное место. Ссылаюсь на изустное донесение Румянцева и посылаю с ним оригинальное цесарское письмо.

Письмо 26. Из Вены от 14 июля. Сего утра приезжал ко мне Польский резидент Фон-Венжик и объявил мне в конфиденции письмо, писанное к графу Вакербарту из Рима от резидента их: доносит кратко, что царский принц, о котором слух обносился, что уехал от отца, ныне явился нечаянно в Неаполе в кастеле Санкт-Гельма. Некоторые разсуждают, что он сидит за караулом; а другие мнят, что только для своей безопасности имеет такой жестокий караул.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 370

Пётр поручил возглавить дело доставки сына на родину опытному дипломату Петру Толстому.

Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. Издание третье. М.: «Мысль». 1989. С.191. Далее цитируется как Павленко

Н.И. с указанием страницы.

В Спаа, 1 июля 1717 года, Пётр дал Толстому и Румянцеву следующую инструкцию:

«1. Ехать им в Вену и на приватной аудиенции объявить цесарю, что мы подлинно чрез капитана Румянцева известились, что сын наш Алексей, не хотя быть послушен воле нашей, в прошлом году проехал в Вену, принят под протекцию цесарскую и отослан тайно ж в Тирольский замок Эренберг, где несколько месяцев был за крепким караулом. Хотя наш резидент домогался узнать у его цесарскаго величества и министров его о пребывании сына нашего, потом и граммату нашу самому цесарю подал, но на то никакого ответа не получил, и сын наш отослан из того замка наскоро, за крепким караулом, в город Неаполь, где содержится за караулом же в крепости, чему капитан Румянцов самовидец. Нам более всего чувственно, что цесарь на прошение наше не письменно, ни изустно никакого ответа явственно не учинил, и зело в тёмных терминах к нам ответствовал, не объявляя даже о пребывании сына нашего в своей области: требовать декларации, для чего так неприятно изволит цесарское величество с нами поступать?

2. Ежели цесарь станет, как и пред Веселовским, отрекаться неведением о пребывании сына нашего, говорить, что тому невозможно быть: не только капитан Румянцов, как очевидец, и вся Европа ведает, что он в его области, и как при-

нят и из одного места в другое перевезён, может быть, уже из Неаполя вывезен куда в другое место, что без воли цесаря учиниться не может; и ежели в том упорно стоять будет, что не ведает, где он, объявить, что мы неприязнь его к себе и некоторую противную интенцию видим, и против того свои меры брать принуждены будем. Ежели резолюции цесаря не получают, доносить нам, не отъезжая; притом всяким образом разведывать о пребывании сына нашего и стараться склонить цесаря и министров его к вышеписанному, показуя злыя следствия и проч.

3. Буде же цесарь станет говорить, что сын наш отдался под его протекцию, что он не может против воли его выдать, и иныя отговорки и затейныя опасения будет объявлять, представить, что нам не может то иначе, как чувственно быть, что он хочет меня с сыном судить: у нас и с подданными то необычайно; сын должен во всём повиноваться воле отцовой; а мы, самодержавный Государь, ничем цесарю не подчинены и вступаться ему не следует, а надлежит его к нам отослать; мы же, как отец и Государь, по должности родительской, его милостиво паки примем, и тот его проступок простим и будем его наставлять, чтобы, оставив прежния непотребныя дела, поступал в пути добродетели и последовал нашим намерениям; таким образом может привратить к себе паки наше отеческое сердце; чем его цесарское величество покажет и над ним милость и заслужит себе от Бога воздаяние, а от нас благодарение; да и от сына нашего

более будет за то вечно возблагодарён, нежели за то, что ныне содержится, как невольник или какой злодей, за крепким караулом, под именем некотораго бунтовщика, графа Венгерскаго, к предосуждению чести нашей и имени.

4. Будет станет говорить о жалобах сына моего, будто было ему какое от нас принуждение, ответственать, а особливо ссылаться на письмо то, которое я ему из Копенгагена писал, что оно е цесарь видел ли? И буде не видал, чтоб велел взять и сам выразумел; из чего ясно усмотрит, что неволи не было; а ежели б неволею я хотел делать, то б на что так писать? И силою мог бы сделать, и кроме письма. Но понеже мы желали, чтобы он последовал нашим стезям и обучался как воинским, так и политическим делам, а он не имел к тому никакого склонения, только способен был к обхождению с худыми людьми; того ради мы его всякими образами трудились на путь добродетелей привести; а он, приняв за противное, и может быть от кого и наговорён к своей погибели, такое намерение восприял. Чаю, его цесарскому величеству и цесареве его известно, как он с сестрою ея величества, супругою своею, обходился, и по тому могут и о другом рассуждать. Наконец стараться и всяким образом домогаться, дабы его цесарь с ними к нам послал, и употреблять в том ласку и угрозы, по состоянию дела. А буде в том весьма откажут, домогаться, чтоб по последней мере пустил их к сыну нашему, объявляя, что они имеют от нас к нему, и на письме и на словах, такая предложения, что, чают, ему будут приятны,

и сам на то склонится и просить его цесарское величество будет, чтобы отпустил его к нам.

5. Но буде, паче чаяния, в том под каким-нибудь pretextом и отговорками цесарь откажет и их видеться с сыном нашим не допустит, протестовать нашим именем, и объявить, что мы сие примем за явный разрыв и будем пред всем светом на цесаря чинить жалобы и искать неслыханную и несносную нам и чести нашей обиду отмстить. Домогаться от него на письме ответу яснаго и чрез мемореалы, для чего он то чинит? Однако ж, не описываясь к нам и без указа, не отъезжать.

6. Буде позволит им с сыном нашим видеться, ехать им, где он обретається, подать ему наше письмо и изустно говорить, что им приказано; тако ж и сие объяснить, какое он нам тем своим поступком безславию, обиду и печаль, а себе бедство и смертную беду нанёс; сказать, что он учинил то напрасно и без всякой причины: ему от нас никакого озлобления не было; всё на его волю мы полагали и никогда ни к чему, кроме того, что к пользе его потребно было, против воли его не принуждали; пусть разсудит, что он учинил и как ему во весь свой век в таком странствии и заключении быть? И того б ради послушал нашего родительскаго увещания, возвратился к нам; а мы ему тот поступок простим и примем его паки в милость нашу, и обещаем содержать его отечески во всякой свободе и довольстве, без всякаго гнева и принуждения. Употреблять, впрочем, удобь-вымышленные рацеи и

аргументы. Если к тому он склонится, требовать, чтоб объявил цесарю чрез письмо и просил об отпуске к нам, также и приставникам своим то намерение объявил. Получив такое письмо, ехать к цесарю и домогаться об отпуске его безотступно, и трудиться привезть его с собою к нам.

7. Буде же к тому весьма он не склонится, объявить ему именем нашим, что мы, за такое преслушание, предадим его клятве отеческой и церковной и объявим во всё государство наше его непокорство: пусть разсудит, какой ему будет живот? Не думал бы, что может быть безопасен; разве вечно в заключении и за крепким караулом похочет быть, и так душе своей в будущем, а телу и в сём ещё веце, мучение заслужит. Мы не оставим искать всех способов к наказанию непокорство его; даже вооружённую рукою цесаря к выдаче его принудим; пусть разсудит, что из того последует? Ежели он на то на всё не согласится, спрашивать, чтобы объявил свои намерения, для донесения нам. О чём писать и ожидать от нас указу».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 95-99

Петру император послал оскорбительно уклончивый ответ; заявляя свою преданность царю и царскому дому, император писал, что будет стараться, чтоб Алексей не впал в неприятельские руки, но был наставлен сохранить отеческую милость и последовать стезям отцовским по праву своего рождения.

Пётр I *цесарю Карлу VI, от 10 июля 1717 года из Сна.*
Пресвтлейший и державнейший цесарь, любезный друг и брат! Вашего цесарскаго величества и любви дружесбно братское собственноручное писание от 12 мая текущаго году я исправно получил, из котораго вашу высокосклонную ассекурацию о приязни вашей ко мне и ко всему дому моему и что обещаете сына моего Алексея не допустить в неприятельския руки впасть и его склонить нашей воле и наставлению последовать, уразумел и благодарствую ваше воличество и любовь за то объявление. Но притом не могу оставить не объявля, как меня сие зело удивляет, что ваше величество и любовь о пребывании его и для какой причины он в области вашего величества тайно и за крепким караулом удерживается и по прошению моему ко мне не отослан, ничего, ни в том собственноручном писании, ниже на изустное предложение резидента нашего Веселовскаго, вашему величеству учинённое, объявлять не изволите, хотя мы о том подлинное известие имеем, что он, сын наш, по приезде своём в Вену, но указу вашего величества, принят и отослан в Тирольский замок Эренберк, и оттуда по несколькоком времени отвезён за крепким караулом в Неаполь и тамо содержится за крепким же караулом: ибо мы имели в обоих сих местах нашего капитана от гвардии Румянцева, который очевидный тому отвезению его свидетель есть. Ваше цесарское величество мо-

жете сами разсудить, коль чувственно то нам, яко отцу, быть имеет, что наш первородный сын, показав нам такое непослушание и, уехав из воли нашей, потом содержится под другою протекциею или арестом; чего подлинно не можем признать, и желаем на то от вашего величества изъяснения. И того ради посылаем к вашему величеству объявителя сего, нашего статских чужестранных дел коллегии тайнаго советника Петра Толстова, которому повелели о всём, касающемся того дела, пространно вашему величеству на приватной аудиенции донести, такоже сына нашего видеть, и письменно и изустно волю нашу и отеческое увещание оному объявить и просить вас, дабы оный сын наш немедленно с ним был к нам отпущен...

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 387-388

Авраам Веселовский Царю, с 3 января по 14 июля 1717 года.

Прилагаю подробный счёт 300 червонным, данным мне в Амстердаме, в том числе: двум шпионам, которые искали за городом известную персону несколько недель, 12 червонных; одному шпиону, который искал в городе, 6 черв.; курьеру, отправленному в Швейцарию, 83 черв.; за стафет 3 мая 21,5 червон.; 2 июня капитану Румянцеву на проезд до Парижа, с прочими офицерами, 100 червонных.

Устрялов Н. (1). Т. VI. Приложения. С. 370

К сыну Пётр написал: «Понеже всем есть известно, какое ты непослушание и презрение воле моей делал и ни от слов, ни от наказания не последовал наставлению моему; но, наконец, обольстя меня и, заклинаясь богом при прощании со мною, потом что учинил? Ушёл и отдался, яко изменник, под чужую протекцию! Что не слыхано не точию между наших детей, но ниже между нарочитых подданных. Чем какую обиду и досаду отцу своему и стыд отечеству своему учинил! Того ради посылаю ныне сие последнее к тебе, дабы ты по воле моей учинил, о чём тебе господин Толстой и Румянцев будут говорить и предлагать. Буде же побоишься меня, то я тебя обнадеживаю и обещаюсь богом и судом его, что никакого наказания тебе не будет, но лучшую любовь покажу тебе, ежели воли моей послушаешь и возвратишься. Буде же сего не учинишь, то, яко отец, данною мне от бога властию проклинаяю тебя вечно; а яко государь твой, за изменника объявляю и не оставлю всех способов тебе, яко изменнику и ругателю отцову, учинить, в чём Бог мне поможет в моей истине. К тому помяни, что я всё не насильством тебе делал; а когда б захотел, то почто на твою волю полагаться? Что б хотел, то б сделал».

Соловьёв С.М. (1). Т. XVII. С. 6

Пётр Толстой Петру I, 31 июля 1717 года из Вены. Всемиловитивейший Государь! Настоящего июля в 26 день приехал я в Вену, а в 29 д. тогож был, купно с капитаном Ру-

мянцовым и резидентом Веселовским, у цесаря на приватной аудиенции, где, при подании вашего величества оному грамоты, говорил по моей инструкции, в учтивых терминах, всю силу моей комиссии; что цесарь выслушав, отвечивал: в начале благодаря вашему царскому величеству за обнадёживание о дружбе, а сожалея, что вашему царскому величеству показалось, что собственноручная его к вам грамота писана неясно, и на остаток сказал, что, выразумев из поданной ему вашего величества грамоты, даст ответ к удовольствию вашему... А я, по моей рабской должности, доношу вашему величеству моё слабое мнение, что цесаря в посредство такого примирения допускать не безопасно: понеже, Государь, Бог ведает, какия он кондиции предлагать будет? к тому ж между вашим величеством и сыном вашим какому быть посредству?..

Устрялов Н. (1). Т. VI.. С. 390-392

Из протокола Венской конференции 18 (7) августа 1717 года по письму Петра I от 10 июля того же года.

Конференция полагает: 1) Теперь уже невозможно скрывать царевича, потому что Царь проник тайну; посему ничего не остаётся, как объявить Толстому по доверенности (in confidentia): царевич вовсе неожиданно прошедшею зимою сюда прибыл, жалуясь на несчастное и опасное своё положение, и убедительно просил покровительства вашего величества и убежища. Ваше величество тем охотнее согласились,

что надеялись Царю оказать услугу, устраняя опасность попасть царевичу в неприятельския руки, и тем более без нарушения Народнаго Права могли принять столь высокую особу, что она с вами в свойстве. Царю же неправильно донесено, что его сына перевозят, как арестанта: по его собственному желанию, старались доставить ему уединённое и безопасное убежище, и трактовали его, как принца. В доказательство своего доброго намерения и желания примирить сына с отцом, ваше величество сообщает царское письмо царевичу; если же он не согласится возвратиться в отечество, дозволите ехать Толстому в Неаполь, видеться с ним и говорить. В этих пересылках и переписках выиграется время, и, смотря, по тому, как кончится нынешний поход Царя, можно будет говорить с ним смелее или скромнее. 2) Это происшествие чрезвычайно важно и опасно, потому что Царь, не получив удовлетворительнаго ответа, может с многочисленными войсками, расположенными в Польше по Силезской границе, вступить в герцогство и там остаться до выдачи ему сына; а по своему характеру, он может ворваться и в Богемию, где волнующаяся чернь легко к нему пристанет. 3) Необходимо как можно скорее найдти средство к отпору, особенно заключением союза с королём Английским. 4) Наконец, не надобно терять ни минуты в бездействии. Резолюция цесаря: *Placet.*

Пётр Толстой и Александр Румянцев Петру I, 10 августа 1717 года из Вены.

...Вашему величеству доношу: ежели изволите признать за благо, повели, Государь, к оной герцогине Вольфенбюттельской (тёще императора Карла VI, а так же и тёще царевича Алексея Петровича, матери принцессы Шарлотты) от своего величества послать письмо и оную, за доброжелательство возблагодаря, обнадёжить, что ваше величество в противном проступке царевича простить изволите, когда он к вам с покорностию возвратится, и прочая, что ваше величество изволите разсудить за благо, чем бы оную склонить к большему прилежанию трудиться о возвращении к вашему величеству сына вашего: понеже, Государь, она зело боится клятвы (проклятия) вашего величества, которою в письме своём изволил угрожать государю-царевичу, проча милость вашего величества внуку вашему и своему.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 395

Карл VI графу Дауну, вице-королю Неаполитанскому, 21 (10) (августа 1717 года).

Царевич послан в Неаполь с двумя служителями. Как скоро Царь узнал о месте пребывания своего сына, не лъзя не дозволить Толстому видеться с ним. Он отправится дней через пять. Между тем посылается наперёд курьер, чтобы вас предупредить и объявить мою волю, как вести всё дело. Когда приедет Толстой, примите его учтиво, как царского

тайного министра; и как первое требование его, без сомнения будет видеться с царевичем; то вы назначьте ему день и час. Для этого прежде вручите царевичу присланное ко мне с Толстым письмо на Русском языке, или сами, или чрез доверенное лицо, и объявите по доверенности, что присланы к нему Толстой и Румянцов с письменною и изустною комиссиею. Причём можно сказать, что Толстой здесь говорил, что Царь не только дарует, царевичу прощение, но соглашается дозволить ему жить в таком месте, какое он сам изберёт, в чём, можно сказать, мы будем порукою...

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 396

Герцогиня Христина Луиза царевичу Алексею из Вены, 1 сентября (22 августа) 1717 года.

Пользуясь отправлением Толстаго, она долгом считает напомнить о себе и возобновить обнадёживание в своей преданности. Желает примирения царевича с отцом; впрочем, ни советует чего либо, ни отсоветует. Молит Бога подать ему просвещение избрать себе наилучшее и постыдить своих супостатов.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 397

Пётр Толстой и Александр Румянцев Петру I, 1 октября 1717 года из Неаполя. Всемилостивейший Государь! Сентября 24 приехали мы в Неаполь, а 25 виделись с вицеро-ем (вице-королём) Неапольским, котораго нашли в доброй к

нам диспозиции, и обещал нас допустить к сыну вашего величества тогож сентября в 26 день у себя в доме, сумневаясь, что либо к себе допустить не похочет, и сказывал нам, что ещё царевич о приезде нашем не токмо в Неаполь, ни в Вену не ведает, и когда-де о вас услышит, может-де быть, что затруднит с вами видеться; того ради завтрешняго числа, не объявляя ему о вашем приезде, позову его к себе в дом и по вас пришлю, и ежели-де будет чинить трудности, то-де я, по указу цесарскому, и противно воле его вас к нему допущу. И так то предреченнаго числа и учинил, где мы, видя царевича, подали ему вашего величества письмо, притом же письмо тёщи его, и по указу вашего величества говорили ему всё по вашей инструкции, и что ещё к тому могли вымыслить, ласканием и угрозами склоняя его к возвращению. Но понеже, Государь, нашли его в великом страхе, о чём... кратко, Государь, доносим, что был он в том мнении, будто мы присланы его убить; а больше опасался капитана Румянцова, о чём нам сказывал вицерой... А понеже, Государь, между царевичем и вицероем в перссылках один токмо вицероев секретарь употребляется, с которым мы уже имеем приятство и оному говорили (токмо ещё в генеральных терминах), хотя и без указу вашего величества, обещая ему награждение, дабы он царевичу, будто в конфиденции, сказал, чтоб не имел крепкой надежды на протекцию цесарскую, понеже цесарь оружием его защищать не будет и не может при нынешних случаях: понеже война с Турками не кончилась, а с Гишпанцами на-

чинается; что оный секретарь обещал учинить...

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 402

Пётр Толстой Аврааму Веселовскому, 1 октября 1717 года из Неаполя. Мои дела в великом находятся затруднении, о чём к вам на предбудущей почте буду писать обстоятельно; а ныне только вам объявляю, ежели не отчаитесь наше дитя протекции, под которою живёт, никогда не помыслит ехать... Сего часу не могу больше писать, понеже еду к нашему зверю, а почта отходит...

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 405

Говорят шёпотом, что Царевич (который, как думают, в Неаполе) писал к отцу, что не возвратится в Московию, пока Князь Меншиков не будет удалён от Двора.

Тургенев А.И. Обзорение известий о России в век Петра Великого, извлечённых Д. Ст. Сов. А. И. Тургеневым из разных актов и донесений французских посланников и агентов при русском дворе. Статья вторая. – [Санкт-Петербург, 1843]. С. 5. Далее цитируется как Тургенев. С указанием страницы.

После трёх аудиенций Толстой и Румянцев отчаялись в успехе, о чём и написали к Веселовскому 1 октября, требуя от него новых инструкций вице-рою. «Вам надлежит ныне трудиться, чтоб как ему отписали пожесточае, что за него

царь ссориться не станет, то ежели так отпишут, ещё некоторая надежда маленькая будет».

Погодин М.П. (1). С. 444

...Но ему изменила тайно любовница его Чухонка и он, будучи обольщён торжественными обещаниями совершенного прощения чрез посланных от его отца, был уговорён возвратиться в Москву.

Голиков И.И. (1). Том седьмой. С. 19

Французский консул в Петербурге Виллардо решающую роль в согласии царевича вернуться на родину приписывает Евфросинье: «До отъезда в Италию был выработан план, с помощью которого он (Толстой) надеялся добиться успеха. План заключался в привлечении на свою сторону любовницы царевича, которую он взял с собою из Петербурга. Она была финкой, довольно красивой, умной и весьма честолюбивой. Как раз эту слабость Толстой решил использовать: он убедил её с помощью самых сильных клятв (он не затруднялся давать их, а ещё меньше – выполнять), что женит на ней своего младшего сына и даст тысячу крестьянских дворов, если она уговорит царевича вернуться на родину. Соблазнённая таким предложением, сопровождаемым клятвами, она убедила своего несчастного любовника в уверениях Толстого, что он получит прощение, если вернётся с ним в Россию».

Алексей уже думал бежать в Рим и отдаться под покровительство папы, но его отговорила Евфросинья, как впоследствии она сама о том заявила.

Иловайский Д.И. (1). С. 52

Испуганный царевич посоветовался с Евфросиниею, а Евфросиния сказала ему, что лучше всего покориться отцовской воле и просить у отца прощения. Это обстоятельство решило всё.

Костомаров Н.И. (1). С. 832

...Сама она свидетельствовала в последствии: «Когда господин Толстой приехал в Неаполь и царевич хотел из цесарской протекции уехать к папе Римскому, я его удержала». От того из всех лиц, окружавших царевича, грозный розыск не коснулся только её, и Пётр оказывал ей особенное благоволение.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 118

Секретарь вицеровев, получив задаток с обещанной большой награды, устроил последнее, роковое свидание. Здесь Толстой объявил царевичу, уже расстроенному, что отец, от которого получил будто бы собственное письмо, скоро придет в Неаполь. «Кто может, – сказал он царевичу с видом

сожаления, – запретить ему видеть тебя... Тебе самому известно, что его величество в Италию давно ехать намерен, а теперь для сего случая всеконечно скоро поедет».

Эти слова привели царевича в такой страх, что он в ту минуту сказал: «Я поеду к отцу, позвольте мне только жить в деревне и не отнимайте Евфросиньи. Приезжай завтра с Румянцевым, и я скажу вам свой ответ».

Погодин М.П. (1). С. 444

«На это желание» писал Толстой к Шафирову, «можно было бы согласиться, во-первых, для того, что тем на весь свет он покажет, что ушёл не от какой обиды, только для своей девки; во-вторых, очень огорчит цесаря, который уже ни в чём ему верить не будет. Если Государь на то позволит, то написал бы ко мне при других делах, чтобы я мог письмо ему показать, но не отдать; если же разсудит, что это не надобно, написал бы ко мне, что я ему доносил, и что желание царевича будет исполнено в С.-Петербурге: он будет обнадёжен и не станет мыслить чего иного. Я с своей стороны думаю, что можно бы позволить: всё государство увидит, какого он состояния...»

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 117-118

В тот же день Толстой известил Петра, что царевич согласился ехать в Россию; достигнув так неожиданно скоро своей цели, Толстой боялся, чтоб добыча как-нибудь не ушла

из рук, и потому писал царю: «Благоволи, всемилостивейший государь, о возвращении к вам сына вашего содержать несколько времени секретно для того: когда это разгласится, то опасно, чтобы кто-нибудь, кому это противно, не написал к нему какого соблазна, отчего может, устрасась, переменить своё намерение».

Соловьев С.М. (1). Т. XVII. С. 82

На другой день, 4 октября, царевич писал отцу, также собственноручно: «Всемилоостивейший Государь-батюшка! Письмо твоё, Государь, милостивейшее чрез господ Толстаго и Румянцова получил, из котораго, также из устнаго мне от них милостивое от тебя, Государя, мне всякия милости недостойному, в сём моём своевольном отъезде, будет я возвращуся, прощение; о чём со слезами благодаря и припадая к ногам милосердия вашего, слёзно прошу о оставлении мне преступлений моих, мне, всяким казнем достойному. И надеяся на милостивое обещание ваше, полагаю себя в волю вашу, и с присланными от тебя, Государя, поеду из Неаполя на сих днях к тебе, Государю, в Санктпитербурх. Всенижайший и непотребный раб и недостойный назватися сыном Алексей. Из Неаполя в 4 д. октября 1717».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 120

Царь 17 ноября из Петербурга отвечал сыну на его письмо из Неаполя от 4 октября: «Письмо твоё я здесь получил,

на которое отвечаю: что просишь прощения, которое уже вам пред сим чрез господ Толстова и Румянцева письменно и словесно обещано, что и ныне подтверждаю, в чём будь весьма надёжен. Также о некоторых твоих желаниях писал к нам господин Толстой, которые также здесь вам позволятся, о чём он вам объявит. Пётр».

Соловьев С.М. (1). С. 82-83

Бедный царевич! Тучи собрались над твоею головою, вот уже засверкали молнии, и скоро грянет гром!

Погодин М.П. (1). С. 442

Фельдмаршал Даун Карлу VI, из Неаполя от 28 (17) июня 1718 года. При повелении вашего величества от 8 мая, я получил царский манифест, где сказано: будто царевич решился возвратиться в Москву только по убеждению, даже в следствие угроз вашего величества. Ваше величество повелели мне предоставить царевичу полную свободу в действиях и требуете обстоятельнаго донесения, как всё было, что он решился ехать. Честь имею донести:

Когда царевич прибыл сюда с секретарём графа Шёнборна, ему отведено жилище в Castel St. Elmo, дан особый капитан и всякое сообщение с посторонними людьми пресечено... Инструкция ваша о свидании его с Толстым исполнена буква в букву. Кто мог советовать, тем более грозить, чтобы принц возвратился к отцу, когда в инструкции именно ска-

зано, что вы, против воли принца, не выдадите его? Это было несколько раз объявляемо и повторяемо царевичу. Да и какой честный человек решился бы склонять его к возвращению, после того, что он неоднократно рассказывал о своих несчастиях и о характере своего отца? Вот как было дело:

Толстой, при первом свидании, в самом начале объявил царевичу по-Русски (именно то, что сказано в царском нынешнем манифесте), что «ваше величество не захотите против всех прав удерживать его и вступить в распрю с отцом». Надеясь более всего действовать страхом, он продолжал в том же тоне: царь будет считать его изменником, если он не возвратится, и не отстанет, пока получит его живым или мёртвым, во что бы то ни стало; он, Толстой, имеет повеление не удаляться отсюда прежде, чем не возьмёт его, и если бы перевели его в другое место, то и туда будет за ним следовать. Поражённый и смешанный сими словами, царевич обращается ко мне, берёт меня за руку и уводит в другую комнату, где рассказывает, что говорил Толстой (то же подтвердил и бывший при том переводчик), и потом спросил очень настойчиво: «Если отец вздумает требовать меня вооружённою рукою (armada manu), могу ли я положиться на покровительство цесаря?» Я ему отвечал, что он не должен обращать внимания на эти угрозы; что хотя его величество с удовольствием будет видеть их примирение, но если он не считает безопасным возвратиться, то положился бы на покровительство его величества, который довольно силён, чтоб защи-

щать принимаемых им под свою протекцию во всех случаях. Царевич ободрился и мне положительно (positive) объявил, что без явной опасности он не может возвратиться, и ни под каким видом не хочет попасть в руки своего отца; Толстому же отвечал только, что к возвращению не может ещё решиться и требует не мало времени, чтобы подумать. Так кончился первый разговор... Видя, что дело долго протянется, опасаясь притом, чтобы Москвитяне чего либо не сделали с царевичем, и считая неприличным привозить его во дворец под караулом (escorte), я, для большей безопасности, по его также желанию и согласию, производил следующие переговоры в Castell... Изъяснение последовало того же вечера в присутствии фельдцейгмейстера, конциписта и переводчика. Царевич долго в стороне, большею частию тихо и тайно, разговаривал с Толстым; удостоверившись в его полномочии, отвёл министра в Retirada к находившейся при нём в мужском платье женщине, и сначала Толстому, потом фельдцейгмейстеру и конциписту вовсе неожиданно, однакож с совершенно весёлым лицом, объявил, что решился предаться вполне в волю своего отца, ища возвратиться в его руки и в отечество; требовал только, чтобы это держали в секрете до будущего утра, когда он объявит обоим Московским послам. Всё сие потом Толстой, по возвращении из ретирады, подтвердил конциписту с дополнением, что он обещал царевичу два пункта: избрание им жилища и дозволение жениться на вышеупомянутой женщине. Тотчас донесено мне обо всём

от фельдцейгмейстера и конциписта. Удивляясь столь скорому и неожиданному решению, я поручил фельдцейгмейстеру напомнить царевичу, чтобы он, если не желает возвратиться, вполне положился на покровительство вашего величества. Царевич, и после того, остался непоколебим в своём намерении... После того он являлся, во всё время пребывания в королевском дворце, где я видал его ежедневно, в таком весёлом и довольном расположении, что ясно было: намерение возвратиться происходило из доброй воли, а не по уговору или увещанию, тем менее от угроз, как несправедливо сказано в царском манифесте. Это удовольствие и веселие он особенно обнаруживал пред капитаном драгунскаго полка графом Эстергази, который здесь исполнял должность генерал-адъютанта и мною определён был к царевичу, для занятия и сопровождения при осмотре разных достопримечательностей, которыя царевич желал видеть. Я уже доносил, с какою учтивостию, при отъезде 26 октября, он отказался принять назначенную, по повелению вашего величества, для личной безопасности его, свиту во время путешествия, объявив, что скорее здесь останется, нежели примет эту свиту; наконец, сказал, что только для моего удовольствия согласен, чтобы его до границы провожал один капитан.

Очевидно, он не имел никакого опасения и страха, и решение его было добровольное, а не по принуждению; иначе он обнаружил бы сомнение, по крайней мере, *Conturbirung*. О чём доношу вашему величеству, по сущей правде и исти-

не.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 413-415

Пётр Толстой и Александр Румянцов Петру I, 6 октября 1717 года из Неаполя.

...Но в дороге, Государь, нынешнего времени поспешать никакими мерами невозможно, понеже непрестанные дожди так испортили дороги, что почитай сделали непроходимыми, которыя и без того зело трудны.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 416

При этом случае обнаруживается слабость нрава Алексея в противоположность твердости воли и последовательности действий Петра. Заступничество, оказанное Алексею императором, главой христианства, не имело никакого значения перед неумолимо строгим требованием, чтобы царевич покорился воле отца. Тот самый Алексей, который в Вене и Эрленберге слёзно и на коленях просил императорских сановников защитить его от грозного родителя, теперь решился возвратиться к Петру. Во время пребывания в Ст.-Эльмо он написал послания к сенаторам и духовенству в России, в которых просил рассчитывать на него в будущем и в то же время выразил надежду на расположение к нему архиереев и вельмож; всё это теперь было забыто. Тот самый Алексей, который при каждом известии о каких-либо беспорядках в России, о мятежном духе русского войска в Мекленбурге,

о болезни брата, Петра Петровича, радовался и рассчитывал на разные перемены, – теперь упал духом чрезвычайно быстро, при одном заявлении Толстого, что Пётр непременно сумеет захватить царевича, где бы он ни был, что он и без того намеревается побывать в Италии и будет также в Неаполе. Царевич, высказавший в беседах с императорскими сановниками, что никогда не должно полагаться на обещания царя, теперь поверил словам Толстого и письму Петра, в котором было сказано, что царевич останется без наказания. Недаром те лица в Австрии, которые имели дело с царевичем, были о нём невысокого мнения. Шенборн, говоря о «непостоянстве» Алексея, заметил: «Царевич не имеет довольно ума, чтобы надеяться от него какой-либо пользы».

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.336

Пётр Толстой и Александр Румянцов Петру I, 14 октября 1717 года из Неаполя. ...А та девка, которая ныне при нём уже брюхата, тому четвёртый месяц.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 417

Пётр, получив донесение Толстаго, писал к нему и к Румянцеву 22 ноября из С.-Петербурга: «Мои господа! Письмо ваше я получил, и что сын мой, поверя моему прощению, с вами действительно сюда поехал, что меня зело обрадовало. Что же пишете, что желает жениться на той, которая при нём, – и в том весьма ему позволится, когда в наши края

приедет, хотя в Риге или в своих городах, или хотя в Курляндии у племянницы в доме; а чтобы в чужих краях жениться, то больше стыда принесёт. Буде же сомневается, что ему не позволят, и в том может разсудить: когда я ему так великую вину отпустил, а сего малаго дела для чего мне ему не позволить? О чём и наперед сего с Танеевым писал, и в том его обнадёжил, что и ныне паки подтверждаю; также и жить, где похочет, в своих деревнях, в чём накрепко моим словом обнадёжьте его. А что я к нему о сём не писал, для того, что он в своём письме ко мне не упомянул. Однакож и сие письмо моей же руки».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 123-124

...Лишь бы ехал скорее царевич, которого ждал он, как ворон крови.

Погодин М.П. (1). С. 445

Царевич Алексей царице Екатерине Алексеевне, 14 октября 1717 года из Аверзы. Милостивая государыня матушка! По указу Государя-батюшка отъезжаю в Питербурх, а отсюда поехал сегодня. Прошу, государыня, милостивым своим предстательством не оставить меня. Всенижайший раб ваш и сын Алексей. Из Аверзы, октября 11, 1717 года.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 418

Карл VI графу Колоредо (Collaredo), 19 (8) декабря 1717

года. Царевич, испросив дозволение благодарить меня в Вене за оказанное покровительство, 16 декабря поздно ночью прибыл в Вену и сегодня рано утром отправился в Брюн, не бывши у меня; да и Толстой ни у кого из моих министров не был. Из этого беспорядочного поступка ничего инаго не лзя заключить, как то, что находящиеся при царевиче люди опасались, чтобы он не изменил своего намерения ехать к отцу. Посему я счёл нужным послать к вам, как можно поспешнее, этаго курьера с повелением: когда царевич приедет в Брюн, задержите его под каким-нибудь благовидным предлогом и оказанием почестей, постарайтесь видеться с ним наедине и спросите его моим именем, как и по каким причинам допустил он уговорить себя возвратиться к отцу? действительно ли не был принужден к тому силою? и точно ли не имеет он подозрения и страха, побудившаго его искать моего покровительства? Если он переменил своё намерение и скажет, что охотно желает не продолжать своего путешествия, примите все нужныя меры к удобному его помещению и смотрите, чтобы люди его чего с ним не сделали; впрочем трактуйте их всех прилично, до получения моего дальнейшего повеления. Если же царевич намерен продолжать своё путешествие, дайте ему полную волю.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 425

Вена, 12 Января. Здесь рассказывают об обстоятельстве, случившимся, будто, с Царевичем, во время проезда его чрез

г. Брюнн, в Моравии. Говорят, что Император (Карл VI) поручил Коменданту крепости. Графу Коллоредо, при проезде Царевича через город, приветствовать его от имени Его Величества, так как он выехал отсюда так поспешно, не видавшись с Его Императорским Величеством. Когда Граф хотел исполнить это поручение, он не был принят, почему тотчас же послал нарочнаго ко Двору за наставлениями. В то же время и Толстой отправил курьера к Императору и другаго к Царю. Императорский Двор, узнав всё это, послал двух курьеров: одного в Брюнн, с депешою к Толстому, с извинениями и уверением, что сделанное Графом Коллоредо имело целью только оказание вежливости Царевичу, и с приказанием Графу, как можно скорее приготовить всё к отъезду Наследника; – другаго же, как говорят, к Царю, с тем же уверением, и с присовокуплением, что Императору было весьма прискорбно, что Царевич проехал с такою поспешностью.

Из сообщений тогдашних европейских курантов (газет). Oprechte Haerlemse Dingsdaegse Courant, a. 1718, № 4.

На пути от Болонии до Твери он переписывался с Евфросиньею, которая ехала за ним, не спеша, чтобы не потревожить себя дорогою, потом остановилась в Берлине, для разрешения от бремени. Письма их хранятся в Государственном архиве: они самага нежнаго содержания. Первое письмо царевич писал в Болонии 15 ноября 1717: «Матушка мой друг, Афросиушка, здравствуй! Не печалься, друг мой, для

Бога. Я сего часа отъезжаю в путь свой. За сим предаю вас и с братом в сохранение Божие, который сохранит вас от всякого зла. Алексей». Второе письмо с границы Немецкой: «Маменька, друг мой! По рецепту дохторову вели лекарство сделать в Венеции; а рецепт возьми к себе опять; а будет в Венеции не умеют, так же, как и в Болонии, то в Немецкой земле в каком-нибудь большом городе вели оное лекарство сделать, чтобы тебе в дороге без лекарства не быть...»

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 132

К служителям: «Подтверждаю, будьте к жене моей почтительны и утешайте её, чтоб не печалилась».

Погодин М.П. (1). С. 446

Третье письмо из Инспрука 26 ноября: «Матушка моя, друг мой сердешный, Афросиньюшка! здравствуй о Господе! ...а дорогою себя береги. Поезжай в летиге, не спеша, понеже в Тирольских горах дорога камениста: сама ты знаешь; а где захочешь, отдыхай, по сколько дней хочешь. Не смотри на расход денежный: хотя и много издержишь, мне твоё здоровье лучше всего. А здесь в Инбурхе (Инспруке), или где инде, купи коляску хорошую, покойную... А шубу я себе сделал здесь. Пиши, свет мой, ко мне откуда можно будет, чтобы мне, маменькину руку видя, радоваться... За сим тебя и с маленьким Селебеным вручаю в сохранение Божие. Верный твой друг Алексей. Из Инбурха в 26 д. ноября 1717».

К брату Евфросиньи из Данцига 1 января 1718 года: «Иван Фёдорович, здравствуй! Прошу вас, для Бога, сестры своей, а моей (хотя ещё несовершенной, однакож повеление уже имею) жены беречи, чтоб не печалилась, понеже ничто иное помешало которому окончанию, только ея бремя, что дай Боже благополучно свободиться. Я к ней писал, чтобы она осталась в Берлине, или, будет сможет, доехала до Гданска, и послал к ней бабу отсюда, которая может ей служить до приезде наших...».

Устрялов Н. (1). Т. VI. (1). С. 134

К неизвестному из Данцига 1 января 1718 года: «Петр Михайлович! Сука, блядь, забавляй Афросинью, как можешь, чтоб не печалилась: понеже всё хорошо; только за брюхом ея скоро совершить нельзя; а даст Бог, по милости своей, и совершение».

Устрялов Н. (1). Т. VI. (1). С. 134

Пётр Беклемишев царевичу из Берлина, 18 (29) января 1718. Известныя две персоны третьяго дня, милостию Божиею, прибыли сюда счастливо и обретаются в добром здравии. Два письма, которыя отправлены от вашего высочества из Вены к известной персоне, я получил и ей вручил. Баба, ради услужения известной персоне, была при ней в пути от

Венеции до Берлина.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 434

В последний раз писал царевич к Евфросинье из Твери 22 января 1718 года: «Друг мой сердешный, Афросиньюшка, здравствуй, матушка моя, на множество лет! Писал я к тебе из Риги, что Пётр Андреевич поехал наперёд к Москве, куда и я за ним поехал, и, быв на Москве, встретил меня здесь. И, слава Богу, всё хорошо, и чаю меня от всего уволят, что нам жить с тобою, будет Бог изволит, в деревне и ни до чего нам дела не будет. А как приеду, всё подлинно отпишу. Пожалуй, друг мой, не верь, будет какия будут о моём приезде ведомости, до моего письма, понеже знаешь, что в Немецких ведомостях много неправды. Баб велел к тебе отправить и сие письмо посылается чрез Алёху. Для Бога не печалься: всё Бог управит. Верный друг твой Алексей. Из Твери в 22 день 1718.

P.S. Писал я в Питербурх, чтоб отправили к тебе попа с бабами; и когда оные прибудут, то буде можешь, поезжай до Гданска: понеже при тебе поп и бабы будут, то где ни родишь, везде хорошо, и во Гданск приехав, будет Бог изволит, роди; что дай Боже благополучно; а буде не можешь, то хотя и в Берлине останься; в твою сие волю полагаю, что как лучше, так и делай. Письма посылай чрез Ивана Толстова: он будет при тебе всегда».

В тот же день писал из Твери Толстой к Евфросинье: «Го-

сударыня моя Афросинья Фёдоровна! Поздравляю вас, мою государыню, благополучным приездом в своё отечество государя царевича: понеже милостию Божиею всё так исправилось, как вы желали. Дай Боже, вашу милость, мою государыню, вскоре нам купно при государе царевиче видеть. Покорный слуга Пётр Тальстой».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 135-136

Сердце кровью обливается, читая это предательское письмо, которое писалось, когда в тюрьмах уже растворены были двери.

Погодин М.П. (1). С. 447

Не иметь ни до чего дела, быть уволенным от всего – вот в чём заключались главным образом надежды царевича. Послания к архиереям и сенаторам, писанные в Ст.-Эльмо, были последним проявлением слабых следов политической энергии царевича. Он был готов совершенно отказаться от роли претендента, довольствуясь скромной жизнью в кругу семьи, дома, без всяких забот о государственных делах. Трудно понять, каким образом он, зная нрав Петра, мог надеяться на такую будущность, не чуя грозившей ему беды, не взвешивая страшной опасности своего положения.

Брикнер А. Г. (1). Т. I. С.338

От Евфросиньи к царевичу сохранились в Государствен-

ном архиве четыре письма; слова, писанные рукою ея, очень нетвёрдо, здесь напечатаны курсивом: *От 20 декабря 1717 из Инспрука*: «Батюшка, друг мой царевич Алексей Петрович! Здравствуй на многая лета. Про меня изволишь намятовать, и я по милости Божьей приехала из Венецы в Инспрук в добром здравии и с Селебеным. *Благодарна за писания твои, которая получила в Венеции... в которых изволение писать, чтобы в Венеции по рецепту дохтурскому лекарства сделать: на сие доношу, что, за благодать Христову, нужды в сём не имею; токмо пластырь сделала в Иншпруке, а бальсам могу сделать и в других городех для того, что и старого ещё есть. В Венеции приняла басу (паспорт) до Берлина.* Доношу вам об моих покупках, которые, быв в Венеции, купила: 13 локтей материи золотой, дано за оную материю 167 червонных; да из камня крест, серги, перстень лаловые, а за оный убор дано 75 червонных. *И оперы и комедий не застала; токмо в един от дней на гундоле ездила в церковь с Петром Ивановичем и с Иваном Фёдоровичем музыки слушать; большие сего нигде не гуляла. В Неаполе приказывал дохтор, который меня лечил, чтоб мне в пятом или седьмом месяцех кровь пустить, – и о сём как изволишь, пустить ли мне или нет, и сколько унцев, изволишь о сём отписать, чтоб мне время не опустить.* Ещё доношу вам: третье писание из Инбурха получила в Венеции декабря 5 числа, о чём Бога благодарю. Пожалуй и впредь не оставь писанием своим; а из Венеции выехала декабря 7

числа; а о прочем будет обо всём к вашему высочеству писать Пётр Иванович. *Евфрасинья.*

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 137-138

Евфросинья – царевичу Алексею. От 18 января 1718 года из Берлина: «Государь мой, батюшка, друг царевич Алексей Петрович, здравствуй в новый год на множество лет! Благодарна за писание твоё, которое получила в Нюрнберге декабря 31 числа, писанное из Бреславля, в котором изволишь писать и радость неизглаголанную о сочетании нашего брака возвещать: что всевидящий Господь, по желанию нашему, во благое сотворит, а злое далече от нас отженет...»

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 138

Евфросинья – царевичу Алексею. От 18 января 1718 года из Берлина: «Государь мой, батюшка, царевич Алексей Петрович, многолетно здравствуй!.. Благодарна за присланные твои честные гостинцы, которые изволил в письмах прислать, образ Спасителей и чудотворца Николая... Благодарна, что изволил прислать ко мне бабку из Гданска, которая приехала до моего приезде в Берлин за десять дней, и ныне при мне. Хотела я ехать в путь до Гданска, или даля; но она бабка сказала, посмотря на меня, что больше в пути быть мне весьма невозможно, за тем, что неровен случай, в пути постигнет в неудобном каком месте, что ни доктора, ни лекаря сыскать будет негде. Которая баба из Венеции

при мне была, и она баба по тому ж назад отправлена... Прошу, ежели сие письмо застанет, которых хотели ко мне людей прислать, пожалуй, с ними пришли мне мех лисий черевий для Селебеново одеяльцо, из котораго будет сделано и на другия нужды. Пожалуй, аще возможно, изволь прислать ко мне в Берлин икры паюсной, чёрной и красной икры зернистой, семги солёной и копчёной, и всякой рыбы; аще изволишь, малое число и сняточков белозерских и круп грешневых... *верная твоя друг Евфрасиния.* Из Берлина генваря 18 числа 1718».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 139-140

На Западе, как кажется, в это время не знали, какой опасности подвергался царевич, возвращавшийся в Россию. В газетах печатались разные известия о его путешествии, о почестях, оказанных ему в Риме, о слухе предстоящего будто бы брака царевича с его двоюродной сестрой, герцогиней Курляндской и проч. О политическом значении всего этого Плейер писал императору следующее: «Между тем как при дворе радуются возвращению царевича, его приверженцы крайне сожалеют о нём, полагая, что он будет заключён в монастырь. Духовенство, помещики, народ – все преданы царевичу и были очень рады, узнав, что он нашёл убежище во владениях императора». Ещё ранее Плейер писал, что многие с видимым участием справлялись у него о здоровье и местопребывании Алексея, что разносятся разные слухи о

возмущении русского войска в Мекленбурге, о покушении на жизнь царя, о намерении недовольных освободить из монастыря царицу Евдокию и возвести на престол Алексея. Теперь же Плейер доносил по случаю возвращения царевича в Россию: «Увидев его, простые люди кланялись ему в землю и говорили: благослови, Господи, будущего государя нашего!».

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.339

Многим становилось страшно при мысли о розыске. Беспокоились, когда узнали, что царевич скрылся; обрадовались, когда узнали, что он у цесаря. Гофмейстерина при детях царевича мадам Рогэн говорила Афанасьеву: «Слава богу, и вы молитесь; как я слышу, царевич в хорошем охранении у цесаря обретается; пишут ко мне, что он отсюда светлейшим князем изгнан; только он ему после заплатит». Иван Нарышкин говорил: «Как сюда царевич приедет, ведь он там не вовсе будет, то он тогда уберёт светлейшего князя с прочими; чаю, достанется и учителю (Вяземскому) с роднёю, что он его, царевича, продавал князю». Другие разговоры пошли, когда узнали, что царевич возвращается в Россию. Иван Нарышкин говорил: «Иуда Пётр Толстой обманул царевича, выманил; и ему не первого кушать». Говорили, что Толстой подпоил царевича. Князь Василий Владимирович Долгорукий говорил князю Богдану Гагарину: «Слышал ты, что дурак царевич сюда идёт, потому что отец посу-

лил женить его на Афросинье? Жолв (гроб) ему не женитьба! Чёрт его несёт! Все его обманывают нарочно». Кикин сильно встревожился, послал за Афанасьевым и начал ему говорить: «Знаешь ли, что царевич сюда едет?». «Не знаю, – отвечал Афанасьев, – только слышал от царицы; когда была у царевичевых детей, говорила, как царевич в Рим пришёл и как встречали». «Я тебе подлинно сказываю, что едет, – продолжал Кикин, – только что он над собою сделал? От отца ему быть в беде, а другие будут напрасно страдать». «Буде до меня дойдет, я, что ведаю, скажу», – сказал Афанасьев. «Что ты это сделаешь? – возразил Кикин. – Ведь ты себя умертвишь. Я прошу тебя, и другим служителям, пожалуй, поговори, чтоб они сказали, что я у царевича давно не был. Куда-нибудь скрыться! Поехал бы ты навстречу к царевичу до Риги и сказал бы ему, что отец сердит, хочет суду предавать, того ради в Москве все архиереи собраны». Афанасьев отвечал, что ехать не смеет, боится князя Меншикова. Потом предложил послать брата своего, и Кикин выхлопотал ему подорожную за вице-губернаторскою подписью; но и брата Афанасьев не послал, чтобы в беду не попасть.

Соловьев С.М. (1). Т. XVII. С. 116

«Москва сделалась сценою ужасов»

Москва, 10 февраля 1718 г., (пол. 19 марта). Его Высочество, Царевич, остановился в Твери, городе, отстоящем в 180 верстах от Москвы, и прислал предварительно к Его Величеству г-на Толстого, который уже доехал обратно к Его Высочеству. Помещение для Царевича приготовлено близь покоев Его Величества, так что вероятно он скоро прибудет к Москве (Близь Твери, в Жёлтиковом монастыре, сохранились прекрасные покои, которые по преданию назначены были для жительства царевичу Алексею Петровичу. Примечание Петра Бартенева, издателя Русского архива. – Е.Г.)

Дело царевича Алексея Петровича по известиям голландского резидента де-Биэ. Русский архив. 1907. II (7). С. 314. Далее: Голландский резидент де Бие, с указанием страницы.

Москва, старая столица России, естественно, стала тогда важнейшим средоточием врагов преобразований, начатых Петром.

Костомаров Н.И. (1). С. 824

...Поэтому ли, или по многолюдству первопрестольного града, он долженствовал быть сценою ужасов.

Бергман В. Том 4. С. 166

Царь после осмотра Франции, где всё располагает нравы к смягчению и к снисходительности, возвратился на родину и вновь показал там свою суровость.

Вольтер. (1). С. 24

По свидетельству цесарского резидента Плейера, жившаго в России более 25 лет, «двор, узнав о возвращении царевича, был очень обрадован; но многие Русские господа, ему благоприятные, желали, чтобы он остался за границею: его ожидал, по их мнению, монастырь. Помещики, духовенство, народ, всё ему было предано, и все радовались, что он нашёл убежище в цесарии. Увидев в окно юнаго сына его, простые люди кланялись ему в землю и говорили: “Благослови, Господи, будущаго государя нашего!”. Царь спросил митрополита Рязанскаго, котораго очень любит и уважает, что он думает о бегстве царевича? Митрополит отвечал: “Ему здесь делать нечего; вероятно, он хочет поучиться за границею”. Царь быстро взглянул на него и сказал: “Если ты говоришь мне в утешение, то хорошо; иначе, слова твои Мазепины речи”. Митрополит так встревожился, что болен и теперь».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 143

Москва, 17 февраля 1718 г., (пол. 21 Марта). Вечером 11-го числа, Его Высочество [Царевич] прибыл в Москву, в сопровождении г-на Толстого и имел долгий разговор с Его Ве-

личеством. На другой день, 12-го, рано утром, собран был большой совет. 13-го приказано было гвардии Преображенскому и Семёновскому полкам, а также двум гренадёрским ротам, быть наготове с боевыми патронами и заряженными ружьями. 14-го, с восходом солнца, войска эти двинулись и были расставлены кругом дворца, заняв все входы и выходы его. Всем министрам и боярам послано было повеление собраться в большой зале дворца, а духовенству в большой церкви. Приказания эти были в точности соблюдены. Тогда ударили в большой колокол, и в это время Царевич, который перед тем накануне был перевезён в одно место, лежащее в 7-ми верстах от Москвы, совершил свой въезд в город, но без шпаги.

Голландский резидент де-Биз. С. 314

Алексей Петрович был введён в залу без шпаги: приблизясь к отцу своему, он пал к ногам его и не только словесно сознавал великость своих преступлений, но ещё подал царю повинную, следующего содержания: «Всемиловитейший государь батюшка, понеже узнав своё согрешение пред вами яко родителем и государем своим, писал повинную и прислал оную из Неаполя, так и ныне оную приношу, что я, забыв должность сыновства и подданства, ушёл и поддался под протекцию цесарскую. И просил его о своём защищении. В чём прошу милостивого прощения и помилования. Всенижайший и непотребный раб, и недостойный назваться,

сын Алексей».

Бергман В. Том 4. С. 175

Царь передал эту бумагу вице-канцлеру барону Шафирову и, подняв несчастного сына своего, распростёртого у его ног, спросил его, что имеет он сказать? Царевич отвечал, что он умоляет о прощении и о даровании ему жизни. На это Царь возразил ему: «Я тебе дарую то, о чём ты просишь, но ты потерял всякую надежду наследовать престолом нашим и должен отречься от него торжественным актом за свою подписью».

Голландский резидент де-Бие. С. 315

Царевич, признавая требование сие справедливым, тогда же и утвердил отрицание своё от престола таковою присягою: «Аз нижеименованный исповедую пред Святым Евангелием, что понеже я за моё прегрешение против моего Государя и отца, Его Царскаго Величества лишён мне принадлежащаго права наследства; я оное ради моего прегрешения и неспособности признаваю за праведное. И того ради обещаюся и клянуся всемогущим Триипостасным Богом и судом Его, что я воле моего Государя, и отца во всём повиноваться хочу; также наследства и Государства никогда ни в какое время и никаким образом искать, или желать, или принимать не буду, напротив того признаваю я за истиннаго законнаго наследника брата моего Царевича Петра Петрови-

ча, в чём целую Святый Крест и Евангелие, и подписую сие собственною рукою».

Голиков И.И. (1). Том седьмой. С. 29-30

После того Царь сказал: «Зачем не внял ты прежде моим предостережениям, и кто мог советовать тебе бежать?» При этом вопросе Царевич приблизился к Царю и говорил ему что-то на ухо. Тогда они оба удалились в смежную залу, и полагают, что там Царевич назвал своих сообщников. Это мнение тем более подтверждается, что в тот же день было отправлено три гонца в различные места.

Голландский резидент де-Бие. С. 315

Царь вышел с ним в близлежащую камору, и там царевич открыл главных сообщников своих, за которыми на другой день посланы в С.-Петербург курьеры Сафонов и Танеев и в Суздаль Григорий Скорняков-Писарев.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 144

После подписания акта [об отречении], были громогласно прочитаны причины, вынудившие Царя отрешить сына своего от наследования престолом.

Голландский резидент де-Бие. С. 316

«Мы уповаем, что большей части из верных подданных наших, а особливо тем, которые в резиденциях наших и в

службе обретаются, ведомо, с каким прилежанием и попечением мы сына своего перворожденного Алексея воспитать тщились. И для того ему от детских его лет учителей не токмо Русскаго, но и чужестранных языков, придали и повелели его оным обучать, дабы не токмо в страхе Божиим и в православной нашей Христинской вере Греческаго исповедания был воспитан, но для лучшаго знания воинских и политических (или гражданских) дел и иностранных государств состояния и обхождения, обучен был и иных языков, чтоб чтанием на оных гистории и всяких наук воинских и гражданских, достойному правителю государства принадлежащих, мог быть достойный наследник нашего Всероссийскаго престола. Но то наше всё вышеписанное старание о воспитании и обучении помянутаго сына нашего видели мы вотще быти: ибо он всегда вне прямого нам послушания был и ни о чём, что довлеет доброму наследнику, не внимал, не обучался, и учителей своих, от нас приставленных, не слушал, и обхождение имел с такими непотребными людьми, от которых всякаго худа, а не к пользе своей научитися мог. И хотя мы его многократно ласкою и сердцем, а иногда и наказанием отеческим к тому приводили, и для того и во многие компании воинския с собою брали, дабы обучить воинскому делу, яко первому из мирских дел для обороны своего отечества, а от жестоких боёв его всегда удаляли, проча наследства ради, хотя во оных и своей особы не щадили; також иногда и в Москве оставляли, вруча ему некоторыя в госу-

дарстве управления для предбудущаго обучения; а потом и в чужие край посылали, чая, что он, видя там регулярныя государства, поревнует и склонится к добру и трудолюбию; но всё сие радение ничто пользовало, но сие семя учения на камени пало: понеже не точию оному следовал, но и ненавидел, и ни к воинским, ни к гражданским делам никакой склонности не являл, но упражнялся непрестанно во обхождении с непотребными и подлыми людьми, которые грубые и замерзлыя обыкности имели... И тако мы, сожалея о государстве своём и верных подданных, дабы от такого властителя наипаче прежняго в худое состояние не были приведены, властью отеческою, по которой, по правам государства нашего, и каждый подданный наш сына своего наследства лишить и другому сыну, которому хочет оное определить, волен, и яко самодержавный Государь, для пользы государственной, лишаем его сына своего Алексея, за те вины и преступления, наследства по нас престола нашего Всероссийскаго, хотяб ни единой персоны нашей фамилии по нас не осталось. И определяем и объявляем по нас помянутаго престола наследником другаго сына нашего, Петра, хотя ещё и малолетна суца: ибо инаго возрастнаго наследника не имеем...».

Из Манифеста 3 февраля 1718 г. Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 146

В заключение же горестных таковых Его Величества жалоб на сына своего, оканчивает манифест сей следующими

словами: «И хотя он, сын наш Алексей, ради своего против нас, отца своего и Государя, показанного преступления, а паче за такую нам у всего света бегством своим нанесённую срамоту и против нас вымышленная неправды, как хулитель своего отца и противник своего Государя, учинил себя повинным смерти; но мы из отеческого сердечного о нём милосердия прощаем ему такая его преступления, и освобождаем его от всякого наказания. Однако-ж, вразсуждение его недостойнства и предупомянутых постыдных поступков, мы по доброй совести его наследником престола Российского учинить не можем, ибо всем известно, что он своими безчинными поступками всю славу и пользу народа и Царства нашего, которую мы помощью Божиею и нашим неусыпным трудом приобрели, всеконечно потеряет...»

Голиков И.И. (1). Том третий. С. 405-406

Ясно, что не все эти причины руководили окончательным царскими решением; а тут действовала интрига таких близких и заинтересованных лиц, как Меншиков и Екатерина, которые не считали будущее положение обеспеченным, пока оставался в живых царевич Алексей.

Иловайский Д.И. (1). С. 66

«...И заклинаем преждепомянутого сына нашего Алексея родительскою нашею клятвою, дабы того наследства ни в которое время себе не претендовал и не искал. Желаем же от

всех верных наших подданных, духовнаго и мирскаго чина, и всего народа Всероссийскаго, дабы, по сему нашему изволению и определению, сего от нас назначеннаго в наследство сына нашего Петра за законнаго наследника признавали и почитали, во утверждение сего нашего постановления, на сём обещанием пред святым алтарём над святым Евангелием и целованием Креста утвердили. Всех же тех, кто сему нашему изволению в которое нибудь время противны будут и сына нашего Алексея отныне за наследника почитать и ему в том вспомогать станут и дерзнут, изменниками нам и отечеству объявляем».

Из Манифеста 3 февраля 1718 г. Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 146

...Его Величество повелел прочесть выше писанный Манифест, по прочтении котораго все Министры, Генералы, офицеры и знатные граждане, бывшие в зале той, учинили присягу. Мы оную также помещаем подлинником: «Аз, имярек, обещаюся и клянуся всемогущим Богом пред Святым Его Евангелием, что понеже указом Его Царскаго Величества нашего милостивейшааго Государя Петра Алексеевича, объявлено, что старший сын Его Величества Алексей Петрович для важных причин из наследства и наследия престола Российскаго выключен, а напротив того Его Величество младшаго своего сына Петра Петровича к тому объявил и нарёк. Я приемлю такой Его Величества высочайший указ

за праведный, и хочу ему во всё повиноваться, и высокоупомянутаго Короннаго Князя Петра Петровича за законнаго наследника признавать и во всяких случаях страну его содержать; также ему противу тех, которые бы ему противны были, помогать с положением моего живота, а Царевичу Алексею Петровичу не хочу я ни в какое время и ни под каким предлогом помогать к наследованию престола, ниже страну его держать, что всё я с клятвою обещаюсь, как суще мне Господь Бог душевно и телесно да поможет, и сие собственною рукою подписую».

Голиков И.И. (1). Том седьмой. С. 30-31

После сего Монарх, Царевич и всё собрание чинов последовали в Соборный Успенский храм, в котором паки прочтён был помянутый же Манифест, а за тем все духовные и народ учинили таковую же присягу; а Царевич, как в отрицании от наследства и в признании за законнаго Наследника меньшаго брата своего, так и в том, что он, по воле родителя своего и по клятвенному обещанию своему, откроет всё, касающееся до побега своего, и тех, кто оное ему советовал, и кто ведал, без наималейшаго утаения учинил вторичную присягу же. Но сего как бы ещё было не довольно; он не усомнился сию клятву свою утвердить приобщением Пресвятых Христовых Таин, хотя сердце его и ни мало не было расположено исполнить оную...

Голиков И.И. (1). Том седьмой. С. 31

[Французский посланник] Ла-Ви, 11 Марта 1718 г. провождая всенародное объявление о Царевиче, пишет: «Этот важный акт был читан 6 Февраля в Троицком соборе, построенном по середине большой площади, которая вся была покрыта городскими жителями, созванными накануне барабанным боем, Гвардия стояла под ружьём. Князь Меншиков с Сенаторами и Дворянством сопровождали в собор четырёхлетнего Царевича Петра Петровича. Сёстры Царевича, Анна и Елисавета Петровны, Двор их, а потом и Дворянство присягнули Петру Петровичу».

Тургенев А.И. Обзорение известий о России в век Петра Великого. С. 8

Вслед за тем Его Величество возвратился во дворец, где был обеденный стол, за которым присутствовал и Царевич.

Голландский резидент де-Бие. Стр. 316

...Царь и министры его старались всеми силами уверить публику, будто царевич добровольно отказался от престола; он же напротив того положительно говорил, что никогда не соглашался ни за себя, ни за своих детей, и только силою и страхом принудили его подписать отречение: он опасался невольного пострижения, смертных побоев, опоеания, отравы.

Из отчёта имперского вице-канцлера графа Шёнборна

Я сознаюсь, что... всегда думал, что если низложенный Царевич переживёт его величество, то он, не взирая на отречение своё, на клятву, на распоряжения и проклятия отца, будет стремиться к овладению престолом и, найдя многочисленных приверженцев, возбудит в целой стране смуты, со всеми их кровавыми ужасами.

Голландский резидент де-Бие. С. 332

Царь потребовал от находящихся в Москве, С.-Петербурге, Архангельске и во всех прочих городах Царства, иностранных купцов присяги в отречении от верности к старшему его сыну; и Англичане и Голландцы, не смотря на все их возражения и представления, принуждены были дать эту присягу; Его Царское Величество повелел требовать таковой же присяги и от жителей городов Риги, Ревеля и всех вообще завоёванных им областей.

*Из сообщений тогдашних европейских курантов (газет).
Oprechte Haerlemse Dingsdaegse Courant, a. 1718, № 37*

О Царевиче Алексее Петровиче напечатано всенародное объявление в Москве, 5 Февраля 1718 г. Перевод с онаго на Французском напечатан в Париже. К этому же присоединены письмо Царевича из Неаполя и клятвенное его обещание.

Другой Манифест с письмом Царевича из Неаполя, также в переводе, напечатан и находится в нескольких экземплярах в актах Парижского Архива. Отмечено, что Манифест продаётся в Париже, у книгопродавца Франсуа Фурнье, в улице Сент-Фагон.

Тургенев А.И. Обзорение известий о России в век Петра Великого. С. 7

Ни правды, ни милости не находим мы на суде Петровом... Мы знаем, например, что Пётр женил сына на Шарлотте против его воли, что невеста не нравилась царевичу: между тем посмотрите, как Пётр изображает этот факт в своём манифесте! «Желая отворотить сына от его непотребств, мы дали ему позволение избрать в супруги какую-нибудь из иностранных принцесс, где он полюбит; и он, полюбив принцессу Шарлотту, сестру цесаря римского, и племянницу короля английского, просил, чтобы мы исходатайствовали её ему в жену, что мы и учинили, не пожалев на сие супружество многих иждивений». Как много неправды в этих немногих строках!.. Чтобы окончательно унижить сына в глазах общества, Пётр не стыдится разоблачать его семейные тайны, и в слух всего света объявляет, что у сына была любовница, с которою тот жил явно незаконно. Эта прокламация кажется особенно возмутительною, если припомнить, что Пётр сам не был изъят от тех проступков, в которых обвиняет сына, смотрел на них очень легко и без зазрения совести позволял

их себе; потому обнаруживающийся в манифесте ригоризм в особенности не к лицу Петру.

Терновский Ф. С. 24

Прощение было обещано виновному царевичу с тем условием, чтобы он открыл по сущей истине все обстоятельства своего побега и побудительные к оному причины: почему на другой же после отречения день предложены ему вопросные пункты, в заключение коих было сказано: «Всё, что к сему делу касается, хотя чего здесь и не написано, то объяви и очисти себя, как на сущей исповеди; ежели же что укроешь, а потом явно будет, на меня не пеняй; понеже вчерась пред всем народом объявлено, что за сие пардон не в пардон».

Бергман В. Том 4. С. 178

Открой все, что думал, говорил, делал когда-нибудь, чего желал, ожидал, предполагал, а не то и *пардон в пардон не будет*.

Погодин М.П. (1). С. 452

Под страхом казни, Алексей должен был отвечать на вопросные пункты «без утайки».

Семевский М. (1). С. 231

Так как ответы несчастного царевича преисполнены мелочных повторений, то мы извлечём из них только то, что

относится к самому существу дела.

1) Главнейшими руководителями царевича в неповиновении его родителю, в притворном отречении от трона и в избрании монашеского звания (вить де клубук не прибит к голове гвоздем, можно его и снять) были упомянутые выше. Александр Кикин и Никифор Вяземский. Сверх того, Алексей Петрович объявил, что на счёт первого ответного письма своего к царю советовался он с князем Василием Владимировичем Долгоруким и Фёдором Матвеевичем Апраксиным; что Долгорукий говорил ему: давай де писем хоть тысячу, ещё де когда что будет, старая де пословица: улита едет, коли то будет, это де не запись с неустойкою, как мы преж сего меж себя давывали; Апраксин же обещал склонить царя поступить согласно с желанием сына, что духовный отец его, С.-Петербургский протопоп Георгий, хотел говорить рязанскому митрополиту о принужденном будто бы пострижении царевича в монахи; что об этом же писал он, царевич, к Кикину и другому духовному отцу, Иакову; но что любовница его предварительно не знала о побеге и увезена из С.-Петербурга обманом, потому что царевич просил её проводить его до Риги, говоря, что он едет в Вену, с тайными от монарха поручениями касательно Оттоманской Порты.

2) Во время тяжкой болезни царя Алексей Петрович не имел ни с кем разговоров о его кончине.

3) О побеге царевич давно уже и неоднократно говаривал с Кикиным. Сей последний советовал ему, пробыв за грани-

цею года два-три, под предлогом пользования водами, посетить Голландию или Италию и потом приискать себе убежище в Вене или Париже. По совету же Кикина посланное из Либавы письмо означено писанным будто бы из Кенигсберга. Самый побег был известен только тому же Кикину и управителю Ивану Афанасьеву-большому. Последние письма в Россию были отправлены царевичем из Штаргарда не только к Кикину, но к Никифору Вязьмскому, Фёдору Дубровскому, Ивану Нарышкину и к Сибирскому царевичу, в одинаковой силе, дабы чрез то отклонить подозрение от Кикина, который сверх того советовал царевичу: будет де отец к тебе пришлёт кого тебя уговаривать, то не езд, он де тебе голову отсечёт публично.

4) Во время укрывательства своего царевич дважды получил известия из России, чрез графа Шёнборна, уведомлявшего притом Алексея Петровича о том, что убежище его сделалось известным царю, и приславшего копию с письма австрийского резидента в С.-Петербурге Блеера (Плеера), писавшего, что о царевиче есть некие розыски домашними его, что заметны беспокойства в армии, находящейся в Мекленбургском герцогстве, что умышляют на жизнь царя с тем, чтобы царицу с сыном сослать, где ныне старая царица, а её взять к Москве и сына её, который пропал без вести, сыскав, посадить на престол и прочее.

5) По настоятельному требованию секретаря графа Шёнборна, Кейля, царевич писал из Неаполя два письма в Рос-

сию: одно к сенаторам, а другое к архиереям для того, чтобы уничтожить слухи, будто он умер или пойман и сослан в Сибирь. Царевичу не позволили взять копий с этих писем, от 8 мая 1717 года, равно не осталось у него и черновых, но, сколько он припомнит, они были следующего содержания: «Я чаю вам, и всем, удивительно, мой безвестный отъезд, на что меня принудило великое озлобление, что едва и в монашество не облекли, но Бог дал мне случай отлучиться, под охранение некоторой высокой особы (понеже мне именованного никого не велено), обретаюсь до времени, когда Господь повелит возвратиться, прошу, не забудьте меня. А будет кто отходящих в людях память о мне заглазить и будет разглашать, что я умер или что иное худо, не извольте верить, и других утвердить, понеже жив есмь, и в добром здравии, Богу и благодетелем моим хранящим мя, которые меня обещались не оставить и во великой нужде помогать, а я вам и всему отечеству доброжелательный до гроба моего».

При отъезде Алексея Петровича из Вены, граф Шёнборн говорил ему: «Цесарь де тебя не оставит, и будет де случай, будет по смерти отца, и вооружённою рукою хочет тебе помогать на престоле». «Я вас не о том прошу, – отвечал царевич, – только чтоб содержать меня в своей протекции, а иного я не желаю».

Сверх того царевич показал, что он от разных в разные времена слышал, а достойны к доношению: слышал я от Сибирского царевича, что говорил де мне Михайло Самарин,

что де скоро у нас перемена будет, будешь ли де ты добр ко мне, будет де тебе добро будет, а что де Самарин говорит, то сбывается: сказал Сибирский; а какая перемена не явил; ещё ж он мне сказал в марте месяце 1716 года, в апреле де месяце, в первом числе, будет премена, и я стал спрашивать, что? И он сказал, или де отец умре, или разорится Питербург, а я де во сне видел. И как оное число прошло, я спросил, что ничего не было, и он сказал, что де может быть в другие годы, в сей день, я де не сказывал, что нынешнего года, только смотрите апреля первого числа, а когда де, я не знаю. Никифор Вяземский, приехав с Москвы и в Торун, сказывал мне, что слышал де я от Александра Сергеева, что государю больше пяти лет не жить, а откуда де он ведает, не знаю. Будучи при Штетине, князь Василей Долгорукий, едучи верхом, со мною говорил: кабы де на государев жестокий нрав, да не царица, нам бы де жить нельзя, я бы де в Штетин первый изменил».

Бергман В. Том 4. С. 179-182

Кроме того, в допросах своих показал дворецкий его Иван Афонасьев, что Царевич, гневаясь на многих, грозил, что он их на кол посадит, а особливо Графа Головкина, сына его Александра и Князя Трубецкого за то, что они навязали ему жену; и когда-де он, Афонасьев ему, Царевичу, напоминал, что так дерзко говорить непристойно и опасно, то- де отвечивал Царевич: я плюю на всех, здорова б только бы-

ла чернь. Когда-де будет время в отсутствие отца, то только шепну Архиереям, а Архиереи приходским священникам, а священники прихожанам: тогда-де они и не хотя меня владельцем учинят. Что он же Царевич говаривал, что когда его Царевича зывали к Государю или куда в гости с Его Величеством, или к спуску кораблей приглашали, что лучше бы-де я на каторге был, или лихорадкою мучим, нежели-б с отцом вместе находился.

Голиков И.И. (1). Том седьмой. С. 39-40

...И поскакали курьеры сломя голову во все стороны отыскивать, хватать названных в Петербурге, в Суздале, в деревнях, в монастырях, под землею, на дне моря.

Погодин М.П. (1). С. 452

Меін Фринт, при приезде сын мой объявил, что ведали и советовали ему в том побеге Александр Кикин и человек ево, Иван Афонасьев, чего для возми их тотчас за крепкой караул, и вели оковать. *Пётр – А. Меншикову. Из Москвы, в 3 д. февраля 1718.*

Отмета на письме рукою подьячаго Канцелярии Меншикова: «Получено чрез Софонова, февраля в 6 де(нь), в 11 часу по полудни, и тогож часу Светлейший Князь, призвав к себе Генерала Майора Голицына и Маеора Салтыкова, с Преображенскими солдаты, ездил с ними по Александра Кикина, и оного застал на дворе в шлафорке, и взяв привезли

во Дворец, и, посадя в цепь и железа, отослали в город за караулом, и приставили к нему Преображенскаго полку Румянцова и 12 человек солдат, а по Ивана Афонасьева послан Генерал Маеор Чернышов и Маеор от Гвардии Юсупов, которые, взяв ево, потомуж привезли в Зимней Дворец, и оттуды отослан в город, у которого на карауле Румянцев и 12 человек солдат от Гвардии».

Император Пётр Великий – А. Меншикову. Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. Г.В. Есипов и М.П. Погодин. С. 308

Вследствие длинных, спутанных ответов царевича, начались аресты оговорённых им лиц. Государь написал указ князю Меншикову арестовать и прислать в Москву Кикина и других. Осторожный Кикин обещал камер-пажу Баклановскому 20 000 рублей, если он заблаговременно известит его об опасности. Баклановский прочитал указ, стоя за спиной пишущаго государя, и тот же час отправил в Петербург курьера. Пётр заметил поспешный выход Баклановскаго, посадил его в тюрьму и велел своему посланному скакать во весь дух. Оба вестника прибыли в столицу в одно время.

Семевский М. (1). С. 231

Mein Frint, в самый час приезда сына моего, когда уведомил о Кикине, тотчас писал к вам с Сафоновым, но ныне zelo сомневаюсь: понеже ныне явился в согласии с Кикиным

домашней Июда мой, Баклановской, которой, увидя посылку Сафонова, тотчас Кикина деншика к нему послал; того ради зело опасаясь, чтоб сей враг не ушел, толко одну надежду имею, что вам я приказывал при отъезде, чтоб на него око имели, и стерегли, чтоб не ушел. В сём же деле и брат ево приличался, также Царевичь Сибирской и Самарин; и когда сие получил, то Кикина Ивана и Царевича вели взять за караул, а о Самарине, вины те объявя, так же возми за караул, для чего в Сенат посылаю при сём письмо; так же дела прикажите иным, чтоб не потерять времени. *Пётр. Из Преображенского в 6 д(ень) февраля, 1718.*

P. S. Хотя я и ведаю, что вы сего не просите, однако же в запась, чтоб все писма и протчее у всех приличных взяты были; Александра Савина также вели взять за караул.

Император Пётр Великий – А. Меншикову. Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. Г.В. Есипов и М.П. Погодин. С. 310

Меин Фринт, писал я давече о Иване Офонасьеве с Сафоновым, но понеже два Ивана Офонасьевы братья родныя, а причинен большой, и которого взять надлежит и сковать, а не хуже чтоб и всех людей подержать, хотя не ковать; может быть, что друг от друга ведали, так же у сего Ивана Афонасьева письма и цыфирь есть, все надобно взять, и у протчих осмотреть. *Пётр. Из Преображенского в 3 д(ень) февраля, 1718.*

Господин Фельтмаршал, писал я к вам о Кикине и Иване Афанасьеве и о пьротчих, чтоб их взять и сковать; ныне, по получении сего, разпроси их по изъявленному извету сына моего, и разпрося Кикина и Ивана Афанасьева, кто ещё с ними были, и разпрося в застенке, один раз пытай толко вискаю одною, а бить кнутом не вели, и ежеле кто ещё явитца, и тех так же, и хто с ними явитца, не подложно; Кикина, Афанасьева, и хто ещё явитца, пришли сюды как наискоря, дабы меня ещё здесь застали. (Для того не велел кнутом бить, чтоб дорогою не занемогли), а пьротчих (Царевича, Самарина и пьротчих, о которых вчерась писал, вели там держать за караулом; так же Аврама Лопухина) и протчих подозрительных вели держать за караулом же до приезде нашего. *Пётр. Из Преображенского в 7 д. февраля, 1718.*

Р. С. Понеже к Г. Баклановскому в четыре дни куриэры приехали, того ради могут всегда воры такую же почту иметь, как и государственныя куриэры, того для ни для каких дел партикулярных ни за какие денги не вели давать почтовых лашадей, кроме государственных куриэров за подорожными за моею, или твоею рукою, а кому какая посылка, те б перемену имели от яму до яму, а не на почте, дабы воры равно с куриэрами не поспели.

В саморучном письме Царевичеве писано: «О писмах о наследстве и о пострижении советовал с Кикиным, иногда словесно, иногда чрез пересылку писем; а переносил писма Василей Барыков.

Кикин же говорил ему, Царевичю: «что, де, часто к тебе ездить нелзя, есть, де, подсмотрщики с отцова двора, а мне, де, сказывали о том оттуда ж» а хто сказывал, того не объявил.

Он же, Кикин, говорил: «Лутче, де, тебе иттить в монастырь, понеже, де, клобук не гвоздём будет прибит, можно, де, ево и снять».

О побеге с тем же Кикиным бывали слова многие в разные времена и годы, что буде случится быть в чюжих краях, чтоб остался там где нибудь; так же когда Царевич отъезжал в Карласбат, и тогда Кикин приговаривал, чтоб продолжить ему бытность свою в чюжих краях года два, или три; так же когда Царевич возвратился из Карласбата, говорил ему Кикин: «Напрасно, де, ты во Францию не уехал». А когда вздумал уйтить по прежним Кикина словам то при отъезде своём из Питербурха, объявил о том Ивану большому Афонасьеву, и притом ему ж, Ивану, сказал и о разговорах прежних о побеге с Кикиным, надеясь, что сам Кикин ему, Царевичю, место сыскал, куда отъехать: понеже Кикин в то время в тамошних странах был.

А как Царевич съехался с Кикиным в Либаве, спрашивал

ево, нашёл ли он ему место, куда отъехать? и он сказал, что нашёл: «Поежай, де, к Цесарю в Вену: там тебя не выдадут»; а он, де, Кикин ездил в Вену не для иного какова дела, толко чтобы ему, Царевичю, место приготовить.

Ещё ж Кикин ему советовал: «Ежели, де, будет по тебя кто прислан от отца в дорогу, чтоб от присланных уйтить тайно ночью одному».

Так же советовал Кикин Царевичю, чтоб в Либаве написал к отцу обманное письмо, а место б в нём написал, будто писано из Королевца, для того, чтоб по него, Царевича, присылки не было. Он же, Кикин, присоветовал писать Царевичю к Ивану Афонасьеву два письма, и взял их к себе; а отдал ли их Ивану, или нет, того неведомо. Так же и к иным письма от Царевича, взял, и где их дел, неведомо же. Он же, Кикин, говорил Царевичю: «Ежели, де, по тебя отец пришлёт, отнюд не езд».

Ещё прежде тово письма, которое дано на погребенье жены ево, но с самого приезда, когда, женися, приехал в Петербурх.

Господин Фельтмаршал, сын мой ещё прибавил в деле своём на Генерала Князя Долгорукова и на Пратопопа Егора, которых возми за караул. Пред сим писал я к тебе, чтоб взять Аврама Лапухина, и что у него писем взято, пришли, а его там держи.

Пётр. Из Преображенского в 16 д. февраля, 1718.

Император Пётр Великий – А. Меншикову. Собрание до-

Люди, доселе радевшие царевичу, должны были горько сетовать и раскаиваться, что выбрали себе такого ненадёжного патрона. Особенно резко отражается это в показаниях Вяземского и Кикина.

Терновский Ф. С. 18

Господин Фельтмаршал, по получении сего, дьяков Воронова, Воинова, К[нязя] Богдана Гагарина, вели взять и сковать, и как их, так и всех, кои взяты за караул, немедленно сюды пришли; Г.К. Долгорукова, также сковав, и всех пришли до одного, ибо дело сие зело множитца; Эварлакова вискою спроси против приложенной цыдулы, и кто прилучитца, также Петра Апраксина с ними же и сковав. *Пётр. Из Преображенскова в 17 д. Февраля, 1718.*

Р. С. Алексея Волкова вели взять же за караул, а не присылай до Указу.

Фёдор Эварлаков говорил Ивану Афонасьеву: многие, де, Царевича хвалили за то, что ушел, а ныне, де, те же ево не хвалят за то, что назад едет; а хто имяно, того ему, Ивану, не сказал, в том надлежит ево пытатъ, чтоб сказал имянно, хто хвалил и хулил.

Император Пётр Великий – А. Меншикову. Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. Г.В. Есипов

Меін Фринт, по написании о присылке воровской компании получил я от вас писма, и азбук розных копии, и (по) получении сего пришли аргиналы, и тех, у кого взяты.

Пётр. Из Преображенского, в 17 д. Февраля, 1718, часа здва после Шинева отпуску.

Император Пётр Великий – А. Меншикову. Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. Г.В. Есипов и М.П. Погодин. С. 313

Господин Фельтмаршал, по получении сего писма Василья Глебова, скавав, пришли, да из Риги подъячева, которой у Исаева, Ивана Осипова сына Протопопова, да в Питербурхе вели держать за караулом Ивана Нарышкина.

Петр. Из Преображенского, в 18 д. февраля, 1718.

Император Пётр Великий – А. Меншикову. Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. Г.В. Есипов и М.П. Погодин. С. 313

Господин Фелтьмаршал, по получении сего Архимандрита Симоновскаго, которой сказывают, в Питербурхе, сыскав за крепьким караулом пришли сюды.

Пётр. Из Москвы, 22 д. Февраля. 1718.

Император Пётр Великий – А. Меншикову. Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. Г.В. Есипов

Москва, 3 марта 1718 года, (пол. 2 мая). Отовсюду приходят известия об арестовании в Москве и Петербурге лиц, как высшего, так и низших классов. Допросы, которыми их подвергают, заставили Царя отстрочить выезд свой из Москвы.

Известия голландского резидента де-Биз. Русский архив. 1907. II (7). С. 317

Господин Фелтъмаршал, по получении сего, сестру бывшей жены моей, Троекурову, Варвару Головину, и жену писаря Микифора Богданова, как наискорее пришли сюда, и с писмами, ежели какие найдутся, так же письма у Гофмейстерины, что у вьнучат, обраф, пришли же. *Петр. Из Преображенского, в 4 д. Марта, 1718.*

Р. S. Прошу уведомить подлинно о гаване, что делаетца, и есть ли надежда, что все струбы нынешнею зимою пустят.

Император Пётр Великий – А. Меншикову. Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. Г.В. Есипов и М.П. Погодин. С. 314

Царицы Евдокии Фёдоровны родной брат, Александр Фёдорович Лопухин, по неосторожности ссудил племянника своего, царевича Алексея Петровича, 3 т. рублей; единственно за это он и жена его, дочь боярина Матвея Алексеевича Головина, Евдокия Матвеевна, наказаны кнутом и сосланы

в ссылку, где и померли, оставя малолетних детей, которыя потом воспитывались у деда их, Головина. Сей Головин, по воле царской, в поругание должен был во всех славленьях и святочных игрищах представлять казанскаго архиерея. По несчастию, он опоздал приехать в Петербург к назначенному сроку. В наказание за сие Пётр приказал посадить его голым г[узном] на лёд; он занемог горячкой и умер на седьмой день.

Исторические рассказы и анекдоты, записанные со слов именитых людей П.Ф. Карбановым // Русская старина, 1872. – Т. 5. № 1. С. 129

Господин Фельтмаршал. По оговору Аврама Лопухина, Князя Михайлу Володимерова сына Долгорукова, вели арестовать в дому ево. Да Княиню Марью Лвову вдову вели взять за караул и держать. Пётр. Из Преображенского, в 11 Марта, 1718.

Император Пётр Великий – А. Меншикову. Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. Г.В. Есипов и М.П. Погодин. С. 314

Меин Фринт, по получении сего, велите в Шлютелбурхе харомы свои, которые блиско церкви, хорошенко вычинить для житья сестре моей, Царевне Марье Алексеевне, которая вскоре отсель поедет туда. Пётр. В 17 де(нь) Марта, 1718 г. ис Преображенскаго.

Император Пётр Великий – А. Меншикову. Собрание до-

О царевиче Алексее Петровиче, когда он привезён был обратно из чужих краёв, государь Толстому говорил так: «Когда б не монахиня (имеется в виду царица Евдокия Фёдоровна), не монах (епископ Досифей) и не Кикин, Алексей не дерзнул бы на такое зло неслыханное. Ой, бородачи, многому злу корень – старцы и попы! Отец мой имел дело с одним бородачом (подразумевается патриарх Никон), а я с тысячами. Бог сердцевиден; и судия вероломцам! Я хотел ему благо, а он всегдашний мне противник».

На сие Толстой его величеству отвечал: «Кающемуся и повинующемуся милосердие, а старцам пора обрезать перья и поубавить пуху». На это повторил его величество: «Не будут летать скоро, скоро!». И потом, взмахнув головою кверху и в горести пожав плечами, велел позвать Ушакова и Румянцева, которым дал по особой бумаге.

Андрей Нартов. Достопамятные повествования и речи Петра Великого. Россию поднял на дыбы Т.2. М.: Молодая гвардия, 1987. С 3. Далее: Нартов А., с указанием страницы.

Как по случаю стрелецкого розыска в 1698 году, так и в деле царевича Алексея царь употреблял все возможные средства для открытия настоящих виновников брожения, вожаков готовившегося враждебного действия. Это старание ца-

ря придадо сему следствию весьма широкие размеры. Алексей как личность не мог быть столько опасным. Спрашивалось: кто действовал на него? кто делал ему внушения? были ли у него приверженцы? существовало ли что-либо похожее на политическую партию?

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.343

Между тем свозятся со всех сторон свидетели, участники, допросы за допросами, пытки за пытками, очные ставки, улики – и пошёл гулять топор, пилить пила, хлестать веревка.

Погодин М.П. (1). С. 452

В застенках Преображенского тайного приказа засвистали кнуты, неумолчно раздавались удары по голым спинам, вздёрнутым на дыбу, и вымучивались всевозможные относящиеся к бегству царевича показания, которые дьяки тут же записывали. Иногда, кроме того, подсудимые писали ещё собственноручные признания. Боле всех мучили Александра Кикина; его принимались пытать несколько раз, при чём добивались сознания не только в делах, но и в речах или беседах, отдельных фразах и даже в самых мыслях.

Иловайский Д.И. (1). С. 58

Его пытали четыре раза. Кикин упорно запирался, отрицал справедливость показаний царевича, наконец, после но-

вых, невыносимых мучений, сказал: «я побег царевичу делал и место сыскал в такую меру – когда бы царевич был на царстве, чтоб был ко мне милостив». Его приговорили к колесованию.

Костомаров Н.И. (1). С. 835

Во время страшного розыска по этому делу, происходившего в Преображенском приказе, государь, 2 марта, в соборное воскресенье, был у обедни. Здесь подошёл к нему неизвестный человек и подал бумагу, в которой было написано следующее: «За неповинное отлучение и изгнание от всероссийского престола царского Богом хранимого государя царевича Алексея Петровича христианскою совестью и судом Божиим и пресвятым евангелием не клянусь, и на том животворящего креста Христова не целую и собственною рукою не подписуюсь; ещё к тому и прилагаю малоизбранное от богословской книги Назианзина могущим внять в свидетельство изрядное, хотя за то и царский гнев на мя произмётся, буди в том воля Господа Бога моего Иисуса Христа, по воле Его святой, за истину, аз раб Христов Илларион Докукин страдати готов. Аминь, аминь, аминь». Бумага, на которой подписаны были эти слова, была присяжным листом на верность новообъявленному наследнику престола царевичу Петру Петровичу. Этот присяжный лист раздавали во множестве экземпляров, приводя русских к присяге. Человек, подавший Петру эту бумагу, был подьячий Докукин. Его три

раза подвергли жесточайшей пытке. Он никого не выдал, хулил Петра и Екатерину и кричал, что пришёл добровольно пострадать за правду и имя Христово. Его колесовали. Но Пётр понял, что, между сторонниками его сына, есть люди, о которых можно было сказать, что они не чета жалкому, ничтожному царевичу и что они гораздо опаснее самого Алексея.

Костомаров Н.И. (1). С. 836-837

По тому же следствию Толстому государь сказал: «Едва ли кто из государей сносил столько бед и напастей, как я! От сестры был гоним до зела: она была хитра и зла. Монахине (имеется в виду опальная царица Евдокия Фёдоровна) несносен: она глупа. Сын меня ненавидит: он упрям. Всё зло от подпускателей».

Нартов А. Достопамятные повествования и речи Петра Великого. С 5

1718 года 14 марта министры приговорили: «Александру Кикину за все вышеписанное учинить смертную казнь жестокою; а движимое и недвижимое имение его всё, что есть, взять на его царское величество». Подлинный приговор подписали: князь Иван Рамодановский, Борис Шереметев генерал-фельдмаршал, граф Иван Мусин-Пушкин, генерал-адмирал граф Апраксин, граф Гаврило Головкин, Тихон Стрешнев, князь Пётр Прозоровский, барон Пётр Шафиров,

Алексей Салтыков, Василий Салтыков. По листам скрепил
диак Тимофей Палехин.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 178

Вена. 2 Апреля. Российский Резидент сообщил ныне Императору и его Министрам отречение Царевича от престола; а когда его спросили о причине этого, он ответил, что Царь есть Государь в своей стране, и может делать, что ему благоугодно.

*Из сообщений тогдашних европейских курантов (газет).
Oprechte Haerlemse Dingsdaegse Courant, a. 1718, № 15*

Говорят, что заговорщики намеревались сжечь Петербург и флот, распустить милицию и умертвить всех иностранцев, как виновников введения в стране чужеземных нравов, обычаев и правил, равно как убить всех любимцев царя, священная особа и семейство которого, вероятно, тоже не были бы пощажены.

Известия голландского резидента де-Биэ. С. 328

Москва, 24 февраля 1718 года, (пол. 1 апреля). Говорят, что открыты важные заговоры, в которых участвует много лиц из высшего дворянства, и даже из приближённых и слуг Его Величества. Утверждают, что вина их состоит главным образом в соглашении, вопреки воле и определению Царя, возвести после его смерти на престол царевича Алексея.

В сие время другое дело озлобило Петра: первая супруга его, Евдокия, постриженная в Суздальском Покровском монастыре, привезена была в Москву вместе с монахинями, с ростовским епископом Досифеем и с казначеем монастыря, с генерал-майором Глебовым, с протопопом Пустынным. Оба следственные дела спутались одно с другим. Бывшая царица уличена была в ношении мирского платья, в угрозах именем своего сына, в связи с Глебовым; царевна Мария Алексеевна в злоумышлении на государя; епископ Досифей в лживых пророчествах, в потворстве к распутной жизни царицы и проч.

Пушкин А.С. История Петра. С. 376

По исчислению Семевского (выдающийся русский историк, издатель журнала «Русская старина» – *Е.Г.*), прикосновенных к делу царевича оказалось 157 человек: число ударов, которые они претерпели на розысках и казнях, простиралось примерно до 2000 с лишком, не говоря уже о истязаниях, служивших к прекращению жизни.

Терновский Ф. С. 18

На вопрос о том, кто говорил мне, что наследный царевич (Сын Петра и Екатерины, первый их законный сын, объявленный наследником престола. – *Е.Г.*) часто подвержен кон-

вульсиям, и что он весьма слабого здоровья, я отвечал, что это всем известно, и что жена доктора Блументроста говорила моей жене, что прорезывание зубов у маленького царевича идёт очень тяжело, и что он весьма слаб; при том, я ни в каком случае не думаю, что сделал худо, осведомившись о здоровье маленького царевича.

Из отчёта голландского резидента де-Бие своему правительству о допросе, устроенном ему в канцелярии канцлера Головкина. Цит по: Дело царевича Алексея Петровича по известиям де-Биз. Русский архив. 1907. II (7). С. 333

Пытка в три погибели

Политические преступники назывались тогда (в конце XVII столетия) «ведомые воры и заводчики и всему Московскому государству подискатели и разорители». Их пытали «в государственном в великом деле» и казнили за то, что они «мыслили воровским своим умыслом на государево здоровье»; а также и за «неистовыя слова про государское здоровье»

Семевский М. Русские пытки. Исторический очерк. Русский архив, № 37. Стлб. 1150. Далее: Семевский М. (3). С указанием страницы.

Тайная Канцелярия не сходствовала ни с какими гражданскими и духовными судилищами и их правами и обрядами, а была она единственною в своём роде и во всём мире и только подобилась несколько священной Римской инквизиции. В ней не принимались доказательства и оправдания, ни письменныя, ни свидетельския, ни совестныя т. е. под присягою; но испытывали и взыскивали в ней собственнаго признания в взводимых винах или подозрениях. Не признающий себя виновным должен вытерпеть то пытку чрез три приёма или перемены и разными орудиями, а, наконец, огненными, т. е. раскалённою железною шиною и зажжённою серою.

Конисский Георгий, архиепископ. История Руссов. СПб, 1846. С. 228. Далее: Конисский Г. С указанием страницы.

Чтоб иметь понятие об острастке, даваемой сторонникам царевича, да и самому царевичу, и вообще, чтоб уяснить значение слова розыск, сделаем маленькое отступление. Розыски значили пытки. Производились они обыкновенно в застенках: так назывались казематы с толстыми стенами, чтобы вопли терзаемых не были извне слышимы. Употребительнейшею пыткой была виска, или дыба. Вот наивный рассказ Котошихина (См. сведения об авторах источников, использованных в этой книге, помещённый в её конце. – Е.Г.) об этой первой низшей степени пытки. Нет сомнения, что она делалась точно так же и в царствование Петра, как делалась тридцать лет прежде, в правление его отца.

Семевский М. (1). С. 232

...Иных злочинцов потому ж пытают, смотря по делу, однажды, и дважды, и трижды, и после пыток указ чинят, до чего доведётся.... А устроены для всяких воров пытки: симут с вора рубашку и руки его назади завяжут, подле кисти, верёвкою (обшита та верёвка войлоком) и подымут его кверху, учинено место, что и виселица, а ноги его свяжут ремнём; и один человек палач вступит ему в ноги на ремень своею ногою, и тем его оттягиваете, и у того вора руки станут прямо против головы его, а из суставов выдут вон. И потом сза-

ди палач начнёт бить по спине кнутом изредка, в час боевой ударов бывает тридцать или сорок; и как ударит по которому месту во спине ж, на спине станет так слово в слово будто большой ремень вырезан ножом, мало не до костей. А учинён тот кнут ремённый, плетёный, толстый, на конце ввязан ремень толстый, шириною на палец, а длиною будет с 5 локтей. И пытав его, начнут пытати иных потому ж, и будет с первых пыток не винятся, и их, спустя неделю времени, пытаются в другорядь и втретие, и жгут огнём: свяжут руки и ноги – и вложат меж рук и меж ног бревно и подымут на огонь; а иным, разжёгши железныя клещи нарасно, ломают ребра.

Котошихин Г.К. О России, в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина. Издание археографической комиссии. СПб., 1859. С. 146. Далее: Котошихин Г.К. С указанием страницы.

Когда спина обагралась кровью, когда кожа, вместе с мясом, лоскутьями разлеталась в стороны, горячим веником вспаривали спину, нередко растравляя раны солью, и вновь сыпались удары... Когда снимали с дыбы, тогда палач вместо костоправа вставлял руки в суставы, схватив их и вдруг дёрнув наперёд. Несмотря на все эти муки, случалось, говорит предание, что когда одного, вытерпевшаго пытку, изувеченнаго, окровавленнаго, вели назад, тогда другой, осуждённый на дыбу, встретив его, спрашивал: «А какова баня?» «Ничего, хороша! бывал ответ: для тебя ещё остались веники!»

Нередко допрашиваемому привязывали голову к ногам, в верёвку ввертывали палку и вертели до того, что голова пригибалась к пяткам. Человек, сгибаясь в три погибели, часто умирал, прежде, нежели успевал признаться. Также допрашивали завинчиваньем ножных и ручных пальцев в тиски, вбиваньем в тело гвоздей... Для узнания всей подноготной, забивали деревянные спицы или гвозди за ногти... Нещадно сдавливали голову в особо устроенном для сего станке... В изобретении пыток следователи отличались остроумием: допрашиваемого поили солёною водою, сажали в жарко испропеленную баню и не давали пить до тех пор, пока тот не говорил, что им было нужно, или, распарив его хорошенько в бане, секли несчастного сальными свечами, чем причиняли ужасныя терзания.

Семевский М. (1). С. 232-233

Мятежники по причине их упорнаго запырательства, влекутся на пытку, которая производится с неслыханной жестокостью. Ужаснейшим образом изсечённых кнутом подносят к огню для поджаривания; поджаренных снова секут, и после втораго бичевания вновь кладут на огонь. С такими переменами производится Московская пытка.

Корб И.-Г. Дневник поездки в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента. Цит. по: Рождение империи. М. Фонд Сергея Дубова. 1997. С. 82. Далее: Корб И.-Г. Дневник. С указанием страницы.

В эпоху преобразования России жестокия уголовные кары предшествовавшего времени не только не были ослаблены, но и получили своё дальнейшее развитие. Отменённая в 1704 году смертная казнь относительно некоторых преступлений, каравшихся ею по прежним законам, вновь была восстановлена в 1714 году, но уже в новых и при том жесточайших видах. Не остались без изменения и телесныя наказания, кнут и батоги получили себе новых собратьев во образе шпицрутенов и кошек и действию этих орудий правосудия совместно с членовредительными открывалось теперь более широкое поприще, так как прибавился новый разряд преступников, прежде не существовавший, в лице тех, кто активно или пассивно противился целям преобразователя или даже просто тех, кто не годился к военной выправке, составлявшей одну из важнейших забот Петра. Если уложение, представляя собою прочные и твёрдые законы, ограждавшие общество от лихоимства чиновничества, грабежа и других язв того времени, служило главным образом интересам общества, то Петровское законодательство преследовало исключительно интересы преобразователя, не считаясь ни с верованиями, ни с убеждениями народа, ни с требованиями прежняго законодательства. Да и нужно ли было Петру I считаться со всем этим, когда он поставил главною задачею своей жизни переделать всё как можно скорее на новый лад, перестроить Россию на манер европейских государств,

навсегда отделить её каменной стеной от своего прошлого. И действительно благодаря энергии и силе воли, которую обладал Пётр в высшей степени, Россия, точно по мановению волшебника, принимает внешний облик европейского государства; сделалась ли она таковым на самом деле – это вопрос другой; – изменить ход исторического развития общественной жизни не в силах одного человека, как бы энергичен он ни был, и Петровская Россия, приняв лишь новую личину, в сущности осталась той же отсталой старушкой, какой была и до него; невежество процветало по-прежнему; чиновники, изменив свой внешний вид и одежды, остались неизменными по своим внутренним качествам; грубость нравов и низкий уровень общественной нравственности и в этой эпохе, как и прежде, составляли характеристическую черту. Словом всё во внутренней жизни России осталось по старому; впрочем, это и не удивительно, так как для прогресса внутренней жизни Государства нужно распространение общего образования для поднятия умственного и нравственного уровня общества, учреждение безпристрастного, скорого и гласного суда, приучение граждан к самостоятельности посредством введения органов самоуправления, ослабления административной опеки и т. п. мер; ничего в этом отношении не было сделано Петром. Всё внимание его было сосредоточено на внешних преобразованиях, путём которых Россия должна была занять место в ранге европейских держав; лучшим средством для достижения этой цели должно было

служить увеличение военной силы России и правильная организация морского и сухопутного войска посредством введения строгой дисциплины. Все стороны общественной жизни должны были служить средством для достижения задуманной цели; вот почему некогда было думать о правильной организации суда, о более ответственном административном управлении, вот почему не было обращено внимание и на развитие общего образования, а все заботы были устремлены на распространение специальных знаний; не образованные люди нужны были Петру, а искусные мастера, хорошие офицеры, ловкие лоцманы, храбрые солдаты и отважные матросы. Войском достигались, по мнению Петра «все великия прогресы»...

Ступин М. История телесных наказаний в России от судебныхников до настоящего времени. Владикавказ. 1887. С. 23-25

Не сознавшись в преступлении, обвинённый не может быть осуждён, хотя бы тысячи свидетелей были против него, и потому стараются вынудить признание всякого рода муками. Сначала поднимают обвинённых на дыбу (Strappado), и если это не подействует, то их секут; а Русские палачи – мастера этого дела и могут, как говорят, с шести или семи ударов убивать человека. Иногда сообщники преступника подкупают палача и заставляют его засекаать обвинённого до смерти, чтобы отвратить от себя наказание.

Коллинс Самуэль. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне Сочинение Самуэля Коллинса, который девять лет провёл при Дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича. М. 1846; Утверждение династии. М. Фонд Сергея Дубова. 1997. С. 22. Далее: Коллинс С. Письмо к другу. С указанием страницы.

Кнут есть ремень из толстой и твёрдой кожи длиною в 3 1/2 фута, прикрепленный к палке длиною в 2 фута, посредством кольца. Есть два рода наказания кнутом. Первой род наказания определяется за преступления не очень важные: с преступника снимают рубашку, один из палачей берёт его за руки и кладёт себе на спину; другой палач, или кнутовой мастер, даёт ему определённое судьёй число ударов. При каждом ударе палач делает шаг назад и потом шаг вперёд; кнутом бьют так сильно, что кровь течёт при каждом ударе, а на коже у осуждённого делается ссадина или рана шириной в палец. Эти мастера так ловко владеют кнутом, что редко случается, чтобы они ударили два раза по одному месту... Второй и тяжчайший род наказания кнутом состоит в том, что подсудимому связывают руки за спиной и верёвкой, прикрепленной к рукам, поднимают его вверх, привязав ему к ногам тяжести. Когда он поднят таким образом, руки выходят из составов плечных, и тогда палач даёт ему кнутом столько ударов, сколько судья прикажет. Удары даются с промежутками, в которые дьяк допрашивает пытаемого... Когда он

признается, то палач спускает его вниз, вправляет ему руки, и его выпускают или отводят в тюрьму. Но когда преступление, в котором обвинён подсудимый, очень важно и влечёт за собою смертную казнь, то употребляется ещё другаго рода пытка: разводят около виселицы небольшой огонь, и если подсудимый запирается после первой пытки, или настаёт против него улики, то ему связывают руки и ноги и продевают сквозь них бревно, которое и держат по человеку с каждой стороны, и поджаривают его на огне как на вертеле; а дьяк в то время допрашивает и записывает ответы. Когда подсудимый обвиняется в важном преступлении, и если улики против него не ясны, и он не может перенести трёх пыток, или себя сознает виновным, или ответы его не найдут удовлетворительными, то после всех этих пыток он осуждается на смерть; но если у него хватит силы перенести мучения не объявив себя виновным, и нельзя доказать иначе, что он действительно сделал преступление, то его освобождают...

Перри Д. Другое и более подробное повествование о России // Чтения императорского Общества Истории и Древностей Российских. №. 2. М. 1871. С. 264-265

Кнут есть род плети, состоящей из короткой палки и очень длиннаго ремня. Преступнику обыкновенно связывают руки назад и поднимают его кверху, так что руки его придутся над головою и вовсе выйдут из суставов; после этого палач берёт кнут в обе руки, отступает несколько шагов на-

зад и потом с разбегу и припрыгнув ударяет между плечь, вдоль спины, и если удар бывает силён, то пробивает до костей. Палачи так хорошо знают своё дело, что могут класть удар к удару ровно, как бы размеряя их циркулем и линейкою. Наказание кнутом бывает двойное: одно употребляется при допросах и заменяет пытку, а другое есть, собственно, так называемое наказание кнутом, которое от первого отличается только тем, что преступника один из палачей держит на спине

Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 год. Ч. 1-4. М., 1902-1903. С. 104. Далее: Дневник камер-юнкера Берхгольца, с указанием страницы.

У Шаппа (*Voyge en Sibirie en 1761 par Tabbe Chappe d'Auteroche. Paris 1768. Часть I, стр. 228*) есть описание наказания, которое он называет: казнь большого кнута (*le supplice du grand knout*). Это и есть собственно пытка на виске: подсудимаго поднимают на блоке вверх, верёвкою, которою связаны ему руки; к ногам у щиколодок привязано бревно, и, кроме того, упирают подсудимому в живот подпорку крестообразной формы. Иногда руки ему связывают сзади, и тогда при подъёме они выходят из составов.

При этом описании приложена большая гравюра, отчётливо исполненная и передающая эту отвратительную сцену с ужасающей яркостью. Гравюра эта более всего можете дать

понятие об этом страшном истязании. По нашему мнению, она снята не с натуры, а с какого-нибудь старого рисунка, изображавшего пытку ещё в конце XVII столетия. Там изображён человек, повешенный за руки (связанный, однако не сзади) на перекладину и с привязанным к ногам бревном, на котором стоит одной ногой палач, держащий в руках кнут, из которого он, по-видимому, выжимает кровь. По другую сторону, за перегородкой, перед лицом подсудимаго, стоят люди в древней Русской одежде и с бородами, по всем признакам судьи и дьяки, и около них воины с бородами, в круглых шапках, с ружьями, по всему вероятно стрельцы. Сцена происходит не в застенке, а на дворе. Мы полагаем, что эта гравюра изображает какую-нибудь пытку на Стрелецком дворе или в Губной избе.

Шапп прибавляет, что палачи иногда одним или несколькими ударами кнута убивают осуждённого.

Семевский М. (3). Стлб. 1151-1152

Палачи ни на волос не минуют цели в своих ударах и острым железом пронзают самые ребра; они иссекают спину, как окорок ветчины (Chine of Pork), потом сыпят соли на раны и, привязав несчастного руками и ногами к шесту, держат над огнем и жарят (and Carbonadoe him). В случае упорства (часто и признаваться не в чем) обвинённого отпускают; палач вправляет суставы его, оставляет его дней на двадцать, покуда он несколько выздоровеет, потом повторяют прежние

мучения и, может быть, выламывают щипцами ребро или два. Если ничто не действует (некоторые выносят эти мучения), тогда бреют обвинённому темя и каплют на обнаженное место холодной водою. Некоторые из испытавших говорят, что это мучение самое ужасное, потому что каждая капля равняется удару ножа в сердце. Все это бывает тогда, когда палач не подкуплен; в противном случае он разом оканчивает муки. Я видел нескольких человек, у которых спина была иссечена, как кора на дереве, и которые потом вылечились, но никогда уже не могли изгладить оставшихся знаков.

Коллинс С. Письмо к другу. С. 22-23

В торжественном входе в Москву после покорения Азова, везли на особой телеге Якушку Немчина (Голландскаго матроса Янсена, служившаго у нас в войске пушкарём и передавашагося под Азовом Туркам, а в последствии выданнаго ими) скованнаго, с петлёй на шее и поставленнаго под виселицей: по обе стороны столбов у виселицы повешены были «кнуты и топоры и клепики и хомуты и клещи и прочие палачевские инструменты». Нет сомнения, что эти инструменты висели тут не для украшения только, а что ими после того и пытали Янсена, хотя и трудно объяснить употребление при пытке таких орудий как хомуты. Но злость человеческая весьма изобретательна.

Семевский М. (3). Стлб. 1151-1152

Среди огородов села Преображенского я с ужасом находил подвалы, тёмные, подземные казематы и длинные коридоры, в которых производились пытки, делались, по современному выражению, нещадные розыски. Тайная Канцелярия день и ночь работала в Преображенском: пытки и казни служили средством нашего славного преобразования государственного. В вертепах Преображенских лились потоки крови.

Карамзин Н.М. Записки о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. В сб. Быть России в благоденствии и славе. Послания великим князьям, царям, императорам, политическим деятелям о том, как улучшить «государственное устройство». М. Изд «Пашков Дом, 2002. С. 156

В Военском Уставе Петра Великого есть целая глава (VI-я во 2-й части Процессов) о распросе с пристрастием и о пытке, где сказано: «Пытка употребляется в делах видимых, в которых есть преступление; но в гражданских делах прежде пытать не можно, пока в самом деле злое действие наружу не объявится, разве когда свидетель в больших и важных гражданских делах в сказке своей обробеет или смутится или в лице изменится, то пытан бывает. Однакож надлежит жестокою пытку умеренно с рассмотрением чинить... В вящих и тяжких делах пытка жесточае, нежели в малых бывает. Также надлежит судье оных особ, которых к пытке приводят,

разсмотреть, и усмотря твёрдых, безстыдных и худых людей, жесточае; тех же кои деликатнаго тела и честные суть люди, легчее... Когда судья многих имеет пред собою преступников, которых жестоко допрашивать потребно, тогда надлежит ему онаго, от котораго он мнит скорее уведать правду, прежде пытатъ. Буде же все преступники в равном явятся подозрении и между оными отец с сыном или муж с женою найдётся, тогда сына или жену наперёд к пытке привести. Ежели трижды пытку снесёт и паки отречётся, то уже онаго более допрашивать не надлежит. В правах последующие от пытки изъяты суть: яко шляхта, служители высоких чинов, старые седмидесяти лет, недоросли и беременныя жёны. Все сии никогда к пытке подвержены не бывают, разве в государственных делах и в убивствах, однакож с подлинными о том доводами».

Семевский М. (3). Стлб. 1144-1145

...Казни сии были обыкновеннаго Меньщикова ремесла: колесовать, четвертовать и на кол сужать, а самая легчайшая, почитавшаяся за игрушку – вешать и головы рубить. Вины их изыскивались от признания их самих, и тому надёжным средством служило препохвальное тогда таинство – пытка, которой догмат и поныне известен из сей пословицы Русской: «кнут не ангел, души не вынетъ, а правду скажет» и которая производима была со всею акуратностью, и по узаконению соборнаго Уложения, сиречь, степенями и по по-

рядку, батожьём, кнутом и шиною т. е. разжённным железом, водимым с тихостью или медленностью по телам человеческим, которыя от того кипели, шкварились и воздымались. Прошедший одно испытание, поступал во второе, а кто всех их не выдерживал, таковой почитался за верное виновным и ведён на казнь.

Конисский Г. С. 214

Берхгольц в Дневнике своём несколько раз упоминает о каком то виташии, объясняя, что так назывался старший палач или, как его величает автор: обер-кнутмейстер, лично распоряжавшийся при допросах и пытках государственных преступников и бывший в то же время чем-то в роде придворнаго шута; в бытность Берхгольца в России умер один виташий, и в эту должность в то же время был назначен другой. Слова виташий нигде мы не встречали и полагаем, что Берхгольц исковеркал какое-либо другое название.

Семевский М. (3). Стлб. 1147

Должность палача наследственна, и он учит детей своих сечь кожаные мешки.

Коллинс С. Письмо к другу. С. 23

В сочинении, изданном Рихтером и Гейслером в Лейпциге, без означения года, но как полагать должно в первых годах нынешняго столетия под заглавием: Chatiments usites en

Russie representes dans une suite de dix gravures et accompagnes d'une explicate, находятся следующие подробности: «Наказание кнутом так жестоко, что обыкновенно зависит от палача сделать его смертельным; по крайней мере в России говорят, что палач может убить осуждённого тремя ударами кнута, даже двумя. Палачи исполняют своё гнусное ремесло, следуя старым правилам, и учатся ему особого рода упражнениями, состоящими в том, что они насыпают кучу песку и бьют по ней кнутом, наблюдая, чтоб один удар был параллелен другому.

Семевский М. (3). Стлб. 1153

«А в палачи на Москве прибирати из вольных людей» (96 ст. 21-й главы Уложения царя Алексея Михайловича). «А в городех палачей выбирать с посадов и уездов с сох, с дворцовых сёл, и с чёрных волостей, и со всяких сошних людей, и с патриарших, и с митрополичьих, и с архиепископских, и епископских, и с монастырских, и со всяких с поместных и с вотчинных земель» (ст. 97, глава 21 того же Уложения). «Послать великаго государя грамоты к воеводам, чтоб они в заплечные мастера взяли тех городов из посадских людей, которые волею своею в тое службу быть похотят; а буде охотников не будет, и посадским людем велеть выбирать из самых из молодчих, или из гулящих людей, чтоб во всяком городе без палачей не было» (*Боярский приговор 16-го мая 1681 года*).

У Корба, в главе о нравах Москвитян (de moribus Moscorum) есть странный рассказ, которому мы не даем веры. По словам его, в 1696 году, до путешествия царя за границу, один стрелец, бывший участником в бунте, вынес четыре пытки и ни в чём не сознался. Царь обласкал его, и стрелец, тронутый этим, признался во всём и при том объяснил, что если он и переносил терпеливо мучения, то это потому, что привык к ним. У них было составлено товарищество, в которое принимали не иначе как после истязаний. Стрелец этот выдержал шесть пыток и был признан главой своих товарищей. «Кнут для меня ничего, сказал он, также ничего для меня и поджариванье (assatio) после кнута: более жестокия муки товарищи мои приготовили бы мне. А именно, продолжал он: самая острая боль (acutissimus dolor est) когда кладут на уши горящие угли; не менее, когда на обриту голову, с вышины двух локтей (ad duos ulnas elevato loco) самую холодную воду по каплям медленно льют». Таких, которые не выдерживали подобных испытаний, они убивали или отравляли. До четырёх сот человек таким образом было ими убито. Корб, конечно, слышал от кого-нибудь этот рассказ и поверил ему...

«Достоин смерти есть!»

Дело царевича, казалось, кончено. Вдруг оно возобновилось... Пётр велел знатнейшим военным, статским и духовным особам собраться в Петербург (к июню).

Пушкин А.С. История Петра. С. 384

Москва опротивела. Дышать здесь стало тяжело, всё покрылось мглюю, люди шатались, как тени, и в воздухе слышался, кажется, смрад. Надо было переменить место, отдохнуть, освежиться – и Пётр с остальными жертвами страшным поездом отправился в Петербург для новых розысков.

Погодин М.П. (1). С. 455

11 марта царица Екатерина писала в Петербург Меншикову из Преображенского: «Прошу, прикажите очистить для царевича Алексея Петровича двор, бывший Шелтингов, где стоял шведский шаутбейнахт, и, что испорчено, велите починить и полы вымыть и вычистить; также прикажите осмотреть двор и вычистить хоромы для царевны Марьи Алексеевны». Светлейший князь должен был сильно радоваться ходу дела в Москве: враги его – Кикин, Долгорукий – попались. Царь, раздражённый на врагов Меншикова, естественно, станет милостивее к нему. Одно беспокоило Меншикова:

какое тяжкое впечатление произведёт всё это дело на царя, а известно было, как эти впечатления отражаются на расстроенном уже его здоровье. Меншиков писал Екатерине: «Хотя я твёрдо уповаю, что ваше величество его царское величество от приключившейся печали (которая по воле божией от злодеев, или от сынов дьявольских, наступила) отвлекать изволите, однакоже чрез сие всемилостивейшую нашу мать государыню слезно умоляю, дабы от оной его царское величество отвращать, и нималого сокрушения, отчего, как сами, ваше величество, довольно изволите рассудить, что нималой пользы, кроме непотребного его величества здравию и тяжкого вреда, допускать изволили, також и себя о том и ниже какому сумнению отдавать, по превысокомудрым своим рассуждениям всё оное уничтожить. Слава богу, что оный крыющийся огонь по его, сотворшего нас, к вашему величеству человеколюбивой милости ясно открылся, которой уже ныне с помощью божиею весьма искоренить и оное злое запаление погашением истребить возможно, о чём паки всенижайший, ваше величество, прошу, дабы как его величество, так и себя не точию какому сокрушению, ниже мнению отдавать изволили, но положить оное в его святую волю».

Соловьёв С.М. (1). Т. XVII. С. 126

...И казалось всё печальное дело сие совершенно оконченным, ибо Его Величество со всем двором своим отправился в Петербург, и по прибытии в оный занялся с вели-

ким прилежанием делами... словом, Монарх был в неутомимых ежедневных трудах, каковыя неусыпныя Его Величества упражнения и уверяли каждого, что следствие о деле Царевича в Москве получило точный свой конец, и предано уже оное конечному забвению. В самом деле, можно-ли было иначе кому мыслить, чтоб Великий Государь, не бывши совершенно успокоен в таком деле, которое паче всех других обременяло его сердце, мог в то-же время толико важные и требующие покойных мыслей Регламенты, Уставы и наставления написать и многия другия исправить дела?

Но к неизреченному прискорбию всей России, а паче Его Величества, пойманы письма, а иныя у некоторых скрытыя в платьях найдены, из коих открылись весьма важныя по тому-ж делу обстоятельства, утаённые Царевичем при первом в Москве следствии, и огорченный сим до крайности Государь и отец повелел паки возобновить оконченное то следствие...

Голиков И.И. (1). Том третий. С. 408- 409

Москва, 1 Марта. Со времени отреченья, Царь открыл ещё весьма важныя обстоятельства, в которых, повидимому, замешаны многия знатныя лица, намеревавшыяся, как говорят, по смерти Его Величества возвести на престол старшаго Великаго Князя, Алексея.

Из сообщений тогдашних европейских курантов (газет). Oprechte Haerlemse Dingsdaegse Courant, a. 1718, № 15

По совершении казни в Москве, Пётр 18 марта отправился в С-Петербург, приказав перевести туда царевича, Авраама Лопухина, князя Василья Долгорукаго, Ивана Афанасьева, Фёдора Дубровскаго и других, для новых розысков. Царевич помещён в доме подле дворца Государева; по словам Плейера, носилась общая молва, что он помешался в уме и пил безмерно. Друзья его посажены в Петропавловскую крепость, под надзор коменданта, капитана Бахмеотова.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 227

С. -Петербург, 4 Апреля. Старший сын Его Царскаго Величества, Царевич Алексей Петрович, прибыл в здешний город и будет впредь иметь в оном пребывание.

Из сообщений тогдашних европейских курантов (газет). Oprechte Haerlemse Dingsdaegse Courant, a. 1718, № 18

Помещение его состоит из маленькой комнаты возле места пытки.

Известия голландского резидента де-Биз. С. 326

Гамбург, 1 Апреля. Князь Меншиков пользовался великою милостью у Царя, но 14 сановников попали из-за Царевича под следствие, и им, по-видимому, пришлось заплатить значительные суммы. На изменение положения Царевича смотрят с одобрением во всей Московии, потому что

он, по кончине родителя своего, наверное, сделал бы опять большия перемены, ибо он не любит Немцев.

*Из сообщений тогдашних европейских курантов (газет).
Oprechte Haerlemse Dingsdaegse Courant, a. 1718, № 14*

От 3 Апреля 1718 г. Франц. Резидент Ла-Ви извещает по слухам, что более 300 лиц разных званий арестованы, многие осуждены и казнены. Царевич Алексей Петрович находится в Петербурге, он живёт в доме, отделённом от Царского дворца, под стражею. Ему назначено 40 000 рублей на ежегодное содержание. От конфискации имений собрано несколько миллионов рублей.

Тургенев А.И. Обзорение известий о России. Статья вторая. С. 8

Гамбург, 8 Апреля. Говорили, будто Царевич за несколько дней пред тем поехал опять в Германию: паспорта были выданы только до Риги, а в Курляндию были посланы приказания никому не отпускать лошадей без особых подорожных.

*Из сообщений тогдашних европейских курантов (газет).
Oprechte Haerlemse Dingsdaegse Courant, a. 1718, № 15*

Гамбург, 12 Апреля. Лицо, проехавшее чрез Либаву и принятое за Царевича, был знатный Царский сановник (Bediente), который, будучи привлечён к следствию, спасся бегством в Бреславль

*Из сообщений тогдашних европейских курантов (газет).
Oprechte Haerlemse Dingsdaegse Courant, a. 1718, № 16*

Гамбург, 25 Апреля. Герцог Вольфенбютельский обращается ко всем Московским Министрам, домогаясь, чтобы они, при каждом случае, входили к Царю с представлениями, в пользу сына Царевичева, как близкого его родственника.

*Из сообщений тогдашних европейских курантов (газет).
Oprechte Haerlemse Dingsdaegse Courant, a. 1718, № 37*

С.-Петербург, 29 апреля 1718 года, (пол[учено] 20 мая). Относительно уголовного следствия, производившегося во время моего пребывания в Москве, я могу сообщить только то, что происходило публично. По истине, сердцу Его Величества должно быть больно, видеть такое противодействие своим предначертаниям, измену и клевету, даже в среде своих ближайших сродников, любимцев и слуг. Я не слышал, чтобы до сего времени было обличено существование заговора против жизни Его Величества, но заговорщики хотели только возвести, после его смерти, на престол отрешённого Царевича, умертвить всех иностранцев, как виновников введения в стране чужеземных обычаев, заключить мир со Швециею и распустить учреждённую милицию. Мне говорили также, что заговорщики имели намерение преследовать нескольких любимцев Его Величества, и даже самую царицу и её детей, но что всего страшнее в этом деле, это

то, что обе партии, в нём участвовавшие, находясь в полном неведении одна о другой, имели одну общую цель: возвести на престол царевича Алексея. Вождями одной из этих партий были отлучённая царица, царевна Мария, майор Глебов и некоторые другие лица, между которыми находится митрополит Ростовский, успевавший поддерживать всех заговорщиков в их замыслах, посредством святотатственных вымыслов. Главным вождём заговорщиков другой партии был, как кажется, г. Кикин, уже казнённый и бывший одним из первых любимцев Его Величества. По всем вероятностям, г. Кикин, приговорённый несколько лет пред этим к оштрафованию и к ссылке и вскоре потом помилованный, искал случая отомстить за перенесённое им оскорбление и, для достижения этой цели, составил вокруг себя партию преданных царевичу Алексею людей. Очень возможно также, что он успел привлечь к своей партии многих знатных лиц; но я, с своей стороны, позволяю себе почти положительно утверждать, что все русские, к какому бы сословию они ни принадлежали, разделяют эти чувства. Нет ни малейшего сомнения, что пока жив Царь, все будут иметь вид покорный и послушный, но если царевич Алексей будет жив в то время, когда царевич Пётр не достигнет ещё известного возраста, можно предвидеть, что Россия будет подвергнута большим волнениям. Страшнее всего, что здоровье Царя шатко, и что наследник престола, царевич Пётр, очень слабого сложения, и нельзя рассчитывать на продолжительность его жизни. Ему

теперь полтора года, но он ещё не говорит и не ходит и постоянно болен. Если этот ребенок умрёт, то царю будет снова предстоять выбор наследника; разве только, в предстоящих родах царица разрешится от бремени царевичем. Во всяком случае, мало вероятия, чтобы царь прожил достаточно долго, чтобы воспитать своего наследника и утвердить его на престоле. Вследствие всего этого, нужно ожидать больших волнений в этой стране.

Известия голландского резидента де-Биэ. С. 317- 320

С.-Петербург, 6 мая 1718 года (пол. 24 июня). В ночь с 1-го на 2-е мая, все арестованные государственные преступники привезены были в крепость для нового допроса. Много говорят о скорых новых казнях.

Известия голландского резидента де-Биэ. С. 320

Варшава, 20 Мая. В некоторых письмах сообщают, что Русские ещё никого не пускают через границу, ни в Польшу, ни из Польши, для того, как говорят, чтобы ни один из любимцев отрешённого от престола (gedegradeerde) Царевича не мог бежать.

Из сообщений тогдашних европейских курантов (газет). Oprechte Haerlemse Dingsdaegse Courant, a. 1718, № 23

В Мае и в июне (1718), в разных числах, куплено в Канцелярию Тайных розыскных дел два крыла лебязья, дано

10 алтын, свеч восковых на 16 алтын 4 деньги, игол, ниток связок на в алтын 4 деньги, итого на 1 руб.; да июня в 20 день Лейб-Гвардии Преображенскаго полку Поручику Андрею Новокщёнову на покупку капусты к прикладыванью питанным два руб; всего 3 руб. из Кикинских денег. (Тайная Канцелярия розыскных дел была специально создана Петром Первым для расследования «противностей» первой его жены, царицы Евдокии и царевича Алексея Петровича, первые деньги на содержание канцелярии получены от конфискации имения Кикина. – Е.Г.)

Из приходно-расходной книги Тайной Канцелярии розыскных дел в 1718 году. Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. Г.В. Есипов и М.П. Погодин. С. 111

Запрещено выдавать паспорта в Москву. Царь велел просить иностранных Министров, находящихся при нём, не давать много воли языку в настоящих обстоятельствах. Голландский Резидент, сообщив эту новость своей жене, просит её извинить его молчание, из уважения к получаемой им пенсии.

Тургенев А.И. Обзорение известий о России в век Петра Великого, извлечённых Д. Ст. Сов. А. И. Тургеньевым из разных актов и донесений французских посланников и агентов при русском дворе. Статья вторая. – [Санкт-Петербург, 1843]. С. 8

Киевский архиепископ и ещё три высокопоставленные лица должны быть привезены сюда; но этим, как кажется, не кончатся аресты.

Известия голландского резидента де-Биэ. С. 327

С.-Петербург, 24 мая 1718 года (пол. 10 июня). Царевич Алексей не видел ещё своих детей; но я не могу сказать, запрещено ли ему было это свидание, или он сам того не желал. Его Высочество всё ещё находится под строгим караулом, вблизи покоев Царя, и редко появляется при дворе. Говорят, что умственные способности его не в порядке. Продолжают допрашивать в большой тайне всех его любимцев, и в особенности брата его матери Лопухина и генер.-лейт. кн. Долгорукого. Главная вина сего последнего состоит в том, что за 21/2 года пред сим, когда царь, будучи опасно болен, послал его к царевичу Алексею убедить его удалиться в монастырь, кн. Долгорукий, на отказ сего последнего, сказал ему: «идите теперь в монастырь, а когда настанет время, то мы сумеем освободить оттуда Ваше Высочество». Вероятно, царевич передал эти слова своему отцу, что и повергло в опалу эту многочисленную и весьма могущественную фамилию. Брат его был также арестован, а дядя, президент совета, отстранён от должности.

Известия голландского резидента де-Биэ. С. 320

Виновные обвиняют невинных; судьи в замешательстве.

Сам Пётр редко бывает спокоен, и это увеличивает беспокойство судей.

Тургенев А.И. Обзорение известий о России. Статья вторая. С. 10

После смертных казней, происходивших в Москве, думали, что уголовное следствие уже окончено и что все волнения утихнут. Это казалось тем более вероятным, что сохраняли в глубокой тайне всё, что делалось со времени нашего возвращения в Петербург. Но каковы же были удивление и ужас публики, когда она узнала, что все самые строжайшие исследования, пытки и мучения, которым было подвергнуто в Москве столько виновных, далеко не раскрыли всей истины и что ни от кого из находящихся в настоящее время в заключении заговорщиков не допытались бы ничего, если бы, с одной стороны перехваченная переписка, с другой, письма найденные зашитыми в платьях генер.-лейт. князя Долгорукова и других преступников, не способствовали к открытию истины и не показали, что не только низложенный царевич Алексей был виновником этого гнусного заговора, но что по всей России находится великое множество лиц, принимающих в нём участие. Его Величество тем более опечален этим, что в Москве он даровал жизнь царевичу Алексею с условием, что сей последний покажет всю истину, в чём Царевич клялся на Евангелии, на кресте и перед принятием Св. Таин. Но так как Царевич, вопреки этим клятвам,

утиал все самые важные обстоятельства, то Его Величество был вынужден назначить верховный суд над Царевичем и его прежними и нынешними сообщниками. Для сего Его Величество созвал немедленно в Петербург всех высших представителей духовенства, которые уже съехались две недели тому назад, и учредил уголовное судилище, состоящее из ста членов, избранных среди духовенства и государственных чиновников; все министры участвуют в этом судилище. Его Величество ежедневно, со слезами, коленопреклонённый, в течение 8 дней, молил Бога внушить ему то, что повелевают ему честь его и благо его государства.

Известия голландского резидента де-Биэ. С. 325-326

...Пётр назначил для царевича Алексея Петровича верховный суд из 127 человек. Сюда вошли знатнейшие чины, начиная с князя Меншикова, генерал-адмирала графа Апраксина, канцлера графа Головкина, кончая капитанами и поручиками, из коих некоторые были совсем неграмотные.

Иловайский Д.И. (1). С. 62

А как все знатные, светские и духовные особы, по указу царскому, не замедлили съехаться, то его величество предписал им особые грамоты, в коих повелел, дабы виновного судили не яко царского сына, а яко подданного; и его бы, буде нужно, на испытание пред суд требовали и приводили.

Румянцов А. Казнь царевича Алексея Петровича, письмо

А. Румянцева к Д. И. Титову. *Русская Старина*, 1905, август. С. 413

Дело Царевича было представлено суду Государственному, яко виновнаго более пред Государством.

Голиков И.И. (1). Том третий. С. 409

13 июня Пётр приказал нарядить суд из духовных и светских лиц и объявлял печатно, чтобы судьи вершили это дело «не флатируя и не похлебуя ему государю: не рассуждайте того, что тот суд ваш надлежит вам учинить на сына вашего государя, но, несмотря на лицо, сделайте правду и не погубите душ своих и моей души, чтоб совести наши остались чисты в день страшного испытания и отечество наше безбедно».

Костомаров Н.И. (1). С. 838

Суд составлен из духовенства, сенаторов, губернаторов, генералитета и чинов Преображенского полка, что доходит до 100 человек, и он собирается ежедневно.

Известия голландского резидента де-Бизэ. С. 324

Между тем царевичева любовница Евфросинья в половине апреля 1718 года приехала в С.-Петербург, с братом Иваном Фёдоровым, Яковом Носовым и Петром Судаковым. Плейер рассказывает, что «в Светлый праздник, при обыч-

ном поздравлении царице, царевич упал ей в ноги и, долго не вставая, умолял выпросить у отца позволение жениться на Евфросинье». Просьба его была напрасна: она посажена в Петропавловскую крепость 20 апреля и, по разрешении от бремени, начался её розыск, имевший важныя следствия для царевича.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 235

Важным несчастьем в его жизни и самым предосудительным поступком в глазах публики была страсть к крепостной девке Вяземского Евфросинье, которой судьба предоставила долю несчастнее, чем Екатерине. Он узнал её, кажется, воротясь из предпоследнего путешествия, и привязался до безумия. Нельзя вообразить, говорит сам Толстой, как он её любит и какие попечения об ней прилагает. Возвращаясь в Россию, он действительно позабыл, кажется, всё и думал только о том, чтоб жениться на ней и жить вместе в деревне, в каком-нибудь Рожествене или Обломове, ни о каких делах не заботясь. Пример отца и здесь имел некоторое участие: «Ведайте себе, – писал он служителям, уже проехав русскую границу, – что я на ней женюсь: ведь-де и батюшка таким же образом учинил».

Погодин М.П. (1). С. 451

С.-Петербург, 29 апреля 1718 года, (пол. 20 мая). Любовница царевича привезена сюда из Германии. При ней мно-

го золота, бриллиантов и богатых нарядов. Все удивляются, что Царевич мог питать чувство к женщине такого низкого класса. От неё всё отобрали, оставив только необходимое. Впоследствии узнается, что за судьба её ожидает.

Известия голландского резидента де-Биэ. С. 317

Она приехала в С.-Петербург в половине апреля 1718 года, как видно из донесения Плейера цесарю от 18-29 апреля, ещё беременною, когда именно и как разрешилась, совершению неизвестно. Толстой доносил Царю в половине октября 1717 года, что Евфросинья была тяжела четвёртый месяц; из письма же ея от 28 декабря можно полагать, что в конце 1717 года была она на пятом месяце; следовательно, разрешение могло последовать не прежде конца апреля 1718 года. Первый допрос ей был чрез месяц по приезде в Россию, около 12 мая.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 140

А была та девка росту великаго, собою дюжая, толстогубая, волосом рыжая, и все дивилися, как пришлось царевичу такую скаредную чухонку любить и так постоянно с нею в общении пребывать.

Румянцов А. Казнь царевича Алексея Петровича, письмо А. Румянцева к Д. И. Титову. Русская Старина, 1905, август. С. 413

«Накануне прошедшего воскресения» доносит цесарю Плейер, «Царь отправился в увеселительный дворец Петергоф, в 10 милях отсюда, с царевичем, котораго никогда вдали себя не оставляет, и приказал на другой день привезти из крепости в закрытой шлюбке его любовницу; допросил их сам тайно и потом отправил её опять в крепость».

Устрялов Н. (1). Т. VI. (1). С. 238

До отъезда в Италию был выработан план, с помощью которого [Толстой] надеялся добиться успеха. План заключался в привлечении на свою сторону любовницы царевича, которую он взял с собою из Петербурга. Она была финкой, довольно красивой, умной и весьма честолюбивой. Как раз эту слабость Толстой решил использовать: он убедил её с помощью самых сильных клятв (он не затруднялся давать их, а ещё меньше – выполнять), что женит на ней своего младшего сына и даст тысячу крестьянских дворов, если она уговорит царевича вернуться на родину. Соблазнённая таким предложением, сопровождаемым клятвами, она убедила своего несчастного любовника в уверениях Толстого, что он получит прощение, если вернётся с ним в Россию.

Французский консул в Петербурге Виллардо. Цит по: Павленко Н.И. С. 201

Евфросинья написала собственноручно (в ответ на вопросы царя Петра, составленные им лично) очень нетвёрдую ру-

кою: «К цесарю царевич писал жалобы на отца многожды; и когда он слышал о смущении [русского войска стоявшего] в Мекленбургии, тогда о том радовался и всегда желал наследства, и для того и ушёл, и в разговорах говорил мне, что-де все ему злодействовали, кроме Шафирова и Толстова: «Авось либо-де Бог нам даст случай с радостию возвратиться»... И как услышал в курантах, что у Государя меньшой сын царевич был болен, говаривал мне также: «Вот-де видишь, что Бог делает: батюшка делает своё, а Бог своё». И наследства желал прилежно; а ушёл-де он, царевич, от того, будто Государь искал всячески, чтоб ему, царевичу, живу не быть. А сказывал-де ему Кикин, будто он слышал, как Государю говорил о том князь Василий Долгорукой.

Он же, царевич, говаривал со мною о Сенатах: «Хотя-де батюшка и делает, что хочет, только как ещё Сенаты похотят; чаю-де, Сенаты и не сделают, что хочет батюшка». И надежду имел на сенаторей; а на кого именно, не сказал... Он же мне говаривал: «Я-де старых всех переведу, а изберу себе новых по своей воле». И когда я его спрашивала против того, что кто у тебя из друзей? и он мне говорил: «Что-де тебе сказывать? Ты-де не знаешь. Всё-де ты жила у учителя, а других-де ты никого не знаешь, и сказывать-де тебе не для чего». Царевич же мне сказывал, что он от отца для того ушёл, что-де отец к нему был немилостив, и как мог искал, чтоб живот его прекратить и хотел лишить наследства; к тому ж, когда во время корабельного спуска, всегда его поили смерт-

но и заставляли стоять на морозе, и от того-де он и ушёл, чтоб ему жить в покое, доколе отец жив будет; и наследства он, царевич, весьма желал и постричься отнюдь не хотел. Да он же, царевич, говаривал: когда он будет государем, и тогда будет жить в Москве, а Питербурх оставит простой город, также и корабли оставит и держать их не будет; а войска-де станет держать только для обороны, а войны ни с кем иметь не хотел, а хотел довольствоваться старым владением, и намерен был жить зиму в Москве, а лето в Ярославле; и когда слышал о каких видениях или читал в курантах, что в Питербурхе тихо и спокойно, говаривал, что видение и тишина не даром: «Может быть, либо отец мой умрёт, либо бунт будет: отец мой, не знаю, за што меня не любит, и хочет наследником учинить брата моего, а он ещё младенец, и надеется отец мой, что жена его, а моя мачиха, умна; и когда, учиня сие, умрёт, то-де будет бабье царство! И добра не будет, а будет смятение: иные станут за брата, а иные за меня». И я его спрашивала: кто за тебя станет? и он мне говаривал: «Что-де тебе сказывать? Ты их не знаешь». А иногда и молвит о каком-нибудь человеке, и я стану его спрашивать: какого он чину и как прозвище? и он говаривал: «Что же тебе и сказывать, когда ты никого не знаешь?»

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 238-241

Если бы Евфросинья была подосланною от Петра соглядатайницею за царевичем, и тогда не могла бы она лучше

исполнить своей обязанности. Припоминая, как Меншиков советовал царевичу взять её с собою за границу, в то время, когда царевичу, как едущему к отцу, решительно невозможно, казалось, давать такой совет, невольно приходишь к подозрению: не подкуплена ли она была заранее, чтобы следить за царевичем? Но обращать подозрение в уверенность нет исторического права...

Костомаров Н.И. (2). С. 24

Подозрения наши, может быть, неосновательны, но они имеют свою степень вероятности, и так как весь этот период состоит из подозрений, то одно лишнее не слишком увеличивает их количество.

Погодин М.П. (1). С.439

А когда господин Толстой приехал в Неаполь, и царевич хотел из цесарской протекции уехать к папе Римскому; но я его удержала.

Из ответов Евфросиньи по делу царевича Алексея. Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 241

Когда царевичу предъявлено было показание Евфросинии, он запирался. Но отец подверг его тайной пытке. Уже после смерти царевича, осуждены были на казнь трое крестьян за то, что были свидетелями, как на мызе, входившей в имение Алексея Петровича, повели царевича под сарай и

оттуда были слышны его стоны и крики.

Костомаров Н.И. (1). С. 838

С.-Петербург, 16 июня 1718 года, (пол. 27 июля). 25 числа этого месяца, рано утром, Сенат, генералитет и духовенство собрались в церкви, где, в присутствии царя, было совершенно богослужение и призвано благословение Божие. После того, все сии сановники отправились в большую залу Сената, куда приведён был царевич Алексей, окружённый сильным конвоем. В его присутствии вскрыли шкатулку, наполненную письмами и бумагами, которые и были громогласно прочтены. Между ними было много писем, писанных различными сановниками. Из содержания этих писем оказалось, что существуете заговор, имеющий целью отнять у царя престол и лишить его жизни. Эти бумаги открыто представлены Его Величеству, после возвращения его из Москвы, и открытием этим главным образом, обязаны показаниям любовницы Царевича. Чтение происходило публично, при открытых дверях и окнах. После чтения Его Величество начал упрекать сына своего, который во время пребывания их в Москве, обещался и клялся на Евангелии, что раскроет все действия, намерения свои, а равно и сообщников своих, между тем как он не открыл и сотою части того, в чём клялся сознаться, из чего видна решимость его коснеть в преступных своих замыслах. Его Высочество, пав на колена, умолял о пощаде. Тогда царь, поцеловав своего сына, со слезами на глазах ска-

зал ему, что он с глубокою горестью видит его виновным в столь преступном посягательстве, что в Москве он мог ему простить то, в чём он сознался, но что теперь не желает более судить те преступления, которые он утаил, и что поэтому он предаёт Царевича и его сообщников суду здесь присутствующего духовенства... Это событие, которого не ожидали, произвело потрясающее действие, и в скором времени результат оного сделается известным. После всего вышеизложенного, несчастный Царевич был отвезён обратно в крепость, где содержится под строжайшим караулом. 22 числа сюда привезены из Москвы три весьма важных лица, закованные в тяжёлые цепи. Все документы и письма, о которых я говорил, будут напечатаны и опубликованы.

Известия голландского резидента де-Биэ. С. 323-324

...Несчастный Царевич, убоясь, чтоб новое исследование дел его не открыло утаённого им в первом, подал на письме новую повинную, извиняясь, что он многое пропустил забвением; главнейшее-же было следующее: 1) что он имел надежду на духовенство, и чрез них на народ, помощью коих уповал легко учиниться владельцем; 2) что имел он крайнее отвращение от родителя и от дел, а паче воинских; для чего и притворял себя часто больным, принимая без причины лекарства, и прочее. Но к несносному родительскому огорчению по следствию открылось, что Царевич и в сём признании своём не открыл ещё весьма важнаго, как-то: 1) утаил, что он

во время скрyтия своего получал из России письма; 2) укpыл многих из участвовавших в его советах и в побеге; 3) показал ложно, что будто писаны были от него к Сенаторам и Архиеpеям письма по принуждению Цесарскаго Вице-Канцелера Графа Шонбурна; но сей Шонбурн, по настоянию Его Величества Резидента Веселовскаго в Вене, пред всем Министерством быв о том допрашиван, показал, что от него и от Секретаря его никогда не было предлагаемо Царевичу о написании каких-либо писем, но что помянутыя письма присланы от Царевича к нему для пересылки оных в Россию, которых, однако, он без воли Государя своего отправить не посмел, и объявил оныя, как были, запечатанными; 4) о сих письмах прежде показал Царевич, что писаны оныя были набело, и чёрных у него не осталось; но помянутою наложницею его Ефросиньею представлены с оных его руки копии, не сходствующие с его о них показанием, и в которых утаено им такое слово, о котором признался он, что написано в намерении возмутить оным народ; 5), не открыл того, что неоднократно писывал он к Цесарю неправыя жалобы на родителя своего, и также о письме, посланном от него к Киевскому Архиеpею; 6) утаил о получаемых им слухах о возмущении войск Российских в Мекленбургии и в Московских окрестностях, о коих возмущениях он радовался, и что был расположен к бунтовщикам ехать, если-бы они по него прислали, хотя-бы то было и при жизни родителя его. Но что всего было для Царевича бедственнее, что не хотел он отнюдь во всём

сём признаться, а повинился уже по изобличении его помянутою девкою; 7) что похвалялся он перевести всех верных Государя родителя слуг, и говорил, что Петербург не долго будет наш, и проч.

После признания всего описанного, Царевич ещё потребовал дозволения написать забытыя сверх того некоторые свои дела; но к вящшему несчастью его нашлось и сие новое признание его также неискренним, а по изобличёнии того ещё открылось новое, то-есть, что он в предприятиях своих великую имел надежду на тех людей, которые держатся старины и о делах отца его судят худо, и что сих людей, он, издавна замечая, оказывал себя им всегда благосклонным.

Голиков И.И. (1). Том третий. С. 409- 411

...Есть свидетельства, показывающие, что, находясь ещё на свободе, он подвергался истязаниям. Уже после его смерти осуждён был на каторжную работу крестьянин графа Мусина-Пушкина Андрей Рубцов, видевший, как на мызе, где был царевич, по приезде царя, повели царевича под сарай и оттуда слышны были стоны и крики, а двое других лиц, слышавших о том от Рубцова, Порошилов и Леонтьев, казнены смертью за дерзкие рассуждения об этом событии. Эти известия делают понятным: отчего царевич мог писать показания, явно составленные под влиянием перепуга.

Костомаров Н.И. (2). С. 24

Во всём этом не много было нового. Всё это, в сущности, не могло изменить тех понятий о царевиче, которые Пётр мог составить себе по прежде сделавшимся ему известными данным. Однако Пётр обратил всё-таки большое внимание на показания Ефросиньи, из которых он узнал и о намерении Алексея после воцарения сидеть спокойно дома, отказаться от всяких военных действий, уничтожить флот, распустить большую часть войска и проч. Более чем когда-либо до этого, царю становилось ясным, что нужно устранить царевича, во что бы то ни стало.

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.346

Гамбург. 21 июня. В С.-Петербурге всё ещё продолжается следствие над всеми, сколько-нибудь подозревавшимися в том, что они осуждали отрешение Царевича от престола (Degradatie).

Из сообщений тогдашних европейских курантов (газет). Oprechte Haerlemse Dingsdaegse Courant, a. 1718, № 26

С.-Петербург, 30 мая 1718 года, (пол. 23 июня). Мне сказали, что оба брата князя Долгорукие, из коих один генер.-лейтенант, а другой сенатор, и Абрам Лопухин, брат бывшей царицы, были на прошедшей неделе перевезены в Петербург для нового допроса, и что это произошло вследствие признаний, сделанных любовницею низложенного Царевича. После допроса, они были препровождены в другое

место, но куда, того невозможно узнать. Во всяком случае, достоверно, что имения их конфискованы, и что на днях будет продаваться с публичного торга их движимое имущество.

Известия голландского резидента де-Биэ. С. 321

С.-Петербург, 3 июня 1718 года, (пол. 24 июня). На днях началась публичная продажа имущества кн. В. Долгорукого, после чего будет продано имущество его брата и Лопухина. Мне, говорили что ген.-лейт. князь Долгорукий был дважды пытан и что признания его так поразили Царя, что Его Величество задался мыслью, не лучше ли положить конец всем допросам и дальнейшим разысканиям всей этой нити замыслов и интриг, тем более, что теперь узнано, что генерал князь Долгорукий в гвардейском полку, бывшем под его командою, посеял весьма тревожные и опасные чувства. Несколько солдат уже было арестовано, и поистине, ничего не надо опасаться столько, как возмущения в этом войске, имеющем среди себя множество дворян и пример которого может иметь гибельное влияние на другие полки. Полагают, что это было причиною тайного отправления в ссылку вышеупомянутых трёх лиц. Иначе, я убеждён, что воспользовались бы публичным их наказанием для подачи примера строгости.

Известия голландского резидента де-Биэ. С. 322

Василия Долгорукого отправили в Петропавловскую крепость, а потом сослали в Соликамск.

Костомаров Н.И. (1). С. 835

А был ли заговор?

Тут самое время исследовать вопрос о том, в самом ли деле так серьёзен был тот заговор, как это казалось Петру, а особенно тем, кто подвигал его на неустанный розыск, новые допросы, новые пытки и привлечение к делу всё новых и новых лиц.

Погодин М.П. (1). С.441

Нет сомнения, что со стороны Алексея государству грозила страшная опасность. За несколько лет до катастрофы царевича Джон Перри писал: «В случае преждевременной кончины царя, всё созданное им с большим трудом рушилось бы непременно. Нрав царевича совершенно противоположен нраву царя; он склонен к суеверию и ханжеству, и нетрудно будет уговорить его к восстановлению прежнего и к уничтожению всего того, что было начато отцом» и т.д. Де Лави писал весной 1717 года: «Крюйст сообщил мне, что если Бог отзовёт царя из здешнего мира, то можно опасаться, что его преемник вместе с дворянством покинет этот город, чтобы возвратиться в Москву, и что Петербург опустеет, и что если не будут следовать предначертаниям ныне царствующего государя, то дела примут совершенно иной оборот и придут в прежнее состояние». В апреле 1717 года де Лави

писал: «Духовенство, дворянство и купечество много роптали по поводу отсутствия царевича; меня даже уверяли, что знатнейшие лица снабдили его деньгами и обещали служить его интересам» и проч.

Упоминая о намерении царя назначить своего второго сына преемником, де Лави замечает: «Едва ли кто захочет участвовать в выполнении последней воли царя и поддержать великого князя Петра Петровича против наследника-цесаревича, который, имея значительную партию в пределах империи, будет, конечно, поддержан своим зятем, императором, о чём можно заключить по настоящему его образу действий».

Иностранные дипломаты – де Лави, Плейер, Вебер, де Би и другие – в это время постоянно говорят о страшных опасностях, окружавших царя на каждом шагу, о существующем намерении убить его, о политических заговорах и т.д. Поэтому де Лави находит, между прочим, чрезвычайную строгость царя совершенно целесообразной и необходимой. Он пишет в начале 1718 года: «Царь должен быть весьма доволен успехом своего министра г. Толстого, ибо, если бы он не привёз беглеца этому государю предстояла бы большая опасность. Отсутствие наследника возбуждало надежды недовольных и дало им смелость составить заговор против своего монарха – это 29-й заговор, открытый со времени его вступления на престол. К счастью, о нём узнали вовремя» и проч.

Также и ганноверский резидент Вебер постоянно говорит

о «заговоре» и о покушениях на жизнь Петра. Он пишет, между прочим: «Приезд царевича из Италии в Россию подал многим мысль, что вспыхнет мятеж». Из замечаний Вебера видно, с каким напряженным вниманием следили все за этими событиями. Датскому резиденту Вестфалю было вменено в обязанность от его правительства обращать особенное внимание на всё относящееся к царевичу и при случае заступиться за него. Впрочем, и Вебер, равно как и де Лави, сочувствует скорее Петру, нежели Алексею, сожалея о том, что все старания царя так мало находят поддержки в народе и что у царя почти вовсе нет сотрудников, на которых он мог бы вполне положиться. Вебер ожидал страшного кризиса. Он пишет: «В этом государстве когда-нибудь всё кончится ужасной катастрофой: вздохи многих миллионов душ против царя поднимаются к небесам; тлеющая искра повсеместного озлобления нуждается лишь в том, чтобы раздул ветер и чтобы нашёлся предводитель».

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.341-342

Трудно определить время окончания занятий верховного суда, ибо много лиц участвующих в заговоре должны ещё быть привезены сюда. Князь Львов, однажды уже арестованный и выпущенный на свободу, снова арестован и признан виновным. Говорят также, что фельдмаршала Шереметева подозревают в участии в этом деле, и что его скоро привезут сюда. Очевидно, что заговор этот весьма обширен и что ре-

зультат следствия и суда будет кровавый.

Известия голландского резидента де-Биэ. С. 324

Что должен был чувствовать Пётр, со всяким новым показанием удостовераясь, что никто, даже из самых близких, ему вполне не сочувствует; что никому из самых преданных он верить не может; что он один-одинёхонек; что всё огромное здание, им с таким трудом, успехом и счастьем воздвигнутое, может рухнуть в первую минуту после его смерти и задавить всех остальных делателей; что ненавистный сын, где бы ни остался, в тюрьме или келье, сделается, наверное, его победителем, и всего египетского его делания как будто и не бывало. О, верно, в эти минуты Пётр чувствовал такую муку, какой не испытывали, может быть, сами жертвы его, жжённые в то время на тихом огне или вздёрганные на дыбу!

Погодин М.П. (1). С. 453

По тому же делу государь говорил: «Страдаю, а всё за Отечество! Желая ему полезное, но враги демонские пакости делают. Труден разбор невинности моей тому, кому дело сие неведомо. Един Бог зрит правду»,

Нартов А. Достопамятные повествования. С. 198

Верховное судилище открыто было 25 июня в зале Сената, куда прибыл Царь в сопровождении ста членов суда после совершённого в церкви богослужения, в котором призы-

валось на них благословение Духа Святого. Когда все члены суда заняли свои места и все двери и окна залы были отворены, дабы все могли приблизиться, видеть и слышать, царевич Алексей был введён в сопровождении четырёх унтер-офицеров и поставлен насупротив царя, который, несмотря на душевное волнение, резко упрекал его в преступных его замыслах. Тогда Царевич с твердостью, которой в нём никогда не предполагали, сознался, что не только он хотел возбудить восстание во всей России, но что если Царь захотел бы уничтожить всех соучастников его, то ему пришлось бы истребить всё население страны. Он объявил себя поборником старинных нравов и обычаев, также, как и русской веры, и этим самым привлёк к себе сочувствие и любовь народа. В эту минуту Царь, обратясь к духовенству, опять сказал: «Смотрите, как зачерствело это сердце и обратите внимание на то, что он говорит. Соберитесь после моего ухода, спросите свою совесть, право и справедливость, и представьте мне письменно ваше мнение о наказании, которое он заслужил, злоумышляя против отца своего. Но мнение это не будет конечным судом; вам, судьям земным, поручено исполнять правосудие на земле. Во всяком случае, я прошу вас не обращать внимания ни на личность, ни на общественное положение виновного, но видеть в нём лишь частное лицо и произнести ваш приговор над ним по совести и законам. Но вместе с тем, я прошу также, чтоб приговор ваш был умерен и милосерд, насколько вы найдёте возможным это сделать».

Царевич, остававшийся во все это время спокойным и являвший вид большой решимости, был после сего отвезён обратно в крепость... Но не долго продолжал он оказывать твёрдость, ибо вот уже несколько дней как он кажется очень убитым. Говорят, что приговор будет скоро объявлен, и по этому случаю на стёнах крепости воздвигли эстраду, обтянутую красным сукном, со столом и скамьями.

Известия голландского резидента де-Биэ. С. 326-327

В сущности, заговора не было вовсе, настоящей политической партии не существовало. Но число недовольных было громадно, и многие сочувствовали царевичу. Никакого открытого мятежа не произошло. Все как бы в оцепенении ожидали исхода этого печального дела.

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.342

«Авось» входило в план царевича и его партии, точно, как и в план царя со своими наперсниками. Авось царь умрёт, думали одни; авось царевич как-нибудь попадётся и сам причинит себе гибель, думали другие.

Погодин М.П. (1). С.437

[1718] Ла-Ви от 28 Ноября пишет, что казнь не прекращает смут, но усиливает их.

Тургенев А.И. Обзорение известий о России. Статья вторая. С. 9

Продолжение розыска в Москве и смертный приговор

Кажется, розысками московским и петербургским, пыточный материал для обвинений был уже собран в достаточном количестве. Но врагам Алексея Петровича этого было мало; ни его пострижение в монахи, ни его заключение их не удовлетворяли; им нужно было извести его, чтобы впоследствии он никоим образом не мог явиться претендентом на престол. И они решили извести его простым способом: пытками. Хотя царевич, в конце концов, сознался, почти во всех взводимых на него обвинениях, тем не менее, по приказу царя, 19 июня 1718 года его привели в застенок и стали спрашивать: правду ли он показал на многих людей, т.-е. собственно перепроверить сказанные тем или другим слова, не поклепал ли кого? Например, правда ли, что «царевна Марья ведала о его побеге и говорила, что (в народе) осуждают отца, будто он мясо ест в посты и мать (Алексея) оставил». Или: правда ли, что кн. Василий Долгорукий говорил: «Давай-де отцу писем хоть тысячу, когда-де что будет». Или: правда ли, что на исповеди он сказал своему духовнику Якову Игнатьеву, что желает отцу смерти, а тот ответил: «Бог тебя простит, мы-де и все желаем ему смерти». И такие «правда ли?» повторяются почти обо всех оговорённых лицах. Несчастливого

царевича вздёрнули на дыбу и отсчитали ему 25 ударов, чтобы получить от него подтверждение всех его показаний.

Иловайский Д.И. (1). С. 60-61

Через три дня после первого розыска, 22 июня, Пётр повелел тайному советнику Толстому, после обеда, съездить в крепость и расспросить царевича по следующим пунктам, писанным его рукою: «Сегодня, после обеда, съезди и спроси и запиши не для розыску, но для ведения:

1. Что причина, что не слушал меня и нимало ни в чём не хотел делать того, что мне надобно, и ни в чём не хотел угодное делать; а ведал, что сие в людех не водится, также грех и стыд?

2. От чего так безстрашен был и не опасался за непослушание наказания?

3. Для чего иною дорогою, а не послушанием, хотел наследства (как я говорил ему сам), и о прочем, что к сему подлежит, спроси».

Собственноручный ответ царевича: «1718 года июня в 22 день, по пунктам, по которым спрашивал меня господин Толстой, на оные ответствую:

Моего к отцу моему непослушания и что не хотел того делать, что ему угодно, хотя и ведал, что того в людех не водится и что то грех и стыд, причина та, что со младенчества моего несколько жил с мамою и с девками, где ни чему иному не обучился, кроме избных забав, а больше научил-

ся ханжить, к чему я и от природы склонен... А понеже отец мой часто тогда был в воинских походах, а от меня отлучался, того ради приказал ко мне иметь присмотр светлейшему князю Меншикову; и когда я при нём бывал, тогда принужден был обучаться добру; а когда от него был отлучён, тогда вышеупомянутые Вяземский и Нарышкины, видя мою склонность ни к чему иному, только чтоб ханжить и конвeрcацию иметь с попами и чернцами и к ним часто ездить и подпивать, а в том мне не токмо претили, но и сами тож со мною охотно делали... И по малу по малу не токмо дела воинския и прочая от отца моего дела, но и самая его особа zelo мне омерзела, и для того всегда желал от него быть в отлучении... А потом отец мой, милосердуя о мне и хотя меня учинить достойна моего званая, послал меня в чужие краи; но и тамо я, уже в возрасте будучи, обычая своего не пременял; и хотя мне бытность моя в чужих краях учинила некоторую пользу, однакож вкоренённых во мне вышеписанных непотребств вовсе искоренить не могла... Когда я приехал из чужих краёв к отцу моему в Санктпiтербурх, тогда принял он меня милостиво и спрашивал, не забыл ли я то, чему учился? На что я сказал, будто не забыл; и он мне приказал к себе принести моего труда чертежи. Но я, опасаяся того, чтобы меня не заставил чертить при себе понеже бы не умел, умыслил испортить себе правую руку, чтоб невозможно было оною ничего делать, и, набив пистоль, взяв в левую руку, стрелил по правой ладони, чтоб пробить пулькою, и хо-

тя пулька миновала руки, однакож порохом больно опалило; а пулька пробилла стену в моей каморе, где и ныне видимо. И отец моей (так?) видел тогда руку мою опалённую и спрашивал меня о причине, как учинилось? Но я ему тогда сказал иное, а не истину. От чего мочно видеть, что хотя имел страх, но не сыновский... А для чего я иною дорогою, а не послушанием хотел наследства, то может всяк легко разсудить, что я уже когда от прямой дороги вовсе отбился и не хотел ни в чём отцу моему последовать, то каким же было иным образом искать наследства, кроме того, как я думал и хотел оное получить чрез чужую помощь? И ежели б до того дошло, и цесарь бы начал то производить в дело, как мне обещал, и вооружённую рукою доставить меня короны Российской, то б я тогда, не жалея ничего, доступал наследства, а имянно: ежели бы цесарь за то пожелал войск Российских в помощь себе против какова-нибудь своего неприятеля, или бы пожелал великой суммы денег, то б я всё по его воле учинил, также и министрам его и генералам дал бы великие подарки. А войска его, которыя бы мне он дал в помощь, чем бы достигать короны Российской, взял бы я на своё иждивение, и одним словом сказать: ничего бы не жалел, только, чтоб исполнить в том свою волю».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 273-276

По тону этого показания видно, что оно писано с голоса, требовавшего, чтоб писали именно так, как было написано.

Царевич обвиняет себя в ханжестве, в «конверсации» с попами и чернецами, в неохоте к воинским делам, в том, за что постоянно сердился на него Пётр. Язык показания совсем не обычный язык царевича, слишком известный по его письмам; и язык и склад речи – Петровы.

Костомаров Н.И. (2). С. 25

Трудно сказать, писано ли это показание Алексеем, по собственному убеждению, или по внушению Толстого. Костомаров замечает: «По тону этого показания видно, что оно писано с голоса, требовавшего, чтобы писали именно так, как было написано... Язык показания совсем не обычный язык царевича, слишком известный по его письмам: и язык, и склад речи – Петра» . Мы не думаем, чтобы можно было обвинить царя в составлении заранее для сына этой записки или в чрезмерном давлении, произведённом при этом случае на Алексея Толстым. К тому же такое нравственное давление едва ли могло иметь особенное значение в то время, когда царевича и до этого допроса 22 июня и после него подвергали страшным истязаниям. Наконец, нельзя не обратить внимания и на то обстоятельство, что даже при самом сильном обвинении, относящемся к связи с Карлом VI, часто повторяемое слово «ежели бы» лишает все эти показания главного значения.

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.348

Царевич более и более на себя наговаривал, утращённый сильным отцом и изнеможённый истязаниями. Бутурлин и Толстой его допрашивали. 26 мая объяснил он слово *ныне* в письме к архиерею, им написанное, зачёркнутое и вновь написанное. Несчастный давал ему по возможности самое преступное значение.

Пушкин А.С. История Петра. С. 397

По возвращении генерала Бутурлина и тайного советника Толстого от царевича Алексея Петровича, к которому они посылаемы были от государя с вопросами, его величество им сказал: «Теперь видите ясно, что он – другая Софья».

Нартов А. Достопамятные повествования. С. 199

Наконец, он сознался царю: «Ежели бы бунтовщики меня когда-нибудь бы (хотя и при живом тебе) позвали, то бы я поехал».

Брикнер А. Г. История Петра Великого: В 2 т. Т. 1. – М.: ТЕРРА, 1996. С.347

Важнейшее из показаний, оказавшее более всего пагубного влияния на судьбу царевича, состояло в таких словах: «Когда слышал о мекленбургском бунте (войска русского, как писали в иностранных газетах), радуясь говорил, что Бог не так делает, как отец мой хочет, и когда бы оно так было, и прислали бы по меня, то бы я с ними поехал; а без при-

сылки поехал ли или нет, прямо не имел намерения, а паче и опасался без присылки ехать, а когда-б прислали, то-б поехал. А чаял быть присылке по смерти вашей, для того, что писано, что хотели тебя убить, и чтоб живаго тебя отлучили, не чаял. А хотя б и при живом прислали, когда б они сильны были, то-б мог поехать».

Костомаров Н.И. Исследования, документы. Царевич Алексей Петрович (по поводу картины Н.Н. Ге). М. Книга. 1989. С. 25

Как страшно звучит здесь частица «бы»: дал бы, пошёл бы, взял бы – частица «бы», ведущая, однако же, на плаху! А в подлинных документах тайного венского архива нет ни единого слова даже и о предположениях этих, намерениях и переговорах.

Погодин М.П. (1). С. 456

Главные участники суда над ним установили, что тот замышлял сделаться обладателем короны, учинив для этого заговор с некоторыми придворными вельможами, а также, что он просил императора Карла VI участвовать в таком деле, одним словом, решив лишить своего отца жизни и короны.

Герцог де Лириа-и-Херика. Донесение о Московии в 1731 году. С. 87

После всего вышеизложенного, несчастный Царевич был

отвезён обратно в крепость, где содержится под строжайшим караулом.

Известия голландского резидента де-Биэ. С. 324

Домогательства врагов царевича добыть уничтожающие его показания, таким образом, увенчались успехом. На их основании установлено было, что он неискренно отказывался от престолонаследия, а в действительности очень желал наследовать, и не прочь был искать для того иноземной помощи, например, цесарской; рассчитывал и на внутреннюю смуту, т.-е. на массу недовольных петровскими жестокостями и преобразованиями, особенно на духовенство и даже на армию, и хотя никакого злодеяния не замышлял против отца, но ожидал скорой его смерти, на основании разных сообщений, например, частых недомоганий, видений и пророчеств... Очевидно, если записи показаний верны действительности, царевич с отчаяния или по принуждению сам писал на себя всё, что от него требовали его враги, только бы его более не мучили.

Иловайский Д.И. (1). С. 59,62

Новый допрос царевича Алексея Петровича 24 июня 1718:
«Июня в 24 день царевич Алексей спрашиван в застенке о всех его делах, что он на кого написал своеручно и по распросам и с розыску сказал, и то ему всё чтено: что то всё написал он правду ль, не поклепал ли кого и не утаил ли кого?»

На что он, царевич Алексей, выслушав того всего именно, сказал, что то всё он написал и по распросам сказал самую правду, и никого не поклепал и никого не утаил. Да к тому приполнил: «Учитель-де Вяземский в разговорах с ним, царевичем, говаривал: Степан-де Беляев с певчими при отце твоём поют: «Бог идеже хочет, побеждается естества чин» и тому подобные стихи; а то-де всё поют, маня отцу твоему; а ему-де то и любо, что его с Богом равняют.

А о Рязанском-де от многих слышал, да и Фёдор-де Дубровский ему говорил, что-де Рязанский (митрополит) к тебе добр и твоей-де стороны и весь-де он твой.

К Киевскому митрополиту он письмо писал, чтоб тем привести к возмущению тамошний народ; а дошло ль оно до его рук, не знает, и писем от него, митрополита, к нему в побеге его не бывывало, и он больше к нему и ни к кому, будучи в бегах, не писывал, и к нему ни от кого не бывывало.

И больше того ничего ни за кем не знает.

И в том им, царевичем, розыскивано, чтоб он сказал самую истину: всё ль правда, не клевет ли кого, и не таит ли кого, и что ещё больше в нём есть?

А с розыску сказал тож, что и выше сего; а больше ничего не знает и никого не таит и не клевет. Дано ему 15 ударов.

Да тогож числа Фёдор Дубровский приведён в застенки и на очной ставке с царевичем о вышеписанных словах о Рязанском спрашиван, и сказал, что он, Дубровский, такая слова ему, царевичу, [говорил] что-де Рязанский к тебе добр и

твоей-де стороны и весь-де он твой, говорил, слыша о поучении, что он читал поучение, где и об нём, царевиче, упоминал же, и угождая ему, царевичу, потому что уже он сведал, что у них контра.

И в том им розыскивано, в какую меру он ему, царевичу, говорил, что его стороны?

А с розыску сказал те ж речи, что выше сего; а больше не знает.

Дано ему 25 ударов.

Да тогож числа разстригою Яковом Игнатьевым в вышеписанном розыскивано, и спрашиван, с кем они желали все Государю смерти и для чего?

А с розыску сказал те ж речи, что с прежняго розыску, дано ему 9 ударов».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 276-277

После таких мер, царевич написал показание, в котором наговорил на себя столько, сколько даже не был вынужден говорить... Он наговорил на многих государственных людей, притянул к делу киевского митрополита, заявивши, что он ему друг, что писал к этому архипастырю и просил всем сказывать, что царевич убежал от принуждения вступить в монастырь. Пётр, по этому показанию, отправил Скорнякова-Писарева в Киев сделать у митрополита обыск и самого его препроводить в Петербург. Престарелый митрополит Иосиф Кроковский был отправлен в Петербург, но не доехал

и умер на пути в Твери. Предание говорило, что его отравили... Вынужденное пытками сознание царевича в том, что он готов был пристать к бунтовщикам, дало Петру повод не стесняться своим прежним обещанием помилования, данным виновному сыну.

Костомаров Н.И. (1). С. 838

Великий преобразователь со свойственной ему плодотворностью в мае и июне сочинил по сему поводу несколько обращений к народу, к духовным и гражданским чинам. Главный смысл сих обращений заключался в том, что хотя он и обещал царевичу прощение, но будто бы под условием чистосердечного и полного во всём признания и раскаяния; а так как Алексей не исполнил сего условия, то прощение ему не в прощение.

Иловайский Д.И. (1). С. 60

Казалось бы, Петру оставалось или всем заведомо исполнить смертный приговор, или смягчить наказание, или совсем помиловать. Но он не сделал ни того, ни другого, ни третьего.

Иловайский Д.И. (1). С. 63

...Царь вручил духовным и мирским чинам повелительные указы, в которых подчёркивал, что они должны вершить суд независимый. И, надо сказать, что указы эти писаны

так, что заставляют верить в искренность монарха: «Преосвященным митрополитам, и архиепископам, и епископам, и прочим духовным. Понеже вы ныне уже довольно слышали о малослыханном в свете преступлении сына моего против нас, яко отца и государя своего, и хотя я довольно власти над оным по божественным и гражданским правам имею, а особливо по правам российским (которые суд между отца и детей и у партикулярных людей весьма отместут), учинить за преступление по воле моей без совету других, а однако ж боюсь Бога, дабы не погрешить. Ибо натурально есть, что люди в своих делах меньше видят, нежели другие в их. Тако ж и врачи, хотя б и всех искуснее который был, то не отважится свою болезнь сам лечить, но призывает других. Подобным образом и мы сию болезнь свою вручаем вам, прося лечения оной, боясь вечная смерти; ежели б один сам оную лечил, иногда бы не познав силы в своей болезни, а наипаче в том, что я с клятвою суда Божия писменно обещал оному своему сыну прощение и потом словесно подтвердил, ежели истинно скажет. Но хотя он сие и нарушил утайкою наиважнейших дел и особливо замыслу своего бунтовного против нас, яко родителя и государя своего; но, однако ж, дабы не погрешить в том, и хотя сие дело не духовного, но гражданского суда есть, которому мы оное на осуждение беспохлебное чрез особое объявление ныне ж предали. Однако ж мы, желая всякого о сём известия, и вспоминая слово Божие, где увещевает в таковых делах вопрошать и чина священно-

го о Законе Божиим, как написано во Главе 17 Второзакония, желаем и от вас архиереев и всего духовного чина, яко учителей слова Божия, не издадите каковый о сём декрет, но да взыщете и покажете о сём от Священного Писания нам истинное наставление и рассуждение; какого наказания сие богомерзкое и Авессаломову прикладу уподобляющееся намерение сына нашего по божественным заповедям и прочим Святого писания прикладам и по законам достойно; и то нам дать за подписанием рук своих на письме, дабы мы, из того усмотря, неотягчѣнную совесть в сём деле имели, в чём мы на вас, яко по достоинству блюстителей божественных заповедей и верных пастырей Христова стада, и доброжелательных отечества, надеемся, и судом Божиим, и священством вашим заклинаем, да без всякого лицемерства и пристрастия в том поступите». Такого же содержания дан указ министрам, Сенату и стану воинскому и гражданскому...

Бергман В. Том 4. С. 208-209

Духовенство, как бабушка, сказала надвое.

Пушкин А.С. История Петра. С. 398

Духовенство дало уклончивый, но замечательно мудрый приговор. Выписав разные места из священного писания об обязанностях детей повиноваться родителям, оно предоставило на волю государя действовать или по ветхому, или по новому завету: хочет руководствоваться ветхим заветом –

может казнить сына, а если хочет предпочесть учение нового завета – может простить его, по образцу, указанному в евангельской притче о блудном сыне, и в поступке самого Спасителя с женою прелюбодейницею. «Сердце царёво в руке Божией есть; да изберёт тую часть, амо же рука Божия того преклоняет!» Так сказано было в конце приговора духовных. Церковь, в лице своих представителей, исполнила своё дело; она указала дух, в каком должна действовать царская власть, признающая себя христианскою; более ничего не могла сделать церковь, не имевшая никакого оружия, кроме слова, никаких побудительных мер, кроме указаний на слова и пример Спасителя.

Костомаров Н.И. (1). С. 839

Собрались епископы, аббаты и профессора, которые нашли в Ветхом Завете, что те, кто проклинает своего отца или мать, должны быть преданы смерти, что в действительности Давид простил своего сына Авессалома, восставшего против него, но что Бог не простил Авессалома. Такова была их точка зрения без всякого заключения; но это означало на деле подписание смертного приговора. Правда, Алексей никогда не проклинал своего отца, он совсем не восставал, как Авессалом, он вовсе не спал с наложницами отца своего; он путешествовал без отцовского разрешения, и он писал письма своим друзьям, которыми он хотел только показать, что надеется, что однажды о нём вспомнят в России.

Авессалом (*Евр. Авишалом – отец мира*) – третий сын царя Давида от Махи, дочери Фалмая, царя Гессурского, славившийся своею красотой... У Авессалома была красивая сестра, по имени Фамарь, которую брат его Аммон, полюбивши, насильственно обесчестил. Авессалом затаил в сердце своём злобу против Аммона, и через два года, на празднике, бывшем по случаю стрижки овец, приказал своим отрокам убить его. Вслед за тем он убежал к своему деду по матери, Фалмаю, царю Гессурскаму, в Сирию. Пробыв здесь три года и получив исходатайствованное Иоавом позволение вернуться на родину, он не оказал надежды на исправление, и достиг примирения с отцом своим только настойчивостью. Между тем в его душе созрел мятежный замысел занять силою престол своего отца. Вкравшись в народную любовь, он (через 4 года) поднял в Хевроне открытое возстание. Огорчённый отец с небольшим числом преданных лиц бежал из Иерусалима. Овладев столицею, Авессалом восшёл на ложе отца своего, имея в виду утвердить этим, по восточному обычаю, притязания свои на престол, и с войском пошёл против изгнанного царя. Мятежник и кровосмеситель принял достойную казнь. Разбитый близ Иордана, спасаясь бегством на муле через теревинфовый лес, он повис своими густыми волосами на сучьях большого дуба, и Иоав пронзил его тремя стрелами, хотя Давид строго наказывал своему во-

еначальнику щадить жизнь своего сына. «И взяли Авессалом и бросили его в лесу, и наметали над ним огромную кучу камней», говорит свящ. историограф о сём событии. Крайне огорчённый смертью своего сына, Давид оплакал его в прекрасной патетической песне: «Сын мой Авессалом, восклицал он: сын мой, сын мой, Авессалом! О, кто бы дал мне умереть вместо тебя, Авессалом, сын мой, сын мой! И весь Израиль должен был утешать его...

Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия. Труд и издание Архимандрита Никифора. М.: 1891. С. 14-15

Светский суд не сохранил своего достоинства в равной степени, в какой сохранило его духовенство. Светские судьи могли бы напомнить государю, что он дал своё царское обещание сыну, через Толстого в Неаполе: что ему наказания не будет, если он возвратится. Сын поверил слову царя-родителя и теперь его можно было судить только в таком случае, когда бы он сделал что-либо преступное уже после своего возвращения в отечество. Но светские судьи так не сделали, во-первых, потому, что во главе их находился Меншиков, личный враг царевича, во-вторых, потому, что они желали угодить Петру, и ясно видели, какого решения ему хочется.

Костомаров Н.И. (1). С. 840

Знатные люди, духовного и светского чина собирались по

вся дни во дворец, имели зело правдивое суждение о поступках его, царевича, и разследив до конца, написали весьма разумныя разсуждения, в коих приводили слова из церковных и светских уставов и книг, яко то: «человек еже аще зло-речит отцу своему и матери своей, смертью да умрёт» (Левит. Гл. 20). «Иже злословит отца или мать смертью да умрёт» (Матв. Гл. 15). «Злословляя отца или мать угашает светильник свой» (Прит. Сол. Гл. 20). «Князю людей твоих перещи зла» (Исход Гл. 20). «Будет кто каким умышлениям учить, мыслить на государское здоровье злое дело, и при том его злоумышление сыщется до пряма, что он на царское величество злое дело мыслил и делать хотел и такова по съиску казнить смертию» (Улож. Гл. 2). Такое разсуждение представили для ради разсмотрения его царскаго величества, от духовных едино и от светских едино; а затем каждый из судящих призываем по одному к министрам и гг. сенаторам, да скажет суд свой, и все сказали: «повинный де царевич заслужил смертную казнь». Тогда, собравшись все во едино, сотворили приговор и своеручно подписали, в коем сказано, что хотя бы однакож по воле его сие мнение и суждение объявляется с такою чистою и христианскою совестью, как пред страшным праведным и нелицемерным судом всемогущаго Бога, подвергая впрочем оный приговор и суждение в самодержавную власть, волю и разсмотрение его царскаго величества, всемиловитейшаго государя.

Гамбург, 19 июля. Так как напечатаны причины, побудившие Царя приказать постановить приговор над отрешённым (gedegradeerde) Царевичем, то ожидают, что будет также обнародовано всё следствие, имевшее производиться о преступных его действиях, равно как и приговор, который должны были постановить и поднести Царю Духовенство, Сенат и военные чины.

*Из сообщений тогдашних европейских курантов (газет).
Oprechte Haerlemse Dingsdaegse Courant, a. 1718, № 30*

Между тем среди 124 светских судей, данных ему, не нашлось ни одного, который бы не приговорил его к смерти; и те, которые не умели писать, просили других расписаться за них.

Вольтер. (1). С. 57

Верховный суд 24 июня единогласно приговорил царевича к смертной казни, что согласовалось, конечно, с волею самого царя.

Иловайский Д.И. (1). С. 62

24 июня Верховный суд единогласно и без всякого прекословия (и кому же было прекословить?) приговорил царевича Алексея Петровича к смертной казни, «потому что, – сказано в заключение, – из собственноручного письма его от

22 июня явно, что он не хотел получить наследства по кончине отца, прямою и от Бога определённую дорогою, а намерен был овладеть престолом чрез бунтовщиков, чрез чужестранную цесарскую помощь и иноземные войска, с разорением всего государства, при животе государя, отца своего. Весь свой умысел и многих согласных с ним людей таил до последнего розыска и явного обличения в намерении привести в исполнение богомерзкое дело против государя, отца своего, при первом удобном случае».

Погодин М.П. (1). С. 456

Есть предание, что сама Екатерина в последнее время просила Петра об уничтожении смертного приговора сыну, но напрасно.

Терновский Ф. С. 28

...Знатный сановник Шереметев, гласно выразил своё не сочувствие осуждению царевича. «Я рождён царю служить, а не кровь его губить», – сказал Шереметев и не подписал смертного приговора, не смотря на великое неудовольствие царя.

Терновский Ф. С. 25

Гамбург. 26 июля. Из Петербурга, от 27 минувшаго месяца, пишут, что по тщательном рассмотрении тяжкаго преступления Царевича, Духовные и Светские чины постанови-

ли приговор, что он заслужил смерти и должен быть казнён. По объявлении Царевичу решения, он так ужаснулся, что был поражён апоплексическим ударом, и в этот же вечер, 26 июля, был при смерти. Однако, когда он несколько пришёл в себя, приобщился Св. Таин в присутствии Царя, который пришёл на это известие со всеми Сенаторами и многими сановниками, и которого он умолял о прощении и помиловании.

*Из сообщений тогдашних европейских курантов (газет).
Oprechte Haerlemse Dingsdaegse Courant, a. 1718, № 31*

Те, кто хочет извинить царя, говорят о том, что, когда он услышал смертный приговор, произнесённый судьями, то не захотел сказать о том, на что же он решился сам, но перед тем, как объявят приговор, приказал, чтобы его официально сообщили его сыну. Царевич, от природы наделённый слабым умом, был под таким впечатлением от страха, что ему угрожает смерть, что это вызвало у него потрясение всех чувств и бросило его в подобие летаргии с конвульсиями, из которой его очень трудно было вывести, хотя ему настоятельно говорили, что царь его простит. После этого он достаточно пришёл в себя, чтобы проявить знаки действительного раскаяния в своих преступлениях, которые он публично признал, и он просил за них прощения у своего отца в присутствии многих церковников, сенаторов и знатных вельмож; но впечатление, которое произвела на него мысль о на-

сильственной смерти, было столь большим, что он не сумел найти средство спасения от своего несчастного впечатления и, приняв предсмертное причастие и будучи миропомазан, умер 17 июля в Петербургской крепости. Так говорят те, кто хочет оправдать царя.

Герцог де Лириа-и-Херика. Донесение о Московии в 1731 году. С. 87

Спустя два дня после приговора, а именно 26 июня в 7-м часу пополудни царевич скончался. Таково было официальное известие. Но, как и почему скончался, о том строго сохранялась непроницаемая тайна. А вследствие тайны дано было широкое поприще для всякого рода слухов и догадок.

Иловайский Д.И. (1). С. 63

25 июня – 6 июля царевич приведён был из крепости 4 унтер-офицерами в Сенат и там прочитан ему смертный приговор; после того он отведён опять в крепость, 26 июня – 7 июля рано утром донесено его царскому величеству, что от сильного волнения последовал с царевичем апоплексический удар. В полдень новый вестник: жизнь его в опасности. Царь собрал знатнейших особ при дворе, когда третий вестник объявил, что царевич не переживёт вечера и желает говорить с отцом. Его величество со всеми особами отправился к умирающему принцу, который, увидев отца, со слезами сказал, как виноват он пред Богом и Государем; не надеялся

освободиться от болезни и молил снять с него проклятие, в Москве объявленное, простить его преступления, благословить его и молиться за его душу. Его царское величество не мог не заплакать, дал ему благословение и прощение и, заливаясь слезами, удалился. Вечером в 5 часов прибыл майор гвардии Ушаков с извещением, что царевич очень желает ещё говорить с отцом. Его величество сначала не хотел ехать; ему представили, что нельзя отказать умирающему принцу; он сел в шлюбку, как прибыл пятый вестник, что Бог принял душу царевича

Вебер Ф.Х. Преображенная Россия. С. 304

Совсем не то говорит другой резидент, цесарский, живший в России более 25 лет и тогда находившийся также в С.-Петербурге: Плейер прислал в Вену два донесения о смерти царевича, одно от 4-15 июля 1718 к цесарю, другое от 7-18 июля к имперскому графу, вероятно Шёнборну: «Ваше императорское и королевское величество» пишет он к цесарю, «из всеподданнейшего донесения моего 27 июня – 8 июля всемилостивейше усмотреть изволили, что кронпринц, после объявления ему по известным причинам смертного приговора всего высшего духовенства и Сената, пришёл в такой ужас, что с ним сделался удар, и в прошедшую пятницу рано утром он скончался...»

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 285

Вполне возможно, что царевич, пусть даже мало одарённый, мог из-за страха смерти испытать такое потрясение, о котором было только что упомянуто, зная, тем более что его преступления заслуживают наиболее подходящего наказания.

Герцог де Лириа-и-Херика. Донесение о Московии в 1731 году. С. 88

Совсем другое рассказывает Плейер в письме к имперскому графу от 7-18 июля о смерти царевича: «Ваше сиятельство из последней реляции моей от 4-15 июля изволили усмотреть совершенно простое известие о смерти и погребении кронпринца. Я опасался, чтобы письмо моё не было вскрыто в здешней канцелярии и не обнаружилось совсем не то, что здесь обнародовано и напечатано; цыфирное письмо возбудило бы подозрение; обыкновенное же, с подробным изложением, как было дело, по моему мнению, и почти всех людей, могло бы навлечь на меня оскорбление со стороны Русских. Кронпринц скончался не 8 числа, (т. е. не 27 июня) рано в пятницу, как вообще говорили, а накануне, около 8 часов вечера, и не от естественного удара, как распространился слух: при дворе и в народе, также между иностранцами, носится тайная молва, что он погиб от меча или топора. Это мнение подтверждается многими обстоятельствами: достоверно, что о болезни его не было слышно, и накануне его пытали; в день смерти было у него высшее духовенство и

князь Меншиков; в крепость никого не пускали и пред вечером её заперли. Голландский плотник, работавший на новой башне в крепости и оставшийся там на ночь незамеченным, вечером видел сверху в пыточном казамате головы каких-то людей и рассказал о том своей теще, повивальной бабке Голландскаго резидента. Труп кронпринца положен в простой гроб из плохих досок; голова была несколько прикрыта, а шея обвязана платком со складками, как бы для бритья. Царь на другой день и после был очень весел. Семейство Меншикова в тот же вечер заметно радовалось, и тогда же благодарили Бога в церкви. Чужестранным министрам Меншиков объявил, что царевич умер как преступник; но царица обнаружила большую печаль и горесть».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 286-287

Гамбург, 29 июля. Из Петербурга пишут, что Царевич скончался 26 истекшаго месяца, в 6 часов пополудни, от апоплексического удара, поразившаго его по объявлении ему приговора. В то же время казнены смертью некоторыя лица, принадлежавшия к партии покойнаго Царевича, и неко-ему иностранному Министру (послу), пребывающему в С.-Петербурге, оказано неудовольствие за то, что он позволил себе некоторыя речи, касательно Царевича.

Из сообщений тогдашних европейских курантов (газет). Oprechte Haerlemse Dingsdaegse Courant, a. 1718, № 31

...Послана к цесарю граммата об отозвании из России резидента Плейера за лживыя донесения Венскому двору о царевиче. «Сын наш Алексей», сказано в царской граммате к цесарю «объявил нам список с реляции резидента вашего Блейера к вашему величеству и ему, сыну нашему, от вашего имперскаго графа вице-канцлера Шонборна сообщённой, в которой он вашему величеству многия лжи о нашем государстве, и многия клеветы о особе нашей и супруги нашей ложно доносил, и о некоторых комплотах войск наших, и о согласии и сообщении с ним некоторых поданных наших общал, с котораго письма прилагается копия. Хотя он сообщением дел такой важности нарушил Право Народное; но мы, ради приязни к вашему величеству, ничего ему не учинили. Просим только, чтобы вы повелели как наискорее его от двора нашего отозвать: ибо мы с ним ни о каких делах более трактовать не будем».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 228

На вопрос о том, откуда взялась у меня мысль, что царевич Алексей умер неестественною смертью и что ему открывали вены, я могу ответить, что хотя и не доверяю этому, полагаясь более на то, что вице-канцлер [Шафиров] сказал мне и датскому резиденту г-ну Вестфалену во время обеда 8 числа, в день годовщины Полтавской победы, но должен, однако же, сознаться, что многие разделяют эту мысль. Конечно, было бы невозможно обращать внимание на все слухи

и толки, которые ходят по городу; так, например, несколько детей и старух рассказывали различно о том, как выставлено было тело царевича. Одни говорили, что прикладывались к его рукам, другие это отрицали; одна старая повивальная бабка рассказывала моей жене, что были допущены к целованию руки, говоря, что заподлинно это знает, потому что дочь её живёт в крепости, и в квартире её готовилась пища царевичу.

Известия голландского резидента де-Биэ. С. 332

Голландский резидент Яков де-Би в конце июня послал донесение Генеральным Штатам, что в С.-Петербурге опасаются мятежа, что кронпринц умер в четверг вечером от растворения жил, что сын его ещё мал, сын же царя слаб, болезнен и не обещает долгой жизни; в следствие того, опасаясь за свою участь, просил об отозвании. Это донесение вскрыто было в почтовой конторе, переведено на Русский язык и представлено высшему начальству. Канцлер граф Головкин и вице-канцлер барон Шафиров призвали вечером 2 июля резидента де-Би в Посольскую канцелярию и сильными упрёками, даже угрозою смерти, так перепугали его, что он в безпамятстве ужаса сознался, что о смерти царевича слышал от повивальной бабки своей жены, Марии Фон-Гуссе. На другой день она взята в крепость и там допрошена, вместе с дочерью и зятем, Германом Болесом, тем самым Голландским плотником, о котором упоминает Плейер в до-

несении имперскому графу.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 288-289

Резидент Де-Би арестован в Петербурге за письма, то есть за депеши о заговоре Царевича. Приложен перевод допроса, ему сделанного, и ответов его 8 Августа 1718 г. За несколько времени пред тем арестован был Голландец Порст, также за пересылку письма.

Тургенев А.И. Обзорение известий о России в век Петра Великого. Статья вторая. С. 9

Повивальной бабке Марие фон-Гуссе в связи с делом голландского резидента де-Би предложены были следующие вопросы, пункты:

1) Сказывала ли она резиденту де-Би или жене его о смерти принца, какими словами и от кого то слышала? 2) Сказывала ли она резиденту, что около полудня, до смерти принца, у ея дочери в доме для него обед готовили и что она видела, как принц кушал? – Мария-Гендрихс фон-Гуссе показала: «У резидентовой жены была она в воскресенье пополудни, 29 июня, по смерти принца; и с нею резидентова жена разговаривая, между прочим, сказала: «Принц-де умер». Она отвечала: «Я уповаю, что Бог душу его принял; чаю, он прошедшаго четверга был болен, потому что никому мимо ходить позволено не было». Резидентова жена на то сказала: «Скоро это сделалось». После того они пошли к дочери ре-

зидентовой. Прошедшаго четверга была у дочери своей, которая о принце ничего не сказала: дочь ея в тот четверг жаловалась, что повара и челядинцы принцовы в доме ея были, поварню по повелению коменданта отняли, и она в тот день не видала, что есть готовили, также, чтобы яства выносили. Она, Мария фон-Гуссе, того резидентовой жене не сказывала; других ведомостей также не говорила».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 289

В Декабре 1718 г. казнили пятерых государственных преступников: Авраама Феодоровича Лопухина, дядю Царевича; Священника Якова Пустыннаго, Ивана Афанасьева, его Гофмаршала и повереннаго во всех делах; Дубровскаго, его Камергера, и Воронова, его дворецкаго. Всем отрублены головы на плахе. Тела казнённых, с головами, положенными под руки их, были три дня выставлены пред народом; после чего отрезаны руки у трупов, положены на колёса, а головы на столбах. Через час после совершения казни, Пётр собрал Сенат, и объявил, что, наказав преступления оскорбителей Величества, приступит к наказанию пиявиц – корыстолюбцев, обогащающихся достоянием царя и его подданных. В то же время учреждено судилище для розыскания виновных в лихоимстве. Это судилище, под председательством Генерала Вейде, заставляет трепетать знаменитейшия лица в Империи. Князю Меншикову, Генералу Апраксину, Князю Гагарину, Сибирскому Губернатору, приказано явиться пред су-

дьями и отвечать на обвинения доносителей. Содержат под стражею более двух сот обвинённых в злоупотреблении.

Тургенев А.И. Обзорение известий о России в век Петра Великого. Статья вторая. С. 11

Евфросиния за её предательство получила свободу вместе с частью Алексеева имущества, удостоилась милостей и, если верить одному известию, вышла замуж за офицера, служившего в том же Петропавловском гарнизоне.

Иловайский Д.И. (1). С. 64

Толстой, Румянцев и Ушаков получили награду по делу о Царевиче Алексее Петровиче.

Тургенев А.И. Обзорение известий о России в век Петра Великого, извлечённых Д. Ст. Сов. А. И. Тургеньевым из разных актов и донесений французских посланников и агентов при русском дворе. Статья вторая. – [Санкт-Петербург, 1843]. С. 11

Умер, убит, отравлен, задушен?

Скажем в заключение несколько слов о смерти царевича Алексея. Г. Устрялов приводит девять свидетельств о ней. Три говорят просто, что он умер; одно, что у него сделался апоплексический удар; два, что, ему отрубили голову (в том числе одно удостоверяет, что это сделал сам царь), остальные три упоминают о яде, о растворении жил и о задушении подушками. Г. Устрялов полагает наиболее вероятным, что царевич умер к вечеру вследствие утренней пытки. Не оспаривая вероятия такого мнения, скажем, что всё-таки оно не может быть принято окончательно за несомненное.

М. Лонгинов. Из рецензии на VI том «Истории царствования Петра Великого» Н. Устрялова. Сборник Общества любителей российской словесности. М., 1859. № 32, отд. II. С. 11. Далее: Лонгинов М. С указанием страницы.

Со времени заговора Дон-Карлоса, сына Филиппа II, короля Испанского, христианский мир не видел ничего подобного этому событию...

Известия голландского резидента де-Биз. С. 328

В Европе говорили и даже печатали, что царь приказал перевести с испанского на русский судебное дело Дона Кар-

лоса, этого несчастного принца, которого его отец Филипп II заключил в тюрьму, где этот наследник великой монархии умер; но никогда не было процесса Дона Карлоса, и никогда не было известно, умер ли этот принц насильственной или естественной смертью. Пётр, самый деспотичный из монархов, не нуждался в примерах. Достоверно то, что его сын умер в своей постели на следующий день после приговора и что у царя в Москве была одна из лучших аптек Европы. Между тем возможно, что царевич Алексей, наследник самой обширной монархии мира, единогласно осуждённый подданными его отца, которые могли бы стать однажды его подданными, мог умереть от потрясения, которое произвёл в его теле столь странный и зловещий приговор.

Вольтер. (1). С. 26

Всеобщее мнение гласит, что царевич умер вследствие сильного потрясения, вызванного тем, что ему объявили почти одновременно о смертном приговоре и о помиловании. Но те, кто прекрасно осведомлён о том, что происходило в это время при русском дворе, знают, что царь Пётр, на словах помиловав своего сына, послал к нему хирурга, которому приказал сделать царевичу сильное кровопускание. Он сказал: «Я приказываю тебе открыть ему четыре вены». Эта операция была выполнена в присутствии царя в Петропавловской крепости. Так утверждают многие люди.

Вильбуа. Рассказы о российском дворе. // Вопросы исто-

Разсказывали, что когда по объявлении Царевичу смертного приговора, он был поражён апоплексическим ударом, и по совету врачей признано было нужным открыть ему кровь, было слишком много выпущено крови, и что таким образом он скончался в тюрьме, в сильнейшем страдании

*Из сообщений тогдашних европейских курантов (газет).
Oprechte Haerlemse Dingsdaegse Courant, a. 1718, № 32*

Но все убеждены в том, что Е[го] В[еличество] приказал дать ему яд, как только ему был произнесён приговор, чтобы все верили, что намерение царя было простить его. И это тоже может быть неправдой.

Герцог де Лириа-и-Херика. Донесение о Московии в 1731 году. С. 88

...Я уже объявлял, что царевич, наверное, был обезглавлен, и теперь прибавлю ещё, что родившийся в Москве и в 1721 году умерший генерал Адам Адамович Вейде отрубил принцу голову топором по повелению его отца.

Пастор Бюшинг, издатель и первый комментатор записок Бассевича. Цит по: *Записки о России при Петре Великом, извлеченные из бумаг графа Бассевича, который жил в России, состоя при особе Голишинского герцога Карла Фридриха, женившиагося на дочери Петра Великаго Анне Петровне.*

25 (июня 1718) прочтено определение и приговор царевичу в Сенате... 26 царевич умер отравленным

Пушкин А.С. История Петра. С. 376

Откуда узнал Пушкин об отравлении? Сюжет этот был ещё столь опасен в то время, что лишь теперь с помощью криминалистов известный пушкинист И.Л. Фейнберг прочёл тщательно зачёркнутые строки в дневнике переводчика Келера: «Пушкин раскрыл мне страницу английской книги, записок Брюса о Петре Великом, в которой упоминается об отраве царевича Алексея Петровича, приговаривая: «Вот как тогда дела делались». Пушкин верно понял, что именно так тогда дела делались, но подробности насчёт отравления были недостоверны: записки Брюса считаются едва ли не подделкой конца XVIII в. Как видим, даже Пушкин, жадно вылавливавший каждую деталь тайной истории Петра, не смог прийти к ясной истине.

Эйдельман Н. Из потаённой истории России XVIII-XIX веков. М., "Высшая школа", 1993, С. 71

В книге, изданной в 1782 году на Английском языке, под заглавием Записки Генриха Брюса изложена смерть царевича следующим образом: «23 июня – 6 июля Верховный суд единогласно приговорил царевича к лишению жизни, предо-

ставив способ казни его величеству. Царевич приведён был пред суд, и, по прочтении ему приговора, снова отправлен в крепость. В следующий день Царь, сопровождаемый сенаторами и епископами, явился в крепости, в том каземате, где содержался царевич. Вскоре вышел оттуда маршал Вейде и приказал мне (т. е. Генриху Брюсу) сходить к аптекарю Бэру, жившему вблизи, объявить ему, чтобы заказанное питьё было крепко, потому что царевич очень болен. Услышав от меня такое приказание, Бэр побледнел, затрепетал и был в большом замешательстве. Я так удивился, что спросил его: что с ним сделалось? Он ничего не мог отвечать. Между тем пришёл сам маршал, почти в таком же состоянии, как и аптекарь, и объявил, что надобно поспешить, потому что царевич очень болен от удара паралича. Аптекарь вручил ему серебряный стакан с крышкою, который маршал сам понёс к царевичу и всю дорогу шатался, как пьяный. Через полчаса Царь удалился со всеми провожавшими его особами; лица у них были очень печальны. Маршал приказал мне быть в комнате царевича и, в случае какой-либо перемены, немедленно его уведомить. Тут же находились два врача, два хирурга и караульный офицер: с ними я обедал за столом, приготовленным для царевича. Врачи были немедленно позваны к царевичу: он был в конвульсиях и после жестоких страданий, около 5 часов по полудни, скончался. Я тотчас дал знать о том маршалу, который в ту же минуту донёс Царю...»

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 291-292

...А как царевич в те поры недомогал, то его к суду для объявки приговора не выслали, а поехали к нему в крепость светлейший князь Меншиков, да канцлер, граф Гавриил Головкин, да тайный советник Пётр Толстой, да я, и ему то осуждение прочитали. Егда же царевич о смертной казни услышал, то зело побледнел и пошатался, так что мы с Толстым едва успели под руки схватить и тем от падения долу избавить. Уложив царевича на кровать и наказав охранение его слугам, да лекарю, мы отъехали к его царскому величеству с рапортом, что царевич приговор свой выслушал, и тут же Толстой, я, генерал-поручик Бутурлин и лейб-гвардии майор Ушаков тайное приказание получили, дабы съехаться к его величеству во дворец в 1-м часу по полуночи.

Недоумевая ради коея вины сие секретное собрание будет, я прибыл к назначенному времени во дворец и был введён от дворцоваго камергера во внутренний упокой и даже увидел царя сидяща и вельми горяюща, а вокруг его стояли: царица Екатерина Алексеевна, Троицкий архимандрит Феодосий от Александровскаго монастыря, его же царь зело уважая за духовника и добраго советодателя имеати, да Толстой, да Ушаков, а не было только Бутурлина, но и тот приездом не замедлил. А как о нашем прибытии царю оповестили, ибо ему за многими слезами, едва ли видно самому было, то его величество встал и, подойдя к блаженному Феодосию, просил у него благословение, на что сей рек: «царю благий,

помысли мало, да не кается будеши». А царь сказал: «Зло, отче святой, мера грехов его, и всякое милосердие от сего часа в тяжкий грех нам будет, и пред Богом, и пред славным царством нашим. Благослови мя, владыко, на указ зело тяжкий моему родительскому сердцу и моли всеблагаго Бога, да простит моё окаянство». Тогда Феодосий, воздев руки, помолился и благословил царя, глаголя: «да будет воля твоя, пресветлый государь, твори якоже пошлёт-ти на разум сердцевидец Бог». Тогда царь приблизился к нам, в недоумении о воле его стоящим, и сказал: «слуги мои верные, во многих обстоятельствах испытанные! се час наступил, да великую мне и государству моему услугу сделать; оный зловредный Алексей, его же сыном и царевичем срамлюся нарицати, презрев клятву пред Богом данную, скрыл от нас большую часть своих преступлений и общенников, имел в уме да сии последнии о другом разе ему в скверном умысле на престол наш пригодятся, мы, праведно негодуя за таковое нарушение клятвы, над ним суд нарядили и тамо открыли многия и премногия злодеяния, о коих нам и в помышление придти не могло. Суд тот, якоже и вы все ведаете, праведно творя и на многие законы гражданств и от св. писания указуя, его царевича достойно к понесению смертныя казни осудил. Всем ведомо терпение наше о нём, послабление до нынешняго часа, ибо давно уже за свои измены казни учинился достоин. Яко человек и отец и днесь я болезную о нём сердцем, но яко справедливый государь на преступления клятвы, на новыя

измены уже нетерпимо и нам, бо за всякия несчастья от моего сердолюбия ответ строгий дати Богу, на царство мя помазавшему и на престол российскийя державы всадившему. Того ради, слуги мои верные, спешно идите к одру преступнаго Алексея и казните его смертию, якоже подобает казнити изменников государю и отечеству. Не хошу поругать царскую кровь всенародною казнию; но да совершится сей предел тихо и неслышно, якобы его умрети от естества предназначеннаго смертию. Идите и исполните, тако бо хочет законный ваш государь и изволяет Бог, в его же державе мы вси есмы!»

Сие глаголаше, царь новыя тучи исполнился, и аще бы не утешения от царицы да не слова в иноцех блаженнаго Феодосия, толико яко презельная горесть велий ущерб его царскому здоровью приключила бы. Не ведано в кое время и каким способом мы из царскаго упокоя к крепостным воротам достигли, ибо великость и новизна сего диковиннаго казуса весь ум мой обуяла и долго бы я оттого в память не пришёл, когда бы Толстой напамятованием об исполнении царскаго указа меня не возбудил. А как пришли мы в великия сени, то стоящаго тут часоваго опознавши, ему Ушаков, яко от дежурства начальник дворцовый стражи, отойти к наружным дверям приказал, яко бы стук оружия недугующему царевичу безпокойство творя, вредоносен быть может. Затем Толстой пошед в упокой, где спали по царевича постельничий, да гардеробный, да кухарный мастер, и тех он снова возбуждив, велел немешкотно от крепостнаго караула трёх соддат

во двор послать и всех челядинцев с теми солдатами яко бы к допросу в коллегии отправить, где тайно повелел под стражею задержать. И так во всём доме осталось лишь нас четверо да единый царевич, и то спящий, ибо всё сие сделалось с великим опасательством, да его безвременно не разбудят. Тогда мы елико возможно тихо перешли тёмные упокои и с таковым же предостережением дверь опочивальни царевичевой отверзли, яко мало была освещена от лампы, пред образом горящей, и нашли мы царевича спяща, разметавши одежды якобы от некоего соннаго и страшнаго видения, да ещё по времена и стонуща. А-бы и вправду недужен вельми, так что и св. причастия того дня вечером, по выслушании приговора, сподобился страхом, да не умрёт, не покаявшись во гресех; с той поры его здравие далеко лучше стало и, по словам лекарей, к совершенному выздоровлению надежду крепкую подавал. И нехотяще никто из нас его мирно покоя нарушати, промеж собою судяще, не лучше ли де его во сне смерти предать, и тем от лютаго мучения избавити. Обаче совесть на душу налегла, да не умрёт без молитвы. Сие помыслив и укрепясь силами, Толстой его царевича тихо толкнул, сказав: «ваше царское высочество, возстаните!» он же открыв очеса и недоумевая, что сие есть, сяде на ложнице и смотряще на нас, ничего же от замешательства вопрошая. Тогда Толстой, приступил к нему поближе, сказал: «государь царевич, по суду знатнейших людей земли русской ты приговорён к смертной казни за многия из-

мены государю родителю твоему и отечеству. Се мы, по его царскаго величества указу, пришли к тебе тот суд исполнити, того ради молитвою и покаянием приготовься к твоему исходу, ибо время жизни твоей близь есть к концу своему». Едва царевич сие услышал, как вопль великий поднял, призывая к себе на помощь, но из того успеха не возымев, начал горько плакаться и глаголя: «горе мне бедному, горе мне, от царския крове рождённому, не лучше ли мне родиться от последнего подданнаго». Тогда Толстой, утешая царевича, сказал: «государь, яко отец, простил тебе все прегрешения и будет молиться о душе твоей, но яко монарх, он измен твоих и клятв нарушения простить не мог, боясь на кое злоключение отечество своё повергнет чрез то, того для отвергни вопли и слезы единых баб свойство и приими удел свой, якоже подобает мужу царских кровь и сотвори последнюю молитву об отпущении грехов своих». Но царевич того не слушал, а плакал и хулил его царское величество, нарекал детоубийцей. А как увидели, что царевич молиться не хочет, то, взяв его под руки, поставили на колени и один из нас, кто же именно, от страха не упомню, говорит за ним: «Господи! в руцы твои предаю дух мой»; он же не говоря того, руками и ногами прямися и вырваться хотяще. Тогда той же мню яко Бутурлин рёк: «Господи! упокой душу раба твоего Алексея в селении праведных, презирая прегрешения его, яко человеколюбец». И с сим словом царевича на ложу спиною повалиши, и взяв от возглавия два пуховика, главу его накры-

ли, пригнетая, дондеже движения рук и ног утихли и сердце биться перестало, что сделалось скоро, ради его тогдашней немощи, и что он тогда говорил, того никто разбирать не мог, ибо от страха близкия смерти ему разума потрясение сталося.

А как то совершилося, мы паки уложили тело царевича якобы спящего и помоляся Богу о душе его, тихо вышли. Я с Ушаковым близь дома остались, да кто-либо из сторонних туда не войдёт, Бутурлин же, да Толстой к царю с донесением о кончине царевичевой поехали. Скоро приехали от двора г-жа Крамер и, показав нам Толстого записку, в крепость вошла, и мы с нею тело царевича спрятали и к погребению изготовили, облекли его в светлыя царския одежды. А стала смерть царевича гласна около полудня того дня, сие есть 26-го июня, якобы от кровянаго пострела умер...

Июня 27-го дня 1718 года, из С.-Петербурга. Ал. Румянцов.

Румянцов А. Казнь царевича Алексея Петровича. С. 413-415

Вероятно, Пётр велел келейно умертвить Алексея, чтобы царская кровь не была опозорена публичною казнию.

Терновский Ф. С. 20

О том, каким образом погиб царевич, на западе тоже ходили разные, противоречившие один другому толки. Собы-

тие это заключало в себе много таинственного представлявшего широкий простор воображению публики. В современных газетах встречались о процессе и кончине Алексея кое-какие отрывочные замечания; манифесты царя, относившиеся к делу Алексея, перепечатывались несколько раз на разных языках в виде брошюр. Уже около половины XVIII века начали являться более или менее полные рассказы о судьбе злосчастливого царевича. Так напр. на английском языке в переводе с французского подлинника, как кажется, не появившегося в печати, был издан сборник разных уголовных случаев, где рядом с французским заговорщиком Сен-Марсом (Cinq-Mars) и знаменитым испанским инфантом Дон-Карлосом, стоит и царевич Алексей. В этом сочинении смерть последнего объясняется следующим образом. Бумага, на которой был написан смертный приговор царевича, была пропитана ядом. Пётр, желая покончить с сыном до формальной казни, заставил несчастного взять в руки эту грамоту и прочитать в слух содержание ея, при чём яд так сильно подействовал на Алексея, что он немедленно умер.

Брикнер А. (2). С. 148

Наконец издатель дипломатических актов XVIII столетия Ламберти пишет, что, по словам одного знатного Руссаго, сам Царь отрубил царевичу голову, и когда тело было торжественно поставлено в церкви, голова так искусно была приложена, что нельзя было узнать об отсечении ея от трупа.

Все приведённые сейчас известия о смерти Алексея более или мене недостоверны. Настоящий свет на эту трагическую кончину проливает «Записная книга С.-Петербургской гварнизонной канцелярии».

Иловайский Д.И. (1). С. 63

Из Записной книги С-Петербургской гварнизонной канцелярии: «26 июня по-полуночи в 8 часу начали собираться в гварнизон его величество, свтлейший князь, князь Яков Федорович, Гаврило Иванович, Фёдор Матвеевич, Иван Алексеевич, Тихон Никитич, Пётр Андреевич, Пётр Шафиров, генерал Бутурлин; и учинён был застенок, и потом, быв в гварнизоне до 11 часа, разъехались. Того ж числа пополудни в 6 часу, будучи под караулом в Трубецком роскате в гварнизоне, царевич Алексей Петрович преставился».

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 284-285

Из книг «Гварнизона», то-есть Петропавловской крепости, видно, что в день смерти царевича, утром, Пётр с девятью сановниками, ездил в крепость и там «учинён был застенок», т.-е. производилась пытка, но над кем – о том не говорится.

Костомаров Н.И. (1). С. 840

В полном согласии с сим известием находятся «Подённые записки делам князя Меншикова», которые говорят о том, как этот день провел светлейший, однако без упоминания о застенке.

Иловайский Д.И. (1). С. 63

В 26 день (июня), то есть в четверток, его светлость в 6-м часу пополуночи встав и убрався, довольно дел отправлять изволил, к тому прибыли виц-губернатор Клокочов, полковник и камендант санктпетербурхский Бахмеотов и другие господа офицеры. И по розговорех его светлость отъехал в крепость, где и его царское величество быть изволил, потом были у царевича Алексея Петровича, которой весьма болен, и быв с полчаса, по розговорех розъехались. Его светлость, прибыв в дом свой, изволил кушать з домашними. После кушанья по отправлении дел был всё в покоях. В 5-м часу пополудни вышел в переднюю полату, где были полковник Лутковской и другие, с которыми розговаривая с час, отъехал ко всеночной к Троице в церковь, где и его царское величество и господа министры и сенаторы были. По отпуске оной розъехались. Его светлость, прибыв в дом свой, лёг опочивать.

День был при солнечном сиянии, с тихим ветром.

В тот день царевич Алексей Петрович с сего света в вечную жизнь преселился.

Труды и дни Александра Даниловича Меншикова. Повседневные записки по делам князя А.Д. Меншикова 1716-1720,

Во всяком случае, более чем вероятно: царевич подвергся третьему пыточному розыску, и на сей раз смертельному. Чего ещё, каких признаний от него могли добиваться его судьи и палачи, хотя и придумали новые опросные пункты... Конечно, добивались уже не признаний, а самой смерти. Только эта смерть могла упрочить наследие престола за маленьким сыном Екатерины и успокоить опасения за свою будущую судьбу как Екатерины, так и Меншикова. Тогда как первая показывала вид печали, последний даже не скрывал своего удовольствия после кончины царевича.

Иловайский Д.И. (1). С. 64

Вероятнее всего, царевич умер вследствие пытки: достоверно, что 26 июня утром в 8 часов его пытали в Трубецком роскате, а в 7 часов пополудни церковный колокол возвестил о кончине его.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 294

Рассказывали, что царевича пытали ещё до перевода его в крепость. Нет ни малейшего сомнения, что его пытали 18 и 24 июня, что ему было дано при этом случае 40 ударов. В этом может заключаться достаточная причина его смерти.

Брикнер А. Г. (1). Т. I. С.349

Отец пришёл навестить своего умирающего сына, и говорят, что он пролил слезы... Но, несмотря на эти слезы, друзья его сына были колесованы. Он приказал отрубить голову своему собственному шурина графу Лопухину, брату своей жены Оттокезы(?) Лопухиной, с которой он развёлся, и дяде царевича. Духовник царевича также поплатился головой.

Вольтер. (1). С. 37

Официальное сообщение о кончине Царевича сочинил Пётр Великий самолично. Вот как выглядит смерть Царевича, изображённая царём в рескриптах к заграничным дворам: «...сначала с ним сделался апоплексический удар, хотя он и пришёл опять в полную память, исповедался, причастился, и призвал к себе нас; мы к нему пришли со всеми нашими министрами и сенаторами, он перед всеми чистосердечно покаялся во всех своих преступлениях и просил у нас со слезами прощения, которое мы ему и дали, как подобает христианину и отцу; после сего 26 июня, в 6 часов пополудни жизнь свою христиански окончил»

Чистяков А.С. История Петра Великаго. Издание – Товарищества М.О.Вольфа 1903. С. 412

При страшной опасности, грозившей в то время всякому беседовавшему о подробностях кончины Алексея, нельзя удивляться тому, что те лица, которые могли знать и узна-

ли достоверно об этом факте, молчали, и что их молчание лишает нас пока возможности проникнуть в тайну кончины царевича .

Брикнер А. Г. (1). Т. 1. С.350

В 27 день, то есть в пяток, его светлость в 6-м часу пополуночи встав и убрався, изволил отъехать к господину генералу-адмиралу его сиятельству графу Апраксину. И по прибытии по обычайном комплементе розговаривая, купно прибыли к Троице, где и его царское величество быть изволил, которого поздравляя бывшею под Полтавою баталиею, слушали литоргию. По отпуске оной его царское величество и его светлость, и прочие господа офицеры вышли в строй и дан был по баталионам залф, между тем з болварков палили ис пушек. Потом прибыли на Почтовой двор, где учреждены были столы, и по малых розговорех кушали. После кушанья прибыли в сад его царского величества, где довольно веселились. Потом в 12-м часу розъехались по домам, его светлость по прибытии лег опочивать. День был при солнечном сиянии, с тихою погодою.

Труды и дни Александра Даниловича Меншикова. С. 234

Есть предание: в день смерти царевича торжествующий Меншиков увёз Петра в Ораниенбаум и там возобновил оргии страшного 1698 года.

Пушкин А.С. История Петра. С. 399

С. Петербург, 16 июня. Отрешённый от престола (gedegradeerde), Царевич Алексей Петрович, скончался 6 числа сего месяца. 8 числа приказал Царь перенести тело усопшаго Царевича в церковь Св. Троицы, где оно было выставлено до 10 числа, чтобы все могли его видеть. За тем последовало погребение в Православной церкви со всеми обрядами, установленными для предания земле особ Царственных фамилий. При сём находились Архиереи и прочее духовенство. Тело предано земле в семейном склепе Царской Фамилии, в новой соборной церкви. Царь и Царица со всем Царским Домом также присутствовали при погребении.

*Из сообщений тогдашних европейских курантов (газет).
Oprechte Haerlemse Dingsdaegse Courant, a. 1718, № 32*

В 27-м, в 28-м, в 30-м числах, по именному Его Царского Величества указу, за приписанием Господина Майора, Тайнаго Советника, от Лейб-Гвардии Капитана Петра Андреевича Толстаго, за покупное у С. Петербургских жителей купецких людей к погребению Царевича Алексея Петровича на устройство гроба, Михаилу Иванову за чёрный бархат за 14 ар. с четью, по 2 р. 25 алт. за аршин, и того 39 руб. 6 алт., Петру Семёнову за 8 аршин парчи золотой, по 13 рубл. за аршин, и того 104 руб.; ему же за сукно чёрное за 4 арш. 8 руб., за позумент серебрянной за 26 золотников, по полу-

полтине золотник, и того 6 руб. 16 алтын 4 деньги, Ивану Кузьмину за бумагу хлопчатую за 3 фунта 1 рубль 6 алтын 4 деньги; Василью Ахматову за сукно чёрное за 6 аршин по 60 алт. за аршин, и того 10 р. 26 алт. 4 деньги; ему же за камку белую за 12 аршин, по 23 алт. по 2 деньги аршин, и того 8 руб. 13 алт. 2 деньги; ему же за штучку полотна Голандскаго 18 руб., и того 196 руб. 2 алт. 4 деньги; да за покупное же у разных же людей мелочные потребности, Лейб-Гвардии Преображенскаго полку Сержанту Никифору Подуруеву, да Комендантскаго полку Писарю Алексею Алексееву, на расплату и раздачу за скобы, за гвозди, и за работу столярным и портным мастерам 21 человеку, и за свечи восковыя и за ладон и за холст, на котором гроб спущен, 11 руб. 6 алт. 4 деньги. Всего 207 руб. 9 алт. 2 ден., из помянутых Кикинских взятых с Москвы денег с росписками, а ладон и свечи и гвоздей на 3 руб. 10 алтынов куплено без росписки.

Из приходно-расходной книги Тайной Канцелярии розыскных дел в 1718 году. Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. Г.В. Есипов и М.П. Погодин. С. 113

Того ж числа, по именному Его Великаго Государя указу, за приписанием Тайнаго Советника и от Лейб-Гвардии Капитана Петра Андреевича Толстаго, да Генерала-Поручика Ивана Ивановича Бутурлина, для поминовения блаженныя памяти Царевича Алексея Петровича, дому Его Царскаго Величества служителю Михаилу Британу сто рублёв, из

взятых Его, Царевичевых, денег, которые взяты из дому Никифора Вяземскаго с роспискою, из приёму Подьячаго Григорья Павлова; росписки под указом.

Из приходно-расходной книги Тайной Канцелярии розыскных дел в 1718 году Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. Г.В. Есипов и М.П. Погодин. С. 113

Июня 26 числа в 7-м часу по полудни царевич Алексей Петрович в С. Петербурге скончался.

Июня в 27 день тело его Царевичево положено, по обыкновению, в уготованной гроб, который обит был кругом чёрным бархатом, и поставлено в том гробе в С. Петербургской крепости, в деревянных хоромах, которые, въехав в крепость в С. Петербургския Ворота, у соборной церкви, на правой стороне, близ комендантского двора; и читали над оным соборные священники попеременно псалтырь.

А июня 28 дня, по указу Его Царскаго Величества, тело его Царевичево вынесено в Церковь Пресвятыя и Живоначальныя Троицы, а на выносе онаго был Епископ Корельский и Ладожский, Архимандриты и Священники, да из Министров, Государственный Канцлер и Кавалер Граф Гаврила Иванович Головкин, да от Лейб-Гвардии Преображенскаго полка Майор Андрей Иванович Ушаков, да от Гвардии-ж Бомбандир Капитан-Поручик Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев.

И по выносе тела его Царевичева в Церковь Пресвятыя

Троицы при гробе читали Троицкие священники о. церковники непрестанно попеременно псалтырь.

Да при гроб-ж по погребению онаго, стояли от Лейб-Гвардии Преображенскаго полка по 2 человека сержантов, и дозволено было всякаго чина людям, кто желал, приходить ко гробу его Царевичеву и видеть тело его и с оным прощаться.

А июня 30 дня, по указу Его Царскаго Величества, повещено всем бывшим в С. Петербурге Архиереям, Епископам, Архимандритам и прочим духовнаго чина от всех церквей Священникам с причётниками, тако-ж всем Господам, Генерал-Фельдмаршалу и Кавалеру Светлейшему Князю Александру Даниловичу Меншикову и Министрам и Сенаторам, Генерал-Губернаторам, Вице-Губернаторам и от Лейб-Гвардии Преображенскаго и Семеновскаго полков и Гарнизонных штаб и обер-офицерам и С. Петербургским жителям и всем приезжим знатым Стольникам, Стряпчим, Ландрихтерам, Ландратам и Дьякам, и с дамами, чтобы были к погребению тела его Царевичева пополудни в 4 часа и съезжались к Троицкой Церкви и ожидали прибытия Его Царскаго Величества; и вышеписанныя персоны всех чинов того числа по 4-х часах к Троицкой Церкви съехались.

А пополудни в 7-м часу, изволил в Троицкую Церковь прийти Царское Величество и потом Ея Величество Государыня Царица Екатерина Алексеевна.

И отправлено, по закону христианскому, обыкновенное надгробное пение к погребению, с обыкновенною духовною

церемониею, и во время стиха «зряща мя безгласна», по прощении с телом его Царевичевым Архиереев и прочаго духовнаго чина, Царское Величество и Ея Величество Государыня Царица соизволили с телом его Царевичевым проститься и оное целовали, а потом гг. Министры и прочия персоны прощались и целовали тело его Царевичево в руку.

И по совершении надгробнаго пения, тело его Царевичево, покрыв кровлею гробовою, из Троицкой Церкви вынесли в С. Петербургскую Крепость к соборной церкви Святых Верховных Апостолов Петра и Павла, к уготованному к погребению онаго месту.

А вынос во гробе тела Его Царевичева к погребению был таким образом:

- 1) Несли Св. Икону.
- 2) За образом шли певчие.
- 3) После певчих шли Священники, Иеромонахи, Архимандриты и Архиереи.
- 4) Пред гробом шли Протодиакон и Диакон с кадила.
- 5) Несён гроб с телом Царевичевым.
- 6) За гробом изволил высокою своею особою идти Его Царское Величество.
- 7) А за Его Величеством шли вышеписанные господа Генерал-Фельдмаршал Светлеший Князь Меншиков, Министры, Сенаторы и прочия персоны.
- 8) А потом изволила идтить Ея Величество Государыня Царица, а за Ея Величеством госпожи, вышеписанных знат-

ных персон жёны.

9) Принесли оное к помянутой соборной церкви на уготованное место погребения с обыкновенным пением и молитвою, погребли близ гроба и тела супруги его.

10) И потом, по указу Его Царскаго Величества, духовныя персоны все и знатныя мирския званы в помянутые хоромы, откуда, по преставлении его Царевичевом, тело его было вынесено, и довольствованы в помяновение онаго обыкновенным столом, а духовныя особы и дачами, а потом разъехались.

11) И по погребении тела его Царевичева, у гробницы повелено честь в память его псалтырь, и поставлены из знатных дворян С. Петербургских жителей с переменою 4 человека, которым повелено быть до шести недель.

Записка преставлению и погребению царевича Алексея Петровича // Отечественные записки, 1842. – Т. 20. – Отд. 2. – С. 38-39

Думаете ли вы, мм. гг., что Петр в эти ужасные минуты своей жизни не занимался ничем более, кроме страшного розыска? Нет, он продолжал государственное свое делание так же тщательно и неутомимо, как будто б не происходило ничего необыкновенного. Ни одного дня в продолжение всего следствия и суда не происходило без какого-нибудь важного постановления. В самые решительные дни, например в день прибытия царевича в Москву, назначения суда, пыток,

приговоров, казней, мы находим указы о самых важных государственных вопросах: о соединении церкви восточной с западную, об устройстве коллегий, об учреждении и открытии полиции – и вместе о предметах второстепенной важности, и даже самых мелких и ничтожных, – о собирании натуральных уродов и всяких редкостей, о починке ветхостей, о разведении садов и рощ, о сохранении и употреблении лесов, о проведении каналов, об избрании должностных лиц, о содержании нищих, об учреждении фабрик, о строении судов, о обирании рабочих, о позволении и запрещении привоза товаров, о собирании недоимок – с подробными наставлениями, кому, что, когда и как всё это делать. Нужно ли прибавлять, что все сии распоряжения вызывались теми или другими нуждами, кои должно было рассматривать, проверять, обдумывать и потом уже решать... Судите же теперь, мм. гг., что это была за натура, и какова была крепость в его голове, неутомимость в его теле, твёрдость в его воле, и какова была... огнеупорность в его сердце, когда он в одно и то же время мог пытаться сына и мучить множество людей, углубляться в важнейшие умственные вопросы и разбирать судебные тяжбы, определять отношения европейских государств, вести счётные дела, мерить лодки, сажать деревья, думать о собирании уродов и пировать со своими наперсниками?

С такую силою духа и тела, вне всех человеческих размеров, напрасно он боялся за прочность своих учреждений. Россия, двинутая Петром в известном направлении, не мог-

ла физически совратиться в другую сторону, и только в наше время, чрез полтора года лет, начинает ощущаться ослабление данного им удара и народный толк начинает внушать многим мысль, не пора ли остановиться на этой дороге, передышать и одуматься.

Погодин М.П. (1). С. 456- 458

Из сообщения венского резидента Плеера: «В тот же день было празднование в новом Почтовом дворе Полтавской над Шведами победы, кончившееся против обыкновения в 7 часов вечера. В субботу 28 июня – 9 июля тело кронпринца перенесено унтер-офицерами первого полка гвардии из крепости в ближайшую соборную церковь, где оно стояло трое суток; каждый мог видеть умершаго и целовать ему руку. В воскресенье 29 июня – 9 июля, в день царскаго тезоименитства, был обед в Летнем дворце; оттуда гости собрались на адмиралтейскую верфь; там вечером спущен был красивый 94-пушечный корабль, построенный по чертежу самого Царя; все весело пили и пировали; ночью сожжён на берегу фейерверк, и общее веселие продолжалось до двух часов за полночь. При этом случае спрашивали чужестранные министры, будет ли объявлен им траур? Им отвечали: никакого траура не будет, потому что царевич умер как преступник.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 285-286

В 29 день, то есть в день его царскаго величества тезоиме-

нитства, его светлость в 9-м часу пополуночи встав и убрался, изволил выйти в переднюю полату, где довольно было господ от гвардии офицеров, которые его светлость тезоименитством поздравляя, довольно розговаривая, его светлость отъехал в город к литоргии, куда и его царское величество прибыть изволил. По отпуске оной розъехались по домам. Его светлость прибыл в дом свой купно с их сиятельства князьями Голицыны, к тому ж прибыли от гвардии господа маеры Ушаков, Скорняков-Писарев и купно кушали. После кушанья бавясь до 4 часу пополудни, дан сигнал ис пушек для съезду к спуску карабля, куда купно все отъехали. Его светлость, прибыв, купно при его величестве в приуготовлении онаго трудитца изволил. Потом оной в 7-м часу пополудни с помощиею Божиею на воду щастливо спустили, на которой прибыв, довольно его царскому величеству поздравляя, веселились. Между тем с поставленного фрегата ис пушек палили, в 11-м часу был фейверок, которой действовал по воде. По окончании онаго в 1-м часу пополуночи розъехались по домам. Его светлость, прибыв в дом свой, лег опочивать. День был при солнечном сиянии, с тихим в море ветром.

Труды и дни Александра Даниловича Меншикова. С. 234-235

30 июня 11 июля вечером в 9 часов тело положено в могилу в крепости в новой церкви подле кронпринцессы, бла-

женной памяти; на выносе были Царь с своими министрами, царица, всё высшее духовенство, знатные особы и простой народ. Во время шествия, каждую минуту перезванивали в колокола, как при погребении морского офицера, с пушечными выстрелами. Чужестранные министры приглашены не были.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 286

Гамбург, 2 Августа. По полученным из С. Петербурга сведениям, тело покойнаго Царевича, быв в продолжение нескольких дней, по приказанию Царя, выставлено в обитом чёрным бархатом гробе, в церкви св. Троицы, где все желавшие могли его видеть, и дозволено было прикладываться к его руке, предано земле в крепостном соборе, возле его супруги.

*Из сообщений тогдашних европейских курантов (газет).
Oprechte Haerlemse Dingsdaegse Courant, a. 1718, № 32*

Суд народный над Петром. Окончательного приговора пока нет...

Трубецкой раскат Петропавловской крепости и сырия его стены остались единственными дожившими до нас свидетелями последних минут страдальца. Но в тех стенах были живые люди, не одни только те, которые решали судьбу царевича: тут были и исполнители приговоров, – палачи, солдаты, сторожа, мастеровые; у них были жёны, дети, родственники, друзья, знакомые. Возвращаясь домой, под страшную тайною, передавали они своим ближним виденное и слышанное. От одного переходили к тысячам, и суд народный, не слышный, невидимый, шёл рядом с судом государственным. Как ни старался Пётр запираť Петербург, запрещая по всем заставам выезд, как ни хлопотал он о сохранении тайны, издавая даже указ, чтоб никто, под смертною казнью, не смел писать в затворённой комнате о происшедших событиях, – народ знал, что делалось с царевичем, слышал и говорил, что он умер не своею смертию.

Есипов Г.В. Люди старого века. Рассказы из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии. СПб. 1880. С. 126-127. Далее: Есипов Г.В. (3). С указанием страницы.

Расстриженный епископ Досифей не напрасно говорил на соборе, снимавшем с него святительское облачение: «один только я попался в этом деле; извольте только пустить ухо в народ, не все ли то же говорят?».

Терновский Ф. С. 18

После скоропостижной кончины Царевича Алексея Петровича в Петропавловской крепости, в народе распространены были слухи, что Царевич кончил жизнь насильственной смертью, Тайная Канцелярия преследовала и жестоко наказывала разглашателей. Генваря 9 дня, сего 722 года, при письме от Секретаря Ивана Топильскаго, некоторые колодники, жёнка Марья Обросимова дочь, да столяр Василий Королёк, из С. Петербурга присланы, а в распросах сказали Генваря в 10-м числе. Марья, в болезни своей, при исповеди отцу своему духовному назначила, а потом в распросе сказала: ...А именно, что, де, в разговорах оной Королёк говорил с нею: Пока, де, Государь здравствует, по то, де, время и Государыня Царица жить будет; а ежели, де, его, Государя, не станет, тогда, де, Государыни Царицы и Светлейшаго Князя Меншикова и дух не помянется, того для, что, де, и ныне уже многие великому Князю (сыну царевича Алексея) сказывают, что, де, по Её, Государыни Царицы, наговору Государь Царевича своими руками забил кнутом до смерти, а наговорила, де, она, Государыня Царица, Государю так: Как,

де, тебя не станет, а мне, де, от Твоего сына и житья не будет; и Государь, де, послушав Её, Государыни Царицы, и бил его, Царевича, своими руками кнутом, и от того он Царевич и умер... Она же говорила: Государь Светлейшему Князю говорил: Данилович! покуль, де, я жив, потуль, де, и ты, а без меня, де, не дадут тебе долго жить...

Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. Г.В. Есипов и М.П. Погодин. С. 136

Вот что можем узнать из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии. В 1721 году поп Игнатий говорил: «Слышал он, что в С.-Петербурге государь собрал в Сенат архиереев и других многих людей и говорил, чтоб дать суд на царевича за непослушание, и тогда ж в ту палату вошёл царевич, не снял шапки перед государем и сказал: «Что мне, государь батюшка, с тобою судиться? Я завсегда перед тобою виноват», и пошел вон, а государь молвил: «Смотрите, отцы святии, так ли дети отцов почитают!» И приехал государь в свой дом, царевича бил дубиною, и от тех побоев царевич и умер. Царя дважды хотели убить, да не убьют: сказывают ему про то нечистые духи».

Соловьев С.М. (1). Т. XVII. С. 146

В сентябре 1717 г. знаменитый руководитель Преображенского приказа князь Фёдор Юрьевич Ромодановский умер. «Со всегорестными слезами окончным сиротством моим», писал Петру сын князя Иван: «ко вашему царска-

го величества покрову притекая, молю, дабы напоми-
нем служб к пресветлейшему царского величества маестату
бывших от отца моего, я во всеконечном сиротстве моём
милостивым вашего величества повелением и призрением
не был оставлен». Пётр назначил сына Ромодановского на-
чальником Преображенского Приказа и 19 января 1718 г.,
во время следствия над царевичем Алексеем Петровичем,
повторил указ 1715 г. о доносе «по слову и делу» (когда
всякое словесное оскорбление величества (лат. *crimen laesae
majestatis*) и неодобрительное слово о действиях государя
подводились под понятие государственного преступления,
караемого смертью: под страхом смертной казни установле-
на была обязанность доносить о преступлениях против Его
величества (сказывать слово и дело государево); лиц, «ска-
зывающих» за собою слово и дело, а также и тех, на кото-
рых «сказывалось» слово и дело, повелено было присылать и
приводить из всех мест в Преображенский приказ; затем по-
следовал указ, чтобы посадских людей, «сказывающих за со-
бою слово и дело», расспрашивать предварительно в ратуше,
в Преображенский же приказ посылать только тех, «о коих
по расспросу подлинно окажется, что они знают нечто каса-
ющееся особы государя» – Е.Г.). В это же время образова-
лась сама собою, одним почерком пера известного Скорня-
кова-Писарева, Канцелярия тайных розыскных дел, из кото-
рой впоследствии учреждена Тайная канцелярия. Таким об-
разом, с 1718 г. дела о слове и деле поступали одновременно

в Преображенский Приказ и в Канцелярию тайных розыскных дел. Последняя занималась преимущественно исследованием по доносам на лиц, заподозренных по делу царевича и царицы, монахини Елены. Впрочем, и в Преображенский Приказ попадались дела, возникавшие от пустой болтовни и сплетен, распространённых в народе о царевиче. Народ, а в особенности низшее духовенство, любили и жалели царевича; даже в женских монастырях повторялась болтовня об Алексее Петровиче. Разносились слухи, что царевич ещё жив, что он уехал с Борисом Петровичем Шереметевым неведомо куда, что донские козаки не хотят меньшому царевичу (Петру Петровичу) служить, а просят большего царевича, при этом повторялись давно распространённые слухи в народе, что на царстве не прямой царь, что царица Наталья Кирилловна родила царевну и её обменяли, а взяли царя в Немецкой слободе у немки и пр. и пр. Сочувствия к царевичу и сомнения, что Пётр не русский уроженец, сделались предметом многочисленных доносов о «слове и деле». Выпишем некоторые дела из Преображенской Канцелярии и канцелярии тайных розыскных дел.

...Басманной слободы жилец Мокатенинов донёс (марта 14, 1719 г.), что Благовещенского собора сторож Еремей говорил ему наедине: «Как-де будет на царстве наш государь царевич Алексей Петрович, тогда-де государь наш царь Пётр Алексеевич убирайся и прочие с ним, и смутится-де народ: он-де, государь, неправо поступил к нему, царевичу».

Разумеется, сторожа Еремея попытали, посекали кнутом и отправили в Сибирь.

...Один нищий проходил через деревню и попросился у мужика погреться (1719).

– Откуда идешь? – спросил хозяин.

– Из Петербурга.

– А что в Питере делается? – спросил дьячок, бывший в гостях у крестьянина.

– Меншиков убил царевича, а царевича сын жаловался на него, Меншикова, о том государю своему деду, и государь Меншикова сковал.

В разговорах, на свою беду, нищий рассказал, чей он крестьянин и из какой деревни. Через год дьячок поссорился с крестьянином-домохоозяином и донёс на него «слово и дѣло» в слышании рассказов нищаго. Дьячок, крестьянин и нищий биты кнутом и без ноздрей отправлены в Сибирь в каторжную работу.

...В Астрахани поссорились подьячие (1719). Один из них явился к астраханскому губернатору Артемию Волынскому, и объявил «слово и дело» такое: что товарищ его подьячий Григорий Емельянов сочиняет письма против чести государевой. Волынский сковал доносчика и Григория Емельянова, забрал у них все бумаги и отправил в Преображенский Приказ. Вот письмо, о котором доносчик показывал на Емельянова: «Лежит дорога, через ту дорогу лежит колода, по той колоде идёт сам сатана, несёт кулёк песку, да ушат во-

ды; песком ружьё заряжает, водою ружьё замывает; как в ухе сера кипит, так бы в ружье порох кипел, так бы оберегатель мой навсегда бодр был, а монарх наш царь Пётр буди проклят, буди проклят, буди проклят». Емельянов в допросе объяснил, что нашёл это письмо года с три тому назад в огороде Зарайского купца. Судьба Емельянова остаётся неизвестною, потому что дело оканчивается перепискою об отыскании купца.

Есипов Г.В. (3). С. 79-81

Из следственного дела о том же столяре Корольке очевидно явствует, что в народе ходили слухи о ненависти Меншикова и Императрицы Екатерины к Царевичу, от которого ждали они себе гибели по смерти Государя. По сей причине старались они возбудить Петра против Алексея. По окончании его, в последствии времени, даже малолетнему сыну его, вступившему после на престол под именем Петра II, внушаемо было, что отец его, Царевич Алексей Петрович, был забит кнутом по наговорам мачихи. Следствие по слухам производилось уже в 1721 году, и виновные, столяр Королёк, его любовница и старуха Варвара Кулбасова, принадлежавшие к дому Князя Меншикова, были жестоко наказаны. Из этого же дела видно о слухах того времени, что Царицею выходило быть светлейшей Княгине Меншиковой, и что случайно эта доля досталась Екатерине.

Собрание документов по делу царевича Алексея Петрови-

Колодники говорили: «Захотели вы у государя милости: он и сыну своему, царевичу, своими руками голову отсёк!»
Другие говорили, что запытал.

Соловьев С.М. (1). Т. XVII. С. 141

Царевич гнил в земле, а дело его всё ещё продолжалось...

Костомаров Н.И. (1). С. 840

«Его преступление в том, что он был слишком русским»

Царевич Алексей, сын царя, который, как говорят, как и он, женился на крепостной и, как и отец, тайно покинул Россию, не имел подобного успеха в обоих предприятиях, дурное подражание отцу стоило сыну жизни; это был один из самых ужасных примеров жестокости, который когда-либо был продемонстрирован с высоты трона... великое преступление несчастного Алексея состояло только в том, что он был слишком русским и не одобрял всего того, что его отец делал великого и бессмертного во славу народа.

Вольтер. (1). С. 35

Историческая Немезида не замедлила поразить Петра в самое сердце: в 1719 году умер объявленный им наследником престола маленький царевич Пётр Петрович.

Иловайский Д.И. (1). С. 66

Нет ни одного известия, чтобы Пётр когда-нибудь пожалел о своём безвременно погибшем сыне. Впрочем, может быть, по смерти своего наследника Петра Петровича, (царевич Пётр Петрович, сын Петра I от Екатерины Алексеевны, объявленный наследником помимо царевича Алексея и его

сына Петра Алексеевича, родился в Санкт-Петербурге 29 октября (9 ноября) 1715 года, скончался 25 апреля (6 мая) 1719 года. – Е.Г.) когда Пётр предавался припадкам сильнейшей горести, запирался по целым суткам, никого не пускал к себе и погружался в грустные размышления, может быть, тогда, размышляя о том, что Русь осталась без наследника, Пётр вспомнил о своём несчастном первенце и пожалел о его безвременной смерти, впрочем, это только может быть...

Терновский Ф. С. 34

Жалкий, забитый царевич Алексей обнаружил не малую наблюдательность и даже недюжинный природный ум некоторыми своими суждениями (конечно, в близкой ему среде), об отцовских действиях и мероприятиях. Между прочим, он метко предсказал скорое наступление бабьего царства и предчувствовал грядущее господство на Руси немцев. Насильственное устранение его от престола более всего принесло пользу сим последним, а для русского народа отнюдь не было благодеянием.

Иловайский Д.И. (1). С. 68

Здесь можно было бы сказать о том, что именно в различном отношении к совести, мы находим существенное различие между Петром В. и Иоанном Грозным. Обоих венценосцев часто сравнивали между собою и, должно сказать, не без основания. В их жизни и характере много сходного. Оба

были очень умны, суровы, и самовластны; оба царствовали подолгу; оба оставили по себе прочную память в народе и вечный неизгладимый след в истории нашего отечества. Есть значительное сходство в отдельных фактах их жизни. Оба стремились проложить доступ к Балтийскому морю и потому вели долгие и упорные войны в прибалтийских областях; оба в течение своего царствования не раз повторяли кровавую трагедию пыток и казней; оба, дабы насладиться самоощущением безграничной силы, сажали на престол подданных, а сами нисходили в круг простых людей, отметили все атрибуты царского достоинства, но удерживали при себе всю власть. Иван Грозный посадил на престол Симеона Бекбулатовича, а сам съехал с царского двора и стал именоваться Иваном Московским; Пётр нарёк Ромодановскаго Кесарем, говорил ему: Ваше Величество, а сам назвался Петром Шкипером. Наконец – что всего важнее для нас – оба были виновниками смерти собственных сыновей... Если припомнить притом, что Пётр из всех своих предшественников наиболее симпатизировал Ив. Грозному, то сходство обоих государей становится разительным. Но при всём сходстве есть и различие... Душа Иоанна была постоянно волнуема нравственными и религиозными вопросами, совесть постоянно беспокоила его; никакие казуистические толкования и извинения не могли успокоить её; от того жизнь Иоанна была преисполнена внутренней борьбою и душевными страданиями. «Угрызение совести без раскаяния», так определя-

ет Карамзин состояние души Иоанна. От этого в поступках Иоанна замечаются значительные неровности: он то ударялся в аскетизм, надевал монашескую рясу, думал подвигами покаяния и умерщвления плоти загладить свои грехи перед Богом; то снова бросался в разврат и жестокости, думая этим заглушить неумолкаемые упрёки совести. Пётр был не таков; в нём не замечается таких крупных переходов от разгульной жизни к аскетизму; он был постоянно ровен и верен себе; нравственные вопросы его не беспокоили; совесть его не мучила и странно было бы предполагать, что Пётр, когда бы то ни было, мог оставить государственную деятельность, надеть монашеский клобук и предаться подвигам покаяния и умерщвления плоти. – В истории убиения сыновей всего лучше сказалось внутреннее различие обоих государей. Иоанн убил сына нечаянно, в припадке гнева, и потом горько плакал, молил врачей о возвращении несчастному жизни, называл себя сыноубийцею, говорил, что ему не следует царствовать, а остаётся только удалиться в монастырь и в тихом уединении оплакивать свои грехи, говорил, что Бог лишением сына покарал его за прежние преступления, наконец, послал в Палестину несколько тысяч рублей на поминовение души убиенного Иоанна. Напротив того, Пётр вел борьбу с сыном несколько лет, судил его несколько месяцев, был виновником его смерти обдуманым и сознательным. Наложивши свой тяжкий гнев на сына при его жизни, Пётр, по-видимому, не простил сына и по смерти. После кончины

царевича Пётр веселился довольно, как бы избавившись от личного врага, не велел носить по нём траур, признавая его государственным преступником, называл его злодеем и врагом государя и отечества...

Терновский Ф. С. 35-36

...Пётр скончался, не успев никого назначить после себя, и русский престол сделался игрищем в руках придворных партий и петербургской гвардии; но желание русского народа в таких случаях Петербург уже не спрашивал. Как, уважаемый Петром и сродный ему по жестокости и кровопийству, Иван Грозный убийством старшего сына прекратил династию Св. Владимира и тем вызвал смутное время на Руси, так и Пётр убийством своего первенца прекратил династию Романовых (т.-е. её мужескую линию), и за ним последовало подобие смутного времени, пока престол не укрепился за потомством его дочери, Анны. Подобно Грозному, он своими пытками и казнями сломил все попытки к отпору его нововведениям и довёл царскую власть до ничем не ограниченного самовластия; вместе с тем ещё более испортил народный характер, усиливал в нём раболепие. А главное, своим пристрастием к иноземцам, полным унижением родовой русской аристократии, отменой Боярской думы (разумея вместе с нею и Священный собор) и водворением бюрократии, переполненной на верхних ступенях немцами, он приготовил немецкое господство на Руси.

Различие внутренней жизни Петра В. и Иоанна отразилось и в их физиогномиях. Лицо Иоанна изрыто морщинами; взор суровый и мрачный; на всей физиогномии лежат следы многих душевных бурь, потрясений и страданий. Это лицо страстное, но вместе и страдальческое. – Взор Петра полон, огня и бодрости, лицо носит выражение энергии, силы воли и озабоченности текущими интересами, но ни малейших следов того, что называется душевными страданиями.

Терновский Ф. С. 34

Он часто выступал с речами при дворе и в своём совете. В одной из этих речей он сказал, что он принёс своего сына в жертву благу своих подданных.

Вольтер. (1). С. 45

Он устранил сына, и вместо последнего, спустя только 5-6 лет после кончины царя, управление Россией захватила группа немецких дельцов, с проходимцем Бироном во главе. Этот проходимец, как правитель России, есть всецело следствие Петровских преобразовательных крайностей: после Алексея Михайловича он был невозможен, а после Петра сделался не только возможностью, но и действительностью. Немецкое господство воспользовалось именно указанными сторонами Петровой деятельности, чтобы легко

устранить всякое себе противодействие, т.-е. воспользовалось всею полною неограниченной верховной власти, унижением родовой знати и церковной иерархии, а также рабочими привычками, внедрёнными русскому обществу при помощи застенка и топора.

Иловайский Д.И. (1). С. 67

Все интересы Петра сосредоточивались исключительно на административной деятельности: нравственные вопросы были почти совершенно чужды ему. Всякий поступок Пётр оценивал не по сообразности его с нравственным законом, но по мере его пользы или вреда для государственного благоустройства. По этому самому душа Петра в нравственном отношении была как бы *tabula rasa*; нравственные идеи почти не имели в ней места.

Терновский Ф. С. 33

Культурный разрыв наружно европеизированных высших классов с народною массою, а также недостаток единения царя с коренным русским народом начались именно с Петра Великого. Этот недостаток единения поддерживался и усиливался, благодаря в особенности немецким бракам, какие явились одною из наиболее упрочившихся петровских реформ.

Иловайский Д.И. (1). С. 68

...Есть исторические взгляды, которые во всяком явлении видят что-то неизбежное, необходимое, и самих исторических лиц принимают за проявление какого-то фатума, действующего как бы по неволе и по предопределению судеб, считая их исключительно воплощениями той или другой идеи; если отстранить, таким образом, всякую солидарность между историческими лицами и их деяниями, то мы логически дойдём до безразличия между добром и злом и совершенно оправдаем казни Грозного или гильотину комитета общественной безопасности во Франции. Под этим углом воззрения безчеловечный розыск и суд по делу царевича Алексея представится явлением очень естественным, как преследование всякаго даже намёка на возможность затормозить когда-нибудь дело Петровской реформы, при возможности торжества партии, придерживавшейся старины и видевшей в царевиче своего будущего главу. У нас даже привыкли видеть в этом случае со стороны Петра какой-то геройский, великодушный поступок для спасения России, жертву любящего отца, котораго чувства подавлены мудростью монарха. Это один из случаев лжи и лести, о которых мы говорили и которые теперь должны исчезнуть перед очевидностию. Недовольно быть великим историческим деятелем, чтобы ради этого простилось всё. Это было бы уж чудно покойно для таких деятелей и слишком опасно для человечества, которым они играли бы по произволу, не заботясь уже вовсе о суде потомства и истории. Как ни велик

Пётр, но и он не уйдёт этого суда, столь же неумолимого, но более справедливого, чем суд его над собственным сыном, и история обвинит его в этом случае как властителя, как отца и как человека.

М. Лонгинов. С. 4-5

Заклучим всё дело на основании актов государственных архивов в С.-Петербурге, и в Вене. На допросе было более 50 лиц; в том числе царица-инокиня Елена (Евдокия), царевна Мария, епископ Досифей, Авраам Лопухин, Александр Лопухин, Александр Кикин, Степан Глебов, князь Василий Долгорукий, князь Семён Щербатый, игуменьи, старицы, княгини Троекурова, Львова, Голицына. Некоторые пытаны три и четыре раза; девять человек казнено; столько же сослано в каторгу; еще более в Сибирь и в дальние края.

Устрялов Н. (1). Т. VI. С. 176

Смерть сына, которого надлежало наказать или лишить наследства, опозорила память Петра, и только теми благодеяниями, коими одарил он народ свой, может быть, заслужил он всё-таки себе прощение?

Вольтер. (2). История Карла XII, короля Швеции, и Петра Великого, императора России. Санкт-Петербург, Лимбус Пресс, 1999. С. 26

Какой же приговор произнесём мы Петру по его де-

ду с сыном, соображая все вышепредложенные обстоятельства?.. Перед лицом трудов, им совершенных, обращаясь волюю-неволю в кругу, им ещё очертанном, живя жизнью, так или иначе, им определённую, мы, русские, можем только молиться об отпущении ему его согрешений и об упокоении его души.

Господи! Прости ему его согрешения и упокой его душу.

Погодин М.П. (1). С. 460

Источники

Андрей Нартов. Достопамятные повествования и речи Петра Великого. Россию поднял на дыбы Т.2. М.: Молодая гвардия, 1987

Бергман В. История Петра Великого. В 6 т. Т. 4. Соч. Вениамина Бергмана; Пер. с нем. Егор Аладьин. – СПб.: Тип. К. Вингебера, 1833

Брикнер А. Г. (1). История Петра Великого: В 2 т. Т. 1. – М.: ТЕРРА, 1996

Брикнер А. (2). Царевич Алексей Петрович в произведениях иностранных драматургов и беллетристов // Исторический вестник, 1880. – Т. 3. – № 9. – С. 146-158. – Сетевая

Вебер Ф.Х. Преображенная Россия Текст воспроизведён по изданию: записки вебера // русский архив. № 6. 1872. Стлб. 1106

Вильбуа. Рассказы о российском дворе. // Вопросы истории. №12, 1991.

Вольтер. (1). Анекдоты о Петре Великом. Пер с франц., коммент. и вступ. ст. С.А. Мензина М. 2004

Вольтер. (2). История Карла XII, короля Швеции, и Петра Великого, императора России. Санкт-Петербург, Лимбус Пресс, 1999

Герье В. (1). Кронпринцесса Шарлота, невестка Петра Великого 1707-1715. По неизданным письмам. Вестник Европы. Санкт-Петербург, 1872, т. III.

Голиков И.И. (1). Деяния Петра Великого, мудраго преобразителя России, собранные и достоверных источников и расположенные по годам. Сочинение И.И. Голикова. Том седьмой. Издание второе. М. 1838

Дело царевича Алексея Петровича по известиям голланд-

ского резидента де-Биэ. Русский архив. 1907. II (7)

Дневник камер-юнкера Берхгольца, ведённый им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 год. Ч. 1-4. М., 1902-1903. С. 104

Достопамятные сказания о жизни и делах Петра Великого, собранные редакцией журнала «Русская старина». С.-Петербург, 1876

Записки Вебера // Русский архив. № 6. 1872

Е. Лихач. http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/

Есипов Г. (2) Кабачок Мартышка. Русский вестник. 1860. Т. 30. Ч. I

Есипов Г.В. (3). Люди старого века. Рассказы из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии. СПб. 1880

Есипов Г.В. (1). Царица Евдокия Фёдоровна. Русские достопамятности. Т. 1, выпуск 5. М. 1863

Записка преставлению и погребению царевича Алексея Петровича // Отечественные записки, 1842. – Т. 20. – Отд. 2.

Из ответов царевича Алексея на розыске в Москве. Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т. VI. Царевич Алексей Петрович. С.-Петербург, 1859

Из отчёта голландского резидента де-Бие своему правительству о допросе, устроенном ему в канцелярии канцлера Головкина. Цит по: Дело царевича Алексея Петровича по известиям де-Бие. Русский архив. 1907. II (7)

Из отчёта о показаниях царевича Алексея Венскому двору. Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т. VI. Царевич Алексей Петрович. С.-Петербург, 1859

Из отчёта голландского резидента де-Бие своему правительству о допросе, устроенном ему в канцелярии канцлера Головкина. Цит по: Дело царевича Алексея Петровича по известиям де-Бие. Русский архив. 1907. II (7)

Из показаний камердинера царевича Алексея Ивана Большого-Афанасьева. Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т. VI. Царевич Алексей Петрович. С.-Петербург, 1859

Из примечаний публикатора мемуаров маркизы Креки де Д.Д. Рябикина. Русская старина, 1874. – Т. 11. – № 10

Из приходно-расходной книги Тайной Канцелярии розыскных дел в 1718 году. Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича вновь найденных Г.В. Есиповым с приложением рассуждения М.П. Погодина. М. 1861

Из сообщений тогдашних европейских курантов (газет). *Oprechte Haerlemse Dingsdaegse Courant*, а. 1718, № 4, 14, 15, 16, 23, 26, 30, 31, 32, 36, 37

Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия. Труд и издание Архимандрита Никифора. М.: 1891. С. 14-15

Иловайский Д.И. (1). Пётр Великий и царевич Алексей. Русский архив. 1912. Книга 3, № 9. С. 7

Карамзин Н.М. Записки о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. В сб. *Быть России в благоденствии и славе. Послания великим князьям, царям, императорам, политическим деятелям о том, как улучшить «государственное устройство»*. М. Изд «Пашков Дом, 2002

Коллинс Самуэль. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне Сочинение Самуэля Коллинса, который девять лет провел при Дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича. М. 1846;

Утверждение династии. М. Фонд Сергея Дубова. 1997

Конисский Георгий, архиепископ. История Руссов. СПб, 1846

Корб И.-Г. Дневник поездки в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента. Цит. по: Рождение империи. М. Фонд Сергея Дубова. 1997

Костомаров Н.И. (2). Исследования, документы. Царевич Алексей Петрович (по поводу картины Н.Н. Ге). М. Книга. 1989

Костомаров Н.И. (1). Русская История в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Книга I-III. СПб. 1876

Котошихин Г.К. О России, в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина. Издание археографической комиссии. СПб. 1859

М. Лонгинов. Из рецензии на VI том «Истории царствования Петра Великого» Н. Устрялова. Сборник Общества любителей российской словесности. М., 1859. № 32, отд. II. С. 11

Маркиза Креки де. [Мемуары. Фрагмент] / Пер., излож.

Масси Р.К. Петр Великий. В 3 томах. /Пер. с англ./ Смоленск.: Русич. 1996. Т. 3

Мурзакевич Н.Н. Письма царевича Алексея Петровича к его родителю государю Петру Великому. Одесса. 1849

Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. Издание третье. М.: «Мысль». 1989

Пастор Бюшинг, издатель и первый комментатор записок Бассевича. Цит по: Записки о России при Петре Великом, извлеченные из бумаг графа Бассевича, который жил в России, состоя при особе Голштинского герцога Карла Фридриха, женившагося на дочери Петра Великаго Анне Петровне. Перевод с французскаго И. Ф. Амона. Москва, 1866

Перри Д. Другое и более подробное повествование о России // Чтения императорского Общества Истории и Древностей Российских. №. 2. М. 1871

Письма и бумаги императора Петра Великого. Том 9, выпуск первый (январь-декабрь 1709 года). Издательство Академии наук СССР. М.-Л.1950

Письма Русских государей и других особ царского семейства, III. Переписка царевича Алексея Петровича и царицы Евдокии Фёдоровны. Москва. 1862

Письмо Никифора Вяземского – царю Петру. 2 июня 1696. Труворов А.Н. Русская старина, 1991. – Т. 70. № 6

Погодин М.П. (1). Суд над царевичем Алексеем Петровичем. Эпизод из жизни Петра Великого. В сб. Непотребный сын. Судна царевичем Алексеем Петровичем. Сост. Р.И. Беккин. – СПб.: Лениздат. 1996

Полное Собрание Законов Российской империи, том I № 234 , том II № 868. СПб. 1830

Пушкин А.С. История Петра. Подготовительные тексты. ПСС в 10 т. Изд. «Наука». М. 1965. Т. IX

Румянцов А. Казнь царевича Алексея Петровича, письмо А. Румянцева к Д. И. Титову. Русская Старина, 1905, август

Семевский М.И. (1). Кормилица царевича Алексея. СПб. 1861

Семевский М. (2). Русские пытки. Исторический очерк. Русский архив, № 37

Семевский М. (3). Царица Евдокия Федоровна Лопухина. // РВ. 1859. Т.21. №10

Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича вновь найденных Г.В. Есиповым с приложением рассуждения М.П. Погодина. М. 1861

Соловьев С.М. История России с древнейших времён. М.: «Мысль». 1988. Т. XVII

Ступин М. История телесных наказаний в России от судебныхников до настоящего времени. Владикавказ. 1887

Терновский Ф. Император Пётр I в его отношениях к царевичу Алексею. Киев. 1911

Труды и дни Александра Даниловича Меншикова. Повседневные записки по делам князя А.Д. Меншикова 1716-1720, 1726-1727 гг., журнал 1718 года. Российский Фонд культуры. М. 2004

Тургенев А.И. Обзорение известий о России в век Петра Великого, извлечённых Д. Ст. Сов. А. И. Тургеневым из разных актов и донесений французских посланников и агентов при русском дворе. Статья вторая. – [Санкт-Петербург,

Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т. VI. Царевич Алексей Петрович. С.-Петербург, 1859

Хакобо Фитц Джеймс Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика. Донесение о Московии в 1731 году // Вопросы истории. №5, 1997

Чистяков А.С. История Петра Великого. Издание Товарищества М.О. Вольфа. 1903

Эйдельман Н. Из потаённой истории России XVIII-XIX веков. М., «Высшая школа», 1993

Эрнст-Август, герцог. Цит. по: Царевич Алексей Петрович в Германии. Русский архив. 1903. № 3

Сведения об авторах цитируемых источников

Андрей Константинович Нартов (1693—1756), русский учёный, механик и скульптор, статский советник, член Академии наук (1723—1756). Ему принадлежат: «Достопамятные повествования и речи Петра Великого» (в «Сыне Отечества» 1819 г. и в «Москвитяине» 1842 г.). В 1885 г. были напечатаны в «Русском Архиве» «Рассказы и анекдоты о

Петре Великом», из которых многие взяты у Нартова.

В. Бергман (1772—1856), лифляндский писатель, автор многотомной Истории Петра Великого. При создании глав, посвященных гибели царевича Алексея Петровича, автор широко использовал и цитировал документы, собранные в VI части «Деяний Петра Великого...» (М., 1788) И.И. Голикова (1735—1801), единственного в то время серьезного источника по изучению петровского царствования. В. Бергман приводит выдержки из манифеста 3 февраля 1718 г. об отречении Алексея Петровича от престола с перечислением его «преступлений», ответы царевича во время допросов, показания его наперсницы Ефросиньи, письмо Евдокии Лопухиной Петру I и др.

Александр Густавович Брикнер (24 июня (5 августа) 1834, Санкт-Петербург – 3(15) ноября 1896, Йена) – русский историк немецкого происхождения, профессор кафедры истории Дерптского университета. Занимался, главным образом, исследованием процесса европеизации России. В двухтомной «Истории Петра Великого» А. Г. Брикнеру удалось хорошо исследовать личность царя, особенности его характера, ума и неутомимой деятельности. Особое внимание автор уделяет важности внутренних преобразований, а не успехам на международной арене.

Пастор Бюшинг, издатель и первый комментатор записок Бассевича. Бассевич, Геннинг-Фридрих (нем. von Bassewitz, Henning Friedrich) (6 ноября 1680 – 21 декабря 1748) – граф, президент тайного совета герцога Шлезвиг-Голштинского Карла-Фридриха. Бассевич оставил после себя мемуары, обнародованные после его смерти под заглавием: «Записки графа Бассевича, служащие к пояснению некоторых событий из времен царствования Петра Великого».

Ф.-Х. Вебер, ганноверский резидент в Петербурге (впервые прибыл туда в начале 1714 г.). Несколько раз он совершал сравнительно непродолжительные поездки в другие российские города. Ему мы обязаны фундаментальным трудом о нашей стране, вышедшим тремя частями с общим названием «Преображенная Россия». Одним из лучших, созданных современниками-иностранцами о России эпохи Петра I.

Франц (Никита Петрович) Вильбуа был выходцем из Франции, где начал морскую службу в 1690 году. Через два года в ходе морского сражения он попал в плен к англичанам, которым был затем принят на службу. В начале 1698 г. из Англии в Голландию была послана эскадра чтобы перевезти Петра I со свитой в Лондон. Вильбуа находился на одном из ее военных кораблей. Он понравился царю за смелость и находчивость, проявленные во время шторма после

чего был принят на русскую службу. Вильбуа сопровождал Петра I в Англии и Голландии и далее, тоже почти постоянно, находился при царе, отлучаясь лишь для выполнения его поручений.

Вольтер (Voltaire) [псевдоним; настоящие имя и фамилия Мари Франсуа Аруэ (Arouet)] (21.11.1694, Париж, – 30.5.1778, там же), французский писатель, философ, историк. Член французской академии (1746).

Герье, Владимир Иванович (1837-1919)(8), забытый русский историк, сотрудник лучших общественно-политических и литературных российских журналов своего времени.

Голиков Иван Иванович (1735 – 1801) – русский историк, автор трудов о деятельности Петра I. Основанные на большом документальном материале «Деяния Петра Великого» и Дополнения к ним подвели итог исследованиям о Петре I, опубликованным в XVIII в., и послужили основой для дальнейшего изучения Петровского времени.

Де-Бизэ, голландский резидент при дворе Петра Великого.

Берхгольц Фридрих Вильгельм или Берггольц, или Беркгольц (Friederich Wilhelm von Bergholtz) – обер-камергер, автор известного «Дневника», род. в 1699 г., ум. в конце 1765 г.

в Висмаре. Сын голштинского дворянина, генерала русской службы, участвовавшего в осаде Выборга (1710 г.) и в прутском походе Петра Первого (1711 г.).

Есипов Григорий Васильевич – историк. Окончил в 1830 г. курс в спб. университетском пансионе, в 1864 г. причислен к министерству двора, где с 1882 г. заведует общим архивом. Плодом архивных занятий Е. по истории XVIII в. явилась, начиная с 1851 г., ряд исторических статей и беллетристических очерков в «Русском Вестнике», «Русской Речи», «Русском Слове», «Отечественных Записках», «Русской Беседе», «Русских Ведомостях», «Русском Архиве», «Русской Старине» и др. журналах.

Дмитрий Иванович Иловайский (11 февраля 1832, Роннебург – 15 февраля 1920, Москва) – русский историк. Автор знаменитого гимназического курса русской истории.

Николай Михайлович Карамзин (1 (12) декабря 1766, с. Михайловка (Преображенское), Казанская губерния – 22 мая (3 июня) 1826, Санкт-Петербург) – русский историк-историограф, писатель, поэт, почётный член Петербургской Академии наук (1818). Создатель «Истории государства Российского» – одного из первых обобщающих трудов по истории России. Редактор «Московского журнала» (1791—1792) и «Вестника Европы» (1802—1803).

Самуэль Коллинс (Samuel Collins, Сэмюэл Коллинз, Самуил Коллинс, 1619—1669 или 1670) был врачом царя Алексея Михайловича в 1659—1666 гг. Доктор медицины, обучавшийся в Кембридже и Оксфорде, он был приглашен в Россию англичанином Хебдоном, посланным царём нанимать различных специалистов в Европе. Автор сочинения «Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне Сочинение Самуэля Коллинса, который девять лет провел при Дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича».

Архиепископ Георгий (в миру Григорий Иосифович Ко-нисский; 20 ноября 1717, Нежин, Черниговская губерния – 13 февраля 1795, Могилёв) – архиепископ Могилёвский, Мстиславский и Оршанский, философ, общественный деятель. Причислен к лику местночтимых святых Белорусского экзархата Русской православной церкви в 1993 году.

Иоганн Георг Корб (ок. 1670 – ок. 1741) был секретарем австрийского посольства И.Х. Гвариента, отправленного в Москву в 1698 г. На протяжении всего пребывания в России И.Г. Корб вел дневниковые записки, в которых фиксировал важнейшие события, происходившие в стране. И.Г. Корб первым из иностранных авторов описал Россию при Петре I. Австрийский дипломат стал свидетелем одного из

самых драматических событий петровского царствования – стрелецкого восстания 1698 г. Исключительно ценным является описание И.Г. Корбом кровавого «стрелецкого розыска», находящее детальное подтверждение в русских источниках.

Николай Иванович Костомаров (4 (16) мая 1817, Юрасовка Воронежской губернии – 7 (19) апреля 1885) – общественный деятель, историк, публицист и поэт Российской империи, автор многотомного издания «Русская история в жизнеописаниях её деятелей», исследователь социально-политической и экономической истории России, в особенности территории современной Украины, называемой Костомаровым южною Русью и южным краем.

Григорий Карпович Котошихин (или Кошихин; он же Иван-Александр Селицкий, ум. 1667) – русский чиновник Посольского приказа, перебежавший в Швецию и создавший по заказу шведского правительства обширное сочинение, являющееся важным источником по истории России XVII века. Котошихин был казнён в Швеции за уголовное преступление.

Михаил Николаевич Лонгинов (14 ноября 1823, Петербург – 4 февраля 1875, Петербург) – известный русский литератор, писатель, поэт, мемуарист, библиограф, историк ли-

тературы и одновременно видный государственный деятель, крупный чиновник, губернатор Орловской губернии (в 1867—1871 годах) и, наконец, главный цензор России, начальник главного управления по делам печати Министерства внутренних дел (с 1871 года – и до дня своей смерти).

Маркиза Креки де, современница Вольтера, автор недостоверной биографии принцессы Шарлотты, жены царевича Алексея Петровича.

Роберт К. Масси, современный американский историк. Его трёхтомник «Петр Великий» представляет собой подробную биографию русского императора, одну из версий его жизни в контексте русской и мировой истории.

Александр Данилович Меншиков (6 (16) ноября 1673, Москва – 12 (23) ноября 1729, Берёзов) – российский государственный и военный деятель, сподвижник и фаворит Петра Великого, после его смерти в 1725—1727 – фактический правитель России. Имел титулы Светлейшего князя Российской империи, Священной Римской империи и герцога Ижорского (единственный русский дворянин, получивший герцогский титул), первый член Верховного Тайного Совета Российской империи, президент Военной коллегии, первый генерал-губернатор Санкт-Петербурга (1703—1727), первый российский сенатор, полный адмирал (1726).

Генерал-фельдмаршал (1709), при Петре Втором – генералиссимус морских и сухопутных войск (12 мая 1727).

Мурзакевич, Николай Никифорович – историк и археолог (1806 – 1883). Окончил курс в Московском университете по нравственно-политическому отделению; был профессором русской истории в Ришельевском лицее, позже его директором. Основал одесское общество истории и древностей российских, в «Записках» которого поместил ряд статей по нумизматике, истории и археологии.

Николай Иванович Павленко (род. 15 февраля 1916 в станице Уманской Ейского отдела Кубанской области) – российский историк и писатель, заслуженный деятель науки России, специалист по отечественной истории XVII—XVIII вв. Член Союза писателей (с 1987). Профессор.

Перри Джон, караблестроитель, был приглашён в Россию Петром Первым для работы на верфях. Автор сочинения «Другое и более подробное повествование о России».

Никифор Вяземский, учитель царевича Алексея Петровича. Шести лет царевич Алексей стал учиться грамоте по часослову и букварю у Никифора Вяземского, человека простого и мало образованного, знакомился также с «естеством письмен, ударением гласа и препинанием словес» по грам-

матике Карион.

Михаил Петрович Погодин (11 (23) ноября 1800, Москва – 8 (20) декабря 1875, Москва) – русский историк, коллекционер, журналист, писатель, публицист, беллетрист, издатель, профессор Московского университета. Член Российской академии (1836). Сын крепостного, получившего вольную в 1806. Окончил Московский университет (1821). Примыкал к литературно-философскому кружку «любомудров», в который входили Дмитрий Веневитинов, Иван Киреевский, Степан Шевырёв, Владимир Одоевский и другие.

Пушкин А.С., великий русский поэт. Собирал материалы к неосуществлённой «Истории Петра Великого».

Румянцов А. Офицер, участвовавший в заграничном поиске царевича Алексея Петровича и доставке его в Россию. Автор записки «Казнь царевича Алексея», считающейся историками недостоверной.

Михаил Иванович Семевский (4 (16) января 1837, с. Федорцево Великолукского уезда Псковской губернии, – 9 (21) марта 1892, Кронштадт), русский историк, журналист, общественный деятель. Издатель знаменитых сборников «Русская старина». Впервые опубликовал мемуары А. Т. Болотова (1870), Я. П. Шаховского (1872), Эрнста Миниха, сына

известного фельдмаршала (1891), а также мемуары и письма декабристов.

Сергей Михайлович Соловьёв (5 (17) мая 1820 года, Москва – 4 (16) октября 1879 года, там же) – российский историк; профессор Московского университета с 1848 года, ректор Московского университета (1871—1877), член Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук (1872), тайный советник.

Ступин М., историк и юрист, работавший в девятнадцатом столетии, автор исследования «История телесных наказаний в России от судебныхников до настоящего времени».

Терновский (Филипп Алексеевич, 1838 – 1884) – писатель. Сын московского священника, получил образование в Московской духовной академии; читал церковную историю в Киевском университете.

Тургенев Александр Иванович (1784—1845), обществ. деятель, археограф и литератор, брат декабриста Н. И. Тургенева, друг В. А. Жуковского.

Николаа́й Герасимович Устряялов (4 мая (16 мая) 1805, с. Богородицкое, Малоархангельский уезд – 8 июня (20 июня) 1870, Санкт-Петербург) – историк, археограф, педагог, про-

фессор русской истории Санкт-Петербургского университета, академик Санкт-Петербургской Академии наук (1837). Декан историко-филологического факультета Петербургского университета. Автор гимназических учебников истории.

Хакобо Франсиско Фитц Джеймс Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика (1696-1738) – английский аристократ, прямой потомок королевы Шотландии и Франции Марии Стюарт (1542-1587), после падения английской королевской династии подданный Испанской короны. Хакобо Франсиско Фитц Джеймс Стюарт де Лириа-и-Херика становится на три года первым постоянным испанским посланником при русском Дворе, где и написал свой замечательный «Дневник» и «Донесение о Московии в 1731 году».

А.С.Чистяков, русский историк, автор монументального труда об эпохе Петра Великого.

Натан Яковлевич Эйдельман (18 апреля 1930, Москва – 29 ноября 1989, Москва) – советский писатель, историк, литературовед.

Эрнст-Август, герцог (1614-1716), младший брат английского короля Георга I-го.